

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2025

**К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ
И САТЕЛЛИТАМИ**

А. А. Дейнека. «Оборона Севастополя»

Ф. П. Усыпенко. «Ночной бой»

**К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ
И САТЕЛЛИТАМИ**

Знамя Победы над рейхстагом в Берлине

М. И. Хмелько. «Триумф победившей Родины»

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2025—2(77)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Литература, как образное отображение исторической памяти, в постисторическую эпоху человечества..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ОЧЕРК

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 19

Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантазмагория..... 35

Максим Ершов. Кукша Печерский (историческая повесть)..... 48

Людмила Алтунина. Сибиряки идут!.. Славные сыны Алтая (главы из документальной книги)..... 67

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Скоблов. Рассказы..... 83

Инна Важдаева. Дело об украденном домовом..... 101

Александр Ралот. Ополченка..... 108

Егор Козлов. Лабиринты судеб..... 111

Валентина Еремеева. Пасека..... 117

Николай Макаров. Разведчики 106-й гвардейской. Фельдшер разведывательной роты..... 120

Алексей Яшин. Новеллы из цикла «Жизнь как сон»..... 128

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Елизавета Баранова (Весина). Нам хочется жить..... 153

Кристина Денисенко. В менюэте туч..... 160

Яков Шафран. Пусть закончатся русские беды!..... 164

Николай Еремин. Хруст на зубах. Два эпитафия..... 172

Олег Пантюхин. «Воздух ночи...»..... 177

Екатерина Рупасова. За пустым столом..... 178

Анатолий Лебедев. Утешение..... 180

Александр Мальцев. Боли той не вымолвить..... 184

Анфиса Третьякова. Бог дал нам время..... 186

Игорь Игнатъев. «Зима приходила ночью...»..... 191

Наталья Романова. Монмартр..... 195

80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ В СТИХАХ НАШИХ АВТОРОВ

Валерий Сухов. Нет выше обелиска..... 197

Антонина Максютенко. Юбилей Великой Победы..... 200

Валерий Акимов. 80 лет нашей Победы.....	201
Юлия Широкая. «Победе восемьдесят лет...».....	206
Людмила Авдеева. Пройдем по Красной площади с Победой.....	211
Сражающееся слово! (подборка стихотворений о войне).....	217
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Юлия Зими́на-Кондакова. Обзор журнала «Приокские зори».....	226
Таисия Кучерюк. Секреты успеха Евгения Скоблова, или Открывший мир в почтовых марках.....	228
Игорь Отчик. Великая Отечественная война в произведениях советских писателей.....	233
Евгений Асташкин. Кожаные переплеты.....	242
Дмитрий Аникин. Пяст. Кошмарный человек.....	246
Надежда Григорьева. Роман жив? Вопросы последнему читателю (рецензия на книгу Алексея Яшина «Пир в Валгалле»).....	251
Владислава Васильева. Только дожди и птицы.....	256
Евгений Асташкин. В тенетах параллелей.....	263
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	266

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) —
 зав. отделом прозы
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Владислава ВАСИЛЬЕВА (Узловая)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) —
 зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) —
 председатель Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
 Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Владимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) —
 зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) —
 Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная»
 (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)
 — журнал «АлександрЪ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
<http://www.pz.tula.ru>
<http://www.tro-spr.ru>
 Портал «Журнальный зал»:
<https://magazines.gorky.media/page/portal-zh>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

ЛИТЕРАТУРА, КАК ОБРАЗНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, В ПОСТИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо —
Живою кровью принесенных жертв.*

Максимилиан Волошин. «Подмастерье».
Из книги «Selva oscura»

Историческая память человечества и генофенотипическая память человека. Выдающийся французский историк первой половины XX века (в 1944 году расстрелян гестаповцами) Марк Блок пишет в предисловии к своей знаменитой книге*: «...Наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти. Этому способствовало все — и наследие христианское, и наследие античное. Греки и латиняне, наши первые учителя, были народами-историографами. Христианство — религия историков... У христиан священными книгами являются книги исторические... Христианство исторично еще и в другом смысле, быть может, более глубоко: судьба человечества — от грехопадения до Страшного суда — предстает в сознании христианина как некое долгое странствие, в котором судьба каждого человека, каждое индивидуальное «паломничество» является в свою очередь отражением: центральная ось всякого христианского размышления, великая драма греха и искупления, разворачивается во времени, т.е. в истории. Наше искусство, наши литературные памятники полны отзвуков прошлого (выд. нами.— А.Я.)» (С. 7—8).

Настоящее человека живет образами прошлого. И через настоящее, текущее во времени, воображаемое человеком будущее замыкается на прошедшее, собственно и образующее историю в обычном ее понимании. И оптимистичные, вообще-то во многом пафосные, утверждения навряд «человек хозяин своей судьбы», то есть текущего настоящего и личного будущего, правомочны лишь в вероятностном плане. А вот прошлое, историческое, даже во многом приукрашенное или тенденциозно искаженное, суть истина. Хранима же она в памятниках искусства и литературы, как пишет Марк Блок... и вынесено нами в утвердительную часть названия данного очер-

* Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка: Пер. с фр.— М.: Наука, 1973.— 232 с. (Серия «Памятники исторической мысли»).

ка: *литература есть образное отражение исторической памяти*. Но сначала остановимся на собственно феномене исторической памяти.

Таковая рассматривается в двух соподчиненных ипостасях: историческая память человечества и генофенотипическая память индивидуального человека. Они именно взаимно соподчинены: память человечества, что и есть история, питает память человека образами прошлого, а память конкретного человека, даже если он «не Бог, не царь и не герой», мельчайшей песчинкой, Архимедовым псаммитом*, запечатлевается в исторической памяти...

Появляясь на свет, человек в статусе ребенка мыслит исключительно образами. И в таких образах за считанные годы младенчества и раннего детства воссоздает в своей генофенотипической памяти (генетическая, интуитивно неосознанная + фенотипическая, индивидуально накапливаемая) абрис *всей* эволюции человека — от обретения нашим далеким предком качества самоосознающего мышления до человека нынешнего**. Потому и сказал Лев Толстой, что от пятилетнего ребенка до него (то есть великого писателя в возрасте его всемирной известности) всего один шаг, а вот от новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние.

Взрослея, а значит и умнее — в смысле постижения знаний о мире, — человек понимает, что его образного мышления недостаточно для постижения этих знаний, требуется вхождение его в ареал исторической памяти, укрупненно включающей в себя *in summa* знания о мире завершающего этапа эволюции человека, что и есть период цивилизации и культуры — где-то последние десять тысяч лет... Такая историческая память человечества преимущественно запечатлена в памятниках письменности — от пещерных наскальных рисунков-символов, далее Розеттского египетского камня (открыт Шамполионом), папирусов и месопотамских глиняных табличек Хамураппи, затем Гутенбергова изобретение печати и так далее вплоть до нынешнего вождения сухонькими пальчиками по экрану смартфона... будь он не к ночи помянут.

Существенно, что вплоть до сравнительно недавнего наступления постисторической (термин принадлежит Фукуяме, американскому философу японского происхождения; «параллельное» название — постиндустриальное общество) эпохи человечества, относимого к последней трети XX века, человек *мыслил в доминанте образности*. Во многом даже в сугубо научных отраслях познания. Именно поэтому историческая память человечества, запечатленная в памятниках письменности, образна в своем представлении. И именуется она литературным представлением исторической памяти... даже если речь идет о философских трактатах. Поэтому совершенно естественно, что — опять же до торжества постисторизма! — нобелевские премии выдающимся философам (сам Альфред Нобель не любил философию и математику, не включил их в номинации премии своего имени...) присуждали по разряду литературы! Например, в первой половине прошлого века такими лауреатами стали Анри Бергсон (за труд «Творческая эволюция») — выдающийся французский философ-эволюционист, а также еще более известный британский философ-логик и математик Бертран Рассел. И, конечно, литературный философ Жан-Поль Сартр... хотя бы он и отказался получать эту премию. Были же времена, когда «нобели» по литературе получали мыслители-естественники, а не нынешние певцы-гитаристы, редактора «опозиционных» газет и иные «акулы пера либерального толка»... Бог с ними! А вообще-то это яркое свидетельство деградации человечества, симптом глобального расчеловечивания.

* «Псаммит, или исчисление песчинок» — название сочинения Архимеда.

** Наше видение эволюции человека и его будущего см. в продолжающейся серии книг (на сегодняшний день издано 22 тома): Яшин А. А. «Живая материя и феноменология ноосферы», — публикуемой с 2007-го года в различных издательствах Москвы, СПб, Твери, Тулы. В электронной форме см. на ведущих научных сайтах — по поисковику: ФИО и название серии монографии.

Итак, образность исторической памяти человечества несомненна. Что же касается генофенотипической памяти индивидуального человека, то весь многотысячелетний период цивилизации и культуры отложился в ней — посредством памятников письменности и культуры — также в образах. Действительно, заставьте себя вспомнить... ну что в голову придет? например, кодовые слова: «Древняя Греция» или «Древний Рим». Ведь не цифры дат, не численность жителей Афин и Рима, даже (экивок в нынешние меркантильные времена) не сегодняшний курс динария, тетрадрахмы, пула, таланта (вроде как четыре кило серебра?), никакое оцифровывание не вспомнится, но как живые выскочат из подсознания в активную память здания Парфенона и Колизея, фигуры древнегреческих жрецов, фаланги македонских воинов, римские легионеры в полной боевой экипировке... да, могут и денежные единицы тех эпох в памяти всплыть — но только у коллекционеро-нумизматов.

Образность субъектов истории как прерогатива творческого литературного самовыражения. Под субъектами истории понимаются совокупно все пространственно-временные события, объекты и процессы эволюции человека. Выше мы уже определили их как образные в восприятии человеком. И обратная связь: творческое самовыражение человека зиждется на образности представлений. Тем более литературное самовыражение. Выше говорилось об образности исторической памяти — это в восприятии, где образы истории канонизированы... другое дело насколько они истинны? Но в целом дроблений и вариаций в восприятии человеком артефактов истории особых-то и нет. Есть лишь детализация — насколько она запечатлена в памятниках истории, преимущественно письменных.

Иное дело творческое, особенно литературное самовыражение. При всей сложности конструирования писателем своего произведения («*свой путь пройдя до середины, я очутился в сумрачном лесу*»), он мыслит *исключительно* образами — как историческими, так и современной ему действительности. Более того — даже фантастика не выходит за рамки образности. Ярчайший пример — это равнозначность утопий и антиутопий, чему мы посвятили один из предыдущих очерков. Идеологические установки в утопии и антиутопии суть диаметрально противоположные, но образы субъектов предполагаемой истории получаются, как ни верти, ни крути, одинаковыми. Сравните классику того и другого: собственно «Утопию» Томаса Мора и «1984» Джорджа Оруэлла, «Город солнца» Томмазо Кампанеллы и «Мы» Евгения Замiatина. А все потому, что создатели этих произведений социальной фантастики исходят из одних и тех же образов исторической памяти человечества и собственной генофенотипической памяти. Действует непререкаемая аксиома психологии творчества: пределы самой изощренной фантазии не выходят за рамки образов, запечатленных в исторической памяти и памяти генофенотипической. Могут возразить со ссылкой на популярный сейчас жанр *фэнтази*, в книгах которого можем, например, найти многостраничное научнообразное описание морфологии летающих космических ящеров (!?), причем совершенно отличных от образнозримых в памяти птеродактилей из школьных учебников зоологии. Но здесь следует попридержаться коней воображения: тпр-ру! Ибо фэнтази, в отличие от сходной по смысловому звучанию фантастики, не являются *естественным* предметом литературного самовыражения, а идеологически запрограммированным — Великим глобализатором, так это назовем — *неестественным* продуктом искусственно патологизированного мышления.

Поясним более понятным, тем более сейчас постоянно муссируемым СМИ, примером. Половые извращения, суммируемые в известной аббревиатуре, относятся к *врожденным* патологиям психики. Так это до окончания 1960-х годов* трактовалось

* То есть с конца 1960-х — начала 1970-х годов, которые принято считать предтечей глобализации с ее расчеловечиванием, изъятие из МКБ такой трактовки представляется архипонятным...

в самом авторитетном в мире справочнике МКБ-*<указывается номер очередной редакции его>*, то есть Международная классификация болезней. И частота таких врожденных патологий указывалась в 2—4 %, что соответствует частоте других психических заболеваний, той же шизофрении.

В то же время, если верить СМИ (а они иногда и правдивыми бывают, когда появляется социальный заказ... или приказ?), в последние два десятилетия в западном, так называемом «цивилизованном мире», он же «золотой миллиард», указанный естественный, врожденный процент заметно превышен, причем с явной тенденцией к ускорению этого превышения. То есть налицо переход от *естественной*, врожденной патологии к идеологически запрограммированной, искусственно возвращаемой, *не врожденной* патологии.

Возможно кто из читающих эти строки поморщится: дескать, сомнительное сравнение: литература и патология? Но мы их успокоим, пояснив, что в обобщенном понимании этого термина вовсе нет какого-либо обязательного указания на болезненное состояние. Патология есть *отклонение от нормы* — и все! Да, в приведенном сравнительном примере извращенческая патология — выраженное заболевание. Но вот в творческом самовыражении отклонение от нормы — в сторону *превышения* ее, разумеется — суть движения по цепочке: способность → осознанное дарование → мастерство → талантливость → гениальность.

...Давно до нас это сказано. А известный врач-психиатр, художник и публицист Г. В. Сегалин, издававший в 1930-е годы в Свердловске журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)», высоко оцененный в отечественных и европейских медицинских и литературных кругах (Горький, Ромен Роллан, Россолимо, Ганнушкин и др.), как раз и ввел термин *эвропатология*, то есть в высшей степени позитивное превышение некоторой усредненной «нормы» творческого мышления. Но... термин этот не прижился. Скорее всего из-за ассоциации с пугающим словом патология как болезнь. Тот же известный факт, что среди выдающихся писателей (имярек — общеизвестны) также наблюдается и превышение нормы психопатологии, увы, тема отдельная. О чем много писал Г. В. Сегалин в своем журнале, а также видный русский психиатр В. Ф. Чиж (1855—1922). Все это доступно в том же интернете, а книги Чижа были переизданы в девяностые годы. Интересующиеся да обратятся к ним.

Итак, на развернутом примере жанра фэнтези — от противного, как принято в математике — показано, что отступление от образности в творческом литературном самовыражении дезавуирует сам ее предмет. Творческое вырождение по Фридриху Ницше и Максиму Нордау... Как сказал первый из названных в апологию реальности:

*И все мужчины повторяют тот припев:
«Нет! Нет! К чему нам неизвестное?
Галдя про небо, колокол блажит.
Мы не желаем в царствие небесное!
Земное царствие пусть нам принадлежит!»*
(«Песни Заратустры»; пер. А. Парина).

Синхронность и асинхронность объектов литературного творчества и текущего исторического времени. ...Трижды извиняемся за столь «технично» звучащие слова. Не хотелось бы уподобляться СМИ, которые как привяжутся к той же «локации», «функционалу», «логистике» и прочей «генерации», что даже домашние утюги китайчато эхом отдают: «генерасия», «локасия»... А уж в части брендистого «искусственного интеллекта» все успели отчитаться: хлебопеки и операторы машинного доения коров, наробразовские чиновники и офисные менеджеры и криветки... Опять же Бог с ними! Мы же, извинившись, уточним по-русски: есть текущее историческое

время и объекты литературного творчества. Возможны следующие их соотношения: литература отображает современность — это синхронность, а когда такое отображение делает своим объектом иное время, прошлое, безотносительное или абрисное будущее (фантастика, предвидение и пр.), то это асинхронность.

Вроде бы формальное разделение, но... только на первый, не анализирующий взгляд. Опять же с позиции образности литературного отображения действительности: современной и иновременной.

Образное отображение действительности, вне всякого сомнения, есть прерогатива поэзии. Служители этой громокипящей («А говорят что ветренная Феба, купая Зевсова коня, громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила») музы живут и творят исключительно образами... даже «датские поэты» — непреходящая специфика отечественной поэзии (отчасти и прозы) — не могут обойтись без их главенства; что-то навряд: «Петр Иванович, дорогой, покачал ты головой — крутолобой, чуть седой. Сфинкса мудрость, льва осанка, щедр как скатерть-самобранка. Все бананы продадим, конкурентов разорим...» И так далее на многокилометровый рулон — от учрежденческого поэта фирмы «Русский банан».

Современность или многозначительная вневременность — вот на что направлено острое гусиного пера поэта. А если экспромт, то и без него можно обойтись.

Но вот проза, если это не фантастика, преимущественно питается образами прошлого, в любом случае — прошедшего. Неважно какой временной длительности: вчерашней или отдаленного тысячелетиями. Очень метко это передает словами своего любимого персонажа Шерлока Холмса Артур Конан Дойл: «Все это тени прошлого, которые могут ожить только с помощью вашего пера» (Холмс обращается к доктору Ватсону). Причем образность запечатлевается в памяти человека, что называется, не «все до кучи», не разрозненно, вневременно фрагментарно, но в строгой временной последовательности исторической памяти.

Опять же проще на житейском примере разъяснить. Представьте себя морозным, вьюжным зимним вечером расположившимся на уютном диванчике с (книгой у старших поколений, смартфоном у остальных возрастных групп) в руке. Где-то в отделении, в другой комнате рокошет телевизор, кто-то из домочадцев смотрит. Тем не менее ваш слух непроизвольно отмечает отдельные реплики. И столь же непроизвольно подсознание фиксирует эти реплики образами, «привязанными» к конкретному историческому времени. Вот донесся фальцетистый, в меру нагловатый голосишко: «Дайте, пожалуйста, *тройной* капучино», — тотчас образ нынешнего офисного клерка всплыл. Но вот донеслось сказанное мужественным баритоном: «Мне, девушка, флакон *Тройного* одеколона», — сразу понятно: наши советские люди! Но... наши-то наши, сразу понятно: никаких тебе лицемерных «спасибо — пожалуйста», не по-русски звучащих «приятного дня», «доброго вам вечера», а по интернету и вовсе «доброго времени суток!» Но вот потребность в одеколоне ставит образную память в тупик: побриться-освежиться одно дело — вся советская эпоха с двадцатых годов; а вот, допустим, для приема вовнутрь? — Это другое, конкретное время эпохи Меченого с его «борьбой с трезвостью». А это уже другие, более конкретные исторические образы.

Отмечена закономерность: чем многоплановее, грандиознее событие истории, тем дальше по времени написания отстоит от него литературное отображение события. Здесь классика — «Война и мир», написанная Львом Толстым спустя более полувека (год издания 1869-й) после войны 1812-го года. И такая асинхронность объяснима: большое видится издалека.

С другой стороны, малые литературные формы обычно ориентированы на текущую современность. Такова почти вся рассказовая литература. А вот приди в голову писателю сочинять те же рассказы, новеллы, небольшие повести, словом все что с конкретными фабулой и сюжетом, на темы афинской, карфагенской, римской жизни

античных времен? Что бы вышло? — потеря читателя. ...Со школьных времен регулярно перечитываю Николая Семеновича Лескова. Он у меня идет из русской классики по категории любимых авторов — наряду с Достоевским. Раз в три-четыре года ставлю на «читаемую полку» его одиннадцатитомник 50-х годов издания — в красных тисненых переплетах — и читаю с первого по последней теме. Но... пропуская лесковские переложения древних легенд. Замечательно, по-лесковски добротнo, образно написаны, но, что называется, ни уму ни сердцу. Впрочем, это мое личное восприятие.

Сказанное о синхронности и асинхронности объектов литературного творчества и текущего исторического времени подводит нас к следующему утверждению. Литература суть образное отображение исторической памяти человечества, проявляющееся в индивидуальном творческом самовыражении посредством художественных образов, формируемых активным сознанием <писателя>, извлекающим их из подсознания, база образов которого накапливается генофенотипически, как обретение исторической памяти человечества в жизненном цикле человека <писателя>.

Такое утверждение, в свою очередь, приводит нас к выводу: литература — с акцентом на определении «художественная» — имманентна исторической памяти и только факту ее наличия обязана своим существованием.

Историческая имманентность классической литературы. Великие творческие эпохи (по Ромену Роллану). По законам Мироздания любой эволюционный процесс является циклическим; обоснование такой цикличности зиждется на диалектическом <Гегль — Энгельс> законе перехода количества в качество, памятном по школьным урокам и вузовским лекциям. В творческой эволюции (термин Анри Бергсона; см. выше) человечества такие переходы в новое качество знаменуются мощными интеллектуальными взрывами, которые для художественного творчества, искусства в целом, Ромен Роллан назвал *творческими эпохами*. И «проиллюстрировал» их серией книг о музыкальном творчестве, о великих композиторах.

Еще более очевидны творческие эпохи для литературы. Они самоочевидны и хорошо знакомы образованному человеку в части европейской литературы. Мощнейшим из них стало Возрождение, подготовленное литературой Позднего Средневековья и возрожденными традициями античности. Эпоха Просвещения XVII века дала взрыв французской и английской литературы. Как своеобразное «эхо» ее — немецкая литература конца XVIII — первой половины XIX века. Совершенно особняком стоит феномен норвежской литературы окончания XIX — первой трети XX века (Бьёрнстjerne Бьёрнсон и Кнут Гамсун — знаковые здесь имена).

При всей своей исторической молодости русская литература также имеет — при ретроспективном взгляде на нее — свои творческие взлеты. Несомненно это 20—30-е годы девятнадцатого века: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, «арзамасцы». И далее уже не называя хорошо известные имена: расцвет «дворянской» литературы сороковых-пятидесятых годов, пересекшийся с взлетом литературы «разночинной» 1860—80-х годов; Серебряный век русской поэзии; реализм окончания этого века и первой четверти века двадцатого. Советский период русской литературы выраженными творческими периодами имел два послевоенных времени: после революции и Гражданской войны, а далее после Великой Отечественной войны — та же «лейтенантская проза», вылившаяся в пятидесятые-шестидесятые годы в советскую классику. «Шестидесятники», «деревенская проза», интеллектуальная литература (круга Андрея Битова) — также значимые творческие всплески.

Такая выраженная цикличность (или ритмичность? — пожалуй так правильнее), проиллюстрированная на примерах творческих эпох, опять же есть свидетельство в пользу исторической имманентности литературы, уже ставшей <к нашему времени> классикой: национальной, эпохальной, мировой... даже идеологической. То есть уж из примеров перечисленных выше творческих эпох видна взаимная связь в последо-

вательности: история → историческая память → литература → творческие эпохи. Это означает, что творческие эпохи совпадают с коренными социальными переломами. Та же эпоха Возрождения во всеевропейском ареале, далее расширившемся на европоцентрический мир, завершила феодальное Средневековье и через два столетия породила принципиально иную общественно-экономическую формацию. И литература Европы изменила свой творческий статус и содержание.

Точно также, но в национальном масштабе, в 1861-м году, с принятием *«Положения 19 февраля»*, завершился взлет русской «дворянской» литературы, передавшей эстафету отечественного литературного процесса разворачиванию творчества литераторов из разночинного сословия. Этот интереснейший период «смены веков», начиная с предыстории 1850-х годов, — не только для историков литературы, но для всех любителей русской словесности в ее развитии — достаточно полно отражен в русской мемуарной литературе, как развернутые свидетельства очевидцев, вращавшихся в литературных кругах Москвы и Петербурга того времени, в том числе известных и знаменитых писателей того времени. Это, разумеется, «Былое и думы» А. И. Герцена (особенно 4—6-я части); «Литературные воспоминания» Д. В. Григоровича; «Воспоминания» В. А. Панаева (инженера-путейца из разветвленной семьи Панаевых, связанных с литературой и литераторами, двоюродный брат Ивана Ивановича Панаева, активного участника тогдашнего литературного мира). Литературные мемуары принадлежат и перу П. В. Анненкова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и др. Но истинным шедевром, по-женски дотошно и пронизательно написанными, действие которых развивается «вокруг» знакового Манифеста 1861-го года, являются мемуары видной общественной деятельности последней трети XIX века Е. Н. Водовозовой, жены известного педагога, коллеги и соратника К. Д. Ушинского, В. И. Водовозова. ...Точно так же, как мемуары «Записки писателя» Н. Д. Телешова есть ценнейший материал по изучению реалистической литературы конца XIX — начала XX века.

Тот очевидный факт, что литература во многом, скорее в основном, есть образное отражение движения истории, следует из «исторического жанра» первых, древних памятников письменности. Что мы знаем о таковых древнерусских? — конечно, летописи, создаваемые в XII—XIV веках монахами в монастырях. Что же касается памятников с художественной доминантой, то имеем всего лишь «Слово о полку Игореве»... да и то без <утраченного?> оригинала или древнего списка с оригинала. Еще достаточной художественностью обладает «Слово о погибели Русской земли», созданное в XIII веке и дошедшее до нас в древнем оригинале или списке с него, обнаруженном Х. М. Лопаревым. Судя по записанным в XVIII—XX веках собирателями фольклора устным песням и балладам («Борис и Глеб», «На поле Куликовом», «Симеон Гордый», «Иван Дудорович и Софья Волховична» и до полусотни других), относящимся — в многовековой устной передаче — к древнерусским, устным же источникам, то их содержание преимущественно историческое.

Если литература — в ее традиционном художественно-образном понимании — не может существовать без исторической памяти, собственно без фиксируемых событий истории, то и без литературы историческая память сохранялась бы в ущербном виде. Не исключением являлась бы и память о самом близком прошлом, например, о нынешних глобалистских, гибридных временах. Но — это тема последующего содержания очерка. Полагаем краткое введение, а для кого-то и напоминание, в историческую ипостась литературного творчества достаточным.

Постистория — постгуманизм — постлитература: незашиоренный взгляд самодостаточно мыслящего человека. Мы объединили понятия постистории, постгуманизма и постлитературы (первое из них введено Фукуямой, второе общезначимо, постлитература замыкает данную триаду в привязке к нашей тематике), как терминологически определяющие историю, человека в его социальном статусе и

предмет литературы на эволюционном этапе биосферно-ноосферного перехода (см. выше).

Постистория понимается как потеря человечеством «интереса» к своей социальной истории, истории культуры и цивилизации. Здесь слово «интерес» закавычено по причине упрощения более сложного понятия — для смысловой акцентации. Ведь только индивидуальный человек может потерять интерес к чему-то, в житейском общении — к кому-то и так далее. Человечество же, обобщенный социальный поведенческий разум, не располагает роскошью «потери интереса», ибо руководствуется не личной волей и представлением (как у Шопенгауэра), но ведомо эволюцией человеческого социума. Понятно, что ход этой эволюции, даже сконцентрированный всечеловеческий, всепланетный разум в любом своем целенаправленном действии изменить не в силах.

Поэтому и этиологию Конрада Лоренца с фундаментальным его открытием об обгоне человеком своей эволюции не следует понимать буквально. Да, человек оразумленный «взял свою будущность в свои же руки», но... опять же по указанию эволюции, для ускорения этой самой своей будущности. И вот на этапе биосферно-ноосферного перехода, то есть в настоящее время, человечеством его история уже не востребована. *Именно в том смысле, что ему не нужны уроки истории, а значит и историческая память!*

За этим утверждением следует естественный вопрос: что произошло? Почему иссяк интерес к истории и уже ненужным стал артефакт исторической памяти? Ответим следующими словами. В биосферный период эволюции человека, к окончанию которого и мы, нынешние, причастны, историческая память является как накопительной, так поучающей. Хотя в ходу приказка: история ничему не учит. Да, она не учит в поведенческом плане индивидуального человека, который «на ошибках учится». Но в повторении исторических циклов, о которых говорилось выше, человечество во многом руководствуется коллективной, социумной исторической памятью.

Смотрят в душу строгие портреты...

Речи книг звучат темно и разно...

Любишь ты вериги и запреты,

Грех молитв и таинства соблазна.

(Максимилиан Волошин, «Облики»; из книги «*Selva oscura*»).

Но с началом перехода к ноосфере индивидуальный человек роботизируется, в определенном смысле передавая свои функции самодостаточного мышления социумной организации. Под последней в данном случае понимается вся совокупность системного механизма объединения человечества. На настоящий момент времени таковой механизм все более, в стремительно нарастающем темпе вырисовывается в форме глобализации — материализации того феномена, что уже длительное время, скорее всего со времен масонских лож, именуется конспирологическим Тайным мировым правительством. Понятно, что такой «административной инстанции» не было и быть не может. Глобализация эволюционно самоорганизуется точно так же, как подспудно, «без руководящей роли...» в течении всей 10000-летней эпохи цивилизации и культуры человечество этносоциализировалось и через пассионарные рывки (по Л. Н. Гумилеву) создавало свою историю. Как вымышленный Великий инквизитор Ф. М. Достоевского, так и виртуальный Великий глобализатор, но уже в наблюдаемой нами, всем человечеством, реальности, создает всемирный *человекник* (понятие это, по аналогии с муравейником, пчельником, термитником *etc.*, введен А. А. Зиновьевым) с его «учетными единицами» — биороботами без малейших артефактов исторической памяти, которая ими не востребована. «За нас Великий глобализатор мыслит» — так переиначим печально известную формулу пробного варианта расче-

ловечивания, имевшего место быть в не столь уж далекой истории... впрочем, повторяющейся.

Расчеловечивание, то есть постгуманизм, оно же биороботизация, шагает в ногу с наступающим постисторизмом и не является чем-то демонизирующим, страшно-пугающим, апокалиптическим с эффектом внезапности. Тем более это не относится к биологической сущности человека: что-то, но биоэволюция (по Дарвину и Ламарку) обратного хода не имеет — принцип «стрелы времени» Ильи Пригожина. То есть расчеловечивание не есть «возврат к обезьяне», как на популярной карикатуре 70-х годов — тиражируемая по программе для ЭВМ и распечатанная на принтере, она неизменно украшала лаборатории и конструкторские залы всех НИИ и КБ страны... Другое дело — все возрастающие успехи биомедицины в биопротезировании на основе квазибиологических, полимерных и неорганических материалов. Как радостно сообщают СМИ, человек не столь уж отдаленного будущего вторую половину своей (искусственно удлиненной) жизни вполне может встретить в виде биотехнически протезированного робота...

Другое дело постгуманизация как потеря <традиционным> человеком биологическим разумным, *homo sapiens sapiens*, канонических гуманитарных его качеств. Определяющие из них: самодостаточность мышления, сохранение индивидуальности в социумной организации, морально-этические поведенческие нормы, историческая память как базис будущеоптимизма. Вот эти-то качества доселе человек биологический разумный стремительно утрачивает в настоящее время. Далеко за примерами ходить и не надо: что называется, выгляните в окно, посмотрите на экран телевизора-дебилизатора и так далее. Все это знают, но по инстинкту самосохранения («под крылом страуса») гонят эти мысли от себя. Здесь лидирует Америка. Уже Диккенс сказал: «Миссия Америки — опошлять Вселенную». Ему вторит и Томас Манн: «Америка — это страна, пришедшая к цивилизации, минуя этап культуры». Не зря эти определения в последнее время столь часто вспоминают, как и бальзаковское: «Если вокруг все горбатые, то стройность кажется уродством»...

Естественным следствием вступления мира в постисторическую эпоху с ее расчеловечиванием является и тризна по былой литературе с ее художественными образами и подпиткой от исторической памяти. Но раз былая история, историческая память уходит из жизни человека, всего глобализуемого человечества, то и литература становится пыльным артефактом. Действительно, уже сейчас, еще на подступах к дегуманизации — расчеловечиванию, чтение почти полностью вышло из обихода среднестатистического человека. Даже достаточно примитивный жанр детектива потерял своих читателей. Равно как и эротическая литература — попутная задача расчеловечивания: выхолащивание человека в главенствующих инстинктах...

Образы исторической памяти и современной истории уже не могут питать ни писателя, ни читателя. А как же иначе? если расчеловечиваемый индивидум утратил историческую память, а значит не обращается в своем бытии к хранилищу своего подсознания, «отключенного» от сознания активного, которое, в свою очередь, включено в массмедийный генератор информационного шума (на эту тему будет отдельный очерк). Остается дьявольское изобретение квазилитературы — рассмотренное выше фэнтези. Зачем образное мышление человеку — Мегамашине Великого глобализатора?

*Машина победила человека:
Булл нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.*

.....
Машина научила человека

*Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество...*
(Максимилиан Волошин, «Машина»;
из книги «Путями Каина»).

Именно фэнтези, стремительно пришедшее к нам из уже расчеловеченной Европы и Америки, «легально перешедшая границу» после снятия с нее мощной советской стражи, в том числе и стражи нашей традиционной культуры, литературы в первую очередь, являет собой квазилитературный эрзац, не опирающийся ни на йоту на историческую память и художественную образность. Это не остаток-«осадок» от былой словесности, но ее эрзац-заменитель. ...Печально, девушки, печально. Опять же «интересно девки пляшут»: расхристанные, аморальные, бездумные, выведенные в инкубаторах глобального челоуейника. Придет время, когда и фэнтези станет высокой литературной классикой... но и она потеряет своих последних читателей. Объясним почему.

Гибридизация интеллекта современного человека с угнетением образного мышления: от слова к цифре. Стихийно-яросный большевик Макар Нагульнов из «Поднятой целины» Шолохова мечтательно рассуждает в кругу своих соратников о светлом будущем с всеземной победой коммунизма, отмечая что все будут во всем равные, не будет ни границ, ни отдельных государств, даже национальностей и рас — люди будущего станут одинаковыми даже внешне: «смугленькие все такие».

...«Утопия и антиутопия — одного поля ягоды» — так озаглавили мы один из предыдущих очерков данной тематики. Не мог знать простой мужик, пламенный революционер Макар Нагульнов, а возможно и мудрый, выдающийся советский писатель, нобелевский лауреат Михаил Шолохов, что советский социализм, создавший сверхдержаву СССР, есть хотя и опережающий, но — пробный ход истории, то есть эволюции человечества. А она избрала в качестве магистрального пути другой вид социализации — глобализацию с расчеловечиванием. Таких вот «смугленьких» и готовит сейчас Великий глобализатор. Понятно, Михаил Александрович и его персонаж здесь ни причем.

...А «причем» здесь эволюция, если и сворачивающая со своего магистрального пути, то только затем, чтобы точнее нащупать его. Гибридизация мышления понимается равно как и гибридизация всех сторон жизни современного человека: от гибридных «революций» и войн до гибридной экономики и продуктов питания — пресловутые ГМО и пищевые эрзацы. Опять же здесь пояснения излишни. В аспекте литературного процесса, как связующего творца художественного слова с его читателями, акцент ставим на гибридизации мышления. Причем как писателя, так и читателя, ибо социальный эволюционный процесс, равно как и любой другой эволюционный, не является избирательным. «Богатые тоже плачут» — верное «житейское» определение.

Писатель и читатель плывут в одной лодке, что есть совокупный, взаимозамыкающийся литературный процесс. Поэтому и гибридизация их мышления идет в параллель; опять же взаимозамыкание. Что есть гибридизация в литературном творчестве, опять же как со стороны создателя произведения, так и со стороны читателя? Гибридизация есть антитеза специализации. В части литературы последняя понимается как разделение жанров, в каждом из которых выкристаллизовывается высшее творческое образное самовыражение творца произведения. Со стороны же читателя — утончение воспринимающего вкуса. То есть он ценит не только талантливо, добротнo, своевременно и пр. написанное, но и тонко чувствует образную специфику конкретного жанра. Пардон, по аналогии с собачьей выставкой: заводчик или просто квалифицированный владелец животного выставляет для всеобщего обозрения призывную собаку конкретной породы, а посетитель данного зоологического вернисажа

«с ученым видом знатока» оценивает — в эстетическом вкусе или в деньгах, если имеет виды на приобретение щенка — достоинства любимой им породы... Еще раз извиняемся, но там и там первостепенны образы: у писателя мыслимые виртуально, на выставке наблюдаемые *in vivo*.

Но вот в жизнь нашу пришла незваной гостьей гибридизация, будь не к ночи она помянута,— полная противоположность специализации. Понятно житейски, что это означает в деле собаководства: «смугленькие» дворняжки, все обликом на одну морду. В словесности же формально, по форме построения, жанры сохраняются, хотя все больше подчиняются тенденции... ну-у, скажем так, преобладания своего рода «тягучего белого стиха» в усилении неявной ритмики. Что-то навроде синтеза фэнтази с рэпом. Но внутри жанра образность представления тускнеет, размывается, что и есть гибридизация <условно> творческого самовыражения, как следствие эволюционно навязываемого человеку гибридного мышления. По принципу: ни богу свечка, ни черту кочерга... И читателем образы литературы уже воспринимаются не *in vivo*, но *in vitro**, говоря терминами биомедицины.

Продолжая аналогии с данной отраслью естествознания, проассоциируем гибридное мышление с состоянием человека со спутанностью мыслей в голове, как при том же гриппе, либо же у метеозависимого во время магнитных бурь при вспышках на солнце. О похмельном состоянии политкорректно умолчим...

В «переучиванье» на гибридное мышление Великий глобализатор в качестве ударной силы использует массмедийные СМИ, вещающие в режиме информационного шума, о чем выше уже упоминалось. Но стратегическое угнетение образного мышления выполняется переходом «от слова к цифре» — постоянно присутствующий в телерекламе девиз и посыл к действию. Подробно см. в книгах «Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление» и «Глобальное расчеловечивание» из указанной выше серии монографий.

Цифра безобразна, тем более в двоичном кодировании, чужда образному литературному самовыражению. Слово же образно преимущественно. Даже если эта образность морально-этически несет самоотрицающий смысл. «Мысль изреченная есть ложь», а Стендаль («Красное и черное») вторит: «Слово дано человеку, чтобы скрывать свои мысли». Но ведь именно игра художественного воображения на противопоставлении позитивных и негативных образов и есть основа построения литературного произведения! «Цифра в голове» делает мышление усреднено-нейтральным, безэмоциональным, отторженным от какой-либо образности. Цифровизация (цифрофрения в нашей терминологии) технического мышления есть одновременно и капкан для мышления художественного, образного.

Отключение человека от исторической памяти — базиса образной, «одним кликом». Телерекламные штучки-дрючки навроде <сделать то-то> «одним кликом», «одним лайком»... много еще чего одним нажатием клавиши или одним прикосновением к экранчику гэджика (от слова «гад», но с английским прононсом? — ну это я так образно понимаю),— простодушно выдают стратегию Великого глобализатора по расчеловечиванию, так сказать, «в быту». К сожалению, как Василий Иванович Чапаев жаловался ординарцу своему Петьке на незнание языков, так и аз есмь несведущ в нынешнем американо-нижегородском диалекте, поэтому, как и слово «гэджик», все эти клики, лайки, посты, блоги и пр. воспринимаю исключительно образно: окликнуть, взлать, попоститься. Мову же такую гибридную не выучил, во-первых, из отвращения к слащаво-гавкающей англо-американской речи; во-вторых, это мне без надобности: *интернетом-уманетом* не пользуюсь, а русскому языку хорошо обучили в знаменитой на весь Северный флот и его окрестности средней школе № 1

* *In vivo* — живую, опыт на живом; *in vitro* — опыт в пробирке (лат., термины экспериментальной биомедицины).

<ныне> Города воинской славы Полярного, а основательно закрепили в Литературном институте имени А. М. Горького.

...Таковая прелюдия поясняет рассказанный знакомцем, как раз профессионально работающим в сфере обработки больших «гигов» и бери выше! информации, кошмарный сон (накануне в его организации имел место быть предпраздничный банкет-достархан «с подачей»). Обычно в дружеских беседах с участием таких вот «компьютерщиков» их поддевают: «Что, Гриша, опять, ложаешься почивать, поставил на тумбочку два стакана: один с водой, если ночью пить захочется, а второй пустой, если до утра не проснешься?»

И не напрасно поделывают: трудовое бытие определяет сознание — таким авторитетам, как Маркс с Энгельсом, можно верить безоговорочно. Вот и знакомый мой содержанием сна, хотя бы и после достархана, подтвердил и утверждение классиков, и анекдоты про компьютерщиков. В полном соответствии с законами психологии подсознательного мышления, снилось ему продолжение трудовой деятельности: чистовая проверка итогов квартального труда, содержащего полдесятка терабайт информации. Как человек опытный в своей профессии, итоговый этот объем, записанный в памяти компьютера, он продублировал хранением на внешних накопителях — сразу три штуковины, рассчитанные на пару терабайт, затребовал у отдельной кладовщицы.

Приятным раннемайским утром вошел он, бодрый, с утреннего свежачка, в здание *своего* учреждения, прошел в *свою* комнату, попутно дурашливо заигрывая со встречаемыми девицами-молодицами, уселся перед *своим* компом, нехилым по моще, из числа тех новых, что на днях установили взамен прежних, устаревших, набрал пароль к квартальному отчету и — от восторга относительной молодости, бодрой утренней погоды и поощрительного кивка челкой встреченной им в коридоре Леночки, с которой... ну, это дело личное — пропел на старинный советский мотивчик «мой отчет в инте лети у шефа с остановкой». И даже игриво изобразил выгнутой правой рукой этот виртуальный полет гигантского числа двоичных цифр... и рукавной пуговкой пиджака, оказавшейся под запястьем, нажал на пару клавиш. С ужасом прочитал на экране монитора: «Отчет <шифр такой-то> удален». «Надо же как кликнул!» — с ужасом подумал он, но здесь же и успокоился, усмехнулся и достал из нужного ящика мудрено сконструированного стола — рабочего места три плоских, размером со смартфон, пластиковых дощечки накопителей филиппинской фабрикации.

«Черт! Что за ерунда,— подумалось ему, когда штеккер внешнего кабеля накопителя заерзал, не желая входить в гнездо компьютера... и похолодел от ужаса: ведь отчет сбросил на накопители буквально перед заменой компьютеров! и пропустил мимо ушей — накануне Леночка дала свое согласие на служебный роман и только что прошедшей «ночкой темною» материализовала это согласие, то есть с утра был в восторге, а организм находился в блаженной невесомости — разъяснение начальника отдела о перезаписи информации с прежних компьютеров на новые накопители посредством переходников. Обратная же запись с прежних накопителей в память новых компьютеров, увы, невозможна: у них принципиально иная операционная система.

...Опасаясь сойти с ума, закричал в полную мощь дыхалки — и счастливо проснулся.

Испытанный моим собеседником, человеком еще молодым, ужас во сне на самом деле есть отражение действительного ужаса, нависшего над человечеством. Если, конечно, задуматься и не прятать голову под страусово крыло. Ведь уже сейчас, только на подступах к глобализации, историческая память — в форме оцифрованных памятников письменности, не говоря о *полностью* переведенной в электронную форму представления *всей* информации, циркулирующей в последние десять-пятнад-

цать лет — виртуальным тщанием Великого глобализатора сосредоточена в сетевых телекоммуникационных хранилищах. И обозримо недалеко время *полного* исчезновения текущих «бумажных» письменных документов, включая произведения литературы. Параллельно, массовое «общение с компьютером» вытравляет из головы человека слуховую и зрительную память.

В итоге человек в части исторической памяти становится полным заложником Великого глобализатора, который — в своем управляющем виртуальном качестве — единственный решает: кому, как и в какой полноте должно соприкоснуться с памятью о прошлом, настоящем и даже о самом себе. Главное, что в устройстве Мегамшины полной глобализации будет предусмотрена та самая «клавиша», аналог информационного «ядерного чемоданчика», нажатием которой та или иная часть глобализованного мира, а то и весь он в своей полноте, «одним кликом» может быть отключен от исторической памяти, а значит взамен образного представления мира человечество получит только цифровое виртуальное общение. Илон Маск не даст соврать... Скажете фантазия почище фэнтази? Вот вам свежайший пример: отключение России в последние годы от всех международных банковских систем!

*...На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;
Ноги
Стесал, как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынуд душу, вдунул людям пар.*
(Максимилиан Волошин, «Пар»; из книги «Путями Каина»).

Перспективы выживания литературы в условиях угнетения памяти: «искусство для искусства», «датская поэзия» (и проза), «писать в ящик стола», «катакомбное творчество». Чтобы сходу не витать в эмпиреях, обратимся к нашему времени: вроде и историческая память пока еще налицо, хотя бы и плотно взята под контроль — где умолчанием (Западом в отношении России), а в иных местах и буйной фантазией (одно наше сопредельное государство...), но мировыми СМИ, что все на платной службе у Великого глобализатора, успешно угнетается. Хотя литераторы люди и простецкие, но в части своего ремесла очень даже пронизательные. Нутром своим творческим чувствуют приближение апокалипсиса... это как столяры-краснодеревщики первой половины прошедшего века чувствовали скорое приближение времени ширпотреба из древесно-стружечной плиты, а далее и вовсе пластмассы.

Современный писатель очутился волею мировых судеб, то есть эволюции человека, в чудовищном положении, а именно, перефразируя марксистскую формулу о революционной ситуации: литераторы не могут понять новые вкусы читателей, а последние не хотят читать произведения традиционного направления. Вернее и точнее говоря, они вообще не желают ничего читать. А вот сочинители никак не могут «сойти с дистанции»: слишком мощный разбег взяла художественная литература на десятилетия (в километрах поболее Транссибирской магистрали!) пути цивилизации и культуры. Так разогнал паровоз словесности, особенно на перегоне XIX — первой половины (у нас и вовсе со второй) XX веков, что тормоза глобализации не в силах пока преодолеть инерцию движения. Вот бывших читателей — и почитателей! — в считанные десятилетия (опять же у нас в «лихие девяностые») уложились... застопорили... с помощью электронно-сетевого стоп-крана: в Силиконовой долине (шт. Калифорния, США) нобелевские умы с командой исполнительных голов, собранных со всего света, тотчас разработали схмотехнику и топологию дешевых

компьютеров и гаджиков, а в Китае, Южной Корее, на Филиппинах и пр. их растиражировали в миллиардах единиц. И каждому из жителей Земли вручили экземпляры таковых — заметьте, *не по потребности, а по искусственно созданной необходимости*. Дальше и нынешний младшеклассник все знает.

Надежд на возврат прежнего, квалифицированного читателя никаких, а творческий «паровоз вперед летит»... хотя в глобализме остановка — окончание рельсового пути, но как же не хочется тормозить творческую образную мысль! Отсюда и проверки по всем, ранее проторенным путям.

Искусство для искусства? — декаденты и другие эстетствующие литераторы, преимущественно поэты, рубежа XIX и XX веков выбросили этот девиз не от дефицита исторической памяти, тем более современной им, сверхнасыщенной, но по причине впадения в другую крайность: образной пресыщенности и самолюбования творцов ее. Словом, «Я гений Игорь Северянин...» Но замечательный этот поэт Игорь Васильевич Лотарев, уроженец Череповца, был титулован Королем поэтов, победив трибуна Маяковского. Но как печальна участь нынешнего последователя эстетического девиза!

«Мирискусники» 1900-х годов все же изящно лукавили («Она вошла в моторный лимузин, эскизя страсть в корректном кавалере...»): они жили, питались в своем творчестве образами исторической, хотя бы и современной им, памяти и прекрасно понимали, что как бы они не купались «куртуазно маньерёзно» в своей образности «для себя», все одно без читателей они не останутся. И не просто читателей, но переполненного зала Политехнического музея! Но даже призрачной надежды на это нет у нынешних «мирискусников».

«Датская» поэзия и проза, уже упомянутые выше, «писание в ящик стола» и «катакомбное творчество» в той или иной степени могут некоторое время «держаться тормоза» все того же паровоза на литературном пути. Понятно, что «датская» поэзия есть ныне муза учрежденческая, стенгазетная, но таковая же проза в документально-публицистическом варианте хорошо держится — по административным заказам к официальным юбилеям. И типографии с завезенным в девяностые — начальные двухтысячные годы западным печатным оборудованием пока что функционируют.

Писание в ящик стола и «катакомбное творчество» (это не с политическим подтекстом, но любительская кружковщина; нечто в нем от салонной литературы девятнадцатого века) есть возврат к традициям начальной литературы. В России окончание XVIII — первая треть XIX века. Но если это было оптимизмом творческих предшественников грядущей «большой литературы», то ныне знаменует ее окончание.

«Жив курилка!» (по Ромену Роллану) Или включите историческую память! Прочитанный в школьные годы «Кола Брюньон» всегда приходит на помощь, когда с оптимизмом туго становится. Так и в невеселых этих размышлениях о современной литературе с иссякающим родником, питающим ее — образным отображением исторической памяти, имея в виду надвигающуюся постисторическую эпоху человечества.

Человек одновременно живет прошлым, настоящим и будущим. В зависимости от конкретного, индивидуального психологического типа (по К. Г. Юнгу), та или иная доминанта усилена или ослаблена. Пессимист все более склоняется к прошлому; уравновешенный в чертах характера сангвиник довольствуется настоящим, равно как и оптимист. Но он и в будущее с надеждой смотрит. И так далее. Так и с предметом нашего интереса — литературой и «обслуживающих» ее писателей и читателей.

Нет худа без *добра* — самое последнее время наглядно иллюстрирует эту народную мудрость, а именно: «директивное» включение исторической памяти в связи с известными событиями, то есть очередной для России блокадой ее со стороны глобализованного Запада. Правильнее будет — «золотого миллиарда» с его прихвостнями

на разных континентах, в том числе среднеевропейскими, исторически привычными жить-поживать при чьем-то дворе, и некоторыми бывшими «советскими социалистическими», вытешенными Россией — СССР из дремучего феодализма или вырванными из лап многовековых «опекунов».

Эта блокада с «железным занавесом» похлеще предшественника 1920—30-х годов и призывом «отменить» все русское — от языка до культуры — тем самым *добром* имеет, надеемся не столь сиюминутное, определенное выпадение России из путей глобализации, о принадлежности к которой еще совсем недавно с гордостью неофитов вещали в СМИ крупные отечественные чиновники и прислужники олигархата. О котором, кстати говоря, тоже сейчас ни полслова...

А как следствие такого выпадения — определенное изменение содержания «пропагандистского вектора» в СМИ. Понятно, что остался информационный шум, каналы на ТВ с чистой голливудчиной, с «обжорным рядом» и пр. Но усилен акцент на отечественную историю, отчасти и на русскую литературу. Правда, от быстроты «смены вех» несколько топорно это все получается. Но — Бог не выдаст, свинья не съест. На том пока и аминь!

...Максимилиан Волошин в своем программном стихотворении «Дом поэта» (впервые опубликовано в «Новом журнале» (Нью-Йорк) в 1952 году) такой совет дает вневременному литератору:

*Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все — Европа и Россия,
Гражданских смут горячая стихия
Развевается... Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтомуживитекущим дням.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистоцим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*
(Выделено нами.— А.Я.).

...Коль скоро выше мы упомянули классику утопии («Утопия» и «Город солнца») и антиутопии («1984» и «Мы»), то вспомним роль литературы в этих социальных фантазиях. Если в утопическом устройении будущего роль ее служит сугубо интересам государства — общества, своего рода аналог «датской» поэзии и прозы, то в антиутопиях это есть преследуемая <глобалистской?> властью попытка индивидуального человека сохранить в образах историческую память. То есть писатели-антиутописты четко понимают, что образное художественное творчество, во-первых, есть прямой враг глобализованного человеки и подлежит полному забвению — уничтожению; во-вторых, наличие таких «катакомбных» творческих людей даже в составе полностью отлаженной глобальной Мегамшины свидетельствует: образное художественное творчество в той или иной форме самовыражения будет существовать до последнего самодостаточно мыслящего человека. Об этом пишет выдающийся современный философ и публицист, автор предисловий ко многим книгам упомянутой выше нашей многотомной серии монографий «Феноменология ноосферы»

Александр Иванович Субетто (СПб) в своей книге «Исповедь последнего человека» (в интернете при желании найдете).

И еще одно *nota bene* в завершении очерка. Следует отличать исторических писателей (Лажечников, Загоскин, Ян, Бородин, Вяч. Шишков, Сергиев-Ценский, Натан Рыбак и многие другие) и писателей, создающих произведения, строящиеся как образное отображение исторической памяти. Первые целенаправленно берут за сюжетную (и идеологическую) основу историческую фактологию, облакая ее в художественную «оболочку». А вот вторые — *то есть все* талантливые писатели и поэты — за базис берут не историческую фактологию, но в образном своем самовыражении подсознательно творят в русле направляющей их перо исторической памяти. Даже если их образы вневременны или будущежны. Здесь вершинами являются тысячестраничные «Беседы Вельзевула со своим внуком» Георгия Гурджиева (кстати, однокашника Иосифа Джугашвили по семинарке) и «Улисс» Джеймса Джойса, а также семитомная «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста. Читайте да обрящете...

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ОЧЕРК

Олеся Янгол
(г. Тула)

АРХИТЕКТУРА РАЯ Главы из романа

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

5. Ригас

— Я скину его на Четвертый ярус в два счета! — гневно восклицала Анифа, приводя меня в чувство на следующее утро. — Он же знал, что вы еще крайне слабы.

Анифа напоила меня чем-то густым и приятным на вкус. Я тут же почувствовал себя лучше. Улыбнулся. Головная боль отступила.

— Не казните Лерака, я сам попросил.

— Милый Адан, — Анифа положила руку мне на голую грудь, — вы нужны мне здоровым.

В ее взгляде я вновь увидел глубоко скрытое, но едва сдерживаемое желание.

— Я хочу видеть Ивею. Вы говорили, она уже выходит в парк.

Взгляд Анифы мгновенно стал стеклянным, улыбка затвердела. Она явно что-то скрывала.

— Кто она вам, эта хрупкая птичка?

— Я должен отчитываться? — мне уже начинало надоедать пристальное изучение моей персоны.

— О, что вы, друг мой! Мы все тут свободны.

Прекрасное лицо Анифы вновь ожило и засияло светлой улыбкой.

— В саду вас ждет завтрак, — выходя из комнаты, сказала Анифа.

— Так я могу увидеть Ивею?

— А Ивеи нет. Она, как только встала на ноги, тут же покинула нас.

И Анифа исчезла за закрывшейся дверью. Эта новость, брошенная Анифой как бы между прочим, ошеломила меня настолько, что я еще долго сидел, пытаясь осмыслить услышанное.

После завтрака вновь вышел в парк. Я не знал, что делать, за что цепляться...

Как искать Ивею и правда ли то, что сказала Анифа? Мне необходимо было встретиться с Ригасом. Но спрашивать о нем у Анифы я уже не рисковал. Она затеяла какую-то игру.

Увидел издали Лерака, махнул рукой. Он хоть и был странный, но я чувствовал, что в чем-то могу на него положиться. Да и выбора у меня не было. Больше я здесь никого не знал. Сегодня он блистал прозрачной длинной туникой ярко-голубого цвета, сквозь которую просвечивали узкие рыжие брюки.

— Ты любишь осень? — весело спросил он, присаживаясь на скамейку рядом со мной.

— Да. Я любил выбираться на Верхнее плато, когда все становилось золотым, красным...

— И рыжим, как мои штаны,— смеясь, сказал он.— Сегодня я олицетворяю осень. Надоело вечное лето! Уже двенадцать лет — лето, лето, лето! Хоть бы уж гроза разразилась, что ли! Или дождь! Слякоть! Непогода! Как я хочу непогоды, друг мой. Хочу мрака и темноты. Они здесь устроили себе вечный Рай, но знал бы ты, как он утомляет. Когда меня тошнит от этого, я лечу в Мегакосм. Кстати, не отправиться ли нам вместе?

— Это город?

— Это правая часть яруса. Там реальная жизнь. И там я могу быть самим собой.

Взгляд Лерака стал серьезным и задумчивым.

— Мне нужно найти своего друга. Ты случайно ничего не знаешь о нем?

— А, тот старичок? Бедняга совсем ослеп.

— Где он?

— Хочешь к нему? Идем!

На территории парка, среди деревьев, прятались небольшие домики. В одном из них я увидел Ригаса. Он сидел на крыльце в плетеном кресле. Темные очки по-прежнему защищали его глаза. Или защищали нас от его взгляда?

Лерак оставил нас, пообещав вечером зайти за мной и смотаться вместе в Мегакосм.

Ригас сильно изменился. Я не узнавал в этом слабом согбенном старике прежнего крепкого, уверенного в себе человека.

— Адан!

— Ты видишь? — удивился я.

— Вижу, но не глазами.

Он улыбнулся, и улыбка была прежней. Это согрело мое сердце. Я присел рядом.

— Я многое должен спросить у тебя,— начал я.

— Не торопи. Все расскажу. Принеси-ка, сынок, из комнаты бутылку тахи. Сейчас она неплохо поддерживает меня.

Я разыскал бутылку и принес ее. Он сделал пару глотков прямо из горлышка.

— Проблема в том, что я заложник этого тела. А оно, сам видишь, никуда уже не годится. Но выбора у меня нет. Мы можем воспользоваться телом умирающего лишь раз.

— Кто мы?

— Надо ли тебе знать?.. Иногда мы необходимы этому человечеству. Особенно когда оно подходит слишком близко к пропасти.

— И сейчас мы у пропасти?

— У самого края, сынок. Время от времени среди людей рождаются те, кто способен видеть больше. И знания им даются не из книг. Они, как правило, изгои общества. Таким был и Ригас. Поэты, певцы, художники, ученые... Их всегда боялись власти. И по возможности приближали к себе, чтобы держать под контролем. И многие соглашались и становились системными. Но постепенно теряли себя. А те, кто не соглашался и продолжал жить изгоем, двигали прогресс, меняя жизнь. Только изме-

нения эти происходили незаметно для человечества. Но не всегда плохо то, что кажется. Иногда было лучше для всех, если какой-нибудь провидец «угасал» в славе и роскоши. Благодаря этому не создавалось новое оружие или идеи, разрушающие порой, заметь, похлеще оружия.

Карлица Ида способна была снимать информацию практически в чистом виде. Ей давались многие знания. Мы знали, что она работает над созданием Установки памяти. Но также мы знали, что ее ждет великое будущее под крылом властей. Она должна была «погаснуть» через какой-нибудь десяток лет, так и не доведя до завершения свой труд. Но случилось непредвиденное. Ты помнишь. Все взрослые из ее народа погибли в один день. А ей удалось добраться до Эвкаифа. И для нее были созданы все условия, чтобы работать дальше. Она завершила свой труд за три года. Но все лишь в записях. Ее труд попал в руки правителя Гипополам Лупус. И есть все основания думать, что установка готова.

— Но дядя Ивеи погиб, я видел его своими глазами.

Ригас долго молчал.

— Я не всемогущ, как ты можешь подумать. Но некоторыми способностями обладаю. Самую сильную ты испытал на себе. Еще я могу чувствовать, когда люди говорят неправду. Могу кое-что видеть. Чуть больше, чем видите вы, люди. Последние дни я вижу Ивею.

— Где она?

— Я не совсем правильно сказал — вижу. Это не значит, что я вижу ее, как можно видеть кого-то воочию. Я вижу ее чувством...

— И что ты видишь? — спросил я.

— Ее страх и растерянность. Сейчас она от кого-то сильно зависит.

— Я должен разыскать ее, — сказал я.

— Как ты себе это представляешь?

— Я не знаю. Я вообще не понимаю, зачем мы оказались здесь.

— Это была вынужденная мера. Там, на Первом ярусе, мы бы уже лежали в пропасти за стенами Делиона. А я не могу этого позволить. Ивея мне нужна живой. И мое тело нужно мне живым.

— Ты... Ты безумный!.. — вырвалось вдруг у меня.

Ригас ухмыльнулся.

— Душа слаба, сынок. Когда на кону жизнь всего человечества, душа приведет его лишь к еще более быстрой гибели.

— Я не понимаю тебя. Я считал тебя другим.

— Ты считал меня Ригасом. Но я не он.

— Теперь я это вижу.

— Ты можешь считать меня бездушным. Но сейчас мы должны быть вместе. Сейчас у нас с тобой одна цель — найти Ивею.

— Но как? Ты же сам признался, что не знаешь, как это сделать.

— Я знаю только одно — нам нужно ждать.

Я покинул Ригаса. Мне больше не хотелось называть его этим именем.

Вечером пришел Лерак. В саду нас ждал двухместный летон. Мы отправились в Мегакосм.

6. Мегакосм

Летон приближался к чему-то мрачному и бесконечно огромному. Массы вертикальных блоков врезались в небо. А когда мы влетели в город, они нависли над нами. Лерак заметил мое невольное удивление.

— Весь свет внутри. Снаружи он не нужен. Здесь разве что нищие обитают.

— Я помню Пятый ярус другим. Ярким, светлым, полным роскоши и жизни.

— Это в Открытом каскаде. Там деловая часть. Там только семьи высших.

— Что за семьи?

— Анифа тебе не говорила? — спросил Лерак.

— Те десять семей, что обосновались на левой стороне яруса?

— Да, они тут все держат. Мегакосм — вместилище рабсилы. Тут работают и живут десятки миллионов человек. Им устроили сносные условия. Но все равно, скажу я тебе, бардак. Меня сюда хоть и тянет время от времени, но жить я тут не собираюсь. Вот и вынужден прятаться за двуликостью. Если честно, никому мои визарды нафиг не нужны. Но пока я нужен Анифе и таким, как она, могу себе позволить роскошную жизнь. И в общем, друг, жизнь это скотская.

Мы влетели внутрь Мегакосма. Меня ослепил свет, и потребовалось время, чтобы привыкнуть. Потом я увидел город. Многоярусные каскады исчезали далеко внизу. Они не были похожи на наши привычные широкие каскады, с балконами, панорамными окнами и газончиками. Это походило, скорее, на клетки. Маленькие квадратные ячейки, светившие изнутри зеленым светом.

— В каждой такой живет семья, — указал на ячейки Лерак.

— Они же такие маленькие!

— Ну да, здесь человеку полагается столько места, сколько у него роста. Тебе бы досталось чуть меньше двух квадратов, — улыбнувшись, сказал он, — да и мне тоже. Мы, кажется, одного роста.

— Я уже много чего повидал, но такого маразма еще не приводилось.

— Эй, друг, не заморачивайся. Мы прилетели сюда, чтобы оторваться. Ты ведь выдержишь? Как ты, окреп?

Лерак взглянул на меня оценивающе.

— Сегодня будем пить и вдыхать все, что пьется и вдыхается. И будут женщины. Много женщин. Настоящих толстых, рыхлых теток. Вот о чем я мечтаю.

Лерак достал из-под сиденья какой-то узел.

— Надо привести себя в человеческий вид, — сказал он и принялся натягивать штаны и майку.

Через минуту в нем не было ни намека на двуликость.

— Ну что, врываемся в жизнь? — улыбнувшись, спросил он.

— Я бы сначала чего-нибудь перекусил.

— Не проблема. Знаю одну пещеру.

Мы вышли из летона и направились к внешнему лифту. Прозрачная труба быстро скинула нас в самый низ Мегакосма. Здесь не было столько света, как наверху. Скорее, даже было темно. На некотором расстоянии светились периметры входов в разные заведения. Здесь было слишкомлюдно. Со всех сторон неслись пьяные песни, люди вокруг нас обнимались, толкались, в общем, предавались жизни, как выражался Лерак.

— Весь вечер и всю ночь здесь идет нешуточная гульба. По-моему, жители Мегакосма вообще не спят. Как им это удастся, я не представляю. Крепкие ребята. Уважаю.

Мы вошли в галдящее дымное заведение. Здесь было очень жарко. Протолкнувшись сквозь толпу потных тел, нашли свободное место и сели.

— О, сколько тут теток! Настоящих, слышишь, реальных, горячих баб.

Глаза Лерака горели огнем. Он был возбужден не на шутку, оглядывал низкий зал и время от времени подмигивал то одной, то другой приглянувшейся ему женщине. Наконец, к нам подошла официантка. В отличие от так любимых Лераком теток, она была высокой и стройной. На ней было что-то дымчато-прозрачное, темно-зеленое с черным ажуром. Ярко подведенные глаза безразлично скользнули по нам. Я взгляделся в нее, и меня словно прошило мощным разрядом тока. Это была моя Лили. Моя бывшая жена...

Я смотрел на нее, не в силах промолвить слово. Она бросила на меня равнодушный взгляд, не узнала.

— Мясо, детка, и побольше тахи,— заказал Лерак.

Лили ушла. Быстро вернулась, сгрузила на стол тарелки и кружки и вновь скрылась в дыму.

Что же это? Моя Лили! А как же новый муж, повышение статуса, новые возможности? Я почувствовал, как у меня защемило сердце. Все же когда-то я любил ее. Когда-то мы были по-настоящему близки. И сейчас мне было больно видеть ее. Такую. Она казалась измученной, потерянной. Кусок в горло не лез. Я приложился к кружке и выпил залпом.

— Разделимся? — спросил я набивающего рот мясом Лерака.

— Как хочешь. Можем и так. Тогда через четыре часа встречаемся у летона.

Я встал и пошел искать Лили. За барной стойкой обслуживал художавый юнец.

— Я хочу видеть Лили,— прокричал я, стараясь пересилить шум.

— Она, кажется, на кухне. Сейчас гляну.

Бармен нырнул в заднюю дверь. Через минуту позвал меня. Я вошел в светлую кухню, бьющую в нос плотными ароматами еды.

— Иди до самого конца, там свернешь в коридор. Короче, разберешься.

Пройдя по темному коридору, я увидел единственную дверь. Постучал.

Никто не ответил. Я раскрыв дверь и вошел. Слабо освещенная комната оказалась спальней. Я увидел огромную кровать и напольный шар, мерцающий зеленым светом. Комната была пуста, но тут я услышал звук и заметил еще одну дверь, из-за которой показалась Лили. Теперь на ней было что-то ажурно-красное до пят. Она, не глядя на меня, скинула одеяние и легла на кровать в ожидании. Клиента?..

— Лили!

Мой голос заставил ее вздрогнуть, она резко села и внимательно взглянула на меня, ее глаза, и без того огромные, сделались еще больше. Уж кого-кого, но меня она явно не ожидала увидеть.

— Ты!.. Ты ли это или это привидение?

— Я.

— А мне показалось, я надышалась.

Лили потянулась за накидкой и укуталась в нее, словно вдруг застеснявшись своей наготы.

— Тебя-то как сюда? — спросила она.

— Долго рассказывать.

Она хмыкнула.

— А я-то уж подумала, ты пришел за мной.

— Ты бы хотела этого?

— Что?! Полная ерунда!..

Она сильно нервничала. Откуда-то из-под кровати достала блестящую палочку, щелкнула по ней ногтем и сунула в рот. Я не увидел дыма, того, что вдыхала в себя когда-то Дана. Но лицо Лили преобразилось, напряжение спало, ей явно сделалось лучше.

— Присядь,— сказала она,— у нас двадцать минут, не больше. Потом заканчивается смена, и я валю домой.

— Как ты живешь? — спросил я, присаживаясь рядом.

— Что? Тебе интересно? Тебе вообще была я когда-нибудь интересна? А? Ты вообще когда-нибудь...

Она замолчала, глядя на меня злыми глазами. Потом продолжила.

— Есть муж. И ребенок. Да! — сказала она громко.— Сын,— произнесла уже тише,— созданный. Но почти как настоящий. Если будем с мужем работать, сможем приобрести новейшую версию. И тогда он начнет расти и развиваться, почти как живой...

...Раз в неделю нам дают выходной, и мы стараемся выбираться за стены. Там мы

гуляем... Раньше я не понимала, что тебя так тянет на Верхнее плато, а сейчас... Адан! Адан!

Она вдруг кинулась ко мне, прижалась, из ее груди вырвалось рыдание. Я обнял ее. В горле застрял ком. Я не знал, что ей сказать.

— Но я счастлива. Слышишь? Счастлива. Меня угораздило влюбиться. Он такой же потерянный, как и я. Понимаешь? Я в ловушке. Я сама себе ее создала и попала в нее. Здесь ужасно. Плохо, тяжело. Я подрабатываю. Ты видишь, каким образом. Иначе мы не заработаем на новую версию. А мы хотим, чтобы наш сын был настоящим. Муж на трех работах. Я в баре и... тут. Он не знает. А я приношу в дом деньги, и мы можем откладывать. К следующему году у нас уже будет половина необходимой суммы. Если снова не увеличат налог.

Лили встала, ушла в другую комнату. Через какое-то время вышла оттуда, одетая просто, без прикрас, лицо без макияжа. Такой я и запомнил ее. Настоящей. Той, которую не довелось мне узнать, прожив рядом много лет.

7. Идея

Я не стал сидеть в баре оставшиеся три часа. Побродил немного по темным, грязным улочкам, то тут, то там наткнувшись на пьяные компании или парочки. Я думал о Лили — мне было больно за нее. Я думал об Ивее — мне было страшно за нее. Я думал о себе — беспомощный, ни на что не годный слабак! Я не смог составить счастье Лили. А теперь не знаю, как отыскать Ивею. Ригас сказал — ей страшно, она растеряна. Но что мне делать? За что зацепиться, чтобы отыскать ее?

Меня кто-то толкнул, вернув в реальность. Надо возвращаться наверх.

Летон завис в воздухе у края стоянки. Здесь так же, как и на Шестом ярусе, в Подмире, сновали светящиеся летоны. Выгружали пассажиров, загружали новых. Здесь в основном были многоместные летоны. Наш на их фоне выглядел не то чтобы шикарно, но как-то по-особому. Я сидел внутри и ловил на себе взгляды любопытных. Видимо, им я казался тем самым богачом слевой стороны яруса.

Вернулся Лерак. Трезвый и какой-то умиротворенный.

— Ну что, летим обратно? — спросил он.

— Скажи, здесь можно найти работу? — не отвечая на вопрос, спросил я его.

Он несколько удивленно посмотрел на меня.

— К чему тебе? Ты же под крылышком Анифы. Если правильно будешь себя вести, на тебя посыплются все блага сами собой.

Я помолчал. Я все еще ждал ответа на свой вопрос. Он, видимо, понял.

— Чем ты занимался на Четвертом?

Я рассказал. Лерак задумался и покачал головой.

— И все же объясни, зачем тебе работа?

— Нужно помочь одному... другу. Ты слышал о созданных детях?

— Ну, еще бы! Кто же о них не знает? Весьма прибыльное дело.

— И сколько стоит последняя версия?

— Не интересовался. Но сейчас узнаем. Это легко.

Летон слегка дрогнул и лег на воздух. Лерак ловко маневрировал среди потока летонов. Наконец, подлетев к какому-то зданию, завис в нескольких метрах от него. Перед нами светилась воздушная реклама, опоясывающая большую часть блока. Сама форма рекламы имитировала облако, но облаком не была. Постоянно меняющаяся информация неспешно парила полупрозрачной шапкой, сквозь которую просвечивали окна здания.

Я вглядывался в мелькавшие визоны, пытаюсь проникнуть в информацию, но улавливал лишь картинку. Языка я не знал.

— Всего один ф-кат. В общем-то, сушая мелочь, — сказал Лерак.

— Мне сказали, что надо работать не один год, чтобы набрать эту сумму,— удивился я.

— А! Ну, так это здесь, в Мегакосме. Да, тем, кто живет здесь, видимо, эта сумма кажется огромной. Но я готов заплатить тебе за идею одного визарда в два раза больше.

— Я в последнее время больше привык руками работать.

— Это самый дешевый труд. Тогда уж точно несколько лет копить придется. А ты бы мне действительно очень помог. Понимаешь, я весь выдохся. Отупел. Уже не вижу ничего нового, что могло бы восхитить и захватить ленивую публику. Я уже чувствую, как Анифа косится на меня недовольно. Особенно с твоим появлением.

— Что я ей?..

Лерак вывел летон из города, и нас окружила глухая тьма. Сегодня не было даже луны, и зеркальный Конус казался немым и холодным. Как вся эта странная жизнь.

— Разве ты не понял? Она сразу на тебя глаз положила. Ей ее папашка поперек горла уже давно. Он деспот. Рожает дочерей для своих услад. А если Анифа будет артачиться, тут же окажется на самом дне Мегакосма.

— Ты хочешь сказать, что отец и его дочь...

— Будет точнее сказать — отцы и дочери. Тут испокон веков так повелось. Как образовались эти семьи... Берут свое семья, скрещивают со здоровой яйцеклеткой — и готово. Через одиннадцать лет...

Не договорив, Лерак глянул на меня:

— Эй, друг, ты бледен, как луна. Тебя это шокирует? Хотя что я! На Четвертом культе семьи. Я помню. Даже бабушку...

Он надолго замолчал.

— Тебе плохо там жилось? — спросил я.

— Я просто был дурак. Не ценил. Когда сюда попал, меня закрутило.

Известность, слава, роскошь...

— А вернуться?

— Никому я там уже не нужен.

Я только сейчас стал осознавать, что наш Четвертый ярус, по сравнению со всеми остальными, был наиболее разумно устроен. Да, было тяжело. Но там сохранились еще какие-то разумные понятия. А может, я и ошибался. Наиболее разумная жизнь сохранилась на Третьем. Там было еще тяжелее выживать. Но там жили нормальные, здоровые люди, свободные от всех этих извращений.

— Один мой друг научил меня расписывать посуду. Составлять цвета, наносить узоры. Это было очень красиво.

— Ты даешь мне идею?

— Ну да. Что есть твои визарды? Кусочек реальной жизни.

— Иллюзии реальной жизни,— уточнил Лерак.

— Я думаю, это будет нечто новое. Не одним же сексом...

— Адан! А ты прав! Ты мне не одну идею подбросил. Ты открыл для меня кучу идей. Ведь можно что угодно делать. Ну, я не знаю... Например, цветы собирать, картины писать... Анифа одержима живописью. Если я создам подобный проход, я думаю, это ее надолго захватит. Да и всех остальных. Слушай, ты же сейчас сделал меня независимым. Ты знаешь, что это значит? Ты даже не представляешь, что это значит! Меня начнут покупать. И уже через пару месяцев я смогу купить огромную молекулу в Открытом каскаде. И плевать на всех. Я наконец-то смогу вернуть себе нормальный облик. И у меня будут жена и дети. Настоящие, живые дети.

8. Невидимая игра

Утром Анифа встретила меня с укором.

— Почему вы не сказали, что проведете ночь в другом месте?

— Вы сами сказали, что мы все свободны.

— Лерак возил вас в Мегакосм. Я знаю.

Анифа нервными движениями сервировала стол для завтрака. Изящная посуда опасно звенела в ее руках.

После вчерашней тахи болела голова. Сейчас мне хотелось одного — скорее позавтракать и пойти к Ригасу. Может, я и был на него зол, но он единственный в этом мире, кто хоть как-то связывал меня с Ивеей. Он был прав, когда говорил, что сейчас мы нужны друг другу.

Сегодня Анифа была в чем-то прозрачном. Я видел сквозь материю ее грудь и багровые соски. Отчего-то было неприятно. Хотя формы ее были безупречны.

— Зачем вам шлюхи? Кого вы предпочитаете — мужчин или женщин?

Кажется, сегодня она решила обрушиться на меня всей своей мощью. Я съел кусок пирога с маной, запил чем-то горячим и встал, намереваясь уйти. Анифа подошла ко мне.

— Вы сейчас совершаете большую ошибку,— тихо произнесла она,— со мной лучше дружить.

— А иначе?

Во взгляде ее читались боль и злость. Она вдруг поняла, что не властна надо мной.

— Если бы не просьбы моего друга, вы и ваши спутники давно бы гнили в Диких землях,— невольно вырвалось у нее.

— Я не знаю, как вы заботились об Ивее, но вот о своем друге вы, кажется, совсем забыли. Ригас почти не ходит. Я никогда не видел его таким изможденным.

— При чем здесь ваш, как его... Ригас? Скажите спасибо, что его не оставили умирать. Моему отцу нужна была только Ивея. А вот вы... Да, вы нужны мне. Как мужчина, и не более того. Это моя прихоть. Мое наваждение. Мне обрыдло удовлетворять своего...

Я не стал дослушивать. Вышел в сад и отправился к Ригасу. Он по-прежнему сидел в кресле на веранде. Вставал ли он за все то время, что мы не виделись? Глаза его были прикрыты. Он дремал.

— Когда ты в последний раз ел? — спросил я, заставляя его очнуться.

Ригас с трудом раскрыл глаза.

— Совсем теряю силы,— он слабо улыбнулся.

Я вошел в дом. На столе стояла чаша с фруктами. Но вид у них был уже не очень съедобный. Его, что, здесь морят голодом? Я отыскал среди фруктов наиболее свежий плод маны, вынес Ригасу.

— Ты можешь встать?

— Нет.

Сегодня я чувствовал, что нахожусь в хорошей форме. Пояс, что помогал мне при ходьбе, уже был не нужен. Я помог Ригасу надеть его. Он медленно поднялся. Слабые ноги неуверенно сделали пару шагов.

— Хорошая вещь. Этому телу весьма кстати.

— Нам нужно уходить отсюда. И как можно скорее,— сказал я.

— Мы должны дождаться Ивею.

— Почему ты так уверен, что она вернется? Мы должны сами начать искать ее! Здесь ведется какая-то странная игра.

Я был резок и раздражен. Все это начинало мне надоедать.

— Скажи, кто просил Анифу заботиться о нас? Я думал, это ты.

— Единственная возможность восстановить нас после Проникновения была только здесь, на Пятом ярусе. Здесь медицина достигла больших высот. Мне пришлось раскрыть местонахождение Ивеи. Она, как ты знаешь, дочь правителя Эвкаифа. Ее многие желали бы заполнить и использовать как рычаг давления на правителя.

— Ты все больше и больше удивляешь меня!

От возмущения я на какое-то время потерял дар речи.

— Значит, ее выкрали? Ты чудовище! — крикнул я.

— Сейчас ты думаешь так.

Старик тихо улыбался. Его темные очки прятали за собой непонятное мне существо. Смешанные чувства теснились во мне. С одной стороны, я чувствовал, что он не является злом. Но, с другой, я не мог понять его противоречивые поступки. Зачем он так с Ивеей? Что теперь будет с ней? И увидимся ли мы когда-нибудь?

Я вышел в парк. Направился к видневшемуся вдали озеру. Оно блистало на солнце. Изредка на поверхности появлялись круги. Какая-то рыба плескалась в воде. Вся эта красивая картинка Рая так не вязалась с моим внутренним состоянием.

Я давно потерял счет времени. И сейчас, как ни пытался, не мог вспомнить, сколько я уже брожу по миру. Но не это меня беспокоило. Больше всего прочего мучил вопрос — зачем? Зачем все то, что происходит со мной?

Я присел на берегу озера. Долго смотрел на прозрачную воду. Я видел, как мелькают рыбы, как колышутся водоросли, как играют тени на подводных камнях. Сорвав длинный стебелек, я кинул его в воду. Неожиданно из воды выпрыгнула рыба, расходящиеся круги вовлекли в свою игру стебелек. Он был весь во власти воды. Рыба, остановившись, наблюдала за этой игрой. Она казалась медлительной и старой. Она раскрыла большой рот и сомкнула его вместе с травинкой. Я резко вскочил и побежал. Сейчас мне хотелось просто бежать. До изнеможения, до опустошения моей черепной коробки.

9. Последний аргумент

Сегодня было безлюдно. Я не встретил ни одного человека. Хотелось увидеть Лерака, но я не знал, где его искать. Я забрался на высокий холм и смог наконец окинуть взглядом местность. Это действительно был Рай. По крайней мере, так его можно было себе представить. Ведь мне, человеку, рожденному в каскаде, нигде, кроме Верхнего плато, не доводилось видеть столько зелени. Я видел парки, озера, речку, весело блестящую на солнце. Среди деревьев прятались дома. Они не были высокими и состояли из череды различных построек, непрерывно переходящих одна в другую. Они казались воздушными из-за прозрачных стен, мягко сияющих тусклым золотом. Был ли это их собственный цвет? А может, клонившееся к закату солнце играло на их гранях. Здесь хотелось остаться. Но нас тут никто не ждал.

Я увидел крестоверт, зависший над домом Анифы. От него отделился летон и направился вниз. В сердце что-то кольнуло. Я почувствовал, что должен быть там, и стал быстро спускаться с холма. Пока я добежал до начала парка, расположенного вокруг дома, крестоверт скрылся за облаками. Вбежав в большой зал, я увидел каких-то людей. Среди них были Ивея и... ее отец. Ивея увидела меня и кинулась мне на шею.

— Вот видите, я выполняю все свои обещания, — сказал высокий стройный мужчина.

Он, улыбаясь, подошел к нам.

— Вот, значит, какой вы, Адан.

Его дружелюбный взгляд на мгновение застыл. Словно холодом повеяло. Выражение его лица напомнило мне Анифу. Он протянул руку.

— Афар, — мужчина вновь овладел собой.

Руку, протянутую мне, я не пожал. Он снисходительно ухмыльнулся и обратился к Ивее:

— Я приказал доставить и вашего второго друга. Все, как вы требовали.

Ивея крепко обнимала меня и, кажется, не слушала, что ей говорят. Афар понял, что здесь он лишний, и отошел к отцу Ивеи.

— Сегодня вечером состоится ужин. Я надеюсь, вы скажете народу все, о чем мы договаривались. А сейчас я покину вас. Дела.

Он и его окружение вышли.

— Ивея, Ивея...

Я не верил, что держу ее в своих объятиях.

— Теперь все будет хорошо, Адан. У меня ощущение, что я избавилась от оков.

— Но где ты была? И что тут делает твой отец?

Я посмотрел на него. Он, потерянный, стоял посреди зала, не зная что делать.

— Давайте выйдем отсюда в парк. Я все расскажу.

В парке, на скамье, мы увидели Ригаса. Ивея подбежала к нему, обняла.

— Прости меня, дочка, по-другому было нельзя,— произнес он.

— Все хорошо, Ригас. Отец, конечно, растерян. Но я рада, что случилось именно то, что случилось.

И Ивея рассказала нам все.

Она быстро приходила в себя после Проникновения. Может, потому, что было распоряжение уделить ей особое внимание. Уже через неделю выходила в парк. Когда она почувствовала себя полностью окрепшей, ее привели к Афару. Он, по сути, хозяин Пятого яруса. Все здесь принадлежит и подчиняется ему. Афар без обиняков сказал, что знает о ней все. Что обнаружить ее было большой удачей. И что теперь все быстро встанет на свои места. Ивее было предложено выбирать: либо она летит с Афаром на Седьмой ярус и уговаривает отца сложить полномочия, либо ей и ее друзьям грозит уничтожение.

Ивея рассказывала, а ее отец бродил среди деревьев. Казалось, что разум его держится на волоске. Он словно ничего не видел вокруг себя. Касался дерева рукой и долго стоял задумавшись. Мне было больно наблюдать за ним. Окончательно сломленный человек. В нем уже не было той силы, которую я видел тогда на Седьмом ярусе.

— Я сразу же согласилась,— говорила Ивея,— но я понимала, что мне предстоит очень трудный разговор с отцом. Его безумие, его упрямство мне были хорошо известны. Он просто мог перестать слушать меня и уйти. И тогда... нам всем бы пришел конец. Афар и его охрана сопровождали меня в тоннеле, а потом и в лифте. На Седьмом ничего не изменилось. Та же мертвая, гнетущая тишина и чистота. Лишь в части, где жил отец, беспорядок и хаос. Груда книг на полу, пыль, копившаяся годами. Он намеренно отключил систему обслуживания. Книги, книги, книги. Кажется, он весь ушел в них. Увидев меня, он побледнел и долго не мог поверить своим глазам.

— Ты до сих пор не покинула этот саркофаг? Кто из нас более безумен, ты или я? Ты не веришь мне? Скоро все это вместилище человеческих никчемностей взлетит на воздух. Довольно прочитать вот эти книги древних, чтобы понять, что все, о чем они пишут — правда! А пишут они о конце Эвкаифа. О том, что его конец был предопределен с самого его основания!

— Папа, я хочу, чтобы ты пошел со мной. Вспомни, как мы были счастливы там, на Третьем ярусе. Вспомни маму.

— Зачем ты напоминаешь о ней? Она давно мертва.

Я уже плакала от бессилия. Он был, как всегда, упрям.

— Она жива! — крикнула я.— Она не заходила в аннигиляционную камеру.

— Что ты болтаешь! Она оставила записку. Я до сих пор храню ее. Она... так и не поняла, кто я. Что я не волен в своем выборе. Она, так же как и ты сейчас, просила меня покинуть Седьмой ярус.

— Папа, она жива. Я знаю это от дяди. И я знаю, где она.

Наверное, мой дядя был единственным, кому он доверял в этом мире. Только это и заставило его прислушаться ко мне.

Потом с ним говорил Афар. Он требовал отдать ему цилиндр Преемственности.

Этот прибор настраивается на прикосновение определенного человека. И никто другой не сможет его коснуться, не будучи уничтоженным. И только отец знает код изменения настроек. Этот цилиндр является не только символом власти, но и доказательством того, что владеет им человек, являющийся правителем Эвкаифа. Перенастроить его на другого человека сродни снятию полномочий. Потом прошло еще несколько дней, и отец вышел из своих апартаментов. И вот мы здесь. И теперь не он правит Эвкаифом.

10. Последний правитель Эвкаифа

Вечером, когда совсем стемнело и стены домов засветились сами собой, нас пригласили в большой зал. Здесь все сверкало великолепием. На небольшом возвышении сидели музыканты. Они играли тихую музыку. Их светоситры передавали импульсы визонам, занимавшим все стены. И те, в свою очередь, проецировали световую импровизацию. Выглядело все это роскошно, и у меня невольно захватывало дух.

В центре зала стоял огромный стол, уже сервированный и ждавший гостей. Потихоньку собирались гости. Я заметил Лерака. Он шел к нам в роскошном летящем одеянии с развевающимися волосами, украшенными драгоценными камнями. Он был в роли и играл ее великолепно. Но едва заметная бледность говорила мне, что сегодня эта игра дается ему нелегко.

Он крепко пожал мне руку и поздоровался естественным мужским голосом. Ивеея несколько растерялась. Ведь перед собой она видела женщину.

— Пока меня не видят боги, хочу быть собой,— улыбнулся Лерак.— Я рад видеть вас, Ивеея. Мне уже известна ваша история. И...

Лерак на мгновение замялся, оглядел зал и продолжил:

— Если я смогу быть вам полезен, буду счастлив. Что бы ни было дальше, вы и ваш отец никогда не перестанете быть...

В этот момент музыка стала громче и торжественнее. Среди золотых всполохов визонов показался Афар под руку с Анифой. Их сияющие наряды не поддавались описанию. Кроме нас с Лераком было всего человек двадцать. Это были пары. И легко было заметить между ними сходство. Как между братьями и сестрами. Но теперь я знал, что это не так. Это были те несколько семей, владеющих Пятым ярусом. Это были отцы, но их дочери играли, увы, совсем иную роль.

Анифа пристально смотрела издали на нас с Ивееей. Мы, в отличие от остальных гостей, были одеты просто, а потому резко отличались от них. Видимо, причину ужина еще никому не объявляли. Поэтому мы являлись для гостей новой и, наверное, весьма интригующей загадкой.

Наконец Афар махнул рукой музыкантам, и те прекратили играть.

— Друзья мои, прошу всех к столу. Сегодня я собрал вас по весьма знаменательному поводу.

Слуги помогли нам занять места за столом. Отца Ивееи посадили по правую руку от Афара. Рядом с Анифой села Ивеея. Мы же с Ригасом сели поодаль. К нам присоединился Лерак.

Слуги наполнили бокалы вином.

Афар подождал, пока воцарится тишина, и продолжил тихим и мягким голосом.

— Прежде всего, хочу отметить нашу любимую Лерак. Визонное оформление сегодняшнего вечера — ее заслуга. Как бы вы ни завидовали, но она моя находка. Уверен, таких больше нет. Но это ваша печаль. Ведь всем известно, что на вершине лишь тот, кто умеет добиваться своего.

У гостей были застывшие улыбки и стеклянные взгляды. И мне казалось, я слышу, как скрипят их челюсти. Мне стало смешно. Кажется, сейчас я начал видеть истинное лицо этого Рая.

— Прошу поднять бокалы за талант моей Лерак.

Вино было приторным и невкусным.

— А теперь о вершине,— продолжил Афар.— Вы так давно живете в своем блаженном неведении, что не удосужились узнать среди гостей правителя нашего Эвкаифа.

Гости встрепенулись, принялись внимательнее нас разглядывать.

Отец Ивеи, худой, в морщинах, с седыми волосами, был хмур и задумчив. Он смотрел на бокал, который так и не поднял.

Афар лучился от надменного довольства, видя оживление и немой вопрос в глазах гостей. Он упивался этим в предвкушении главной новости, которую собирался поведать.

— Итак, перед вами бывший правитель нашего Конуса. А также правитель новый. Наверное, вам несложно будет догадаться, что новый правитель — это я.

Послышался тихий гул голосов.

— Сейчас начнется веселье,— с улыбкой произнес Лерак.

— Афар, ты действовал у всех за спиной! — воскликнул кто-то из гостей.

— Это незаконно!

— То, что у тебя большая часть земель, еще не говорит о твоём превосходстве.

Гости уже разошлись не на шутку. Афар был спокоен и улыбался надменной уверенной улыбкой.

— Мне противен ваш мелочный галдеж,— брезгливо произнес он и достал из кармана небольшой блестящий цилиндр.

Все тут же замолчали, ошеломленно глядя то на Афара, то на цилиндр в его руке.

— Ну, что? Какие еще вам нужны доказательства? Может, кто-то из вас хочет его коснуться? Ты? Ты? Или ты?

Он по очереди протягивал цилиндр то одному, то другому гостю. Те, в ужасе бледнея, сторонились, боясь, как бы цилиндр не коснулся их.

— Ну что ж, я рад, что вы хоть это помните: «Только правитель Эвкаифа может касаться цилиндра, остальных ждет мгновенная смерть». Так, кажется, говорится в наших древних законах?

Афар играл цилиндром, крутя его между пальцами.

— Наверное, вам интересно, как это произошло? Как бывший правитель Конуса добровольно перенастроил цилиндр на мою *z-структуру*? Надеюсь, он расскажет вам сам.

Афар посмотрел на отца Ивеи, тем самым давая ему слово. Тот побледнел еще больше, но взгляд его был тверд и спокоен.

— Когда я стал правителем... много лет назад... я чувствовал, что... занял не свое место. Но на меня повесили этот непомерный груз, не считаясь с моими интересами. Сейчас, много лет спустя, я понял, что иначе быть не могло. Очень долго я корил себя за слабость. За неспособность нормально править Эвкаифом. При мне начали откалываться ярусы, создавая свои государства. Хотя, может, разрушение началось задолго до меня. Но я оказался последним. Я последний правитель. Так написано в книгах древних. У меня было достаточно времени, чтобы изучить эти тексты. В них не только мудрость древних. Они точно знали, что произойдет в будущем. Я не знаю, как им это удалось, но я читал написанное ими и видел, что все правда. И мое Имя, данное мне при рождении отцом, неслучайно. Меня нарекли Данард, что означает на языке древних — последний ард. Я — последний правитель Эвкаифа. Дальше только смерть...

Отец Ивеи говорил тихо, но четко. Его голос внушал безотчетный страх. Афар продолжал улыбаться.

— Вы, видимо, забыли, дорогой Данард, что цилиндр теперь у меня. Вы сами перенастроили его и передали мне в руки. Я помню, как мне было смертельно страшно

принимать его у вас. Ведь вы могли схитрить, и от меня осталась бы кучка пепла. Но вот я держу его. Он мой. А значит, я новый правитель Эвкаифа!

Последнюю фразу Афар произносил уже для всех. Но в голосе его что-то надломилось. Почувствовалась предательская неуверенность, которую он поспешил скрыть, обратившись к музыкантам:

— Ну, где же музыка?

Зазвучала громкая торжественная музыка, наполняя зал цветом и блеском визонов.

Я видел лица сидящих за столом. На лицах был страх. Слова Данарда проникли в каждого, и вряд ли что-то теперь сможет вернуть им былую беспечность.

Несмотря на блеск и музыку, прием не удался. Гости начали покидать дом Афара. Нам же идти было некуда. Разве что отправиться пешком в северную часть яруса. Но это было безумием. Огромное расстояние, и преодолеть его невозможно без пищи и воды.

Я увидел, как Анифа направляется ко мне через весь зал.

— Вы безумцы,— произнесла она тихо,— особенно Данард. Он сам подводит вас к аннигиляционной камере. Думаете, вы теперь так уж нужны Афару? Вы просто мусор, от которого он избавится не глядя.

Краем глаза я видел Лерака. Он не подавал виду, но, кажется, слышал слова Анифы.

— Теперь все зависит только от вас, Адан. У меня достаточно влияния на Афара, чтобы спасти вашу жизнь и жизни ваших друзей. Вас ждет роскошь, беспечное существование и статус — моего тайного любовника. Либо... Выбирайте. Завтра я жду ответа.

Говоря это, Анифа несколько нервничала. Следила за Афаром, который прощался с кем-то из гостей. Афар отыскал ее взглядом, и в это время к нам подошел Лерак, взял Анифу под локоть и повел по залу.

Я увидел, как Данард, Ивея и Ригас выходят в парк, и поспешил за ними.

11. Побег

Ригас повел нас к себе. Пояс хорошо держал его, и он вновь стал уверенно ходить. А вот отец Ивеи чувствовал себя неважно. Все эти события надломили его. И неясно, что повлияло на него сильнее — отказ от власти или новость о том, что мать Ивеи жива?

Дом состоял из одной комнаты и веранды. Ивея уговорила отца лечь и отдохнуть. Мы же с Ригасом расположились на веранде. Нужно было решить, что делать дальше.

— У меня были мысли идти пешком в Мегакосм,— сказал я.— Но ведь можно воспользоваться лифтом. Надо только добраться до Конуса.

— Вряд ли нас так просто выпустят,— произнес Ригас.

— И что ты предлагаешь? По-моему, нынешняя ситуация еще опаснее, чем та, что была на Первом ярусе.

— Сейчас мы тоже стоим у края. Но я вижу свет. Там, на Первом, я его не видел. А здесь, я чувствую, будет помощь.

Ригас откинулся в кресле.

— Налей-ка мне тахи, сынок.

Меня раздражало его спокойствие. Я готов был сорваться. Но, взяв себя в руки, плеснул в бокал прозрачной жидкости и протянул ему. Он сделал пару глотков и вздохнул.

— Жаль, ситра не со мной. Выберемся из этой передряги, непременно найду себе другую. Знаешь, почему человечество не погибает окончательно? Из-за музыки.

Только она и служит оправданием за все грехи, что совершаются на протяжении тысячелетий. А еще любовь. Впрочем, музыка и любовь — это одно и то же. Любящая душа спасется.

— Я не совсем понимаю тебя. Ты что, разделяешь безумные мысли Данарда о конце Эвкаифа?

— Безумные?

Ригас замолчал. Я видел его спокойную улыбку, ощущал внутреннюю силу и уверенность. Хотелось бы и мне быть таким же спокойным и уверенным. Но разве это возможно? Особенно после слов Анифы.

Ивея вышла из комнаты, и мы медленно пошли по дорожке, освещенной лунным светом.

— Отец сказал, что простит маме ее обман. Только бы вновь увидеть ее. Адан, сейчас он говорил со мной, и мне показалось, что он вновь стал прежним. Тем моим папой, а я его маленькой дочкой... Лишь бы нам выбраться отсюда.

Мы услышали чьи-то шаги. В свете луны показалась высокая фигура. И я узнал Лерака.

— У нас есть час, чтобы смотаться отсюда,— сказал он тихо.— Давайте торопиться.

Разбудив Данарда, без лишних вопросов мы поспешили за Лераком.

В конце парка, за деревьями, нас ждал крестоверт. Причем не прогулочный, а мощный, способный преодолевать огромные расстояния. Мы бесшумно взлетели и направились в сторону Мегакосма.

— План такой, друзья мои,— улыбаясь, произнес Лерак.— Вы подкидываете меня в город, а потом мотаете отсюда, чтобы и духу вашего не было. Эта зверюга не только ярусы преодолевает. До внешних гор запросто донесет.

— Как тебе удалось его раздобыть? — удивленно спросил я.

— Когда боги начинают играть в свои игры, они забывают о смертных. Скажем так, я просто улучил момент. Я убираюсь отсюда. Хватит! Скидываю двуликость. Денег, которые я поимел с них, мне хватит до конца жизни. Кстати, о деньгах...

Он протянул мне плоский, светящийся ф-кат.

— Здесь хватит на целый выводок созданных. И еще на жизнь останется.

— А ты не боишься, что тебя могут вычислить?

— Дружище, как ты думаешь, если я способен создать визард, неужели не смогу облапошить систему? Раз плюнуть!

В Мегакосме Лерак переоделся в обычную мужскую одежду. Его взгляд светился и был полон решимости. Он крепко обнял меня.

— Ты не представляешь, что ты сделал для меня, Адан,— тихо сказал он.

— Как раз наоборот. Это ты много сделал для меня. А я, по-моему, и палец о палец не ударил.

— Брось! Если бы я мог объяснить... Понимаешь, ты... носитель истины. Она хлещет сквозь тебя. Мне просто достаточно было побыть с тобой рядом, чтобы понять, в какую сторону двигаться дальше. Мне кажется, сейчас я делаю все правильно.

Мы расстались...

Мне осталось сделать еще одну вещь. Я попросил друзей обождать меня. Сел в лифт и отправился в самый низ города. Без труда разыскал ту самую пещеру, в которой работала Лили. Только бы она была сегодня!

Я увидел ее. Она по-прежнему разносила заказы по столикам. С плотно сжатыми губами и без тени улыбки.

— Лили!

Я протянул ей светящийся ф-кат. В ее взгляде я увидел испуг и недоверие.

— Это тебе.

— Адан, это безумно много! Ты что, украл?
— Заработал.
— Разве такие деньги можно так быстро...
— Лили, я хочу, чтобы ты наконец стала счастлива.
По ее щекам катились крупные слезы. Она была бледна, руки тряслись.
— Теперь мы сможем взять самую последнюю модель,— прерывающимся голосом произнесла она.
— Тут и на двоих хватит, и на тройню.
— Да, но лучше... Купим молекулу в Открытом каскаде. Муж там сможет найти хорошую работу. Адан, ты...
Она сжала мои руки и долго смотрела на меня своими прекрасными серыми глазами.
Я унес с собой ее тепло. Навсегда. До конца своих дней.
А потом мы покинули Пятый ярус. И, уже не снижая скорости, направились к Внешним горам.
Мы покидали Эвкаи́ф навсегда.

12. Горы

План был прост — перелететь горы и разыскать остров в океане. Ригас задал путь, и крестоверт летел самостоятельно, не требуя нашего внимания.
Мы собрались в салоне, расположившись в удобных креслах.
— Налей мне что-нибудь покрепче, Ивея,— попросил Данард.
Все это время он молчал, думая о чем-то своем. Осушив бокал, откинулся на спинку кресла.
— Как только мы разыщем твою мать, я вернусь обратно,— произнес он, смотря на экран визона. Конус стремительно удалялся.
— Папа, зачем? — побледнела Ивея.
— Мое правление закончится только с моей смертью. Никто из тех глупцов не сможет стать настоящим правителем. Афар прекрасно это знает. Но он упрям и надеется сломать многовековую систему. Но пока я жив, я правитель Эвкаи́фа!
— Ты один. А их много.
— Ты забываешь, что у меня есть Седьмой ярус. Покидая его, я сделал так, что никто, кроме меня, не сможет туда попасть. Вся система управления в моих руках. Все подключены. А тот самый пресловутый цилиндр... Афар даже не подозревает, какая опасность над ним висит. Я всего лишь перенастроил таймер. Через несколько дней, если я не вернусь и не изменю настройки, Афар превратится в пепел. Пусть пока поиграет в свои игры. Сейчас я должен увидеть твою маму, Ивея. Ведь Этон не обманул тебя? Она жива?
Сейчас Данард был самим собой. Он словно скинул с себя броню и оказался беззащитным и уязвимым.
— Дядя написал мне об этом,— ответила Ивея.
— Он ведь не стал бы обманывать тебя, дочка. Ведь не стал бы?

Данард взял Ивею за руку.

Я смотрел на приближающиеся горы. Вот и сбывается моя детская мечта. А еще это была мечта Фадо, и я думал о нем. Я вспоминал Дану. Я почти физически чувствовал, как растягивается некая невидимая нить, связывающая нас. И чем дальше мы удалялись от Конуса, чем ближе становились горы, тем сильнее истончалась нить. Когда-нибудь она оборвется совсем. А может, и нет. Может, мне удастся сохранить в памяти образы тех, кого я успел полюбить.

13. Остров

Мы увидели его сразу, как только перелетели заснеженные пики гор. Остров — зеленое маленькое чудо, возникшее среди воды. Мне в жизни не доводилось видеть столько воды. Это был океан.

Сначала остров казался бледно-голубой дымкой на фоне ярко-синего неба. И скорее напоминал облако, лежащее на воде. Но крестоверт несся стремительно, и очертания острова становились все более явными. Буйство зелени и цветов.

Активатор, который Ивея крепила к волосам, сработал почти у самого острова. Он начал быстро разогреваться. Кристалл из холодно-голубоватого превратился в красный. Тревожная пульсация предупреждала, что стоит поторопиться, иначе все мы взлетим на воздух. Ригас притормозил крестоверт, и тот завис у самой воды. Ивея вскрыла ногтем маленький кристаллик и коснулась его кончиком языка. Пульсация прекратилась, и кристаллик остыл и вновь сменил цвет.

— Теперь мы сможем попасть на остров, — сказала Ивея.

Ригас приводнил крестоверт, и мы медленно, покачиваясь на волнах, поплыли вперед. Ивея прильнула к визону. Я чувствовал ее волнение. Шутка ли, вновь увидеть свою мать через столько лет. Волны заливали пологий песчаный берег. Дальше виднелись холмы, поросшие густым лесом. На самом вершине на фоне синего неба поблескивал прозрачный купол.

— Мама!

Ивея увидела ее первой. Маленькая фигурка замерла над обрывом у поручней, опоясывающих купол. Чтобы попасть на берег, мы воспользовались летоном, встроенным в обшивку. Сам крестоверт, после того как мы взлетели, завис над водой и замер. Я первым спрыгнул на мягкий песок, помог спуститься Ивее, потом мы помогли Данарду и Ригасу. Мы огляделись. Для нас, жителей Конуса, все здесь было непривычно. И эта вода, волны, множество звуков, делавших остров живым существом. Здесь звучал каждый куст, каждое дерево. Ошеломляло оглушительное пение птиц. Данард и Ивея пытались рассмотреть купол, но его скрывали зелень и скалы. Может быть, и была какая-нибудь тропинка, ведущая наверх, но углубляться в гущу леса мы не рискнули.

И тогда мы вновь сели на летон.

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на
Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН!

Арктическая фантасмагория

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).

* * *

Американские «географы» по распоряжению из Баренцбурга сидели под арестом на насосной станции и ожидали своей участи в компании с Валерой, Геной и еще двумя рабочими. Между станцией и поселком существовала телефонная связь, так что Валера ежедневно докладывал о том, что двое задержанных американских шпионов чувствуют себя хорошо, обращение с ними гуманное, и никаких пожеланий или претензий они не высказывают.

Это было на самом деле так. Последние события окончательно подорвали моральный дух Джима и Джека, о побеге они больше не помышляли и покорно подчинялись всем указаниям своих новых надзирателей. Впрочем, если разобраться, то условия содержания американцев на насосной станции были намного лучше, чем в Баренцбурге: ели и спали они вместе с рабочими в одной комнате, регулярно по очереди выходили с кем-нибудь на прогулку и с любопытством изучали быт, нравы и условия работы, напоминавшие им сцены из старых голливудских фильмов о золотой лихорадке на Аляске. Единственная разница между покорителями Аляски и работниками насосной станции состояла в том, что на станции не было девочек и салуна как такового. Все остальное было в избытке: и заскорузлый незатейливый быт, и ежедневные пьянки и ссоры надоевших друг другу обитателей, и стрельба из ружей в воздух или по самодельным мишеням.

Работники насосной станции жили анахоретами. Зимой они раз в месяц на снегоходе пересекали Грен-фьорд и забирали в Баренцбурге провизию, а летом еду и прочие необходимые вещи им перевозили через залив на катере. Они спускались с гор, забирали провиант и возвращались опять в горы. Иногда про них забывали, и тогда они напоминали о своем существовании по телефону. Работали на станции добровольцы — из завербованных на материке шахтеров всегда находились люди, предпочитавшие свежий воздух и отсутствие начальства.

От скуки и безделья у обслуживающего персонала станции стала просыпаться тяга к знаниям, стимулированная, естественно, присутствием пленников. География их интересовала постольку поскольку, а вот желание изучить хоть один иностранный язык вдруг неожиданно обострилось.

Как-то поужинав и отвалившись на нары, Валера полюбопытствовал у Джима:

— А как будет по-американски водка?

— Так и будет: водка.

— Ишь ты! Очень похоже! — удивился Валера.— А «бабы» по-вашему как?
— Уимен.
— Чего-чего? — поперхнулся Валера, разочарованный явным несовпадением звуков.
— Уимен,— терпеливо повторил Джим.
— Вимин,— осторожно произнес Валера, опасаясь вывихнуть губы или язык.— Мужики, слышали? Я уже могу говорить по-ихнему. Вимин!
— А как по-вашему будет «вкалывать»?
— Ту век.
— А «деньжата»?
— Мани.
— Вот это поближе к нашей Мане. У вас есть маня?
— Отшень мало,— насторожился Джим.
— У нас мани отнять в Баренцбурге,— пояснил Джек.
— Ну, ничего, сколько-то осталось? — продолжал допытываться Валера.
— Отшень мало. Ничего.
— А мы и от малого не отказываемся. Гони за пропитание. Генка, сколько дней они у нас тут кантуются?
— Да уж пятый день пошел. Всю провизию сожрали, гады!
— Вот, слышали? Мы вам свое, кровное, отдавали, да водкой угощали. Ферште-ен? Геннадий, почем у нас жратва?
— Завтрак по доллару, обед — по два, ужин с чаем — по полтора, четыре с половиной бакса в день на нос, девять на двоих, за четыре дня тридцать шесть зелененьких, за пятый день добавим четыре, получится сорок. Налог с оборота, обслуга — итого пятьдесят баксов,— словно по бумажке одним духом озвучил Гена расходы на содержание «географов».
— Ну вот. Хотите мы вам на бумажке нарисуем означенную сумму?
— Это есть грабеж! — возмутился Джек.— Ми гости к вам не хотят, ви сами нас арестовывали. Эккординг ту американски закон, ви есть обязаны нас питать фри оф чардж.
— Бесплатно,— перевел Джим.
— Не надо гнать пургу! — заревел Гена.— Я по видуку в Баренце своими глазами видел вашу же киношку. В Америке за все надо платить. Капитализм. Закон тайги.
— Но здесь нет капитализма! — возразил было Джим.— У вас коммунизм, значит каждый кушать на потребность.
— Был коммунизм, да весь вышел,— сказал Валера.— Гони маню!
— Не отдадимся!
— Не хотите давать? Ну ладно. Гена, с этого дня не давать им ни грамма еды.
— Ну и отлично! — закричал Джек.— Мы декларировать голод!
— Декларируй сколько хочешь. Голод — он не тетка! Небось, скоро попросишь сальца нашего да хлеба черного. Ты видел, Ген, как они быстро привыкли к нашему салу?
— Отшень карашо,— согласился Джим.— Мы будем молчать, как гроб. Ми отказываемся учить вас английский лэнгуидж.
— А нам и не надо,— сказал Гена.— Главное мы узнали: йес, ноу, водка, век, вимин и маня! Правда, Валер?
— В натуре! Теперь мы нигде не пропадем. Еще «фриначай», «чейндж», «баксы», «янки гоу хоум».
— Да ты прямо пулеглот у нас! — удивился Генка.— Когда только успел нахвататься!
— А я ужас какой способный, Ген. Мне только один раз услышать. Ты есть не хочешь?

— Не-а. Только что шамали. А что?

— Хочешь, хочешь.— Валерка начал усиленно подмигивать.— Доставай сало.

— Да, пожалуй, надо еще что-нибудь пожевать,— догадался Гена и полез в холодильник.

Он разрезал кусок сала на толстые ломти, положил их на хлеб и стал смачно жевать. Валера тоже не отставал от него, он демонстративно чавкал и проверял реакцию пленников.

— Ну, как, парни — не захотели еще есть? У вас там в Америке электрический стул, а у нас на Украине — сало!

— Садисты! — прошипел сквозь зубы Джим и отвернулся, чтобы скрыть набравшие слезы бессилия и злости. Он взял Джека за руку и отвел его в угол, где они присели на свое ложе и, насупившись, приступили к голодовке и гробовому молчанию. И хотя во рту у них усиленно выделялась слюна, они терпеливо сносили пытку и не сдавались.

Скоро, однако, пришло время спать, все молча легли на нары, и комната огласилась дружным храпом. Отличались, конечно, русские, явно перегрузившие свои желудки грубой пищей в стремлении добиться справедливой оплаты за свои труды. Полуголодные американцы не спали до утра, опасаясь со стороны садистских тюремщиков какой-нибудь новой выходки.

Наряд, высланный из Баренцбурга для того, чтобы доставить шпионов на суд ШУРа, застал их бодрствующими, и потому сборы были короткими.

Генке с Валеркой так и не суждено было упиваться триумфом поражения шпионствующих географов, равно как и приятным ощущением шуршащих в руках упругих зеленых бумажек. Украинское сало оказалось слабее упрямота «тихих» американцев.

* * *

Хлеб и зрелище, как известно, является неотъемлемой составной частью жизненного уклада землян. Зря — ой как зря! — кидают камнем современные маститые политологи и историки в сторону императора Нерона, якобы развратившего римлян роскошными зрелищами и халявными сэндвичами. Нерон просто окачурился бы на месте от зависти, если бы дожил до наших дней и собственными глазами улицезрел, как далеко пошли наши правители в деле ублажения «насуточных потребностей» своих подданных. Наши правители затмили императора по всем статьям: и по размаху «народных» гульбищ, и по финансовым расходам, черпаемым из казны, и по разнообразию кулинарной и «художественной» халявы, предлагаемой налогоплательщикам. Современные президенты, окруженные армиями имиджмейкеров, спичрайтеров, пиаровцев, шоуменов, экспертов, социологов, политологов, режиссеров и постановщиков, не поручили бы Нерону даже организацию рядового предвыборного митинга в каком-нибудь городе Глухове, не говоря уж об устройстве народного гулянья на Красной или Дворцовой площади — настолько жалкими и беспомощными окажутся на практике все его изысканные фантазии!

Население Шпицбергенщины никогда не было избаловано зрелищами, а потому, когда по поселку пронеслась весть о том, что ШУРа устраивает открытый суд над американскими шпионами, все как один повалили на площадь Ленина, только что переименованную в площадь Симона Петлюры. (Правда памятник вождю международного пролетариата убрать не успели, а гетману — отлить не смогли: в республике не было ни подходящего материала, ни мастера).

Рядом с памятником, стоявшим на возвышении, местные плотники сколотили деревянный помост, на который водрузили большой стол со стульями — для судей, а у подножия помоста поставили скамейку для самих обвиняемых. И судьи, и другие участники процесса были хорошо видны расположившимся у подножия зрителям.

Некоторые из шахтеров держали в руках самодельные плакаты с надписями: «Руки прочь от ридной Шпицбергенщины!», «Нас мало, но мы из Луганска!» «Еремкин, геть!» и т. п. Под ногами у зрителей и вокруг трибуны сновали мальчишки и девчонки и играли в догонялки, салки и какие-то другие подвижные игры. Публика под яркими солнечными лучами незаходящего солнца терпеливо ждала появления главных виновников сборища и мерно гудела, заглушая шум морского прибора. Некоторые даже разделись до пояса, чтобы принять солнечную ванну.

Наконец со стороны улицы Скоропадского послышались неясный шум и какое-то движение, а в толпе раздались возгласы: «Ведут! Ведут!» И действительно, кортеж, состоящий из четырех бойцов горноспасательного отряда, двух американских псевдогеографов и членов суда, в роли которых выступала Рада в урезанном своем составе, скоро показался из-за угла, завернул направо и направился прямо к заготовленному импровизированному трибуналу. Лица участников Шпицбергенских Куш, в соответствии с требованиями момента, были торжественно серьезны и сосредоточены, чего нельзя было сказать о подсудимых. Похоже, предстоящую процедуру они всерьез не воспринимали. По лицам их бродила блаженная улыбка, а на подходе к месту суда Джим даже помахал всем ручкой. Мол, привет вам, ребята, сейчас начнется цирк с нашим участием, мы, конечно, выступаем не по своей доброй воле, но постараемся не ударить в грязь лицом и посмешить вас как следует.

Народ же встретил Джима и Джека зловещим молчанием. Американцы, как ни в чем не бывало, продолжали налево и направо расточать улыбки и тогда, когда их усадили на скамью подсудимых, а за спиной, по обеим сторонам скамейки, вынесенной из ДК, встали бойцы-горноспасатели с карабинами в руках.

Странный это был суд. Члены ШУРЫ выступали одновременно во всех трех ипостасях: они были неумолимыми судьями, строгими обвинителями и неподкупными защитниками одновременно, причем никакого распределения этих функций между собой они не сделали, а выступали коллективно. Майдан, одним словом. Если бы нужно было изобразить скульптуру баренцбургской Фемиды, то лучше всего для нее подошел бы образ трехглавого Змея-Горыныча без всякой повязки на глазах. Это было новое, прямо скажем, революционное явление в современной истории юриспруденции, характерной чертой которого являлось участие в процессе и самих зрителей — нечто вроде театра Охлопкова и Мейерхольда, привлекавших, как известно, к активному участию в своих спектаклях и партер, и галерку.

Первым на помост взшел президент Шпицбергенщины. Его появление вызвало у публики волну оживления, раздались крики: «Давай батько, руби голову империалистической гидре!», «Шпионам — дать по заслугам!», «Не пущать иностранцев в наш огород!» и тому подобное. Как потом выяснится, враждебность граждан Шпицбергенщины по отношению к американцам и американцев к шпицбергенцам свидетельствовала об их обоюдной ограниченности. Позже в вашингтонском обкоме и в незалежном Киеве резко поменяют свои взгляды друг на друга, и американские ситизены и укроповские громодяне станут лучшими друзьями. Дружить они станут против России.

Но что было взять с бывшего начальника порта?

Кравченя в знак солидарности со своим народом поднял руку и одним ее мановением восстановил тишину. Вслед за ним места в президиуме заняли остальные народные избранники. Прежде чем началось заседание открытого суда, произошел знаменательный инцидент, вызвавший у народа неоднозначную реакцию. Вице-президент Перетяцько уселся на самый крайний стул, в то время как министр здравоохранения Курощуп почему-то оказался сидящим рядом с батькой. Это не прошло мимо всевидящего ока батьки.

— Гражданин Курощуп! Ты сел не по ранжиру. Поменяйся-ко местами с гражданином Перетяцько,— строго приказал он нарушителю.

Смущенный главврач больницы на виду у всего честного народа освободил почетное место рядом с Кравченок и занял более подобающее для себя место — с краю. Рокировку немедленно прокомментировали шахтеры. Кто-то одобрительно хлопнул в ладоши, кто-то засвистел, но нашелся недоброжелатель — скорее всего из русской диаспоры, который крикнул:

— От перестановки слагаемых сумма не меняется!

Батько нахмурился и стал сверлить своими черными глазами толпу, чтобы отыскать смутьяна, но толпа притихла, и Кравченок сделал вид, что не обращает внимания на подобные выпады. Он набрал воздуха в легкие и крикнул:

— Уважаемые громодяне! Вы знаете, зачем мы вас сегодня собрали. Предмет нашего разговора присутствует здесь. Вот он! — Тут президент ШУРЫ показал пальцем на притихших внизу Джима и Джека.— Эти люди, пробравшиеся к нам под видом ученых, грубо злоупотребили нашим доверием и гостеприимством и попытались нанести безопасности нашей республики непоправимый урон.

Толпа засвистела, выражая осуждение подобным действиям иностранцев. Кравченок снова поднял руку и продолжил:

— Следуя духу нашей независимости и демократии, мы решили устроить настоящий народный суд над преступниками. Нам нечего скрывать перед своими гражданами. Пусть народ сам выслушает преступников и определит им меру наказания. Мы — не формалисты, мы выше устаревших норм судопроизводства и отвергаем их как предрассудок, доставшийся нам в наследство от великодержавной Москвы. Поэтому у нас не будет крючкотворов-обвинителей и продажных адвокатов. У нас будет свой суд, суд справедливости, суд чести и народной мудрости!

— Ура-а-а! Правильна-а-а! Так их! — не замедлила откликнуться народная справедливость и мудрость.

— Итак, громодяне, разрешите приступить к делу, ради которого мы здесь собрались, и начать заседание.

— Разреша-а-ем!

— Спасибо. Если не возражаете, то я сам поведу собрание.

— Не возража-а-ем!

Начало было многообещающим. Главным элементом в новом суде было достижение единства народа с президиумом, и в данном случае оно было установлено легко и быстро. Это внушало здоровый оптимизм.

Оптимистическая оратория неожиданно была нарушена истошным криком снизу. Кричали со скамьи подсудимых, причем явно в нарушение правил, только что установленных уважаемым судом. Никто подсудимым слова не давал, их очередь должна была подойти в самом конце.

— Мы резко протестовать! Мы не согласны! — надрывался Джим, пытаясь обратить на себя внимание. Он поднялся со скамейки и стал размахивать руками, в то время как стоявшая рядом охрана пыталась его утихомирить.

Толпа заволновалась.

— В чем дело? — закричал Главный Судья Кравченок.— Почему в зале шум?

— Это нарушение закона! — не переставал кричать Джим.

— Подсудимый, успокойтесь,— вежливо обратился к Джиму Адвокат Кравченок.— Изложите спокойно ваши претензии к суду.

— Пожалуйста. Во-первых, мы не можем брать участие в суд без адвоката. Мы требуем обеспечивать нас лойером.

— Ага, щас мы тебе представим аблаката! — заволновалась толпа.— Не слухай его, батько! Ишь чего захотел!

— Тиха-а! — по-боцмански рявкнул Кравченок.— Сейчас мы все отрегулируем. Подсудимый, мы же вам всенародно объяснили, что Республика устанавливает свои нормы судебного производства, возможно, так сказать, отличающиеся от ваших про-

гневных порядков в Америке, где правит доллар. Мы вправе это делать, как независимое государственное объединение, так что эту претензию суд отвергает. Дальше?

— Ми требовать, читобы нам давали интерпретер, то есть переводчик. Ми не понимать русский язык, поэтому...

— Не понимаете? — закричали в толпе.— А мы что-то не заметили! Вы все понимаете и не надо нам пудрить мозги! Обнаглели совсем — дайте им переводчика! Как воровать государственные тайны — так без переводчика обходились!

— Прошу порядка и тишины! — обратился к народу Главный Прокурор Кравченя.— Подсудимый, мне нечего сказать по поводу вашей второй претензии — народ вам уже ответил. Надеюсь, вы поняли причины отвода и этой вашей претензии. Я сам лично убедился, общаясь с вами, что вы достаточно прилично владеете русским языком, чтобы участвовать в процессе и выслушать приговор. Да и нет у нас при себе переводчиков.

— Это есть неправда! Ми точно знать, что переводчик есть.

— Так он же под арестом сидит за антиконституционную деятельность!

— сразу нашелся батько.

— Это — грубый нарушений прав человечности! Ми будем жаловаться!

— Это ваше право,— спокойно сказал Главный Судья Кравченя,— но наше решение будет окончательным и обжалованию не подлежит. Так я говорю, мужики?

— Так! Правильна-а! Не давай им спуска, Рома!

Но Джим вырос и воспитывался в стране, где адвокатов на душу населения было намного больше, чем крупного и мелкого рогатого скота, и поэтому его нельзя было взять голыми руками. Он еще не предполагал, что западная развитая демократия не может устоять против славянского инстинкта, а потому продолжал бороться за справедливость, как лягушка, барахтающаяся в кувшине с молоком. Однако географ из ЦРУ не учел, что на Шпицбергене — в силу полного отсутствия бактерий и микробов — молоко в сметану, а сметана в масло так просто не превращается. Да и судебный комплекс славянской нации постоянно страдал однобокостью.

— Ви даже не сделать попытка установить наш айдентити! — крикнул он в отчаянии.

— Чего-чего? — удивилась вторая голова Змея-Горыныча в виде вице-президента Перетягько.— Какая денди?

— Деньги! — поправил его министр финансов.

— Подсудимый, поясните нам, чего хотите,— перебила их Главная Голова правосудия.

— Айдентити, то есть, кто ми есть. Наше... наш личность.

— Ах, наличность! — воспрянул Кравченя.— Наличность мы вашу проверили. Ха-ха-ха! Как же, как же! Было дело. Но это сейчас к делу не относится. Вы, наверное, хотели сказать «личность». Что ж, личность нам ваша тоже знакомая, примелькалась последнее время. Кгмм... Нам этого вполне достаточно. Когда сядете в тюрьму, у вас будет время написать о себе поподробней. Итак, продолжим наше заседание. Подсудимый — назовем тебя для ясности Джимом — подсудимый Джим, расскажите суду, когда и зачем вы прибыли на территорию нашей республики.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы!

— Не хотишь? Чует кошка, чье сало съела.

— Нам сало не давать! — обиделся Джим.— Мы долго голодать!

— А ты мистер, то есть подсудимый Джек, что ты можешь сказать по этому поводу?

Джек умоляюще посмотрел на Джима, потом на судью и чуть слышно произнес:

— Я плехо владеть рашшн. Совсем плехо. Говорить должен он.— Джек ткнул пальцем в Джима.

— А я говорить не буду,— упрямо повоторил Джим,— я все сказал.

— Тогда я скажу за вас,— добродушно улыбаясь сказал Кравченя.— Вас послало ЦРУ с заданием выкрасть у нас важные секретные документы. Так? Так. Какие это документы? Молчите? Тогда я сам скажу. Документы о...

— Постой батько,— зашипел второй вице-президент Василенко,— этот секрет не подлежит оглашению. О нем ведь никто не знает!

— Ничего, пусть все узнают. Пришла пора объявить нашему народу, на каком богатстве мы сидим и какого достояния вот эти жалкие американские шпионы пытались нас лишить. Уважаемые граждане шахтеры и женщины поселка! Сейчас я вам предъявлю документ, который от нас сначала скрывали москали, а потом пытались присвоить вот эти двое господ. Нам удалось буквально вырвать их из рук ЦРУ. Сашко, дай сюда портфель!

Все с неподдельным любопытством и напряжением наблюдали, как новый шофер батьки взобрался на трибуну, бережно держа портфель подмышкой, как осторожно он передал его из рук в руки шефу и удалился, как батько щелкнул замком и запустил туда руку, как медленно и торжественно эта рука поползла вверх и потом разом взметнулась к небу.

— Вот он, этот документ! — крикнул Роман Спиридонович.— Он обеспечивает всем нам достойную жизнь на многие и многие годы. Вам не обязательно теперь работать. Мы, как в Кювете, можем спокойно сидеть дома и стричь купоны. Вы и ваши семьи не будут ни в чем нуждаться.

Толпа набрала в легкие воздух и чуть не ахнула от охватившего ее чувства восторга, изумления и гордости за своего дальновидного и проницательного вождя, но сдержалась, понимая, что впереди их ждет самое главное и жутко интересное, и замерла в ожидании дальнейших триумфальных действий батьки. Со скамьи подсудимых документ сканировали четыре внимательных и жадных взгляда.

И тут на глазах нескольких сот пар глаз из-за спины батьки, откуда ни возьмись, мелькнула рожица Суперпупса и его двух старших братьев, кто-то из них подпрыгнул — кто точно, никто так и не понял — и одним движением руки вырвал документ из победоносной длани президента ШУРЫ.

— Ах! — выдохнула, наконец, толпа и взорвалась беспорядочным шумом и свистом.

Батько вообще не понял, что произошло, и все еще корячил свою правую руку в воздухе, но потом сообразил и оглянулся вокруг. Вокруг сидели все те же члены правительства, и он вопросительно посмотрел на них, как бы прося о помощи, но министры так же, как и он, мало что поняли из произошедшего и вместе с батькой удивлялись, почему так возбудились громодяне, и с какой стати они дерут глотку.

— Батько! Лови их! Это пацаны из консульства! — надрывалась толпа, но никто не трогался с места.

— Безобразие! — включился в общий хор негодования Джим.— Джек, нас снова обманули! Ты видел?

— Видел, видел,— равнодушно произнес Джек.— Туда ему и дорога!

— Да ты что: теперь он окажется у русских!

— Значит, так тому и быть,— с глубоким фатализмом в голосе произнес Джек и замолчал.

Между тем батько сообразил, наконец, куда исчезли бумаги, и снарядил за братьями Кирпичевыми погоню, но было уже поздно: ребяташки благополучно добежали до консульства и скрылись за его толстыми дверями. Негодованию руководства и народа не было предела. Все кричали и клялись отомстить москалям и разобрать, если батько прикажет, это чертово консульство по кирпичику. Над площадью имени знаменитого украинского гетмана стоял такой шум и гвалт, что можно было подумать, что послы тишайшего царя Алексея Михайловича отказали Левобережной Украине в присоединении к России. О свершении правосудия уже больше никто не по-

мышлял и все, кроме охраны, забыли об американских шпионах и обсуждали только один предмет, обещавший им, по словам батьки, беззаботное и надежное будущее. Правда, слово «нефть» произнесено не было, но именно поэтому источник благоденствия республики приобретал такой вождельный смысл для каждого шахтера. Куда приятней сидеть дома на печи и как гоголевский Пацюк глотать сыплющиеся с потолка галушки со сметаной, чем лезть в темный сырой забой и долбить твердую и грязную породу!

Никто между тем не заметил, как у столовой мало-помалу стал накапливаться какой-то посторонний люд. Он возникал откуда-то снизу, со стороны порта — вероятно, поднялся с набережной по знаменитой Потемкинской лестнице и рассредоточивался вокруг балюстрады. Вот на срезе площадки показали рога, потом коровья голова, потом появилось и все ее роскошное тело, подпираемое сзади усилиями двух или трех погонщиков, одетых в праздничные синие комбинезоны, словно на Парижской сельскохозяйственной выставке.

Наконец все поднялись наверх и в нерешительности сгрудились, не двигаясь с места. Судя по всему, они кого-то ждали. Ждать пришлось недолго, потому что в этот момент над их головами откуда-то из-за облаков донесся характерный стрекот вертолета. Все узнали в нем транспортное средство сюзсельмана — в том числе и участники исторического шпионского процесса на площади Петлюры, прерванного на самом интересном месте.

Вертолет пронесся над Баренцбургом и пошел на снижение в районе старой голландской саловарни у мыса Финнэсет. Через пять минут от домика сюзсельмана отъехал джип, а еще через пять минут джип показался на проспекте Скоропадского. В нем восседал сюзсельман Юнглинг, председатель Агросовета Норвегии и переводчик Бустад. За рулем сидел контрразведчик Андерс Андерсен.

Как только джип остановился на перекрестке, процессия с коровой тут же тронулась с места и скоро поровнялась с группой сюзсельмана. Прибывшие на джипе спешили и возглавили процессию, медленно двинувшуюся к площади Петлюры. Шествие представляло собой довольно экзотичное для полярного ландшафта зрелище: впереди сюзсельман со своей свитой, за ним на веревке — упирающаяся корова Бэтси, а за коровой — толпа человек в двадцать-двадцать пять, включающая полицейских, служащих конторы губернатора и членов экипажа яхты, доставившей животное в порт.

— Норги! Норги прибыли! — пронеслось по толпе баренцбургцев. — Гляди, гляди, сам сюзсельман!

— А для чего им корова? Подарок на котлеты?

— Глянь, глянь, как Буренка отделала хвостом полицейского!

— Ну, смехота!

— Эх, сбегать бы домой! Удобный момент для чейнджа!

Норвежцы вплотную подошли к баренбургцам, но вступать с ними в неформальные отношения, как это всегда имело место, не торопились, а остановились поодаль. Юнглинг с переводчиком отделились от кортежа и пошли к русским. Толпа безмолвно расступилась и пропустила норвежцев к самой трибуне, на которой они увидели весь президиум и американских «географов».

Губернатор остановился перед помостом и, глядя снизу вверх, сделал баренбургскому руководству «ручкой». Члены ШУРы в оцепенении застыли, не зная как себя вести и что говорить представителю норвежской администрации. Один батько снисходительно смотрел на них сверху вниз, с трудом сдерживая появившуюся на губах довольную улыбку. Все-таки губернатор первый пришел к нему на поклон!

— Добро пожаловать на независимую украинскую территорию! — произнес Кравченя и встал из-за стола. — Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

Бустад перевел фразу на норвежский язык, после чего лицо губернатора, и без того окрашенное в свекольные тона, стало пунцовым. Такого унижения от русских ему не приходилось испытывать за всю свою многолетнюю работу на архипелаге. И все из-за этих пустоголовых аграриев! О, Боже, чего только не приходится терпеть ради благополучия королевства! Юнглинг топтался на месте и все никак не мог подобрать нужных слов для того, чтобы с достоинством ответить этому нахалу, бывшему портовому рабочему, возомнившему себя теперь чуть ли не пупом земли.

— Мы прибыли к вам с чисто рабочим визитом,— произнес он, наконец.

— Рады вас видеть у нас! — заверил Кравченя и пошел навстречу Юнглингу. Президент ШУРЫ не очень-то разбирался в вопросах дипломатии, и термин «рабочий визит» звучал для него так же сладостно, как и официальное признание Норвегией Украинской Рады в Баренцбурге.

Руководители еще долго жали друг другу руки и никак не могли освободиться от рукопожатия, словно между ними возникло замыкание.

— Согласно договоренности с предыдущей администрацией, мы прибыли к вам в гости не одни. Вот полюбуйтесь! — Юнглинг сделал широкий жест в сторону своей делегации. — К нам прибыла делегация Агросовета во главе с самой породистой коровой страны по имени Бэтси. По закону преемственности вы обязаны ее принять.

При этих словах лицо представителя Агросовета вытянулось, словно ему вместо своей любимицы пришлось сжевать охапку сена. Зато Кравченя и Бэтси хорошо восприняли юмор норвежца: президент ШУРЫ расхохотался во все горло, а коровка сделала грациозное движение головой и разметала вокруг себя сопровождающих.

— Понял вас, господин губернатор, понял,— ответил Роман Спиридонович, делая ударения на втором слогe глагола. — У нас товар, а вы к нам прибыли как купец. Не так ли?

— Вообще-то по русским обычаям при сватовстве товаром считается невеста,— поправил Кравченю Сверре Бустад.

— Нет уж, раз невеста приехала к нам свататься, значит, товар будет у нас,— не уступал Кравченя, пытавшийся утвердить свой оригинальный взгляд не только на юриспруденцию и уголовное право, но и на прикладные проблемы славянской этнографии.

Бустад перевел обмен репликами Юнглингу, и теперь пришла его очередь смеяться. Смеялись и все другие члены норвежской делегации, однако большинство баренцбургцев не понимали подтекста и недоуменно переглядывались между собой. Но сватовство тоже было прервано в самом начале, потому что позабытые были всеми подсудимые напомнили о себе самым наглым и предательским образом.

— Mister Governor! — завопил по-английски загрустивший было Джек. — Mister Governor General! — решил он повысить Юнглинга. — Please, save us from the unjust trial by this mob*!

Взоры всех присутствующих вновь обратились на американцев.

— Кто вы? — спросил Юнглинг на английском языке.

— Мы — бедные американские географы, несправедливо обвиняемые в шпионаже местным правителем! Нас ждет тюрьма и произвол! — кричал Джек.

К Юнглингу подскочил Андерс Андерсен и зашептал ему что-то на ухо.

— Херр Кравченя, извольте объяснить, что здесь происходит,— сухо обратился губернатор к президенту ШУРЫ через переводчика.

— А ничего особенного. Происходит то, что и должно произойти. Эти люди, господин губернатор, приняв на себя личину ученых, оказались агентами ЦРУ и, злоупотребив самым бессовестным образом нашим гостеприимством, выкрали у нас

* Мистер губернатор! Мистер генерал-губернатор! Спасите нас, пожалуйста, от несправедливого суда этой толпы! (англ.)

важные документы. Они были схвачены с поличным на месте преступления, а потому по нашим законам подлежат строгому наказанию.

— Гмм... А какие конкретно документы попали в их руки?

— Результаты изыскательских работ нашей геологической экспедиции.

Юнглинг переглянулся с Андерсеном многозначительным взглядом и продолжил:

— Нельзя ли, херр Кравченя, проявить к ним снисходительность и в порядке, так сказать, гуманного отношения простить их и отпустить под мое поручительство?

— Это должен решить народ. У нас, в отличие от всего остального мира, действует прямая демократия. Как скажет народ, так и будет.

— А давайте попробуем спросить его прямо сейчас,— предложил Юнглинг.— Заодно и покажете, как работает прямая демократия.

— Минуточку, господин губернатор, минуточку! — заволновался Роман Спиридонович.— У нас есть принципиальное решение о том, чтобы ни в какие отношения с вами не вступать до тех пор, пока мы не получим официального признания. Что вы на это ответите?

— На это? Видите ли, господин Кр... господин президент... Я жду в настоящий момент указаний из Осло... Давайте пока... давайте пока считать, что мы с вами находимся в состоянии переговоров. Это ничуть не мешает нам решать актуальные практические вопросы.

— Вы так считаете? Ну что ж, мы согласны с этим предложением.— Кравченя поднял руку и спросил: — Уважаемые граждане Шпицбергенской Украинской республики! Сюзельман Норвегии предлагает помиловать вот этих людей и взять их на поруки. Что вы на это скажете?

Некоторое время толпа молчала, но потом кто-то ехидным тоненьким голоском крикнул:

— А что нам за это будет?

— Да,— оживилась толпа,— пусть он скажет, что нам за это будет!

Бустад перевел вопрос, после чего Юнглинг поманил из своей делегации какого-то лысого пожилого человека, одетого в черное с белым плотным воротничком, облегающим худую шею. Народ узнал в этом человеке пастора Лонгйербюенской церкви Бьерна Серенсена.

— Скажи им, Серенсен, чем может помочь твой приход местному населению.

Пастор Серенсен скромно вышел вперед и тихим голосом начал что-то говорить по-норвежски.

— Пастор Серенсен обещает вам через неделю привезти гуманитарную помощь в виде одежды для ваших детей. Сборы ее уже начались в губернии Тромсе,— сообщил народу Бустад.

Толпа загудела одобрительно, но знакомый ехидный голос не удовлетворился этим обещанием и опять спросил:

— А почему только детям? Мы тоже хотим!

— Роман Спиридонович,— подскочил к батьке Свидригайло,— правительству позарез нужна оргтехника: факс, компьютер и тому подобное.

Новые условия передачи подсудимых в руки норвежской администрации тут же были перетолмачены с русского на норвежский язык. Бустад, Серенсен и Юнглинг взяли тайм-аут, посоветовались минутку и через переводчика сообщили, что они готовы выдать гуманитарную помощь всему поселку Баренцбург и обеспечить правительство ШУРы необходимой оргтехникой.

При этих словах из толпы полетели в воздух шапки, послышались возгласы «Ура», «Хай живе губернатор Юнглинг». Лучшего исхода для себя во всей этой истории народ и не видел. Какой толк в том, чтобы осудить двух дармоедов на несколько лет тюрьмы и посадить их на свою шею?

Прямая демократия оказала на норвежцев очень сильное впечатление, и охрана, получив указание из уст народа, немедленно передала Джека и Джима норвежским полицейским. Джек от счастья бросился на шею губернатору и стал его душить в благодарных объятиях, у Джима по щекам текли слезы.

Судя по всему, их мытарства по архипелагу заканчивались.

— Умом Россию не пронять! — изрек «географ», назидательно указывая пальцем в небо.

— Ну а теперь приглашаю всех на праздник семенного животноводства! — сказал президент ШУРЫ, подводя итог судебного заседания, и широким жестом пригласил всех на Скотланд-Ярд.

Предложение подкупало своей новизной, непосредственностью и соответствием целям и желаниям норвежской делегации. Представители двух заполярных общин наконец-то смешались в одну живую массу и все вместе дружной гурьбой двинулись на скотный двор. Впереди норвежцы вели, с трудом сдерживая, мисс Бэтси, которая вскоре должна была стать миссис, за ней шли Юнглинг и Кравченя со своими приближенными, а за ними топали уж все остальные. Председатель Агросовета Норвегии старался забежать вперед и спросить:

— А где же херр Волколуп? Почему он нас не встречает?

С балкона консульства за ними наблюдал консул Еремкин и некоторые его сотрудники. Лицо консула было мужественным и воодушевленным. Он только что дал указание Дурасову отсыпать из оставшихся стратегических запасов килограмм шоколадных конфет для Суперпупса и его братьев, которым удалось-таки выполнить задание по возвращению российским властям важных документов.

В мире стратегии и тактики

*Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте
Вы своего пороха-свинца не жалейте...*

Народная песня

Военные — это те же люди, что и мы с вами, дорогой читатель, только они, в отличие от нас, в своей повседневной деятельности руководствуются исключительно интересами безопасности вверенного им государства и приказами. Приказ — это чаще всего бумага, составленная в повелительной форме, и хотя все предложения заканчиваются в ней точками, подчиненные воспринимают их как восклицательные. Приказы отдают военачальники самых разных рангов и калибра — от Верховного Главнокомандующего (ВГК) до ефрейтора. Приказы подчиненными не обсуждаются, а выполняются беспрекословно, точно и, главное, в срок.

Жить по приказам — легко и весело, потому что тем, кому они отдаются, думать не надо. За них думает вышестоящий начальник. Начальники, как правило, имеют головные уборы на один-два, а то и три размера больше, чем у подчиненных, потому что от постоянного думания у них пухнет голова. Самый большой размер папахи, естественно у ВГК, а самый маленький — у рядового Сидорова.

Если на гражданке свобода действий каждого человека определяется правилом маятника — чем выше сидишь на иерархической лестнице, тем меньше принадлежишь себе, то в армии это правило применяется с точностью наоборот: меньше всех свободы действий у рядового Сидорова, который не может приказать даже себе, а больше всех — у ВГК, которому приказать не может никто, — кроме, естественно, собственной супруги.

И что характерно: военные всех стран, как водные капельки, похожи друг на друга — и в этом заключается их сила и слабость. Эта похожесть позволяет им успешно оправдывать собственное существование, вооружаться и вести военные действия

друг против друга, не достигая решительной победы. Впрочем, не все военные едят свой хлеб даром, и когда противника нет, они его выдумывают, полагая при этом, что они всегда сильнее его. Поскольку обычные войны некоторыми недалекими политиками признаны аморальными, то западные военные изобрели для себя такое понятие, как «гуманные миротворческие акции», и этим самым обеспечили себе безбедную жизнь на многие годы вперед. Во время миротворческих действий объявление войны как таковой стало ненужным, зато благодаря им стало возможным вовсю тешить истосковавшуюся по взрывам и бомбежкам солдатскую душу. Причем, как правило, на чужой территории.

Цель имеет калибр, который обычно измеряется в миллиметрах.

Вот и сейчас неподалеку от норвежского города Тромсе к последнему броску на Шпицберген приготовилась спецгруппа ЦРУ майора МакКоя для осуществления операции «Буря в тундре». Ей поставлена задача освободить двух американских заложников и попутно восстановить демократию в российском поселке Баренцбург. МакКой ввел в группе часовую готовность и с минуты на минуту ожидает боевого приказа на вылет в район назначения. Для взаимодействия с МакКоем в район Шпицбергена выдвигается малая атомная подводная лодка ЦРУ, о чем майор, разумеется, поставлен в известность. Силы быстрого реагирования, расквартированные в Норвегии, Англии и Шотландии, на всякий случай приведены в боевую готовность.

А в окрестностях Мурманска изготовилась к броску на Баренцбург группа спецназа майора Звягинцева «Смерч». Ей поставлена задача нейтрализовать в поселке незаконный режим украинских националистов и вернуть баренцбургский рудник под управление российского треста «Арктиуголь». Майор Звягинцев ввел в своей группе часовую готовность и с минуты на минуту ждет поступления соответствующего приказа. В помощь группе Звягинцева придана подводная лодка Северного ВМФ и в состоянии боевой готовности приведен полк стратегической авиации на Земле Франца Иосифа.

Майор МакКой окончил военное училище в Форт-Брагге и участвовал в специальных акциях в Гренаде, Анголе, Никарагуа, Ираке и Югославии. Был ранен, награжден медалью «Пурпурный Крест». Женат, имеет сына 10 и дочку 8 лет, владеет всеми известными системами личного оружия, приемами рукопашного боя и русским языком (со словарем).

Майор Звягинцев окончил Рязанское десантно-воздушное училище и участвовал в боевых действиях в Анголе, Афганистане и Чечне. Был ранен, имеет боевые награды. Женат, имеет дочку дошкольного возраста, владеет всеми видами личного оружия, приемами рукопашного боя и английским языком (со словарем). Может управлять любым транспортным средством отечественного и иностранного производства.

Майор Звягинцев проинформирован о том, что НАТО вот-вот начнет спецоперацию на Шпицбергене и страшно нервничает, потому что боится опоздать. Начальство пообещало, что если он появится на архипелаге позже американцев, то с него «снимут голову». Более ценной вещи, чем голова, майор Звягинцев за пятнадцать лет службы в армии ничего приобрести не успел, поэтому и переживает.

Майор МакКой учитывает возможность вмешательства в события русских, но считает ее маловероятной. У них слишком мало было времени на то, чтобы спланировать и как следует подготовить эту операцию. Кремль слишком поздно принял решение о направлении туда своего спецназа. Только когда даже всем ежам стало ясно, что США и НАТО непременно вмешаются в события на архипелаге, ВГК назначил в Брюссель своего специального представителя, бывшего младшего научного сотрудника НИИ сельского хозяйства Турбулиса, для переговоров с НАТО об «условиях урегулирования шпицбергенского кризиса». Плотнo сжав зубы, брюссельские генералы продиктовали внуку латышского стрелка эти условия: в них русским в совмест-

ной миротворческой акции на своей собственной земле отводилась роль рядового участника под американским, разумеется, командованием.

Подобное предложение было бы унижительным для любого Непала, поэтому Гарант Конституции и ВГК согласиться с ним никак не мог. Плотнo сжав губы и сурово нахмурив брови, до глубины души обиженный на заграничешей Билла, Жака и Коля, он дал Турбулису указание прервать переговоры и вернуться в Москву. После этого ГК и ВГК отдал-таки военным приказ готовиться к высадке в Баренцбурге.

Архипелаг Шпицберген имеет демилитаризованный статус, что было принято во внимание как американцами, так и русскими спецназовцами. Участники обеих штурмовых групп получили камуфляжную форму без всяких знаков различия и государственной символики. Норвежские власти, естественно, краем уха услышали о готовящейся операции, но в суть и сроки ее проведения по-прежнему не посвящались. В Осло о предстоящей высадке американских и русских военных знали ровно столько, сколько папуасы Новой Гвинеи или пингвины на Голопагосских островах.

Приказ! Когда же придет приказ?

Напряжение вокруг Шпицбергена на Большой Земле достигло своего апогея.

Максим Ершов
(г. Москва)

КУКША ПЕЧЕРСКИЙ

Историческая повесть

С 2015 г. состоит в Российском союзе писателей. Публиковался в журналах: «Приокские зори», «Всемирный путешественник», «Наши современники», «Подъем», «Север», в альманахе «Родина», в «Независимой газете», в изданиях РСП и др. Лауреат литературной премии «Наследие» 2020 г. В 2024 году в номинации «Историческое наследие» стал лауреатом Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси».

Глава 5. СБОРЫ В ДОРОГУ

С каждым днем, благодаря щедрому солнцу, становилось все теплее и теплее. В его ярких лучах воздух казался промытым чисто-начисто, подобно стеклу в княжьем тереме.

Собираясь в дорогу, отец Иоанн первым делом попросил игумена выдать как можно больше нательных крестиков, ладана и свечей. Все полученное длинноволосый писарь в синей скуфейке и ватном подряснике старательно записывал на листок. Братия, напутствуя, предлагала взять из подвалов муки, крупы, бочонок квашенной капусты. Иоанн отвечал словами Евангелия от Матфея: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»

Как только окончилась зима, хозяева судов стали готовить ладьи. На пристани царила суета. Смолились днища, в борта пристраивались уключины, державшие весла, подшивались паруса, проверялся трюм, куда загружались товары. В случае войны и похода все суда поступали в распоряжение князя. Чтобы произвести таран, на ладьях делали мощный нос в виде грозного зверя. Теперь же в речные и морские походы русичи давно не ходили. На первый план вышла конница, отчего носы судов стали украшать лебедями.

Иоанн с Никоном принялся выяснять, кто идет на Оку. Большинство направлялось во Владимир и Новгород, Муром и Нижний Новгород оказались не столь популярны. В итоге хозяин ладьи по имени Белогор пообещал взять чернецов. Желая как можно больше заработать, он сперва намеревался подняться по Десне до Дебрянска, затем спуститься до Сейма и идти на Оку. Про Дебрянск в Киеве торговые люди слышали, но что представляет собой город, никто толком не знал.

Согласившись сесть за весла, Иоанн снизил изначальную сумму до пяти серебряников. В плавание Белогор отправлялся через день и предупредил Иоанна, чтобы они с Никоном, как только взойдет солнце, были на пристани.

Обычно купеческие ладьи объединялись во флотилии. Если в пути случалось несчастье, товарищи приходили на помощь, и от разбойников отбиться было легче. Однако Белогор, чтобы быть в Дебрянске первым, решил идти в одиночку. Трюмы за-

полнил зерном, солью, бочонками с вином и маслом. Помимо этого, набрал женских украшений, инструментов и самого разного оружия, от наконечников до булатных сабель.

Собранные котомки и мешки давно ждали своего часа, дальнейшая подготовка к плаванию состояла по большей части из молитвы. Во время братского молебна, божественной литургии и всеобщего бдения Иоанн и Никон просили у Бога, чтобы дал сил на путешествие и помог преодолеть трудности. Когда иеромонах оставался в келье один, он вновь молился Пресвятой Богородице и Святителю Николаю, покровителю путешественников.

Игумен Феофан и часть монахов отправились провожать проповедника на пристань. Сперва Белогор мешкам чернецов не хотел предоставить места в трюме, однако, когда об этом попросил настоятель Печерского монастыря, отказать не смог.

Сотворив перед образом Богородицы молебен о путешественниках, игумен потечески обнял Иоанна и Никона.

— Чада мои, каждый день всем монастырем будем молиться о вас. На пристань ходить станем, чтобы узнавать новости. Господь добрые дела видит и без милости праведника не оставит. И все же, берегите себя! Государь Владимир Мономах хочет тоже участвовать в благостном деле,— с этими словами игумен достал из кармана ряссы небольшой мешочек с монетами и передал его Иоанну. Тот Феофана поблагодарил, обнял и поспешил в ладью.

Глава 6. НА ЛАДЬЕ ПО РЕКАМ

Днепр подхватил судно, намереваясь закружить в своих водах. Однако команда к реке быстро приноровилась и с течением справилась. По обе стороны ладьи располагались скамейки для гребцов. Кормчий, отдавая команды, сам находился на корме, управляя ладьей при помощи рулевого весла, с коротким поперечным румпелем. По команде «И-ии раз» гребцы весла из воды поднимали и переводили вперед, под «И-ии два» опускали, осуществляя гребок.

Провожая отцов и мужей, жены и дети долго оставались на пристани, согревая взглядом уходящую лодку. Игумен тоже не спешил. Сердце наполнялось тревогой, отогнать которую он старался молитвой.

Кроме Белогора все остальные были при веслах. С каждым взмахом стольный град отдалялся все дальше. Когда причал растворился за кормой, о Киеве напоминали только главки церквей, однако к полудню они тоже исчезли. Чем дальше отходила ладья, тем пустыней становились берега. Легкий ветерок забавлялся с белыми облаками. Команды кормчего, всплески весел и удары речной волны о борт нарушали тишину.

По правую сторону Днепра алели обрывами склоны, утыканные ласточкиными гнездами. Вернувшись после зимовки, птицы проверяли жилища, кружили над водой и над утесами, наполняя речной простор суетливым попискиванием.

Левый берег был более низким, где выжженная степь чередовалась с хуторскими пашнями. Русские люди, напуганные извечными набегами степняков, в голом поле селились при большой нужде. Дабы лишить половецкую конницу кормов, степь вокруг Киева выжигалась.

Купец собрал команду из людей проверенных. Трое сыновей сидели на веслах, другие из года в год нанимались на постоянной основе. Троян по рекам ходил более тридцати лет, отчего все мели и водовороты знал. Только по ему известным приметам кормчий мог определить изменение ветра, и, если нужно, поставить парус. Новичками в этой компании являлись лишь Никон и Иоанн.

Когда солнце перевалило за полдень, ладья уже давно шла по Десне. Приблизившийся вечер заявил о себе ветром, разгонявшим по воде волны.

— Ну все, для первого дня хватит,— объявил кормчий, направив ладью в сторону песчаной косы.

Поравнявшись, бросили якорь, но выходить не стали. Опасаясь лихих людей, на берег ступали в исключительных случаях. Белогор на носу лодки в специально оборудованном отсеке разжег огонь, зачерпнул из реки воды, поставил котелок на треногу и занялся приготовлением ужина.

После долгого сидения и монотонной гребли ребята с удовольствием распрямляли спины и разминали ноги. Троян прошелся среди лавок, опрашивая, все ли у всех в порядке. Тут выяснилось, что Никону досталось новое весло, не сглаженное у рукояти, и на руках выступили мозоли. Иеромонах пожурил послушника, что тот не сказал сразу, а кормчий помазал мазью. Затем совместно осмотрели весло, обнаружив шероховатости, обмотали ручку куском кожи.

Вечер наполнился веселым гомоном. Подшучивая друг над другом, парни обменивались новостями. Зимой они нанимались в посаде на самую разную работу. Когда сходил лед, собирались на пристани, подтверждая участие в походе. Купец, хотя и был хитер, гребцам платил щедро, предпочитая иметь дело с людьми проверенными.

В прежние времена каждый нанимался с оружием. Щит и копье были обязательны, кто имел меч, мог рассчитывать на большую сумму. Теперь на волоках стало спокойно, однако хозяева судов, скупив у посадских оружие, предпочитали щиты крепить к бортам, а мечи и копья хранить на корме, чтобы в любой момент вооружить команду.

По негласным правилам, купец отвечал за своих людей. Если случалось несчастье, выплачивал семье отступные. Личную одежду и обувь подбирали самостоятельно, а по поводу провианта не беспокоились. Кормежка была за хозяином. Кто не жадничал, брал на борт кашевара, в противном случае, купец кашеварил сам.

Помешивая кашу половником, Белогор определил, еда готова. Раздав ржаные сухари, пригласил к котлу первую смену. Отец Иоанн прочитал молитву, и все дружно перекрестились. Достав ложки, молодцы начали уминать кашу. Белогор пристроил на очаг котелок для чая, зорко поглядывал, чтобы первая смена не объела вторую.

За ужином Никон еще раз оценил достоинства сапог по сравнению с лаптями. Ложка удобно встраивалась за голенище, тогда как за пазухой мешалась и могла выпасть.

С крестами поверх черных ряс иеромонах с послушником среди гребцов выделялись. Мужики относились к ним с уважением, явно не понимая, зачем они направляются к вятичам, церковью в Киеве полно, а в лесах их нет.

Отвечая на вопрос, отец Иоанн рассказал притчу о заблудшей овце, продолжив оную притчей о блудном сыне. В итоге убедил, что в лесах живут точно такие же люди, чьи души необходимо спасать.

Когда стемнело, от реки пошел холод, при порывистом ветре проникавший под одежду. Помимо паруса к стволу мачты крепились крылья парусиновой палатки, которые в случае дождя растягивали по бортам. Пойдет ночью дождь или нет, крылья старались поставить. Даже если не будет капать, пусть защитят от ветра.

Купец раздал войлочные коврики и теплые одеяла. Иоанн и Никон устроились спина к спине. Иеромонах уснул быстро, а у Никона не получалось. За целый день он устал на веслах, но, так как ладью покачивало, на душе было спокойно. Никон боялся, что следующая волна будет более сильной и перевернет лодку. После, прочитав двенадцать раз подряд «Отче наш», уснул с надеждой на волю Божию.

Едва забрезжил рассвет, юноша проснулся, приподнял край палатки и взглянул на свет Божий. Ветер успокоился, ровная поверхность реки купалась в легком тумане. Мечтали о скором лете прибрежные камыши, заботливо прикрытые белым покрывалом, и деревья, еще не украсившие себя листвой, тоже казались оцепеневшими. Над Десной стояла удивительная тишина, которую не смели нарушить ни птицы, ни звери, ни люди.

— Что, проснулся? Ребята пусть спят, а ты помогай палатку отцеплять. Потом на мачту смотаем,— пробурчал кормчий.

Пока Никон развязывал узлы, небо озарилось багрянцем. Желая как можно скорей обогреть землю, над горизонтом воссияло солнце. Утреннюю тишину все уверенней и настойчивей нарушал монотонный всплеск весел. По реке скользила ладья, одинокий парус которой напоминал крыло бабочки.

— Ей, вы, сонные тетери? Всю торговлю проспите и на базар не поспеете! — прилетело по водной глади от конкурентов.

— Это мы ишо поглядим, кто в Чернигове первым будет,— сложив ладони у рта, проорал Белогор.

Пробудившиеся молодцы принялись скатывать коврики и одеяла. Белогор каждому выдал по сухарю, по рукам пошла бадья с холодным чаем. Разминаясь после сна, гребцы усаживались на скамейки. Кормчий поднял якорь, сильные руки обхватили весла и зазвучало прежнее: «И-ии раз», «И-ии два», «И-ии раз», «И-ии два». Когда солнце, рассеяв туман, опустило свои лучи в синие воды, лодка уже была далеко.

Друг за другом потянулись дни, похожие как две капли воды, но все равно разные. Днем работали веслами, ночью отдыхали. При попутном ветре ставили парус. В месте слияния Десны с небольшой речушкой, когда ничто не предвещало опасности, ладью закружил ветер, пытавшийся изорвать в клочья парус. По команде кормчего гребцам пришлось его убирать, что при начавшейся качке оказалось непросто. Если бы отец Иоанн не подхватил своего чада, Никон мог выпасть за борт. К счастью, обошлось.

Навстречу попадались суда, идущие в Киев. Троян старался сблизиться, чтобы узнать лоцию и последние новости. Половцы русских городов не беспокоили, лесные вятичи тоже сидели тихо. На разбухшей в половодье реке отмели ушли под воду, и, кроме вырванных с корнем и плывущих по течению деревьев, других опасностей Днепр и Десна не обещали.

Во время отдыха отец Иоанн рассказывал о земной жизни Христа, отвечал на вопросы, давал советы. Как-то раз Белогор расчувствовался и при всех покаялся, что бывает не сдержан. Отец Иоанн в ответ поведал притчу про дерево и гвозди.

Один юноша сквернословил. Дошло до отца, который отругав сына, посоветовал, каждый раз после плохого слова заколачивать в дерево гвоздь. В первый день сын забил с десяток, но далее, стараясь сдерживаться, начал исправляться. Когда отучился от плохих слов, отец помог гвозди вытащить.

— Видишь, в дереве остались дырки. Дерево говорить не умеет, при этом боль, как и любой человек, чувствует. Плохие слова, сорвавшись с уст, даже если ты потом извинился, остаются в памяти,— повторяя слова отца, подытожил Иоанн.

На гребцов притча произвела сильное впечатление. Обдумывая смысл, они долго молчали, а Белогор, пустив слезу, еще раз прилюдно попросил прощения у команды, если кого обидел.

К вечеру седьмого дня в вечерней дымке, подкрашенной желтизной солнца, проступил силуэт Чернигова, что придало новых сил. Воспаривший над Десной город представлялся земным Иерусалимом, где путник получит успокоение души и отдых для тела. Гребцы стали уговаривать Трояна и Белогора, дескать, мы сейчас ударно поработаем веслами, доберемся до города и будем спать в гостевом доме.

— Нет, молодцы мои. Это вам только кажется, что Чернигов рядом. Здесь Десны течение особенно быстрое, до города идти долго. Ночевать на реке будем. С рассветом выйдем и в городе к полудню окажемся. В Чернигове день отдыха выделю,— ответил Белогор.

Так оно и получилось. Причалив к пристани, купчина сразу отправился на постоялый двор, который вместе с избой и службами разместился под сенью мощного

дуба и обозначался конским черепом вместо вывески. Отметившись у торгового дьяка, рассказал про маршрут и про товар. Чернигов от Киева находился близко и потому выбор был примерно одинаков. Хитрый Белогор не стал доставать из трюма зерно, выставив изделия киевских сапожников, портных, ювелиров. Народ подходил, женщины крутили в руках кольца и браслеты, приценивались, однако никто ничего не купил. Белогору это было на руку, у вятичей он рассчитывал на большую выручку. В гостевом доме ночлег предоставили, а что ничего не купили, его вины в этом нет.

Отец Иоанн отправился в Елецкий монастырь, которому посвятил почти половину жизни. Посетил могилу Никифора, в Успенском соборе отстоял вечернюю службу, поговорили с братией и настоятелем.

Игумен Алексей иеромонаха помнил отроком Кукшей. Услышав, что тот идет к вятичам, пригласил в личные покои, где благословил и сказал:

— Много лет душа моя болит, что мы, монахи, отреклись от мира, покинули родных и родину, дали обет перед Богом и святыми Ангелами, проводим жизнь в постах и молитвах, и все равно в добре не преуспеваем. Многие мирские живут в великом невежестве, а про вятичей говорить вообще не приходится. Но именно мы примером своим наполняем сердца Верой. Кто страдает за Заповедь, в Царстве Небесном будут друзьями Господа, а остальных Он только помилует.

За Черниговом Десна, словно заблудившись, начала петлять, отчего парус поставить стало невозможно. Налегая на весла, через три дня дошли до слияния с Сеймом. В старину река называлась Семь, ибо пополнялась семью притоками.

Махнув рукой вправо, Белогор объявил:

— Вот он, Сейм, молодцы мои! Сходим до Дебрянска, сюда вернемся и вверх по Сейму пойдем.

Следующим местом, где они сделали остановку сойдя на берег, стал Новгород-Северский. Куполами и крестами город заявил о себе издалека.

Вещий Олег подчинил своей власти племенной союз северян, и они участвовали в его походе на Константинополь.

Возвышенность по правому берегу Десны северяне обжили давно. По легенде, здесь находилось капище. Креститель Руси князь Владимир языческих идолов сбросил в реку, а северян крестил. Через пятьдесят лет его сыну Ярославу Мудрому пришлось совершать новый поход в их землю. Устранив смуту, Ярослав основал город, который назвал Новгород-Северский в честь племенного союза северян.

Когда отец Иоанн был Кукшей и постигал науки в Елецком монастыре, Никифор учил: «Поляне, древляне, радимичи — пришли на Днепр с другими славянами, а северяне — нет. Северяне потомки антов».

Подтверждения в письменных грамотах Кукша не нашел, но позже убедился, северяне внешне действительно отличались узкими лицами и характерным говором. Их города и селения, располагавшиеся в степной зоне, на протяжении многих лет защищали Русь от кочевников. Привыкшие жить в постоянной опасности, они даже подходы к реке ограждали частоколом. Женщины собирались гурьбой, и в сопровождении стражника по обустроенному проходу спускались за водой.

Мономах отодвинул половцев — северяне вздохнули с облегчением. В Новгород-Северском началось строительство каменных храмов, любо-дорого стало посмотреть на дома купцов и дружинников. К укрепленной части города, имевшей форму четырехугольника, стал активно пристраиваться посад, делившийся на концы и улицы. Чуть ближе к реке тянулись слободы ремесленников. По утверждению Белогора, здешние мережники изготавливали самые лучшие рыболовные сети и снасти.

В общем, всем хорош был Новгород-Северский, за исключением своего князя. Здесь правил внук Ярослава Мудрого — Олег Святославович, которого в народе прозвали Гориславич. Заносчивый от рождения, он стал одним из главных участников

междоусобиц. После смерти своего отца Святослава сражался за Чернигов. Потерпев поражение, несколько лет провел в ссылке в Византии. Вернувшись на Русь, долгое время управлял Тмутараканью и в 1094 г. вновь захватил Чернигов.

Значительную часть жизни Олег Гориславич посвятил борьбе с Владимиром Мономахом и его детьми, при этом сам Мономах, после своей победы, проявил милость, отдав Олегу в управление Новгород-Северский. Так Новгород-Северское княжество стало удельным в составе Черниговского.

Город славился гончарами, бондарями, столярами, оружейниками. Местные модницы следили за новинками бижутерии и изделиями ювелиров. Торговля с северянами обещала стать прибыльной. Однако, помня про Олега Гориславича, более одного дня ночевать в Новгород-Северском Белогор не хотел, и, кроме соли и вина, ничего на торг не выставил. Отец Иоанн и команда отнеслись к этому с пониманием.

После Новгород-Северского два дня шли до слияния с рекой Судость. Еще через два дня достигли Трубежа. Это был последний северский город. За ним начиналась земля вятичей.

Основанный чуть дальше по Десне, Трубеж после пожара перебрался на высокую гору. С бывшего капища река и ее берега просматривались на десять верст. Гору разрезал овраг, который трубчане продолжили рвом. Две невысокие башни образовывали входные ворота крепости, куда заходили по подвесному мосту. Караульные, увидев новых людей, на всякий случай подняли мост, не желая пускать в город, однако далее, убедившись в добрых намерениях, зайти дозволили.

По одной из легенд в этих местах состоялось сражение северян с варягами. Притворившись купцами, заморские разбойники решили напасть, но получили отпор. Отступая, предводитель потерял меч, после чего оповестил собратьев: «Дальше не пойдем, тут рубеж». Меч не нашли, а за поселением закрепилось название — Трубеж.

Ведомые отцом Иоанном гребцы посетили храм, отстояли службу, и, не стовариваясь, поставили свечки Николаю Угоднику — покровителю путешественников.

Священник Троицкой церкви иеромонаху оказался знаком. В Трубеже он служил всего пару лет, но рассказал интересные вещи. Местный люд, хотя и принял христианство, прежних богов из души не изгнал. Опасаясь волхвов, люди по-прежнему посещали капища, и если в городе похоронный обряд проходил похристиански, то рядом с селением Кветунь до сих пор разрастаются курганы. Раньше северяне покойников сжигали на кострах. Пепел помещали в горшок, клали в яму и насыпали сверху курган. Теперь костров не жгут, зато покойников в мир иной отправляют в лучших одеждах, с оружием и украшениями, коих у женщин традиционно больше.

Батюшка и так пытался народу объяснять, и эдак, и даже запугивать адом пытался. Все оказалось без толку, по соседству с вятичами старая вера была сильна.

Распродав часть товара, Белогор пожелал угостить команду мясом. Сторговав у неумелой бабы двух куриц, лично ошпал их и отправил в котел. Супец получился знатный! Выпив по чарке, откушав вкусной пищи и отдохнув две ночи, отправились дальше.

За Трубежом высокий, изрезанный оврагами берег пошел на понижение. На смену степным просторам и перелескам во всей красе явился суровый лес, стеной вставший по берегам. Чем выше поднимались, тем меньше среди хвойных дебрей искрилась жизни. Когда река расходилась по сторонам, она становилась похожей на озеро, остекленевшая гладь которого таила под собой бездонную глубь. Если Днепровская вода казалась голубой, то Десна, размывавшая лесную глину, отдавала коричневым. В местах сужения злобная река бурлила и ускорялась, отчего гребцам приходилось основательно налегать на весла.

Встретив собратьев по торговому делу, кормчий подвел лодку поближе, после

чего Белогор засыпал их вопросами, что они знают про Дебрянск и Хотылево? Большие ли города и в каких товарах нуждаются?

Купцы ответили, Хотылево это селище за Дебрянском, подниматься туда не стоит, зато зерно, которое доставит первая ладья, в Дебрянске будет востребовано.

Известие вдохновило. Команда налегла на весла. Обрадованный Белогор, помимо каши, вечером каждому поднес стопку с медовухой.

Почти за каждым поворотом Десна и ее берега менялись: болота чередовались с высокими горами, а суровая хвоя с березовой рощей. Обустроиваясь на ночь, кормчий всякий раз старался бросить якорь подальше от берега.

Путь от Чернигова до Дебрянска занял две недели. Дебрянск оказался крепостью, обустроенной на высокой горе. Городская пристань состояла из нескольких бревен, занятых гусями и едва проглядывавших из-за кустов плакучей ивы. Если во всех других городках и поселках ладью приветствовали взмахом руки, то здесь, при виде судна, народ попрятался, изучая гостей из-за деревьев. Убедившись, что это не княжья дружина, а купцы, первыми подошли старики. За ними подтянулись женщины и дети.

Когда в Чернигов или в Киев приходили вятичи, Иоанн безошибочно отличал их по особому плетению лаптей, по грубой одежде и по кожаным шапкам. Нечесанные, своими длинными бородами они напоминали леших из сказки, невесть как попавших в город. Робкие, всего и всех боящиеся, среди людского водоворота они чувствовали себя неуютно.

— Не пугайтесь нас, люди добрые! Мы с товаром прибыли, торговать хотим,— приветствовал дебрянцев Белогор.

— Гостям всегда рады! Если с товаром и гостинцами, добро пожаловать! — прошепелявил в ответ, расплывшись в улыбке, беззубый старик.

— Мы привезли зерно, обувку, одежду, мужчинам оружие и инструменты, женщинам украшения. Где у вас князь и думный дьяк? С кем торговую часть обсудить?

— Князь Борислав в отъезде. По вотчинам ходит, порядок проверяет, а думный дьяк на месте. Располагайтесь в гостевом доме. Он скоро подойдет,— прозвучало в ответ.

От реки веяло спокойствием. Солнце, окрасив облака желтизной, начало присматриваться к лесу, где удобней пробраться меж деревьев, чтобы скрыться за горизонтом.

В городках, даже столь малых как Дебрянск, опасаться нападений не стоило. Если обидят купцов, Киевский князь узнает и отправит в поход дружинников. Белогор это понимал. Команде, кто устал от лодки, разрешил ночевать в гостевом доме, сам же от ладьи и товара решил не отходить.

Гребцы вышли на берег, потягивались в плечах, разминали ноги. Дебрянцы гостей изучали с интересом. Особое внимание привлекли два бородатых человека во всем черном. Один, с крестом на груди, проявлял отеческое внимание ко второму, отчего можно было подумать, что это отец с сыном.

— Приветствую вас, жители леса! Мы к вам с гостинцами. Эй, детишки, кто смелый, подойди леденцом киевским угоститься,— громко молвил человек с крестом, развязал котомку и вытащил сладости.

Дети, наоборот, попрятались за юбки и подолы матерей, а малыш, которого сестра толкнула, чтобы подошел, начал плакать.

— Ну, ничего, не бойтесь. Я сладости и свистульки на пеньке разложу, а сами мы до города подняться хотим. Зайти в город можно?

— Да как сказать? Можно или нет, мы не знаем. Иногда можно бывает, но сегодня жрец к ритуалу готовится. Разрешат или нет, бис его знает,— ответил старик.

Белогор и Троян сразу поняли, в гостевом доме про ужин лучше не обговаривать, ждать придется долго. Развели костер на берегу, и занялись приготовлением. Дети

наблюдали, но подойти за сладостями не спешили, и только когда Иоанн с Никоном скрылись среди кустов, берег и реку огласили восторженные пiski.

Тропинка петляла среди орешника и вывела на поляну, откуда стало возможным оценить масштаб Дебрянска. Посад состоял из двух десятков землянок, рядом с которыми лежали в лужах свиньи. Крепость своей формой напоминала чашу. Рубленые стены и башни отдавали новизной. С трех сторон она по-хозяйски возвышалась над рекой и лесом, с четвертой отгораживалась рвом и насыпным валом. Как и во многих русских городах, попасть внутрь можно было по откидному мостику.

Вятичи в новых людях внимательно всматривались, при этом никто вопросов не задавал. В воротах попался запыхавшийся дьяк с журналом и гусиными перьями. Он спросил, не с корабля ли они? Отец Иоанн не успел ответить. Дьяк, махнув рукой, поспешил на пристань.

Внутреннее пространство крепости состояло из хаотично разбросанных строений, над которыми царствовал княжеский терем. По киевским меркам он был скромный, однако два этажа и резное крыльцо придавали солидность. За княжским домом мелькнули люди, идолы и капище, однако чернецы ничего толком не успели рассмотреть.

— Кто такие? С ладьи? Зачем пришли? — рыкнул на гостей крепкого вида здоровяк. За его спиной группировалась поддержка.

Если на пристани приплывших боялись, то здесь наоборот, испуга и робости никто не проявлял, в глазах сверкали агрессия и злоба.

Отец Иоанн приветствовал дебрянцев, представился, что он Кукша из Корьдно, сын князя Ходоты, теперь же его зовут Иоанн, а прибыл он вместе с купцами, чтобы рассказать о жизни в Киеве и в греках, как устроен Мир и что есть Бог.

— А-аа, знаем, знаем! Про Ходоту и Корьдно помним. Но это ты раньше был Кукшей, теперь ты не вятич. Ты — грек, а нам греческий Бог не нужен, у нас свой есть. Ничего слушать не хотим, — заорала толпа.

— Ну не хотите слушать, тогда дозвоьте среди вас побыть и нам вас послушать, и как живете посмотреть, — парировал монах.

— Это можно. Скоро закат, у нас будет праздник, — заголосила толпа.

Внимание к чернецам ослабло, и они смогли приблизиться к капищу. За мужскими спинами Иоанн разглядел костерок, резных идолов и жреца в белой одежде. Перед ним на коленях стоял молодой парень, которого с разных сторон два амбала душили полотенцем. На лбу несчастного проступила вена, куда оракул ткнул иглой. Когда закапала кровь, под восторженные крики подставил чашу, после чего окропил костерок и начал мазать кровью рты идолам.

От увиденного Иоанн едва не лишился чувств, вспомнилось, как в Корьдно Хартан отрубил голову младенцу и кинул тело в костер.

— Люди, стойте, опомнитесь люди. Что вы делаете? — не выдержав мерзости, заорал монах.

Крепкие спины расступились, и он оказался в центре внимания. Отступать было некуда — в этом случае он мог стать следующей жертвой. Чувствуя поддержку Никона, иеромонах продолжил:

— Если это раб и вы хотите принести его в жертву, боги в ответ должны послать урожай и удачу на охоте. А если я выкуплю раба! Я заплачу серебряными монетами, на которые купите зерно. Что по такому случаю ответят боги?

Ушлый жрец быстро учуял выгоду и повернулся в сторону монаха.

— Перун, Велес и Сварог вятичей любят. Мы их тоже любим и не хотим оставлять голодными. Чем ты, бывший Кукша, богов наших порадовать можешь? Что предложишь?

Монах запустил руку внутрь рясы, отстегнул кошелек, который ему от Владимира Мономаха передал игумен, и вытащил его наружу. Понимая, что сумма огромная,

решил действовать на опережение. Развязав завязки, наклонился, и, под восторженный вой толпы, с легким позвякиванием стал высыпать на землю монеты.

— Этого хватит? У половцев за такую сумму десяток рабов можно из плена выкупить!

— Да, этого хватит. Забирай его себе.

Жрец сделал знак, душителю убрали полотенца, приподняли несчастного с колен и толкнули в руки чернецов. Собирая монеты, колдун громогласно заверил собравшимся.

— Боги прислали новых людей, дабы они выкупили раба и одарили нас монетами. Завтра каждый получит свою долю и отправится на пристань.

Получивший свободу юноша на ногах стоял с трудом. На вид ему было не более двадцати. Черные прямые волосы и раскосые глаза, из которых градом посыпались слезы, говорили о половецком происхождении. Иоанн и Никон подхватили его под руки и поспешили к воротам крепости. Спуск по тропинке оказался сложнее подъема. Когда до пристани оставалось не более сотни шагов, спасенный обессилел и его пришлось тащить.

Пока чернецы ходили в крепость, товарищи успели поужинать. Две порции оставили, и они сразу превратились в три. Спасенного звали Идрис. По-русски он говорил плохо, однако понять его было можно. Солнце уже давным-давно скрылось за горизонтом и в наступивших сумерках он бы уже лежал пластом возле костра, и волхвы кривыми ножами вырезали бы его сердце. Собравшись в круг, команда ладьи с интересом слушала его рассказ.

Идрис попал в плен к одному из русских витязей во время похода русичей в половецкие земли. Сперва хозяин планировал получить выкуп, однако далее перепродал его лесным людям. Среди вятичей Идрис жил более трех лет и выполнял самые разные работы. Зимой мерз, ибо теплой одежды не давали. Время от времени его перевозили по реке на лодках или посуху на конях и перепродавали новым хозяевам. Последним стал жрец из Дебрянска, где его планировали принести в жертву.

На вопрос отца Иоанна, приходилось ли Идрису видеть людей в черной одежде с крестами на груди, он ответил положительно. Как-то раз, в одном из лесных городков, таких людей он видел. Их доставили на лошадях с мешками на головах, чтобы не наши дороги, и точно также отправили назад.

— Отче, ты спас человека! Я горжусь тобой! При этом мы отдали почти все деньги, которые у нас были. Как мы теперь будем? — тихо спросил послушник.

— Ничего, не пропадем. Господь поможет! — заверил наставник.

После рассказа Идриса количество желающих спать в гостевом доме резко сократилось. В наступившей ночи из крепости слышались монотонные звуки бубна. На одних они наводили ужас, на других тоску.

— Господи, прости их, грешных. Ибо не ведают, что творят! — устроившись под своей лавкой повторял иеромонах.

На следующий день началась торговля. Белогор, узнав про отданные за раба монеты, ни про какие шкуры и мед слышать не хотел, взвинтив цену за пшеницу, рожь, полбу и горох в два раза. Вятичи в зерне нуждались, вырастить на своих делянках что-либо кроме льна и гречихи не получалось.

Жрец с горожанами действительно поделился. Люди подходили, протягивали гривны и чешуйки. С шутками и прибаутками, восхваляя удаль мужчин и красоту женщин, купчина каждому отмерял его долю. Посыльные княгини спустились к пристани на подводах. Загрузив по несколько мешков пшеницы, расплатились серебром. Еще одним популярным товаром оказалась сушеная заморская клюква под названием изюм. По одному, по два, по три фунта Белогор распродал целых два пуда, когда монеты у народа закончились, в качестве оплаты стал принимать шкуры.

К вечеру торг подошел к концу. Белогор светился от счастья. Помимо зерна

удалось распродать ножи, лопаты, женские украшения, гребни и одно карманное зеркало в серебряной оправе. Оно шло по дорогой цене, и кто его купил, купец так и не понял.

Повторно ночлежничать возле Дебрянска гребцы не захотели, попросив кормчего и купца сняться с якоря и отойти подальше. Глядя на Идриса, многим представлялось, что они могли оказаться на его месте.

Отец Иоанн прочитал молитву в дорогу и окропил команду святой водой. Игривая Десна подхватила судно. Теперь предстояло идти по течению, что требовало меньших усилий.

Когда останавливались на отдых, отец Иоанн старался поговорить с Идрисом.

— Вот так Русь-матушка устроена. Если в степи везде дорога, то мы по большей части по рекам передвигаемся. Если где реки сходятся, по суше лодки перетаскиваем и снова в воду.

День ото дня половецкий юноша набирался сил, но о работе на веслах речь идти не могла. При этом сам он явно не понимал, как люди, его спасшие, орудуют веслами, потеют, а он просто сидит на корме. Кто он теперь? Чей? Кому принадлежит? Угадав его мысли, на третий день после Дебрянска иеромонах объявил:

— Господь всех нас сделал свободными. Я уже сказал Белогору, он купчую напишет, что мы тебя выкупили. Ты человек свободный.

Добрые слова помогли восстановить силы. Через два дня Идрис сел за весла, что дало возможность меняться для отдыха. Обратный путь до Сейма занял меньше времени, но по самому Сейму уже шли против течения. Огибавшая холмы и возвышенности река начала сильно петлять, что исключало установку паруса. Лесов и перелесков было немного. Справа и слева тянулась степь, дурманившая разнотравьем. Монотонные команды кормчего и шлепки весел о воду скрашивало соловьиное пенье.

Бывало, ладья от зари до зари шла по реке, окруженной протоками и болотами, но уже на следующий день вновь поднимались бугристые горы.

Жаркое лето вступило в свои права, отчего гребцам, особенно после полудня, приходилось несладко. Разрешив обливавшемуся потом Никону снять рясу, сам Иоанн подобного ни в коем случае делать не захотел. Когда его начали пытаться, почему он на жару не снимет рясы, отец Иоанн рассказал о житие основателя монашества Антония Великого.

— Как-то раз Антонию нужно было перейти вброд реку. Он попросил сопровождавшего послушника удалиться, дабы они не увидели друг друга нагими. Даже в отсутствии послушника Антонию было стыдно раздеться. Как только он почувствовал этот стыд, сразу оказался на другом берегу, перенесенный ангелами. По заветам Антония, монах не должен без нужды мыться, ибо это доставляет удовольствие, и вообще обнажать тело. А Никону я разрешил снять рясу, ибо ему тяжело, но грех этот я на себя возьму,— ответил товарищам иеромонах.

По всеобщему согласию решили разбивать жаркие дни на части. Выходили с рассветом, в полдень останавливались на отдых и вечером вновь налегали на весла. Досуг скрашивал Идрис, которого все больше и больше закидывали вопросами. Отвечая, он с удовольствием рассказывал, как у половцев устроена кочевая жизнь, что едят, как выбирают жену, для чего устанавливают каменных баб.

Про каменных идолов и про насыпные курганы над могилами знатных воинов отец Иоанн знал еще с Чернигова. Слушая Идриса, невольно размышлял о степняках и о их темных воззрениях, с грустью осознавая, что при его жизни к Вере их привести не получится.

Первым городом на Сейме стал Путивль, где Белогор, выделив команде два дня на отдых, распродал совсем малую часть товара. Северский Путивль много раз разорился кочевниками, но каждый раз восстанавливался, благодаря удачному месторас-

положению. При относительно малом количестве населения, Путивль поражал разнообразием церквей. Ни про какое язычество речь здесь уже не шла.

Основной товар, предлагаемый путивлянами, состоял из посуды, зерна и меда. Здешняя глина обладала особыми свойствами, что дало толчок развитию гончарного дела. Расчетливый купец, дабы не пустовало место, решил набрать в Путивле меда, чтобы перепродать в Муроме. В этом случае покупался именно мед, а горшок, который имел свою цену, доставался бесплатно.

Запутавшийся в собственном русле Сейм основательно утомил команду. Река то поворачивала на север, то разворачивалась на юг, отчего казалось, что ты вообще не движешься, либо попросту сбился с курса. Один из гребцов отпустил в адрес реки нехорошее слово. Проповедник это запомнил и за ужином рассказал притчу о желудях.

— Как-то раз человек заночевал под дубом. Проголодавшись, взглянул на желуди, которые нельзя есть и сказал: «Вот было бы здорово, если бы вместо них на дубе росли тыквы». Тут сорвавшийся с ветки желудь ударил по губам, после чего путник произнес: «Какой же я дурак! Будь вместо желудя тыква, она бы меня убила».

— У Бога все очень правильно устроено! Не бывает людей с одинаковым характером и реки велением Господа друг от друга отличаются. Это ты сапожника за плохую обувь отругать можешь. Творения Бога всегда совершенство,— подытожил Иоанн.

Гребцы согласились, однако новому городу, под названием Рыльск, когда тот наконец показался, сильно обрадовались. Обустроенный на одиночной горе, он был крепким орешком. Если глубоководная Десна на пути кочевников являлась препятствием, то Сейм изобиловал бродами. Хазары, печенеги и половцы не единожды переходили Сейм, всей мощью обрушиваясь на Русь, при этом Рыльска ни разу не взяли. Зачем терять время, осаждая маленькую крепость, если дальше у русов города более значимые.

Городок славился конопляным волокном под названием пенька, из которой делали канаты и парусину. Местные кустари пеньку размачивали, затем чесали, пряли, промывали и ткали. В Рыльске Белогор закупил парусину пеньковую и льняную, большое количество канатов, льняной тик и шерстяной флагдук. В Муроме и Нижнем Новгороде эти товары пользовались особым спросом.

За Рыльском поднялись леса, отчего стало казаться, что существует только два цвета: голубой — неба и воды и ярко-зеленый — цвет густых лесов.

Через два дня взорам явилась стрелка, где в Сейм впадала Свапа. Если идти дальше по Сейму, можно попасть в Ольгов, Курск и выйти в Дон. Путь в Оку пролегал через Свапу. Отец Иоанн сообщил товарищам, что именно этой дорогой проследовал Святослав, сокрушивший Хазарию. После добавил, что его самого с Оки привезли таким же маршрутом.

Берега Свапы изобиловали обрывами, над которыми царствовал нетронутый топором лес. Соловьиные трели сменились трескотней сорок и кукованием кукушек. Что касается других судов, на Сейме и на Свапе они встречались чаще, нежели на Десне. Из разговоров с купцами Троян с Белогором определили, в верховья Свапы идти не стоит. Самое лучшее по протоке перейти в озеро Самодур, где действовал волок.

Легкая ладья, расправив парус, заскользила по озеру. Гребцы, подняв весла, отдыхали, слушая, как мелкая волна плещет о борт. Еще более радостным стало шуршание днища о прибрежный песок. Стоявшая на озере деревушка называлась Балт, с нее начинался волок. Команда получила здесь заслуженный отдых, которого сам Белогор позволить себе не мог. От местного люда поступило множество предложений, каждое из которых следовало обдумать. Назойливые словно мухи, бородатые вятичи, тыча себя в грудь, все сразу и одновременно заверяли, нанять именно их на волок, а товар для хранения разместить в ихнем амбаре.

Другие настоятельно советовали оставить ладью в Балте, перегрузить мешки и бочонки в телеги и на Оке взять другое судно. От подобного отговорил Троян. Родную лодку он знал, как свои пять пальцев, а что предложат на Оке, неизвестно. Посоветовавшись с кормчим и сыновьями, купец решил, что ладью они будут волочить. Теперь предстояло определиться с амбаром. Часть купленного товара предназначалась для Киева, тягать его на Оку смысла не было. Походив по деревне, Белогор нашел подходящую кладовую, куда в тот же час начал загружать мешки.

Гребцы, набираясь сил, сходили в баню, после отправились в трактир. Обрадованный хозяин угостил кашей и холодной говядиной. По его команде шустрая длинноволосая дочь принесла на подносе чару с медовухой, поклонилась и предложила испить. По открытым волосам девушку от мужней женщины отличали за версту. Отказать красавице ребята не смогли, пустив братину по кругу. Ее объем оказался больше, чем представлялось изначально. Звонящий комарами вечер наполнился шутками и веселым смехом, и только Белогор кручинился. Стоило отлучиться, как сразу убыток. Про медовуху с хозяином он не договаривался, но к столу подали — пришлось оплачивать.

Отец Иоанн по такому случаю напомнил слова Евангелия, что скорее верблюд пройдет сквозь игольчатое ушко, нежели богатый попадет в Царство Божие. Пристыженный купец замолчал.

На рассвете начались сборы. Прибывшие телеги загружались товаром, а ладью предстояло волочить. По негласным правилам, для волока нанимали местных. Это была своеобразная плата за проход. Перестанешь нанимать, мужики лишатся заработка, сколотят банду и будут разбойничать. Либо еще проще, острых камней на дороге разложат, землей замаскируют, и лодка повредит дно.

Ватага бойких мальчишек, стараясь ничего не пропустить, с интересом наблюдала, как корабль перецепили канатами, вытащили на берег и осмотрели днище. Оно оказалось плоским, что было удобно для волока. Белогор на всякий случай раздал гребцам щиты и копья. Вооруженные, они шли впереди и по бокам обоза. Сам он вместе с Трояном наблюдал, как волокут ладью, постоянно советуя и поучая. Впрочем, волокуши дело знали и в указах не нуждались. Судно было добротным и по песку шло хорошо. Где земля изобиловала камнями, выручали деревья. Спиленные стволы, очистив от досок, волокуши заранее разложили по дороге, благодаря чему лодка перекатывалась.

Лес наполнился позвякиванием уздечек, скрипом телег и резкими командами бригадира. Парило как в бане. Крепкие тяжеловозы, тащившие возы, вырвались вперед. Волокуши отставали, то и дело краем ладони вытирали со лба крупный пот, но лямку не бросали.

От озера до Оки не более десяти верст, при этом волок занял полноценный день. Выбившиеся из сил мужики после полудня часто останавливались, но с делом, в любом случае, справились.

По другую сторону дороги оказалась деревенька, один в один похожая на Балт. Затаскивая ладью в воду, мужики хотели помочь с перегрузкой товара, однако купец, рассчитавшись за волок, от услуг отказался, поручив дело гребцам.

К вечеру, когда солнце намеревалось завершить день, команда расположилась в гостевом доме. Оружия в ладью переносить не стали. За ужином предстояло обсудить многое, в том числе, где именно намереваются сойти монахи и послушники.

Идрис от своего спасителя не отходил, всякий раз с удовольствием слушая о земной жизни Христа и о христианстве. Выбрав момент, он попросил отца Иоанна, чтобы тот взял его с собой в лес.

— Нет, дитя мое, это слишком опасно. Ты на лицо половец. Наш ты или не наш, лесные люди разбираться не станут. Вдобавок к этому одежды у тебя совсем нет.

— Отче, тогда покрести меня! Слушая про Христа, мне тоже хочется жить как он.

— Слава Богу! Решился. Я об этом тоже думал, но решение человек сам должен принять. На заре, пока наши собираться будут, обряд проведу и крестик красивый подарю. А сейчас, Идрис, давай спать,— ответил проповедник, устраиваясь на лавке.

Все самое главное уже было сказано. Он хотел остаться наедине со своими мыслями. Как только сошли с водной глади и пошли волоком, нахлынули воспоминания.

Синие чаши озер, малахитовая зелень болот, мачтовые сосны, под которыми человек подобен муравью, ленивая Ока в низких берегах, тонкая паутина среди подлеса, дрожащие от страха мыши, шуршащие прошлогодней листвой лягушки, уханье совы и стук дятла — все казалось до боли родным. Он чувствовал себя не умудренным жизнью отцом Иоанном, а маленьким Кукшей.

Утром, проснувшись с петухами, иеромонах облачился в подобающие одежды, чтобы крестить Идриса. Обряд провели прямо в Оке, и из ее вод вышел уже не Идрис, а Илья. Отец Иоанн надел на его шею железный крестик, и Илья прослезился от радости.

С Белогором договорились, Илья будет всячески помогать, в том числе работать на веслах, за что тот доставит Илью в Киев, где, имея на руках бумагу о выкупе, он отправится в Печерский монастырь, и расскажет о себе игумену. Феоктист человек опытный, как дальше помочь, решит сам.

Медленные воды подхватили ладью. Изгибов и поворотов в верхнем течении Оки было мало, что при попутном ветре дало возможность поставить парус. Держа весла наготове, гребцы с удовольствием изучали реку. Мамы утки уже вывели утят и теперь учили плавать. Длинноногие цапли прогуливались по мелководью, выскивая лягушек.

— Эх, тут бы сетку поставить. Шуки за карасями гоняются, отчего те чуть ли не на берег выпрыгивают,— глядя на очередной всплеск, произнес Троян.

— Да, рыбалка здесь знатная,— согласился Белогор.— Только я так и не понял, отец Иоанн, высаживать тебя где?

— Где понравится место, там на берег и выйдем. Думаю, сойдем, не доходя до бывшего Корьдно. Туда два дня идти. Я покажу.

После Дебрянска проповедник понял, что в большое селение идти сразу не стоит, там наверняка сильна власть жрецов. Лучше начать с малой деревушки.

Взяв курс на север, Ока уверенно шла проложенным маршрутом. По прилегающим лесам можно было понять, обжиты они или нет. Сперва просек и полян не просматривалось вообще, однако на второй день они стали попадаться. Более того, по правому берегу глазастый Никон разглядел хутор, а по левую небольшую деревушку. Хижин и землянок с воды не было видно, но что они есть, определили по качающимся на воде лодкам.

— Вот тут, чуть дальше деревни, мы и сойдем,— решил Иоанн.

Кормчий долго выскивал, куда можно причалить, найдя пологий берег, уткнул ладью носом. Прощаясь с командой, монах каждого перекрестил и благословил.

— Ты погоди, в Муроме я недели три-четыре торговать буду. Обратю в начале осени пойдем. Ребята, давайте место пометим, две сосны спилим, чтобы в воду завалить. Если что не так будет, мы тебя заберем,— молвил Белогор.

— У Господа «не так» не бывает. На все воля Божья,— ответил монах.

Ветер, подхватив парус, оторвал ладью от берега. Гребцы, развернувшись, молча смотрели, как монах с послушником разбирают мешки и котомки.

Глава 7. ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ

После совместной молитвы отец Иоанн отправил Никона осмотреть лес. Тот вернулся быстро, сообщив, что поблизости есть пригорок, подходящий под землянку.

— Вот тут и поселимся, если добро от местного люда получим. Скоро вечер, а за

ним ночь. Так что пойдём проситься на ночлег, заодно и с людьми познакомимся. Мы ведь ради них сюда прибыли.

С этими словами монах взвалил на спину ношу и пошел в сторону деревни. Еловый лес, сырой и темный, с космами мха на стволах, напоминал погреб, однако им удалось найти тропинку, которая вывела на полянку.

— Отче, что это за кувшины посреди леса? Да много то их как!

По центру поляны чернели остатки костра. По другую сторону, под тенью дуба, на пнях кто-то расставил с десяток кувшинов.

— Никон, это кладбище. Вятичи над своими умершими тризну справляют, сюда приносят и на костре сжигают. Какие кости останутся, вместе с пеплом в кувшин кладут и возле дороги оставляют. Раньше в землю закапывали, теперь просто на пень ставят. Они верят, что человек в другой мир со своим кувшином прийти должен. Мы с тобой постараемся про Христа рассказать и его учение до сердец донести.

Пока чернецы разговаривали, рядом раздвинулись ветки и на полянку вышел щупленький старичок. Седовласый, одетый в длинную рубаху, он походил на домового из сказки.

— Будьте здоровы, добрые люди! Кто вы? Куда путь держите?

— Князя Ходоту помнишь. Я его сын. Жил в Киеве, теперь решил родные края посетить.

Причудливый головной убор и черная одежда до пят на первых порах вызвали неприятие, однако, как только новый человек сказал про Ходоту, старик повеселел.

— Так не тот ли ты Кукша, которого русичи из Корьдно забрали?

— Тот самый, только звать меня теперь не Кукша, а Иоанн.

Повторить непонятное имя у старика не получилось. Он заявил монаху, что будет звать его Кукшей, после чего пригласил на ночлег.

О визите незнакомцев в деревне уже знали. Корабли по Оке проходили часто, но никогда не останавливались. Напуганные, увидев причалившую ладью, вятичи хотели все бросить и бежать в лес. Ярило их остановил, пообещав, что сходит и все выяснит.

Следуя за Ярилой, монах и послушник вышли к деревне. Она называлась Карандак и насчитывала с десяток землянок. К жилью примыкали огородики с рожью, репой и капустой. Если городища вятичи окружали рвом и насыпным валом, то малые селения никак не огораживались. Сосны, дубы и ели защищали надежней любой крепости. Чужакам найти среди леса деревню было непросто. Кочуя, на одном месте более семи лет не задерживались. Земля беднела и не давала прежних урожаев. Вятичи снимались и вырубали среди чащи новые поляны.

— Не бойтесь нас, люди! Мы никому не причиним зла. Я Кукша, сын князя Ходоты. Родные края посетить решил,— повернув ладони к небу, громогласно произнес монах.

Деревенских, наблюдавших за новыми людьми из землянок, подобное успокоило. Ходоту они знали и про погибший Корьдно помнили. Вглядываясь в лица, Кукша понимал, пред ним родные вятичи: высокие, широкоплечие, большелобые, светлорусые. От северян, полян и древлян они отличались глубоко посаженными глазами и грубоватой простотой, словно Создатель одних ювелирно вырезал из кости, а других тесал топором из ствола молодой липы.

Жилище Ярилы располагалось на другом краю деревни. Склонившись в проходе, чернецы оказались внутри землянки. По центру теплился очаг, дым от которого уходил через вход, пол был устлан лапником, к стенам прижимались лавки. Дубовый стол и пара войлочных ковров дополняли пространство.

Дети давно выросли и жили своими семьями. Ярило охотиться уже не мог, подводило зрение, но сеть всегда ставил в правильном месте. Со старухой они держали пчел, меняли мед на зерно, благодаря чему не голодали.

Женщина поставила на стол котелок с жидкой просяной кашей, обильно политой конопляным маслом. Монах развязал мешок и выложил сухари. Хозяева потянулись к еде, однако гость остановил их, заявив, что перед трапезой всегда нужно совершать молитву, этим ты благодаришь Бога за еду. Ярило и Ланта с подобным согласились, посчитав традицию правильной.

Насытившись, расселись вокруг очага. Кукша начал рассказывать, как живут в стольном граде Киеве, во что верят, с кем торгуют. Поделился воспоминаниями, как Мономах осаждал Корьдно, и как увез его в Чернигов, где он познал учение Христа.

Про новую веру Ярило слышал, но в чем она заключается, не знал. Видя, что хозяевам интересно, Кукша сперва поведал о Ветхом завете, после дал слово Никону, чтобы тот продолжил о земной жизни Иисуса.

Закончив с делами, жители деревни давным-давно разлеглись по лавкам и только в землянке Ярилы продолжался разговор. Старик и старуха про новую веру слушали внимательно.

— Что-то в нашей жизни совершается по нашей, а что-то по Божией воле. Рождение человека — это подарок Бога, за который Его нужно благодарить праведной жизнью. В ответ, когда человек соблюдает Божьи заповеди, Господь это видит и помогает, — закончил Кукша.

Добравшись до лежанки, чернецы сразу уснули, а к Яриле сон не шел. Ворочаясь с боку на бок, он размышлял над услышанным. Более всего удивило, что богов новой веры не нужно кормить, жертвуя то курицу, то кролика.

Ночь прошла спокойно. Разбуженный птичьим многоголосьем, Никон проснулся на рассвете. Чтобы не лежать без дела, отправился на прогулку. Когда вернулся, уже никто не спал. Юноша поведал, как вышел за деревню и встретил девок, гольшом катающихся по траве. Смотреть на греховодниц не захотел и потому сразу вернулся.

— А-аа, это они женихов приманивают. Мать Сыра Земля увидит, что девка замуж хочет и жениха подберет. Да что девки? Когда пашню вспашут, перед посевом всей семьей по земле катаются, чтобы Стрибог урожай послал. А если урожай плохой, на следующий год муж жену прямо на пашне любит, — ответил Ярило.

Слушать про срамоту, а уж тем более видеть, после праведной жизни в монастыре, чернецам не хотелось. Договорившись с Ярилой, что они поживут у него с недельку, прихватив топор и лопату, отправились на то место, где сошли на берег. В первую очередь иеромонах хотел установить поклонный крест и только потом заняться землянкой.

Миновав осиновый подлесок, тропинка углубилась в чащу и вывела к зарослям папоротника. Кукша вспомнил, как в детстве прятался под его кустами, подглядывая, как взрослые девушки и парни в самый жаркий день лета, раздевшись догола, водили хороводы, прыгали через костер и купались в реке.

Наполненный запахом смолы лес уже не казался таким мрачным, как вчера. По бирюзовому небу скользили облака, подгоняемые игривым ветром. При его порывах, вместе с верхушками сосен, слегка покачивались вороньи гнезда. Переливалась на солнце, ожидая жертву, сотканная за ночь паутина. Мохнатый шмель изучал соцветья иван-чая, а пахучая земляника зазывала углубиться в лес и отведать сочных ягод. Остановившись возле муравейника, чернецы решили понаблюдать за муравьями.

— Мелкие насекомые, однако, Господь тоже их разумом наделил. Одни муравьи строители, другие пищу добывают, третьи... — договорить не успел, ибо Никон вскрикнул от укуса.

— Видишь, это боевые муравьи. Мы приблизились, они прогоняют. Чадо мое, пойдем скорей.

Срубив подходящее дерево, они поочередно очищали его от веток. В умелых руках работа спорилась, однако за день довести задуманное до конца не получилось.

Когда вернулись в деревню, с радостью обнаружили, что их уже не боятся. Знакомясь с людьми, Кукша говорил о себе и о новой вере, от которой жизнь его была неотделима. Так продолжалось с неделю, днем они с Никоном уходили работать, а вечером, когда у деревенских выпадало свободное время, доносили до них Слово Божие. Их слушали с удовольствием, приглашали в дом, угощали рыбой, грибами, травяным чаем.

— Мил человек, мы не против новой веры. Но чем докажешь, что она правильная, а наши боги просто деревяшки? — спросил дедок по имени Заяц. В прошлом он помогал жрецу и от богов леса отворачиваться боялся.

— Подними глаза на небо. Видишь, как солнце палит, а нам дождь нужен. Посевы сохнут, а на небе ни облачка. Помолись своим богам, чтобы дождь послали. После этого поверим, а так нет.

Монах не ответил. Он молча удалился в лес. Стоял тихий летний вечер. Уходящее солнце озарило сосны и ели, придав им желтовато-багровый оттенок. Лесной воздух ласкал теплотой. Когда стемнело, вспыхнули звезды. По небу поплыл серебристый месяц, наполнив поднебесье бледным сиянием. Небо и лес притихли, боясь помешать праведнику.

Чем темней становилось, тем ярче и отчетливей выступал лик Спасителя. Монах Его видел и устремился к Нему в молитве. Читая по несколько раз «Отче наш», он обратился к Спасителю простыми словами.

— Господи, помоги! Господи, помоги грешным людям познать Тебя и Твое учение. Выведи их из тьмы! Господи, помоги! Господи, помоги с дождем!

С первыми утренними лучами деревня проснулась. Солнце начинало свой путь по голубому небосводу при полном безветрии. Ни травинка, ни веточка не шевелились, а зеркало Оки выглядело столь ровным, словно река остановилась, превратившись в озеро.

Выйдя из землянки, Заяц потянулся всем телом и поднял глаза вверх. Прямо на них двигалась одинокая серебристая туча, правильной округлости. Встав над деревней, она обрушилась дождем на растрескавшуюся от засухи землю. Трава и деревья с удовольствием принимали влагу. Глядя на падавшие капли, Заяц невольно отметил, что никогда раньше не видел подобного дождя. Тяжелые и объемные, они не нагибали колосков ржи, а наоборот, помогали подняться.

— Верую! Верую! — невольно вырвалось у Зайца.

Когда проповедник вернулся в деревню, ему выказали такие почести, коих не удосуживался ни жрец, ни князь. Ярило и Заяц сразу объявили о желании креститься. Поговорив и подготовив к таинству, отец Иоанн предоставил время, чтобы они утвердились в намерении. Когда еще раз дали согласие, провел обряд, после которого из Оки вышли уже не Ярило и Заяц, а Данила и Петр. Обращенным в новую веру иеромонах повесил на шеи крестики и от всей души поздравил.

После этого каждый день кто-то обязательно подходил и заявлял о желании стать христианином. Переселившись в землянку, днем чернецы молились и обустроивали быт, вечером приходили в деревню, рассказывали о Боге, совершая совместные молитвы.

Как-то раз одна из некрещеных женщин поведала то, о чем боялись помыслить другие. Когда деревня обустроивалась, пригласили жреца. Тот провел обряд жертвоприношения, заявив, чтобы люди ни в коем случае не ходили на соседнее болото. Дескать, там живет огромный змей, которого нельзя тревожить.

Отец Иоанн попытался успокоить женщину, заверив, что никакие змеи на болотах не живут. После, видя, что она продолжает бояться, вместе с Никоном, Данилой и Петром отправился на болото.

За селением тянулись отвоеванные у чащи поля. За полями лес оказался разрежен порубкой дров и подходящих для строительства лесин. Встав на тропинку, они то

шли берегом Оки, то вновь углублялись в сырую и мрачную чашу. Болото оказалось на пригорке. Позеленевшее от ряски, оно выглядело безжизненным.

— Если бы змей сюда прыгал, тогда бы воду ряской не затянуло. А что если спустить болото? Люди придут и увидят, что никакого змея на дне нет. Тут работы на пару дней. Поможете? — спросил монах.

— Конечно поможем. Можно прям завтра с утра начать. Мы с лопатами придем, — затараторили Данила и Петр.

На следующий день началась работа, вырубались деревья и корни, чтобы освободить землю под протоку. Расстояние до начала спуска было небольшим, однако сил пришлось потратить много. Здесь чернецы во всей мере ощутили преимущество сапог перед поршнями, добрым словом помянув игумена Феофана, выделившего на сапоги серебряники.

Оставив узкую перегородку, проповедник предложил разбить ее при людях, чтобы они видели, как будет сливаться болото. На третий день, пригласив самых смелых, в их присутствии срыл землю. Вода начала уходить, оголяя илистое дно, где среди грязи, кроме деревяшек и кореньев, никакого змея не оказалось. Люди подходили, робко глядели на черную жижу и кивали головами.

В тот вечер, после совместной молитвы, он с удовольствием рассказывал, почему дует ветер, как день и ночь меняют друг друга, отчего случается гроза. Вятичи узнали, что растения тоже бывают мужские и женские, а размножаются при помощи пчел.

— Господь создал наш мир, наделив человека разумом. А чтобы вывести народы на путь истинный, послал на землю своего сына. Бог всех нас любит! Бог есть любовь!

Чтобы поговорить с сыном Ходоты, стали приходить из соседних селений. Его проповеди были доходчивы и понятны — Кукша не приехал из заморских греков — для вятичей он был свой. Один Господь знает, какими молитвами он исцелил бесноватую женщину. После этого случая слава о нем распространилась по всей верхней Оке.

Впрочем, не всем это нравилось. В городе Мцен волхвы собрались для совета. Решив, что новую веру пускать в лес нельзя, отправили к Кукше Родю. В Корьдно он бывал и Ходоту с Хартаном помнил.

Через несколько дней, в сопровождении двух крепких молодцев, Родя прибыл в деревню. Их черные шапки и ситцевые рубахи, перепоясанные ремнями с пряжкой и дополненные ножами, говорили о высоком сословии. При виде колдуна люди испугались, однако Кукша с Никоном, наоборот, проявили спокойствие.

— Будь здоров, Кукша, сын Ходоты! Давно тебя не было на родной земле. Зачем пришел? Почему народ от богов отвернуть хочешь?

— Ты тоже будь здоров, жрец! От Бога я никого не отворачиваю. Я лишь объясняю, где Бог, а где дьявол.

Быстро поняв, что в словесном споре Кукши ему не сломать, Родя предложил сесть на берегу Оки, испить чашу и поговорить о вере. Устроившись на пригорке, волхвы расстелил скатерку, разложив на ней сало, курицу и копченую рыбу.

От угощений чернецы отказались, объяснив жрецам, что начался Успенский пост и скоромная пища не дозволяется. Тогда один из волхвов достал чару, налил медовухи, отхлебнул и передал товарищу, тот, сделав несколько глотков, передвинул Роде. Жрец, убрав назад свои пышные волосы, начал пить, словно давно томимый жаждой, после протянул братину Кукше.

Это был древний славянский обычай. Собравшиеся пускали чару по кругу и из нее пили. Далее считалось, что они побратались. Кукша взял в руки братину и молвил.

— Перед Богом не бывает грехов малых, малый грех всегда за собой большой тянет. Но убийство — это особо тяжкий грех. Вот ты, Родя, не сам отравить нас задумал. Чужую волю решил исполнить. Ты думаешь, я не видел, как ты, отпив, боль-

шой палец в чашу окунул? Что у тебя под ногтем чернеет? Запомни, Господь все видит! Кто в грехе живет, на страшном суде судим будет!

Жрецы в лице изменились. Руки у Роди затряслись, в голове закрутилось: «Как Кукша мог знать, что его хотят отравить? Неужели у новой веры боги сильнее? Видать, ему потаенное открыто».

В полном молчании злодеи собрали скатерку, и, не прощаясь, ушли восвояси. Побрататься при помощи яда не получилось.

— Отче, ты спас нас! Как ты понял про ноготь, под который яд положили?

— Одежды у них белые, а души черные! Это известный способ, волхвы такое часто проделывают. Но ты, Никон, запомни, каким бы ни был человек мудрым и ученым, если он не любит врагов своих, Бога не постигнет. Иисус в Нагорной проповеди учил: «Любите врагов ваших...»

Глава 8. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИЕВ

В Успенском храме киевского Печерского монастыря начиналась вечерня. Пахло ладаном. Отблеск свечей играл на иконах. Глаза паствы горели Верой. Чтец читал молитву, братия подпевала. Когда замолкали, им вторил рясофор. Люди накладывали на себя крест, повторяя слова песнопения. До окончания службы оставалось совсем немного, как вдруг к амвону вышел Пимен Постник и произнес: «Брат наш Кукша убит на рассвете». Молвив горькую фразу, монах упал бездыханный.

Жаркое лето подходило к концу, дни стали короче, а ночи холодней. Пожелтевшие листья стали падать на землю золоченым дождем. Собираясь в клинья, потянулись на юг журавлиные стаи.

Распродав товар, Белогор направился в обратный путь. Над рекой, вместе с плеском весел, вновь зазвучало: «И-ии раз», «И-ии два», «И-ии раз», «И-ии два». Илья подружился с командой, гребцы считали его за своего. Как далее выяснилось, он умел кашеварить, что сделало половецкого юношу главным помощником Белогора. Илья ждал встречи со своим спасителем. Ему представлялось, как поймает в Оке щуку или налима, сварит уху и порадует отца Иоанна.

Рваный ковер пожелтевшего леса мог запросто сбить с пути. Троян подолгу всматривался, где Ока, а где приток, но всегда, по только ему ведомым меткам, выбирал правильное направление. Берега сдвигались, глубина уменьшалась. Ладья шла в сторону истока. Но чем ближе они подходили, тем сильнее в душе Белогора возникало чувство тревоги. Когда за поворотом показались лежащие в воде сосны, купец приказал гребцам вооружиться. Подойдя ближе, бросили якорь. Ладья возле берега стояла долго, но к ним никто не вышел. Вечерело. Над водой поднимался туман, обещавший окутать лес и реку непроницаемой пеленой.

— Ну, молодцы мои, я вот что решил. На берег сойду, чтобы отца Иоанна с Никоном поискать. Не найду, завтра и послезавтра еще постоим. Если нет, дальше двинем. Кто не боится со мной на берег сойти? — произнес Белогор.

— Я, я, и я тоже пойду, — заголосили гребцы, среди коих, конечно же, был Илья.

— Тогда вперед. Троян, снимайся с якоря.

Ладья уперлась носом в песок, после чего на берег ступила добрая половина команды. Разойдясь по пригорку, они стали изучать зарубки на деревьях и следы на траве. Впрочем, искать долго не пришлось. Навстречу вышли заплаканные женщины. Обливаясь слезами, они рассказали, что крестивший их Кукша убит жрецами, привели к землянке, где показали обезглавленное тело. Голова проповедника была положена на поклонный крест, обе лежанки перевернуты, иконки и свечи сброшены и втоптаны в землю. Никона нигде не было. Судя по всему, жрецы забрали его с собой.

Белогор определил, Кукшу убили не далее, чем вчера утром. Получалось, они опоздали на два дня. Закатав тело в парусину, гребцы молча понесли его к ладье.

Добравшись до Киева, первым делом передали праведника игумену Печерского монастыря. Когда вскрыли, тело оказалось нетленным. Кукшу похоронили в пещере рядом с Пименом Постником, прозревшим его гибель.

* * *

Владимир Мономах Русской почитается как благоверный князь в Соборе всех святых в земле русской просиявших. Его княжение стало периодом последнего усиления Киевской Руси.

Проповедник Кукша жил и умер в его время. В 1182 г. Кукшу Печерского причислили к лику святых. Креститель и просветитель вятичей отображен на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде. Имя священномученика носит православная гимназия в Орле. Кукша почитается как покровитель Орловско-Ливенской епархии.

Людмила Алтунина
(г. Тула)

**К 80-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.***
«Сибиряки идут!..» — на немцев наводило ужас

Наш постоянный автор. Член Академии российской литературы, Петровской Академии наук и искусств, Союза журналистов России.

«Война — это кровь, страдания, смерть, опустошение, истребление всего живого на земле. Можно поистине изумляться тому, как удалось советскому солдату выйти победителем. Пусть потомки знают о каждом герое, кто выдержал испытание адской «мясорубки» и сокрушил врага.

Я не был солдатом, был всего-навсего корреспондентом, но я видел, что такое военная «мясорубка», как она перемалывала наших бойцов. И как они, преодолевая страх, становились победителями там, где это, казалось, было просто невозможно по всем законам логики...»

К. Симонов «Разные дни войны. Дневник писателя, т. 1.

Очень весом вклад сибиряков в нашу общую Великую Победу. Тема войны — сквозная в моем творчестве, как и тема Родины, большой и малой. О фронтовиках мной написано немало, не только статьи в СМИ, но и четыре книги. За долготлетнюю мою журналистскую деятельность, в многочисленных интервью фронтовиков, вспоминавших тяжелые дни войны, особенно в первый ее период, мне не раз доводилось слышать очень высокое мнение о воинской доблести сибиряков, их мужестве, храбрости, смекалке. «Эти воины, казалось, не знали ни страха, ни усталости, самоотверженно бросались первыми в бой. Стояли насмерть. Сутками напролет могли биться с врагом. Особенно немцы боялись рукопашных схваток с ними. Тут сибиряку равных нет: дрались как бесстрашные, свирепые львы». А некоторые ветераны даже говорили, что без сибиряков куда сложнее было бы одержать победу, а если бы и одержали, то куда большей кровью и людскими потерями. Не случайно фашистов охватывали ужас и паника, когда они слышали: «Сибиряки идут!..»

...Старожилы г. Воронежа, за который героически дрались 212 дней и ночей пять сибирских дивизий: 232, 237, 284, 303 и 309, в честь которых ныне названы улицы этого города на Дону, — есть здесь и улица Героев Сибиряков — рассказывали, что «Сибиряки идут!..» — произносили шепотом.

Героически сражались сибиряки и на тульской земле, в боях за Тулу и Москву. Тула — издревле южный форпост столицы, и в годы Великой Отечественной войны она проявила себя героически, являясь южным крылом битвы за Москву.

«Немцы очень быстро узнали о приходе сибиряков — почувствовали на себе», — писала фронтовая газета «Красная Звезда».

* По материалам авторской документальной книги «Сибиряки идут!.. Славные сыны Алтая», готовящейся к изданию — прим. авт.).

**«Хорош сибиряк на тяжелое дело...»
Как сибирские дивизии опрокинули немцев в битве под Москвой**

Они прибыли в разгар великой битвы за Москву. В вагонах, запорошенных снегом, звучало неторопливо: «На тихом берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой». Из вагонов на жестокий мороз степенно выходили в распахнутых ватниках, в гимнастерках с распахнутыми воротами, деловито умывались на ледяном ветру.

— Однако климат у вас легкий,— говорили москвичам покровительственно.

Обтирались снегом до пояса.

— Снежок холодит, снежок и молодит. Снегом мойся — никакого этого вашего обморожа не будет.

И в эту же ночь зазвучал сибирский говор на дорогах к западу от Москвы. По деревням Подмосковья разнеслось сразу:

— Сибиряки подошли!

Они ударили по немцу с ходу. Пехотинцы, разведчики, артиллеристы, они влили в ряды защитников Москвы свежую сибирскую мощь. Заскрипели лыжи, привезенные из родной тайги. Заработали таежные охотники-следопыты.

В одних ватниках, скинув шинели, ударили в штыки пехотинцы.

— Сибирь — грудь нараспашку! — говорили о себе с гордостью.

Медленен, даже угрюм и неразговорчив сибиряк, когда делать нечего. Но в бою нет злее, упорнее и веселее его. Опасность захватывает его целиком, и весь он — в ней.

Сибирский говор промчался за Кубинку, раздался у Волоколамска, где сибиряки-артиллеристы громили немецкие дзоты, и прозвучал у Наро-Фоминска и Рузы, и дальше, к Можайску, и еще за Можайск — на запад. Немцы очень быстро узнали о приходе сибиряков, вернее, почувствовали его на себе. Входя в деревню, обязательно расспрашивали жителей — не сибиряки ли тут действуют. Качали головами, если оказывались сибиряки. Да как тут не закачать?

— Зимою и конь того не осилит, с чем сибиряк справится,— говорит лейтенант Анатолий Кузнецов, разведчик из дивизии, которой командовал славно погибший полковник Виктор Иванович Полосухин.

...Такого шуму дадут, у немцев в ушах скребет. Они уж знают. «Сибиряк, сибиряк!» — закричат и скорее мордами в снег... Напорист и азартен в бою сибиряк. Любит взять он, что не дается сразу, хорош на тяжелое дело...» (Павленко П. Сибиряки // «Красная Звезда», 6 марта 1942 года. *Ин-т, Rubaltic.ru 27 декабря 2018*).

Вот такую славную, емкую и точную характеристику своим личностным и деловым качествам воин-сибиряк получил уже в первые годы войны, доблестно показав себя и в ратном деле, прежде всего в великой битве за Москву в сорок первом, да и в других оборонительно-наступательных военных операциях. Велик и неоценим их вклад в Победу советского народа в Великой Отечественной войне. Вместе с другими воинами-красноармейцами от стен Москвы сибиряки победоносно дошли до самого Берлина, награждены самыми высокими боевыми наградами — орденами и медалями. Но многим и многим из них это стоило жизни. Во многих братских могилах по всей земле покоятся останки доблестных воинов-сибиряков. Спасенная страна не забыла их имена, воздвигнув в честь них обелиски и памятники, назвав их именами улицы в разных городах и всяях — повсюду, где победно прошел бравый солдат-сибиряк.

Не забыто! Вечная слава защитникам Отечества!

О героизме сибиряков свидетельствуют многочисленные памятники, монументы, обелиски, военно-исторические музеи, архитектурно-военные комплексы, находящиеся повсюду, где сибиряки вместе с другими советскими красноармейцами со всех регионов бывшего СССР стояли насмерть в битвах с фашистами, на территории не

только нашей страны, но и Европы, где ныне памятники советским воинам, к великому сожалению, сносятся нашими недругами. Много было таких памятников и на Украине, освобожденной от гитлеровцев красноармейцами, в том числе сибиряками-горноалтайцами, но где снесены неонацистами-манкуртами, не помнящими своего родства.

В первый же период войны сибирские дивизии опрокинули немцев в битве под Москвой, грандиозной, ключевой во всем ходе войны.

«В сентябре 1941 года все силы гитлеровцев сосредоточились на захвате столицы СССР. На Москву фашисты бросили 78 дивизий — более 1,9 млн человек. Им противостояло более 1,2 млн советских войск. У врага было двукратное превосходство в танках и самолетах. В военной истории этот период отмечен подвигом панфиловцев, подольских курсантов, сотрудников милиции и бойцов народного ополчения, благодаря которым в декабре удалось отбросить немцев от Москвы и поставить точку в вероломных планах вермахта.

В октябре 1941 года, завершив окружение советских войск под Вязьмой, группа вражеских армий «Центр» наступала на Москву. Самым угрожающим направлением для столицы стал северо-запад — отсюда, вдоль Волоколамского шоссе, рвалась к Москве 3-я танковая группа генерала Гота. На 42-м километре, рядом со станцией Снегири, моторизованные части вермахта были остановлены 78-й стрелковой дивизией полковника Афанасия Белобородова. 5 декабря 1941 года дивизия, усиленная воинами-сибиряками, перешла в контрнаступление. Этот день считается переломным в битве за Москву. Немцы были остановлены именно у поселка Снегири Истринского района». (*Интернет. Игорь. К 80-летию битвы за Москву. 30.09.2021. В Контакте*).

Сибирские дивизии героически дрались на всех фронтах Второй мировой. Отличились они, как сказано, и при обороне Москвы. Как тут ни вспомнить шукшиновские строки, характеризующие одного из его литературных героев: «...*Очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках, день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая...*» Вот такие сибирячки и сыграли огромную роль в том, что столицу советские воины не только отстояли, но и погнали от ее стен врага прочь, перейдя 5 декабря 1941 года в контрнаступление.

Сибиряки в 1941 году стояли насмерть и на 42-м километре — главном рубеже обороны Москвы — на пути фашистских полчищ, отлично моторизованных, во много раз превосходящих наши силы в военно-техническом оснащении и людских ресурсах, рвавшихся к столице с северо-запада, с Волоколамского направления, надеясь малой кровью и в короткие сроки взять ее, но им это, как известно, не удалось. Героический подвиг, мужество и стойкость воинов Красной Армии, грудью вставших на пути врага, замечательно отобразил в своей повести «Волоколамское шоссе» писатель-фронтовик Александр Бек. Основанная на реальных событиях, повесть рассказывает о подвиге легендарных панфиловцев — воинов 316-й стрелковой дивизии генерал-майора Панфилова, отдавших свои жизни в схватке с врагом за Москву в сорок первом. В одном ряду, плечом к плечу, стояли насмерть за столицу воины со всего бывшего Союза, в том числе сибиряки, среди которых было немало бойцов с Алтая.

Военно-мемориальный комплекс «Рубеж Славы» увековечил подвиг сибиряков на главном рубеже обороны Москвы: монумент «СИБИРЯКАМ», героически защищавшим Москву. На этом 42-м километре северо-западного направления — Волоколамское шоссе — у поселка Снегири Истринского района Московской области, воины-сибиряки плечом к плечу с другими советскими воинами остановили врага, оголтело рвавшегося к столице. Вечный огонь у монумента вспыхнул от факела, зажженного от Вечного огня у Кремлевской стены и доставленного сюда с воинскими почестями. Здесь, на территории, именуемой как «Рубеж боевой славы», — всегда живые цветы. Потомки помнят и чтят своих защитников в годы великих испытаний.

На этом, главном, решающем, Волоколамском, направлении битвы за Москву участвовали воины и с Горного Алтая, в том числе и майминцы, уроженцы моего родного села Маймы, самого крупного в России. В письме с фронта один из них, Василий Степанович Суслов, пишет жене Наташе и дочке Люде в Майму 21 декабря 1941 года: *«Немца гоним беспощадно. Он удирает, бросая технику. Нахожусь я сейчас на Волоколамском направлении... танковый батальон»*. В. С. Суслов пал смертью храбрых.

На Волоколамском направлении участвовал в сражениях имайминец-танкист Михаил Иванович Цаплин. *«Первый бой, настоящий, беспощадный, я принял на Волоколамском шоссе...»*,— цитирую его слова. М. И. Цаплин, как и майминец А. Ф. Медведев, участвовал и в знаменитом по своей масштабности и жестокой битве — Прохоровском танковом сражении на Курско-Орловской дуге, равного которому нет в военной истории. Участвовал М. И. Цаплин и в историческом Параде Победы на Красной площади, проходившем 24 июня 1945 года в Москве в ознаменование Победы СССР над фашистской Германией. Это — первое триумфальное празднование Великой Победы в Великой Отечественной войне, в котором приняли участие более 35 тысяч бойцов и командиров Красной Армии и Военно-Морского флота,— мощный финальный аккорд в войне СССР против нацистской Германии. К мавзолею были брошены 200 вражеских знамен и штандартов. Как верно отмечал маршал Советского Союза Г. К. Жуков, именуемый в народе «Маршал Победы»: «Одержана победа, какой еще не знала история» (*Интернет. Lenta.ru. Парад Победы 24 июня 1945 года*).

Как видим, из Маймы на фронтах Великой Отечественной войны доблестно, героически воевали не только пехотинцы-стрелки, артиллеристы, но и танкисты: Н. А. Ерышев, В. С. Суслов, А. Ф. Медведев, М. И. Цаплин, А. М. Пушкарев, П. И. Гаврилов — все награждены высокими боевыми наградами — орденами и медалями за их ратные подвиги. Майминцы могут гордиться своими земляками-воинами, храня светлую память о них.

...Под Москвой, на Волоколамском направлении, между поселками Ленино и Снегири Истринского района, под открытым небом раскинулся Военно-мемориальный комплекс «Рубеж Славы», где проходил главный рубеж обороны столицы, спасенной и сибиряками именно на этом, решающем, рубеже. Здесь собрана боевая техника, непосредственно участвовавшая в сражениях на фронтах Великой Отечественной — и советская, и немецкая. На ней видны вмятины и пробоины от снарядов. Положила я руку на металлическую поверхность такой вмятины, горячей от солнечных лучей, и перед моим внутренним взором на миг вспыхнула картина того давнего, горячего боя, и все во мне содрогнулось от ужаса...

Открывает эту огромную, уличную музейную экспозицию, рядом с Вечным огнем, скульптурный ансамбль — монумент в честь воинов-сибиряков: три воина,— в шинели, двое в полушубках, один из них с алтайским типом лица, с оружием в руках, застывшие в бронзе, в броске, в момент смертельной схватки с врагом. На постаменте аршинными золотыми буквами надпись: «СИБИРЯКАМ». Именно сибиряки сыграли главную роль в сражении на этом, ключевом, рубеже и отбросили врага, рвавшегося к Москве. Со слезами на глазах долго, молча стояла я у этого монумента: «Сибирякам», значит, и моим, пропавшим без вести и героически погибшим четвертым дядям, и тем родным, которые остались живы и вернулись с фронта домой...

Рядом с музеем военной техники времен войны располагается и сам замечательный Ленино-Снегиревский Военно-исторический музей, который может многое поведать современникам о Великой Отечественной войне, о героических днях обороны Москвы. Отраднo было видеть, что даже глубокой осенью, в холодный, пасмурный день столичные, и не только столичные, педагоги привозят сюда, в эти военные му-

зеи, своих учеников, рассказывают им о войне, о героизме фронтовиков, в том числе и сибиряков. Школьники слушают с большим вниманием и интересом, фотографируются у монумента «Сибирякам», возлагают к нему живые цветы.

В поселке Рождествено, тесно соседствующем с пос. Снегири, где также шли жестокие, оборонительно-наступательные бои на подступах к Москве, рядом со старинным храмом во имя Рождества Христова, который еще русские цари посещали, есть братская могила с нескончаемой чередой фамилий — золотом на черном мраморе. Жадно пробегаю глазами фамилии, как всякий раз у любой братской могилы, бывая в разных уголках Центральной России, с замиранием сердца ожидая найти родные — «Леонтьев», «Егуеков», но, увы, не нахожу. Однако, и в этой братской могиле могут быть сибиряки. И, наверное, кто-то, где-то также, как я, до сих пор надеется хоть что-то узнать о своих погибших родственниках, по сей день считающихся без вести пропавшими. И кто-то, где-то так же, как я, останавливается перед братской могилой, не только чтобы отдать дань памяти, уважения и благодарности тем, кто погиб, защищая нашу Родину, но и с неистребимой надеждой увидеть родные имена...

Видно, одному Господу ведомо, где покоится прах стольких безвестно сгинувших в пекле войны русских солдат и офицеров, в том числе и сибиряков — уроженцев Горного Алтая, вместе со всеми советскими воинами прошедших всеми фронтовыми путями-дорогами до самого Берлина.

75-я Сибирская гвардейская кавалерийская дивизия — на Тульской земле

Отличилась в битве за Москву в числе других сибирских дивизий, к примеру, и 75-я кавалерийская дивизия (75-я кд), связанная фронтовой судьбой и с тульской землей, — период ее боевых действий с 5 декабря 1941 года по 26 марта 1942 года — «сформирована в сентябре-октябре 1941 года в Новосибирске (Сибирский ВО)... «...Передислокация дивизии на советско-германский фронт началась в ноябре 1941 года... В действующую армию дивизия поступила 05.12.1941. В период войны дивизия постоянно действовала на Западном фронте и приняла участие в наступательной фазе битвы за Москву. **В составе 10-й армии участвовала в Тульской наступательной операции** (6—17 декабря 1941 года); затем дивизия принимала участие в Белевско-Козельской операции (20.12.1941—05.01.1942) и в Можайско-Вяземской операции Западного фронта (10.01—28.02.1942). Соединение было расформировано 26 марта 1942 года и обращено на укомплектование 2-й гвардейской кавалерийской дивизии» (*ru.m.wikipedia.org*).

С 24.12.1941 по 21.03.1942 75-я кавалерийская дивизия была в подчинении 1-го гвардейского кавалерийского корпуса Западного фронта под командованием выдающегося генерала **П. А. Белова, Героя Советского союза, в ходе битвы за Москву героически защищавшего и освобождавшего от врагов и тульскую землю. У неприятеля были отбиты в том числе и крупные ее города — Плавск, Белев, большой поселок Одоев.** На въезде в Одоевский район Тульской области геройскому гвардейскому генералу Белову ныне установлен памятник: легендарный кавалерист — в бурке на исполинском коне среди живописной природы и сосен — издали виден белоснежный его силуэт. Всякий раз, проезжая мимо памятника, я кланяюсь доблестному гвардейскому генералу.

В июне 1942 года генерал-лейтенант П. А. Белов стал командующим 61-й армией Брянского фронта. Что интересно, в этой армии служила и моя свекровь, тулячка, Вера Филипповна Алтунина. Она, восемнадцатилетняя, от рытья оборонительных рвов под Москвой добровольно ушла на фронт. От стен древнего приокского г. Белева — ровесника Москвы — дошла до Берлина, награждена орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За воинскую доблесть» и Жукова. Свекор, Василий Васильевич Алтунин, третьекурсник иныза пединститута, тоже ушел со сту-

денческой скамьи добровольно на войну; сначала на Русско-Финскую, а потом — на Отечественную. Награжден орденом Великой Отечественной войны II степени.

75-я кавалерийская дивизия упомянута на плите мемориального комплекса «Воинам-сибирякам» (Ленино-Снегиревский военно-исторический музей, о котором сказано выше):

«Сформированные в Сибири, они защищали Москву. Дивизии стрелковые — 133-я, 362-я, 166-я, 380-я, кавалерийские 73-я, 75-я. Омская, Томская, Тюменская, Новосибирская области, Алтайский край», — гласит надпись на плите.

Погиб под Алексином. Захоронен в братской могиле

Почти у всех моих алтайских одноклассников на Второй мировой героически сражались отцы, деды и другие близкие родственники — целыми семьями. Они участвовали и в грандиозных, решающих битвах: за Москву, в Сталинградской, Ленинградской, на Курско-Орловской дуге и других, дошли до Берлина. У школьной моей подруги-единомышленнице, эколога Галины Светлаковой (урожд. Дударева), проживающей в г. Дзержинском Московской области, много лет занимающейся родословием, на фронтах Великой Отечественной воевали одиннадцать близких родственников, в том числе ее отец, Николай Васильевич Дударев. В неполных восемнадцать лет начал он свой боевой путь, связист и пулеметчик, дважды форсировал Днепр и другие реки; был ранен, контужен, но дошел до Чехословакии, встретив победу под Прагой. Награжден многими боевыми наградами, в том числе орденом Красной Звезды. Ему посчастливилось выжить в военной «мясорубке», беспощадно перемоловшей миллионы жизней, хотя дважды был похоронен заживо, и его матери приходили на него похоронки.

Девятеро воинов только из одного их рода, Красниковых, пали на полях сражений, в том числе четверо родных дядей Галины, братья ее матери. Среди них — и Лука Александрович Красников, участвовавший в числе сибиряков и других воинов в битве за Тулу и Москву, на южном ее направлении, Тульском, пал смертью храбрых в сражении за город Алексин. Захоронен в Братской могиле.

Красников Лука Александрович также, как все его родственники-фронтовики, родился в Сибири, в селе Кольванском (7.02.1911 г.). Родители, Красниковы, Александр Ефимович и Федосья Николаевна. В 1936 г. Лука вернулся после прохождения срочной службы на рудник Акжал — в Семипалатинской области (Казахская ССР), вскоре женился на Марии Степановне, у них родился сын. Перед войной прошел переподготовку. Был призван в 1941 г. Жарминским РВК Семипалатинской области.

В «Книге Памяти» Алексинского района Тульской области указана должность, место военной службы Л. А. Красникова: сержант, командир отделения 830 СП, 238 СД. Погиб Лука Александрович Красников 29.11.1941 г. под г. Алексином Тульской области. Место последнего захоронения в 1966 г. — город Алексин, микрорайон «Бор», городское кладбище, братская могила. Перезахоронения производились с кладбищ д. Свинка, с/з «Авангард», д. Кудашевка. Донесение о безвозвратных потерях: Красников Л. А. — № 135 (ЦАМО: Ф. 58, оп. 818883. Д. 828).

На городском сайте Алексина имеется информация о боях того времени. (*Сайт г. Алексин — btula.ru/bf_136.html*). «Бои на Алексинском участке фронта начались 15 октября 1941 года. За два месяца непрерывных боев на алексинской земле частями Красной Армии были сорваны планы противника по окружению Тулы, остановлено наступление немецко-фашистских войск на данном участке фронта, уничтожена большая группировка гитлеровцев, рвавшихся к столице нашей Родины — городу Москве. В период с 16 октября по 25 ноября в районе Алексина и Тулы шли напряженнейшие бои. С утра 23 ноября противник крупными силами при поддержке авиации возобновил наступление на участке 238-й стрелковой дивизии, нажимая на ее

левый фланг. Командование 49-й армии направило в распоряжение командира 238-й стрелковой дивизии 586-й гвардейский полк 5-й гвардейской дивизии, усиленный дивизионом гаубичного полка. В течение 29 и 30 ноября противник продолжал ожесточенно атаковать расположение 238-й стрелковой дивизии. 29 ноября, чтобы не попасть в окружение, 238-й стрелковой дивизии пришлось отступить и оставить город Алексин. Но дальше продвинуться немцы больше уже не смогли». Таким был последний день жизни Луки Красникова. Он погиб 29 ноября 1941 года.

«К 21 декабря 1941 года 4 стрелковых дивизии: 238-я, 340-я, 173-я, 258-я под командованием Г. П. Короткова, С. С. Мартиросяна, А. В. Богданова, М. А. Сиязова окончательно очистили от врагов многострадальную алексинскую землю», но до этого дня сутками напролет не прекращались ожесточенные, кровопролитные бои с большими потерями в живой силе с обеих сторон». *(Источник: btula.ru/bf_136.html / Щит России / Бои за Алексин в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.).*

Прим. авт.: 238 стрелковая дивизия, ставшая впоследствии, в годы войны, 30-й гвардейской стрелковой Рижской Краснознаменной дивизией, сформирована была в марте 1941 г. в Казахстане, в Среднеазиатском военном округе (САВО). Штаб дивизии размещался в Семипалатинске, куда в середине апреля сорок первого прибыла большая группа призывников из Ленинграда. «В июне 1941 г. дивизия находилась в САВО. Весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз застала дивизию в учебных лагерях у подножия хребта Алтайского горного массива на берегу реки Громотухи. Лагерная жизнь была прервана. Части дивизии возвратились на зимние квартиры и приступили к укомплектованию по штатам военного времени. В качестве пополнения прибывали казахи-скотоводы из Прииртышских аулов, большие команды призывников крестьян-колхозников русской национальности из предгорий Алтая, а также рабочие с алтайских рудников». Сначала дивизию направили в эшелонах по Турксибу в Среднюю Азию, к границе с Ираном, а потом — с Афганистаном, где гитлеровцы хотели захватить иранскую нефть, а затем нанести удар с юга по Советскому Закавказью, его запасам нефти. Но уже «26 сентября 1941 года поступил приказ Ставки Верховного Командования о переброске 238-й стрелковой дивизии на Западный фронт для защиты Москвы». Эшелоны в спешном порядке двинулись в сторону Тулы и Москвы, на железной дороге им был зеленый свет. Длинной чередой тянулись эшелоны — их было около пятидесяти. «Когда головной эшелон приближался к Уральску, последний был еще за Кзыл-Ордой. 7 октября 1941 года эшелоны один за другим начали прибывать в Тулу. Трое суток подразделения дивизии находились в Туле на казарменном положении в школах и клубах города. 10 октября поступил приказ Ставки Верховного Главнокомандования: оборона Тулы возлагалась на 238-ю стрелковую дивизию, начальником обороны города назначался командир дивизии полковник Г. П. Коротков, а комиссаром — секретарь областного комитета ВКП(б) В. Г. Жаворонков... Всего насчитывалось семнадцать тысяч человек, а также свыше трех тысяч лошадей» (ru.m.wikipedia.org).

По всей земле, где прошли с боями войны-сибиряки, участвуя во всех грандиозных битвах, решающих оборонительно-наступательных операциях, повлиявших на ход и исход войны, в память о их мужестве, героизме и величии духа установлены памятники и памятные знаки, обелиски и монументы, открыты мемориалы и музеи, их именами названы улицы. О них сняты документальные и художественные фильмы, написаны книги. Тысячи городов, деревень и населенных пунктов на территориях бывшего СССР и Европы освобождали сибирские воины.

Их беспримерный подвиг в борьбе с фашистскими захватчиками помнят Москва, Волгоград (Сталинград), Воронеж, Санкт-Петербург (Ленинград), Смоленск, Ржев, Тверь (Калинин) и многие-многие другие города, где ныне благодарные потомки свято чтят память о сибиряках, несут и несут к установленным им памятникам живые цветы.

Сибиряки, среди которых и воины из Горного Алтая, мужественно, доблестно сражались с врагом за Ленинград. Много их полегло на полях сражений в Ленинградской области,— Невский Пятачок, Пулковские высоты, Синявинские высоты, захваченные врагом и ставшие их мощным укрепрайоном — одно из ключевых мест боев за Ленинград в 1941—1944 годах и при прорыве блокады, в других жестоких сражениях на этой земле и в период обороны, и при прорыве блокады города на Неве. Много сибиряков захоронено на ленинградской земле в братских могилах, немало и без вести пропавших — до сих пор. Им повсюду установлены памятники.

Надпись на черном мраморе Мемориальной плиты в память о воинах-сибиряках в г. Ленинграде (Санкт-Петербург) гласит: **«Слава солдатам Алтайского края, защищавшим блокадный Ленинград! В память о вашем мужестве»**. Благодарные ленинградцы (петербуржцы) несут сюда живые цветы круглый год.

Ленинградцы создали в память о героизме воинов в годы Великой Отечественной войны Зеленый пояс Славы Ленинграда: 64 мемориальных плиты с именами погибших героев, Аллея Славы, на которой установлен центральный памятник — Стела Памяти. Сюда входит и мемориал «Синявинские высоты». Очень много здесь имен сибиряков, в том числе и с Алтая.

Памятный знак — жанровая скульптура в виде разомкнутого кольца, установлена в Санкт-Петербурге воинам-сибирякам, участникам прорыва блокады 18 янв. 1943 года.

В Тверской области (Калининская в годы войны), в д. Плоское Бельского района, есть «Мемориальный комплекс Славы воинам-сибирякам» на братской могиле, в которой захоронены останки воинов 6-го Сибирского добровольческого стрелкового корпуса, 17-й гвардейской стрелковой дивизии, 279-й стрелковой дивизии и 19-й механизированной бригады — 12500 советских воинов, погибших в ожесточенных наступательных боях с фашистами в ноябре-декабре 1942 года.

На территории этого региона развернулось одно из самых кровопролитных сражений Великой Отечественной войны. Враг рвался к Москве, оккупировав Калинин, уничтожив более трех сотен населенных пунктов. Погибли 430 тысяч человек, по официальным данным, только в битве за Ржев — «Город Воинской Славы» ныне, о чем свидетельствует стела в городе,— «...а, если учесть пропавших без вести, попавших в плен и других,— более 1,3 миллиона»,— сообщается на сайте «Аргументов и фактов». Натиск гитлеровских полчищ был остановлен самоотверженными советскими воинами, совершившими героический прорыв. Среди них отважно сражались сибирские дивизии, в том числе 33-я Сибирская стрелковая дивизия, которая тоже не забыта — увековечена здесь. Велики были потери. Воины, павшие в жесточайшей Ржевской битве, о которой долгое время умалчивалось, лежали на поле брани в три слоя. Это о той жестокой битве берущее за душу, замечательное стихотворение А. Твардовского «Я убит подо Ржевом»...

В регионе много памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной, отмеченных мемориальными комплексами, мемориалами, памятниками, монументами и обелисками. Открыты здесь и музеи войны и ее героев. Земля российская — и не только российская — очень щедро полита русской кровью, буквально пропитана ею.

Не забывают павших воинов-сибиряков и их земляки. **Главы регионов Сибирского федерального округа поддержали инициативу губернатора Новосибирской области, озвученную в ходе заседания совета Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение» (МАСС), проходившего в Красноярске 15 октября 2024 года,— объединить совместные усилия для проведения капитального ремонта «Мемориала Славы воинам-сибирякам» в деревне Плоское Тверской области. «Помимо этого члены совета единогласно решили создать специальную цифровую платформу, где будет размещена информация о погибших воинах-сибиряках и единый реестр мемориалов, посвя-**

ценных героям-сибирякам» (*Источник: AIF.RU — 15.04.2020. Ин-т. ИА «Атмосфера». 16 октября 2024*).

Во всех сибирских городах и селах, на малой родине воинов им тоже установлены памятники, открыты в память о них военно-архитектурные комплексы, им посвящены большие экспозиции и в краеведческих музеях.

...Установлены сибирякам памятники и на нынешней волгоградской земле. На знаменитом Мамаевом кургане, где во время Сталинградской битвы шли столь ожесточенные бои и где ныне существует памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» с главным, широко известным монументом «Родина-мать зовет». Среди тридцати пяти тысяч павших воинов, чей прах покоится в братских и отдельных могилах, немало имен и сибиряков, в том числе и алтайцев. Немало имен сибиряков и в Парке Победы на Поклонной горе (Москва) — главном мемориальном комплексе, ставшем символом Победы, посвященном победе советского народа в Великой Отечественной войне, увековечившем имена павших и без вести пропавших в годы войны советских воинов.

Немало имен сибиряков, в том числе славных сынов алтайской земли, в Главном храме Вооруженных сил РФ — Патриарший собор во имя Воскресения Христова, расположенный на территории Военно-патриотического парка культуры и отдыха ВС РФ «Патриот» (Одинцовский р-н, Московская обл.). Храм возведен в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и ратных подвигов русского народа во всех войнах. «Храм практически полностью опоясан мультимедийным мемориальным комплексом «Дорога памяти», протяженность которого составляет 1,5 километра» (*википедия*). По всей этой длине среди имен других воинов — имена сибиряков.

Все это — свидетельство весомого вклада сибиряков в победу.

Примеры того, что героизм и мужество, величие духа доблестных советских воинов не забыты потомками, можно продолжать очень долго. Мир, наш, русский мир, помнит своих героев, потому что слишком большой ценой и кровью досталась нам Великая Победа; слишком много жизней ее рядовых, от генералов до красноармейцев, положено на ее алтарь.

Как воскресают павшие

Когда я была в 2014 году в г. Горно-Алтайске, в Музее Боевой Славы им. Г. К. Жукова, посвященном героической 232-й Алтайской Краснознаменной Сумско-Киевской, орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии, существующем почти полвека при Республиканской школе-интернате № 1, готовила о них очерк в первой редакции, даже и не подозревала, что ее история, героическое сражение этой дивизии за Воронеж, в одиночку вставшей — и выстоявшей! — на пути семи немецких моторизованных дивизий, превосходящих в военно-техническом вооружении и людских ресурсах, имеет и ко мне, нашей семье, самое непосредственное отношение. Почти из двух десятков моих родственников-сибиряков, воевавших на фронтах Второй мировой, погибло четверо моих дядей: младший брат отца, Егучков Василий Алексеевич, и трое братьев моей мамы: Сидор, Дмитрий и Павел Григорьевичи Леонтьевы — все призывались на фронт из Горного Алтая, уроженцами которого являются, и все считались без вести пропавшими, в т. ч. и самый младший, Павел Леонтьев. И вот на портале «Память народа» из наградных и других документов, спустя более семи десятков лет после войны, узнаю, что Павел, согласно документам ЦАМО (Центральный архив министерства обороны РФ), сражался в составе этой 232-й Алтайской стрелковой дивизии. Нахожу информацию о нем в наградных листах. В составе этой дивизии он 4 июля 1942 года вместе с другими воинами из высокогорных районов Горного Алтая, в основном восемнадцатилетними юношами и девушками призванными на фронт и доб-

ровольцами, наскоро обученными, плохо вооруженными, прибыл из г. Бийска, где проходило ее второе формирование после колоссальных потерь в начальных боях, на место главного, первого ее сражения — защищать город Воронеж, и уже с 4 июля 1942 года участвовал в жестоких боях, длившихся 212 дней и ночей. Битва за Воронеж — правое крыло Сталинградской битвы — ее прообраз.

Будучи сержантом-артиллеристом, командиром орудия в легендарном 605 стрелковом полку 232 Алтайской (Сибирской) стрелковой дивизии, Павел совершил на Воронежской земле подвиг в кровавых битвах, унесших жизни многих сибирских воинов, и был в восемнадцать лет награжден медалью «За отвагу». Как свидетельствуют Приказ (указ) о награждении и сопроводительные документы к нему, в жестоких сражениях за Воронеж Павел проявил героизм, оставшись один в живых у орудия, которым командовал. Вот как гласит об этом наградной лист, дающий «краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг»: *«В районе дер. Губарево Семилукского района Воронежской области 20.07.42 г. в боях с немецкими оккупантами он из своего орудия уничтожил 1 ДЗОТ, 2 пулеметных точки и разбита одна немецкая кухня с прислугой»*, за что и был награжден медалью «За Отвагу!».

В этом же документе сказано, что он «в РККА с 01.1941 года. Место призыва: Онгудайский РВК, Ойротская АО, Онгудайский р-н».

Сомнений нет: это — наш Паша, добрый, открытый, бесстрашный и веселый, которого так любили в семье...

Погиб Павел на Курско-Орловской дуге. Вернее, умер от ран в 238 отделении медсанбата 232 стрелковой дивизии седьмого апреля 1943 года. Об этом свидетельствует другой документ ЦАМО: справка из госпиталя, в которой это значит. Было ему всего-то неполных двадцать лет.

Захоронен, как свидетельствуют документы, в Братской могиле, в с. Демидовка Краснояружского района Белгородской области.

Местная администрация, общественность ухаживают за воинскими захоронениями. Я собираюсь поехать туда, отыскать Братскую могилу, в которой захоронен один из четверых моих, считавшихся пропавшими без вести, дядей, поклониться его праху от имени всей нашей родни, которая столько лет ждала их возвращения домой, поклониться и сказать, что помним их до сих пор. В наших сердцах они — вечно живые.

Воистину, пути Господние неисповедимы, — не впервой повторяю это изречение. Вот и на этот раз, видимо, по промыслу Господнему, московский сборник очерков и статей «Найти свои корни» (М., 2018) о российском родословии, где помещена и моя статья «Без вести пропавшие», рассказывающая о четверых моих дядях, пропавших без вести на войне, попал в руки поисковику из Сыктывкара (Республика Коми) В. С. Трошеву, за долгие годы своей поисковой работы воскресившему из небытия более десяти тысяч пропавших без вести советских воинов. По собственной доброй воле Виталий Степанович стал разыскивать и нашел новые материалы о моих дядях, свидетельствующие и о предположительном месте их гибели. Ранее не было ничего известно, где и тем более как они погибли; только даты и год (у троих один — 1942-й), в котором они считаются без вести пропавшими, но в разные месяцы.

Обнаружила интересный факт: призванные из Горного Алтая, С. К. Шумаров, А. Е. Какин, М. Т. Титанаква — алтайцы по национальности, и мой дядя, П. Г. Леонтьев, русский, воевали в составе одной, 232-й Алтайской стрелковой дивизии. И воевали героически, как и все их однополчане — воины разных национальностей. Много в этой дивизии было алтайцев, поскольку, повторюсь, формировалась она во втором составе, в начале 1942 года в г. Бийске из юношей и девушек из высокогорных районов Горного Алтая. Многие полегли на поле брани. На воронежской земле десятки братских могил и захоронений, в которых покоятся останки уроженцев алтайской земли. Воронеж помнит о них.

Не вернулся с войны, без вести пропав в сорок втором, младший брат моего отца, Василий Алексеевич Егуеков, алтаец по национальности, о чем уже упоминала выше. Имя его увековечено на Стене памяти в Парке Победы в г. Горно-Алтайске — столице Республики Алтай. У всех павших моих дядей остались без отцов дети — в общей сложности девять ребятишек, мал мала меньше. Только Павел не успел обзавестись детьми, женившись накануне войны. И только спустя десятилетия, в год 70-летия Победы, на сайте «Память народа» из выложенных ЦАМО документов кое-что узнали о наших воинах.

Скупая сводная информация гласит: «Егуеков Василий Алексеевич. Дата рождения 1917. Место рождения: Алтайский край, Эликмонарский район, с. Чепош. Дата и место призыва — 17.07.1941, Горно-Алтайский ГВК, Алтайский край, г. Горно-Алтайск. Воинское звание — рядовой. Должность, специальность — стрелок. Причина выбытия — пропал без вести. Дата выбытия: __09.1942. Когда прекратилась письменная связь — в июне 1942 г. Когда и по какой причине выбыл — неизвестно. Где похоронен — неизвестно. Название источника информации: ЦАМО.

Такая же скупая сводная информация — и на троих маминых братьев: Леонтьев Сидор Григорьевич, род. 1906, с. Инегень. Русский. Призван 13.09.41. Рядовой. Пропал без вести в марте 1942;

Леонтьев Дмитрий Григорьевич, род. 1915, с. Н-Каянча, Алтайского р-на, Алтайского края. Русский. Призван в 1942. Рядовой. Пропал без вести в августе 1942;

Леонтьев Павел Григорьевич, род. 1923, Алтайский край, Ойротская АО. Русский. Место призыва — Онгудайский РВК, Ойротская АО. Последнее место службы — 232 с. д. Воинское звание — сержант. Причина выбытия — умер от ран. Дата выбытия 07.04.1943.

Вот такая грустная, трагическая информация. А родители и другие родственники, не веря похоронкам, все ждали, ждали, ждали их... Не дождались...

Среди моей сибирско-алтайской родни только близких — больше десятка участников Великой Отечественной войны и все — орденосцы, а если включить и несколько отдаленную родню, то около двух десятков фронтовиков; а с учетом моих свекров и близких родственников мужа, уроженцев тульской земли, — более двух десятков.

Тула — Алтай: связаны мужеством

Будучи на своей малой родине, в Горном Алтае, посетив — и не раз — в Республиканской школе-интернате № 1 им. Г. К. Жукова музей и Зал Боевой Славы 232 Алтайской стрелковой дивизии, познакомившись и даже подружившись с его тогдашним руководителем Е. И. Мордвиновой, организатором этого музея, и юными поисковиками, не только узнала фронтовую историю этой дивизии, но, в свою очередь, сама не осталась в долгу. Я рассказала ребятам и их педагогам о нашем тульском герое Великой Отечественной войны — полковнике С. Ф. Кутепове, командире 388 стрелкового полка 172 Тульской стрелковой дивизии, стойко оборонявшей 26 дней и ночей белорусский город Могилев в июле 1941 года, находясь в кольце вражеского окружения. Фронтовые, героические судьбы этих двух стрелковых дивизий, алтайской и тульской, во многом похожи. Воины 388 стрелкового полка под командованием С. Ф. Кутепова тоже сражались с врагом отважно и самоотверженно, не щадя собственной жизни, и почти все погибли, пропал без вести и комполка. Его полк впервые с начала войны в один день, 14 июля сорок первого, подбил 39 фашистских танков, развеяв миф о непобедимости фашистских полчищ. Мужественный комполка Кутепов послужил прототипом генерала Серпилина в трилогии о войне писателя-фронтовика К. М. Симонова «Живые и мертвые». Познакомила их и со своей книгой о нем, воинах его полка и 172-й Тульской дивизии в целом — «Солдат войны полковник Кутепов».

Рассказала моим юным землякам и о героической битве за Москву в 1941 году, в

которой важную роль сыграли сибиряки, в том числе и с Горного Алтая, об обороне города-героя Тулы и о тульских студентах-добровольцах, ушедших на фронт из стен Тульского механического института (ныне Тульский госуниверситет), имея бронь от призыва в армию, оставив на двери своей комнаты в общежитии записку: «Все ушли на фронт». Познакомила земляков с другой своей книгой о войне, о тульских студентах-добровольцах — «Доброволец Иван Орлов. Дневник боевых дней: 1941—1945 гг. С авторскими комментариями и приложениями». С большим интересом и вниманием слушали меня учащиеся, рассматривали мои книги. Повышенный интерес у нас был друг к другу обоюдный: мы смотрим в одну сторону. Завязались контакты. Еще не раз бывала я в гостях у поисковиков. Туляки приглашали моих земляков на Международную конференцию по военно-патриотической тематике, проходившую в рамках Международного военно-патриотического проекта «Гордимся подвигом отцов, дедов и прадедов», к сожалению, они приехать не смогли.

Алтайцы. Чудо-богатыри

Из Горного Алтая (ныне Республика Алтай) — в годы Великой Отечественной войны Ойрот-Тураинская автономная область — было призвано на фронт более 40 тысяч человек. Многие из них навечно остались на полях сражений.

Воины с алтайской земли, в том числе представители коренного населения Республики — алтайцы, доблестно, героически сражались на всех фронтах Второй мировой. Бесценен их вклад в Великую Победу над фашизмом в 1941—1945 годах XX века — достойный, славный пример на все времена.

...Горный Алтай (ныне Республика Алтай) сегодня на устах у многих: стало модно ездить отдыхать туда, любоваться его невообразимыми красотами. Но многие ли знают о том, какой весомый вклад внесли воины местного коренного народа — алтайцы в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. Да и о существовании такой национальности — алтайцы знают немногие, по себе об этом сужу: когда кому-то говорю, что я — родом из Горного Алтая, метиска: наполовину алтайка, поскольку отец — алтаец, а мама — русская, люди удивленно восклицают: «А разве есть такая национальность — алтайцы?!» Есть. Немногочисленный народ. Всего-то тысяч семьдесят человек, живущих в основном в нынешней Республике Алтай (РА), все население которой, по данным на 1 января 2025 год — около 211 тысяч человек; алтайцев из этого числа — чуть больше трети. Основное население здесь — русские, заселившие эти благодатные места в семнадцатом веке. Живут здесь представители и многих других национальностей: казахи, украинцы, кавказцы, немцы и многие другие,— вот очень коротенькие сведения об этой древней, сибирской земле, удивительной по своим природно-климатическим условиям, составу населения, добродушию сторожил, традициям, обычаям и укладу жизни ее коренного населения — алтайцев, являющихся, кстати, этнически праматерью многих тюркских народов на земле. Находится РА среди живописных, с чистой водой озер, высоких гор, сиреневых по весне от цветущего маральника (багульника) с пышными альпийскими лугами, покрытыми разнообразием ярких цветов, разнотравьем; холодных, быстрых рек, с главной из них и более известной, особенно сплавляющимся по стремительным, горным рекам экстремалам — Катунью, в Южной Сибири, и является центром нашей планеты Земля — «пуп Земли».

Занимались алтайцы, ведя кочевой образ жизни, передвигаясь на лошадях со стадами коров, лошадей, овец с пастбище на пастбище, где трав для скота побольше да погуще, в основном скотоводством, коневодством, охотничьим промыслом, рыбной ловлей, таежным собирательством. Они с раннего возраста — умелые, ловкие наездники и охотники, меткие стрелки: белку в глаз бьют, чтобы шкурку не испортить, на медведя с рогатиной ходят. Алтайцы — горно-таежные жители, не избалованные

жизнью, ежедневно привычно преодолевая ее трудности, привыкшие к суровым, сибирским условиям резко континентального климата: зимой — к лютым морозам, бурянам, сбивающим с ног; летом — к палящему солнцу и сорокоградусной жаре; крепкие, выносливые, немногословные, закаленные, как и все коренные сибиряки. Вот такие обитатели гор и тайги, сугубо штатские таежники, чабаны и охотники, тоже массово призывались на войну или уходили на нее добровольно, и становились там настоящими чудо-богатырями, способными выполнять любое боевое задание, героями-орденоносцами. Подавляющее большинство воинов-алтайцев награждено многими высокими боевыми наградами — орденом Отечественной войны всех трех степеней, орденом Славы всех трех степеней, Красного Знамени, Красной Звезды; медалями «За боевые заслуги», «За Отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией» (многие из них победу встретили как раз под Прагой, Будапештом и в Берлине; отважно воевали с Японией на Дальнем Востоке в августе-сентябре сорок пятого) и другими — все эти награды вручаются за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и государственных интересов страны в боевых действиях с врагом. Есть среди них и Герои Советского Союза. Они становились на фронте настоящими доблестными воинами, отважными, храбрыми, мужественными, стойкими, как и их далекие предки. Они — пехотинцы-стрелки, артиллеристы, танкисты, разведчики и снайперы совершали невероятные героические поступки, как и другие сибиряки и все воины Красной Армии, плечом к плечу с которыми с первых дней войны алтайцы защищали и освобождали многие города, тысячи деревень и населенных пунктов не только на территории бывшего СССР, но и в Европе, дойдя до Берлина, где и добивали врага в его же логове.

Прим. авт.-сост.: Алтайцы — собирательное название племен Горного Алтая и Кузнецкого Алатау (на территории Кемеровской области). В этнографии алтайцы делятся на две группы: северные (кумандинцы, тубалары, челканцы) и южные (телеуты, теленгиты, алтай-кижи). Алтайцы — тюркоязычный народ. Южный диалект более распространен. В письме алтайцы используют русский алфавит и еще 4 буквы, которых нет в кириллице. Традиционные занятия в горно-таежной области (челканцы, тубалары, часть кумандинцев) — мотыжное земледелие, коневодство, охота, рыболовство и собирательство. В степи и лесостепи русского Алтая и Кузнецкого Алатау — пашенное земледелие и животноводство. Исконная религия алтайцев — шаманизм. В начале XX века на Алтае распространился бурханизм — симбиоз тибето-монгольского буддизма, христианства и шаманизма. По некоторым данным, сегодня это самая распространенная среди алтайцев религия, ее исповедуют 80 проц. верующих этнических алтайцев. (Немало среди алтайцев и крещенных православных — Л. А.)

...Документальное свидетельство. Командир дивизии генерал-майор В. А. Конинский в своих воспоминаниях писал об алтайцах следующее: «Соединение наше развертывалось по полномасштабному расписанию. Отбор личного состава был самый тщательный, ибо дивизия предназначалась для рейдов по тылам противника. Однажды в наш город в распоряжение командования прибыла большая группа бойцов-алтайцев, в основном таежных охотников и настухов, — всего человек 600. Раньше мне как-то не доводилось встречаться с алтайцами, но я, признаться, имел довольно смутное представление об этом народе. Гляжу, молодые мужчины от 25 до 40 лет, лицом монгольского типа, коренастые и, похоже, сугубо штатские. Но сибирские товарищи очень высоко отзывались об этих парнях — дисциплинированных, исполнительных, дружных, надежных бойцах. Не знаю, какое решение я принял бы, но меня подтолкнули сами алтайцы. Группами и поодиночке они подходили ко мне и просили, буквально умоляли: «Возьми, жалеть не будешь. Мы из малопульки белке в

глаз попадаем». Уж очень просили парни, и я не устоял: принял их в дивизию. Эти люди словно самой природой созданы для службы в кавалерии. В седло взлетали. Не садились и уж тем более не залезали, а именно взлетали, даже не прикасаясь к стременам, сидели в седле, будто вместе с ним приросли к коню. На 300—400 метров из обыкновенной трехлинейки стреляли не хуже иного снайпера».

Таких отзывов было немало. В письме командования 247-й стрелковой дивизии секретарю Ойротского обкома ВКП(б), (Ойротская обл. впоследствии — Горно-Алтайская авт. обл, ныне — Республика Алтай) председателю облисполкома от 3 сентября 1941 г. говорилось: «Благодарю Вас, товарищи, за крепкое и надежное пополнение. С такими чудо-богатырями можно выполнить любое задание...»

Вот такие, сугубо штатские, алтайцы — таежники, охотники и чабаны, привыкшие к суровой сибирской жизни среди гор и тайги, призывались и уходили добровольно на войну, где становились отважными, доблестными воинами, чудо-богатырями, способными выполнять любое боевое задание, самоотверженно защищая Отечество от лютого врага.

Как свидетельствуют генерал В. А. Конинский и командование 247 стрелковой дивизии, особо отличились на фронте уже в первое время войны и представители этого малого, коренного, народа Горного Алтая — алтайцы.

В. А. Конинский участвовал в решающих, исторических военных операциях — оборона Москвы осенью-зимой сорок первого и Сталинградская битва, длившаяся двести дней и ночей, с июля 1942 по февраль 1943 годов. В этих грандиозных, кровопролитных сражениях, насмерть стояли и сибиряки, в том числе и с Горного Алтая (в книге «Сибиряки идут!.. Славные сыны Алтая» помещены материалы о многих горноалтайцах — участниках этих битв).

Прим. авт.-сост.: Генерал-майор Конинский Василий Алексеевич (1901—1978) — советский полководец, кавалер ордена Ленина, четырежды кавалер ордена Красного Знамени и многих других боевых наград; участник Гражданской и Великой Отечественной войн, почетный гражданин г. Пятигорска. Родился в 1901 г. в Ставропольской губернии, в семье крестьянина. В Пятигорске жил в 50—70-х годах минувшего столетия; там же умер в 1978 году и похоронен.

В годы Великой Отечественной войны генерал Конинский командовал кавалерийскими дивизиями: с января 1943 г. — командир 61-й кавалерийской дивизии 4-го кавалерийского корпуса, который сражался в составе Южного и Юго-Западного фронтов. В июне 1943 года корпус вместе с 61-й кавалерийской дивизией был включен в состав 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. Ранее, в 1941 году, В. А. Конинский командовал (с 20.09 по 08.12.1941) 75-й кавалерийской дивизией (75-я кд), которая участвовала в наступательной операции битвы за Москву. Сформирована была в городе Новосибирске. Она упомянута на плите мемориального комплекса «Воинам-сибирякам», героически сражавшимся за столицу (Ленино-Снегиревский военно-исторический музей, — от Москвы на 42-м километре Волоколамского шоссе, главном оборонительном рубеже в битве за Москву, именуемом ныне «Рубеж воинской Славы», на котором сибирские дивизии вместе с воинами других воинских соединений Красной Армии опрокинули врага, превосходящего в материально-техническом вооружении и численности, хорошо моторизованного, имеющего богатый военный опыт, завоевав Европу. Преемником 75-й кд стала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. (Источник: <http://voenspez.ru/index.php?topic=87691.0>).

...Об алтайцах, живших в ту пору в основном в высокогорных селах Горного Алтая, мало кто знал, хотя у них есть и свой язык, и богатые самобытная культура, национальный эпос, легенды и сказания, традиции, уклад, ремесла. Не знал о них и генерал Конинский, пока ни увидел их храбрость, удасть, стойкость и смекалку в ратном деле, чему он дал самую высокую оценку, как и командование 247-й стрелковой дивизии, которая, пережив два формирования (в 1-м формировании — воинское со-

единение НКВД и РККА в годы Великой Отечественной войны), прошла с боями длинный славный, героический путь от Центральной России, от Москвы, которую защищала, до Германии. В ее составе и алтайцы, проявив исключительное мужество, стойкость и самоотверженность, принимали участие «во многих важных военно-стратегических, кровопролитных операциях: Калининская наступательная операция, Ржевско-Вяземская операция, Первая Ржевско-Сычевская операция, Вторая Ржевско-Сычевская операция, Жиздринская операция, Смоленская операция, Оршанская наступательная операция, Люблин-Брестская операция, Пулавский плацдарм, Варшавско-Познанская наступательная операция, Берлинская наступательная операция» (*википедия: ru.m.wikipedia.org*).

Алтайцы — таежники-охотники, скотоводы, коневоды и овцеводы — отличные, меткие стрелки: умелые, ловкие, зоркие, и наездники отменные. Алтайские дети раньше, чем ходить, обучаются держаться на коне. К слову сказать, и мой отец, Дмитрий Алексеевич Егучков, тоже фронтовик (Дальневосточный фронт), алтаец по национальности, хотя и обрусевший, учась в Томске и Омске, потом — в совпартшколе, до конца своих дней оставался преданным тайге и горам, своему родному алтайскому народу и языку, хотя и по-русски говорил отлично, без малейшего акцента, и писал грамотно. Он исходил в составе Алтайской геофизической экспедиции вдоль и поперек весь Горный Алтай, Восточный Казахстан, Саяны и Горную Шорию, был заядлым охотником и рыбаком: бил белку в глаз, ходил на медведя, ловил на спиннинг в Катунь огромную белорубицу из семейства лососевых — нельму; отлично держался в седле, да и на коне без седла — тоже: характерно для этого народа. Этот невысокорослый народ, привыкший к кочевой жизни и разным ее трудностям в суровых климатических условиях Западной Сибири, очень вынослив и умеет выживать в самых, казалось бы, непригодных для жизни условиях и приспосабливаться к окружающей среде: спать под открытым небом и даже на снегу, пить воду из открытых источников, из той же Катунь, совершенно бесшумно ходить в тайге в своих легких ичигах, собственноручно сшитых из кожи животных; сутками сидеть «в засаде» или идти по следу, выслеживая хитрого хищника, что очень пригодилось им в разведке, и быть меткими снайперами на войне.

Коренные алтайцы — горный народ, неразрывно испокон веков связаны с природой: горами, тайгой, рекой; с ее фауной и флорой, — все это они впитывают с молоком матери, сакрально несут по жизни и воспевают в своем исконно-сакральном, горловом пении; в легендах, сказаниях, древнем эпосе под звуки национальных музыкальных инструментов о смелых и мужественных героях-богатырях, как, например, в самом крупном поэтико-героическом эпосе и сказании «Маадай-Кара». Именно такими, легендарными, бесстрашными, выносливыми, чудо-богатырями, способными выполнить любое боевое задание, проявили они себя и в жестокой схватке с немецкими нацистами на Великой Отечественной войне в двадцатом веке, победоносно пройдя с боями вместе с другими советскими воинами-освободителями от Москвы, которую защищали, через Европу до самого гитлеровского логова — до Берлина! И оставили на колоннах рейхстага свои автографы.

...Алтайские известные, современные кайчи-сказители Ногон Шумаров, артист, режиссер, сценарист, драматург, заслуженный артист РФ, пропагандирующий алтайское национальное искусство и традиции не только на родной земле, но и по всему миру, и Кыдраш Шумаров — сыновья героического воина Сергея Киташевича Шумарова, артиллериста, командира гаубичного батальона, награжденного орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу» (дважды), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией». Победу со своей грозной гаубицей он встретил под Прагой, близ г. Брно. Годы спустя, на той высотке, с которой в сорок пятом отец беспощадно долбил закрепившегося внизу врага, буквально сравнивая его с землей, спустя десятилетия выступал его сын

Ногон (Николай) Сергеевич Шумаров со сказанием героического эпоса под аккомпанемент топшура (национальный щипковый музыкальный инструмент) и горловым пением, мастером которого он является (в Ин-те есть его мастер-классы по горловому пению и игре на национальных музыкальных инструментах).

Дядя братьев Шумаровых, Бокту (Борис) Шумаров, стрелок-пехотинец, на фронт ушел вместе с братом, Сергеем. Оба были ранены, контужены, но вернулись в строй и воевали до победы: Сергей встретил победу в Чехословакии, Борис — в Берлине, расписался на рейхстаге. После войны вернулись в родовое их горное село Куладу; оба в двадцать с хвостиком лет — седыми, а уходили черноволосыми, как смоль. Бокту — на костылях, с сильно потерянным зрением. «Зато живой!», — отшучивался он, когда, встречая его, односельчане, покачивая головами, сокрушенно восклицали: «Ай-ай, Бокту! На кого ты стал похож — совсем не узнать тебя: худой, седой, хромой, подслеповатый». Оба брата в родной Куладе обзавелись семьями, детьми, которые стали достойными, состоявшимися людьми: среди них — и артисты, и журналисты, и кайчи, и успешные предприниматели, занятые скотоводством и коневодством, не покинув родных мест — древней земли предков, на которой до сих пор находятся древнейшие скифско-сарматские захоронения — курганы-могильники, а в горных пещерах — наскальные, звериные рисунки первобытных аборигенов. Да, братьям Шумаровым посчастливилось вернуться с фронта живыми, хоть и израненными и контуженными, но многие их земляки навечно остались на полях сражений, немало среди них и без вести пропавших, до сих пор считающимися таковыми. В Куладу из ушедших на фронт тоже вернулись немногие, как и в других алтайских селах.

Воины Пахаевы — пятеро братьев

На фронтах Великой Отечественной героически воевали пятеро братьев Пахаевых: четверо родных, Поликарп, Савелий, Василий и Михаил Яковлевичи, и пятый — двоюродный брат, Алексей Александрович. Все призывались на фронт из Горного Алтая, сюда же вернулись после войны.

Родом они из небольшого села Тондошка, затерянного в прекрасных, живописных горах Турочакского района, близ знаменитого Телецкого озера — Алтын-Кель (в переводе с алтайского — Золотое озеро). Об этом, породнившемся между собой через браки их детей, роде Шумаровых-Пахаевых — представителях коренного народа Республики Алтай — алтайцев, чьи корни уходят глубоко в родную землю не в одном поколении, можно сказать словами известной песни «Повезло им, повезло...»: они выжили в пекле фронтовых пожаров. Им посчастливилось не попасть в чудовищные жернова военной «мясорубки», беспощадно перемоловшей миллионы жизней красноармейцев, хотя были участниками жесточайших, исторических битв: Поликарп Яковлевич — Сталинградской, Савелий Яковлевич — Ленинградской, Бохту Шумаров — Берлинской. Все семеро вернулись с войны домой — пятеро братьев Пахаевых и двое братьев Шумаровых, Бохту и Сергей, пройдя фронтовыми путями-дорогами не одну тысячу километров, дойдя до Европы и Германии, участвуя в жесточайших, решающих боевых оборонительно-наступательных операциях на всей протяженности этого огненного пути, изрядно политого потом и кровью наших воинов, в том числе горноалтайцев. Поликарпу Яковлевичу довелось повоевать еще и в Иране; Савелию Яковлевичу и Сергею Китаевичу — на Дальневосточном фронте с японцами в августе-сентябре сорок пятого. За героизм, мужество и отвагу все награждены боевыми орденами и медалями. Двое, П. Я. Пахаев и Б. К. Шумаров, победу встретили в Берлине.

(Окончание в № 3, 2025 «Приокских зорь»)

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Скоблов
(г. Москва)

РАССКАЗЫ

Евгений Скоблов — прозаик, член Союза писателей России, главный редактор литературного альманаха «Московский Парнас». Автор двадцати семи книг художественной прозы, руководитель четырех проектов коллективных сборников публицистики. Участник более ста российских и зарубежных литературных периодических изданий. Лауреат российских общественно-литературных премий и дипломант отечественных и международных литературных конкурсов. Обладатель ряда литературных наград Московской городской организации СП России. Председатель правления Академии российской литературы.

АНОНИМНОЕ АНКЕТИРОВАНИЕ

День уже перевалил за половину. За окном офиса темнело, и я готовился выйти в ноябрьский вечер, чтобы отправиться, наконец, домой. Пожалуй, выпить пива, и домой. Вторник, как и понедельник, день тоже не из легких, просто об этом вслух никто не говорит. Принято считать, что одного тяжелого дня в неделю достаточно.

Я выключил компьютер, допил остатки кофе и снял трубку звонившего телефона. На связи был мой непосредственный шеф, заместитель директора по работе с персоналом. Вечер вторника ноября, и вот это короткое «зайди», никак не способствует спокойным сборам домой, через посещение «стекляшки». «Зайди» в семнадцать тридцать буквально означает появление внепланового задания, которое, в лучшем случае, придется выполнять завтра, а осмысливать порядок действий, что, как и в какой последовательности делать, сегодня. Или, учитывая крутой нрав нашего генерального директора, сегодня до упора... и завтра, тоже до упора.

— Что, Александр? Не вижу радости в глазах,— пошутил Сергей Иванович,— садись. Тут вот какое дело нарисовалось. Я только что от директора.

Значит, задача лично от генерального.

— Кофе хочешь? — Сергей Иванович включил чайник на приставном столике,— нет? А я, пожалуй, выпью.

Я, наверное, слишком уныло посматривал на Сергея Ивановича, и ему мое выражение лица показалось смешным. Он хмыкнул и раскрыл рабочий блокнот.

— В общем так, Александр Евгеньевич. Дело, как говорится, не очень сложное, но весьма и весьма ответственное, угощайся.

Он выставил на стол передо мной тарелочку с жареным арахисом. После того, как бросил курить, мой начальник стал в больших количествах употреблять арахис, и всегда стремился угостить им меня. Я насторожился: это что же за такое простое, но очень ответственное задание, которое нам поручает лично генеральный? Уж не ленточку ли перерезать у ЗАГСа?

Оказалось, нет. Оказалось, Михаил Григорьевич очень недоволен, и даже не на шутку озабочен внутриколлективными взаимоотношениями. Имеется ввиду весь коллектив, ни много ни мало, сто пятьдесят сотрудников. Дескать, появились сигналы (от некоторых, особо ответственных, сотрудников) о том, что обстановка в коллективе «не того», мягко говоря, не вполне здоровая.

— А это,— Сергей Иванович попытался копировать интонации генерального,— грозит непредсказуемыми последствиями, самыми незначительными из которых будут снижение КПД всего нашего «организма».

Об этом генеральный говорит на каждом совещании, каждом общем собрании трудового коллектива, и для меня новостью не было. Но сейчас, насколько я понял, директор решил взяться за дело всерьез. А для начала ему понадобился зам по работе с персоналом, мой непосредственный шеф, Сергей Иванович. А значит, и я.

— В общем так, Саша,— приступил к постановке задачи Сергей Иванович,— «Первый» (так иногда между собой мы называли директора) хочет «прощупать» коллектив...

— И женщин тоже? — грустно пошутил я.

— Всех! — улыбнулся начальник.— Всех подряд. Для этого он хотел бы, чтобы мы провели анкетирование, само собой анонимное. Социологический опрос, значит. Надо разработать анкету с вопросами по самым разным направлениям, раздать ее по отделам... Обсчитать результаты и сделать текстовую справку, чтобы было понятно, что к чему.

В недалеком прошлом, еще при бывшем генеральном, мы проводили подобные «исследования», и даже не один раз. И даже «болванки» анкет до сих пор имелись у меня в компьютере.

— Анкета,— продолжил Сергей Иванович, прожевывая зернышко арахиса,— должна быть свежая, соответствующая моменту, старые не подойдут... даже и не думай.

— Ну и что же он хочет узнать, наш папа? Мнение коллектива о нем самом? Могу сразу ответить на этот вопрос,— я все же вынул из папки блокнот и открыл его.

— Не только,— спокойно продолжал Сергей Иванович,— о всех его замах тоже, и в общем, как коллектив относится к руководству. Рейтинг, так сказать. Ну и все остальное: удовлетворяют ли условия труда, размер заработной платы, качество питания и ассортимент в нашем кафе. Решение всяких бытовых вопросов. А самое главное, и это надо будет обязательно отразить в справке-отчете — что нужно сделать, чтобы сплотить людей для успешного выполнения предстоящих больших дел. В общем, надо подумать. И, кроме того, если разобраться, это же входит в наши обязанности...

Я хотел сказать, что лично в мои обязанности не входит проведение социологических опросов, анкетирования. Так же, как изучение общественного мнения и отношения рядовых сотрудников к руководству. Это должны делать независимые эксперты, то есть специалисты не из нашего «улья». Если директор хочет получить объективные результаты.

Но не сказал.

Какая разница? Есть указание генерального, значит надо его выполнять, а обсуждать, как *лучше* выполнить указание, можно сколько угодно, только тихо.

Просто сам по себе факт проведения анкетирования может вызвать неоднозначную реакцию среди сотрудников. Но и это еще не все. Результаты опроса могут не порадовать, и даже более чем вероятно, что не порадуют «Первого», это же понятно. Раз анкетирование анонимное, могут написать, и напишут все, что угодно.

Сергей Иванович, словно прочитав мои мысли, сказал:

— Михаилу Григорьевичу нужна объективная картина. Сам понимаешь, для чего: посмотреть, где узкие места, где требуется лично его участие, а кому и оказать помощь...

«...а также, в каком отделе больше баламутов и недовольных»,— подумал я. Но вслух сказал:

— Я понимаю, что сегодня надо разработать анкету, а завтра размножить и раздать по отделам?

— Да,— просто сказал Сергей Иванович,— а послезавтра представить Михаилу Григорьевичу результаты.

— Не получится. Пару дней потребуется на ответы, Вы же знаете наш народ. Пока раскочеряется...

— Ну ладно, добавляем пару еще дней, я ему скажу об этом, хотя, сам понимаешь, очков нам это не прибавит,— начальник встал и прошелся к двери. Потом добавил.— Видишь ли, Александр, мы, в принципе, могли бы пригласить профессионалов, для проведения опроса. Но... сам понимаешь, результаты опроса могут быть непредсказуемы, а шефу не хотелось бы выносить сор из избы. Мало ли куда могут попасть эти выкладки, пригласи мы социологов со стороны...

Я почесал затылок, выходило, что результаты надо было представить в субботу. Допустим, в субботу «Первого», по обыкновению, не будет, значит, в понедельник. И то во второй половине дня, после всех совещаний, планерок и всего прочего.

На разработку анкеты у меня было более четырех часов. Кое-какие вопросы я все же взял из старых материалов, но в основном сформулировал и расставил в определенном порядке новые вопросы, соответствующие духу времени. При этом попытался учесть все, о чем говорил Сергей Иванович, и добавил кое-что от себя. Домой добрался глубоко за полночь, без пива, а с самого утра среды пошел по отделам.

Ребята встречали меня без особого энтузиазма. Народ с подозрением отнесся уже к самому факту моего появления с пачкой анкет в руках. А уж когда я представил всех собравшимся и объяснял, что от них требуется, люди в большинстве выражали свое «Бу-у-у», и самым наиболее повторяемым выражением было: «Достали уже, на самом деле». Я же терпеливо всем объяснял, что анкетирование проводится исключительно в интересах народа. И хотя проводится оно на добровольных началах, в настоящий момент, руководству очень необходимо, чтобы высказало свое мнение по животрепещущим вопросам максимальное число сотрудников. Генеральный Просил Лично. В общем, дело продвигалось с грехом пополам, и я периодически отзванивался по мобильному Сергею Ивановичу.

Народ, в основном, был недоволен. Некоторые брали анкеты двумя пальцами, словно боясь испачкаться. Зато «порадовали» женщины. Они открыто и громко (без всякой опаски «быть взятыми на заметку») говорили о своем негативном отношении ко всему, по их мнению «неправильному», что происходит в нашем коллективе. Мне было сразу понятно, **что** они укажут в анкетах. Тем не менее, к вечеру мне удалось раздать анкеты всем, кто был на месте, включая заведующих отделами. Некоторые из них сначала отказывались, но глядя, как я докладываю по мобильному телефону о ходе работы, все же оставляли анкеты у себя.

Вечером Сергей Иванович похлопал меня по плечу и сказал, что половина дела уже сделана.

— Осталась ерунда,— улыбнулся он,— собрать, посчитать, написать, представить... Да?

К вечеру пятницы все анкеты были сосредоточены у меня на рабочем столе, разложены по конвертам, на каждом из которых я карандашом написал наименование отдела, из которого мне принесли анкеты.

Суббота была убита. Посчитать недолго, но вот сбить все в единый документ, вывести общие проценты, сделать выводы и придумать предложения по итогам опроса оказалось гораздо труднее. Надо же учитывать, что я не профессионал в этом деле, а довольно плохой любитель. Обработать анкеты с помощью «ключа» на компьютере я не умел, несмотря на то, что у меня была специальная программа, и считал «вручную». Я опасался, что придется прихватить и воскресенье, что в конце концов и случилось. Дело двигалось медленно, я часто сбивался, приходилось начинать сначала. Потом все пересчитывать снова. К обеду воскресенья у меня перед глазами разбежались сиреневые круги, проценты сливались с численными показателями, однако, работа была сделана.

Я прочитал справку, и мне стало смешно, поначалу. Хотели объективных результатов? Получите, распишитесь. Семьдесят шесть процентов опрошенных указали, что генеральный директор не пользуется у них авторитетом. Восемьдесят девять процентов были недовольны размером своей заработной платы. Более шестидесяти процентов выразили недовольство организацией труда в их отделах и столько же показали, что их не устраивают непосредственные руководители.

Более семидесяти процентов респондентов указали, что их заставляют делать работу, не связанную с их функциональными обязанностями. Зато в «рейтинге среди руководства фирмы» Сергей Иванович занял первое место, генеральный — предпоследнее. Ну и на закуску: на вопрос «Кто, по Вашему мнению, препятствует созданию наиболее благоприятных условий труда?» девяносто пять процентов указали на генерального, девяносто семь процентов — на первого заместителя генерального. Они оказались лидерами в этом вопросе.

Потом мне стало не смешно. Ведь если эти данные лягут на стол «Первому», то будет плохо. В первую очередь под удар попадет Сергей Иванович, как заместитель по работе с персоналом, а также как непосредственный организатор социологического опроса. О своих требованиях, касаемо объективности исследования, директор забудет сразу же, как только прочтет справку! Кому нужна эта объективность, когда главный член коллектива, оказывается, мешает всем работать? Что это за объективность, если генеральный директор в рейтинге на предпоследнем месте? Начнутся поиски виновных, соответствующие «добрые слова» будут высказаны заместителям директора и заведующим отделами, и в итоге доберутся до того, кто проводил исследование, разрабатывал анкету, общался с людьми. И вот тогда мне, возможно, придется собирать вещички...

По спине пробежал холодок. Я выкурил сигарету (что было категорически запрещено в помещениях фирмы, но воскресенье, и никого нет), запил ее чашкой кофе. Потом еще сигарета и еще две чашки кофе. Потом достал из ящика стола коньяк и выпил половину кофейной чашки.

Потом снова сел за компьютер, и приступил к выполнению своего решения, которое сформировалось, пока я пил коньяк. Работа пошла быстро. У меня вышло, что у семидесяти шести процентов опрошенных директор пользуется высоким авторитетом, восемьдесят девять удовлетворены своей зарплатой полностью, остальные *«выразили пожелание»* прибавки (что вполне нормально). Девяносто процентов выразили свое удовлетворение работой нашего кафе. Семьдесят пять процентов «не видели никаких препятствий для удовлетворительной организации труда». В рейтинге среди руководства на первом месте (с большим отрывом) оказался генеральный директор, далее следовали его заместители (согласно моему представлению об их значимости для генерального). Тридцать два процента я отдал тем, кто хотел бы усовершенствовать систему поощрений, и двадцать пять тем, кто не вполне удовле-

творен взаимоотношениями в своем трудовом коллективе. Все. Я откинулся в кресле и закурил. Теперь то, что я видел в экране, можно было распечатывать и представлять генеральному.

Да, конечно, это не здорово. И не смешно. На фиг нужно исследование с подтасованными результатами? Какой такой высший смысл имеет все это мероприятие? Что хорошего оно может дать коллективу в целом? Но... мне-то что оставалось делать? Искать новую работу сейчас мне вовсе не улыбалось. Я распечатал справку, и, на всякий случай, сохранил первоначальный вариант.

В понедельник утром я положил результаты анкетирования на стол Сергею Ивановичу. Он внимательно прочитал справку два раза. Прикрыл глаза, задумался. Потом открыл один глаз, и как ворон уставился им на меня.

— Что-то не так, Сергей Иванович? — осторожно поинтересовался я.

— Не нравится мне все это, Серебряков,— холодно произнес он,— не то.

— Что «не то»? — якобы удивился я, продумывая одновременно, что он конкретно имеет в виду.

— Не то, это не то,— монотонно проговорил начальник без прежней доброжелательности,— где ты взял эти цифры?

Тут уж я действительно удивился, он задает вопрос, как будто не знает, что цифры из обчета анкет.

— Почему у тебя только у семидесяти шести процентов сотрудников Михаил Григорьевич пользуется авторитетом? А где остальные двадцать четыре? — с металлом в голосе спросил Сергей Сергеевич.— Или, вот это... восемьдесят девять процентов довольны своим заработком, а остальные одиннадцать? Мало им? Так пусть идут себе, другие места, более хлебные, ищут! А это что такое: семьдесят пять процентов «не видят препятствий», а что же остальные двадцать пять? Кто им мешает? Ты вот здесь не указываешь, но ведь генеральный спросит же! Нет, Саша! С заданием ты не справился.

Тут, наконец, и я не выдержал:

— Вы же сами говорили, чтобы было объективно! Я, если честно сказать, итак несколько завысил показатели, что б Вам было известно. И кому нужно тогда все это исследование?

— Тихо! — Сергей Иванович пристукнул ладонью по столу,— тихо, Серебряков, не забывай, где находишься. Я эти результаты генеральному не понесу. Давай, переделывай, у тебя на все про все полтора часа. Потом — эшафот, понял? Иди, и все переделай! Да... и почему ты меня в рейтинге поставил на седьмое место? Ты не опупел ли случайно, ты бы меня еще после завхоза поставил!

Я подошел к двери, хотел выйти, но обернулся и спросил:

— А если он затребует анкеты?

Сергей Иванович посмотрел на меня как на дурака.

— Не затребует. У него и без тебя забот хватает. К тому же... он нам доверяет.— Сергей Иванович немного помолчал и добавил,— Пока еще доверяет.

«Переделка» много времени не заняла, я просто поставил другие цифры, максимально высокие, практически по всем параметрам, и все стало выглядеть как в шоколаде. Но читать это было совершенно невозможно. Выходило, что у нас не коллектив, в котором работают обыкновенные люди со своими проблемами, симпатиями-антипатиями, отношением к работе и жизни, а роботы. Мне даже показалось, на мгновение, что генеральный не поверит в эту лабуду, на то он и генеральный. Более того, он ведь ОЗАБОЧЕН, и все такое. В общем, я распечатал документ и отнес его начальнику.

Сергей Иванович бегло просмотрел справку, и удовлетворенно произнес:

— Но это же совсем другое дело, Александр, ведь можешь же, когда захочешь!

Он уложил справку в прозрачные корочки и ушел в приемную.

Я вернулся к себе в кабинет и приготовил кофе. Работать сегодня мне больше не хотелось. Все же какой-то нехороший осадок остался от всего этого дела. С учетом того, что пока еще не известна реакция Михаила Григорьевича. Впрочем, мне было уже все равно, какая будет реакция «Первого». Ответ все равно держит Сергей Иванович, как его заместитель. Он же отвечает и за «моральное состояние сотрудников», и за «общественное мнение в коллективе». Я же только помощник, хотя и являюсь исполнителем всех основных заданий по нашей линии. Я подумал, что можно было и не затевать всю эту ерунду с анкетами, хождением по отделам. А сразу сесть, сочинить эту справку и дело с концом. Но... раз «старший приказал», значит, это для чего-то нужно?

Минут через пятнадцать дверь открылась, и я с удивлением увидел Сергея Ивановича, который с видом скромного победителя вошел в кабинет. По его виду я понял, что справка Михаилу Григорьевичу понравилась, а значит, цель достигнута, и мой шеф на коне.

— Ну что, Сашок, можешь поздравить меня с победой,— сказал он.— Я, как всегда, оказался прав. Ты только представь, что было бы, если бы я представил Михаилу Григорьевичу то, что ты там накопал? Я, кстати, сказал, что исследование и обработку результатов проводил ты, так что и про тебя, если что, не забудут.

— А что «если что»? — поинтересовался я, все же довольный тем, что все прошло гладко.

— Ну как что? — Сергей Иванович помолчал,— Все может быть, Саша. Тут вот, пока я был в кабинете у Самого, он с кем-то «сверху» по телефону говорил... И... я понял так, что грядет сокращение у нас на фирме, процентов, эдак, на тридцать. Вот что. Но это только мои догадки. В любом случае, за себя можешь быть уверен. Толковые люди нужны всегда. А сегодня... да и на завтра, я объявляю тебе выходной. За хорошую работу.

Сергей Иванович улыбнулся и пожал мне руку.

Мне кажется, что результаты исследования, которое я провел, не имеют никакого смысла. Теперь уже не имеют. Хотя... если сокращение все же грядет, нас могут снова привлечь для проведения исследования. Например, чтобы выяснить, кого лучше включить в эти самые тридцать процентов.

ВАСЯ И РОДЯ ТВОРЯТ ДОБРО

Вышло так, что вчера, в воскресенье, я наломал дров на даче у родственников. В буквальном смысле слова. Старики заменили окна в квартире, поставили пластиковые (российские по немецкой технологии), а старые, родные деревянные (советские, по советской технологии) вывезли на дачу. Из кухни и трех комнат, причем, из двух комнат с балконными дверями.

В общем, получилась гора стекла и дров, нет, аккуратная укладка стекла (ни одного битого) и не менее аккуратная куча дров от оконных рам. На все про все было потрачено полдня с плюсом (плюс — три часа). Затем, само собой, шашлык-башлык, зелень-мелень. И, конечно же, по сто грамм для начала, по триста пятьдесят под шашлычок и по сто пятьдесят «накапотных».

Тяжко все это перенести, даже в моем, относительно юном (по сравнению с тестем), возрасте. Особенно в понедельник утром. Потому как общеизвестно, что тяжелая дачная пахота требует восстановления физических и моральных сил в течение хотя бы одного дня и одной ночи. Но вся ерепень и случилась из-за того, что мы с тестем сообразили себе работенку не в субботу, как обычно, а в воскресенье, на что были причины. Учитывая, что и мне, и ему в понедельник на работу, нам следовало бы воздержаться от водки. Но кто же в наше нелегкое время воздерживается от водки, когда «работа адовая сделана уже»?

Понятное дело, понедельник встретил меня хмурым утром, хотя в окно и светило яркое, и даже очень для сентября, солнце. Я решил поваляться еще чуть-чуть, и провалялся до девяти утра. Понедельники не любят желающих поваляться. Им, понедельникам, до зеленой ботвы, что у людей было тяжелое воскресенье, связанное с разборкой старых оконных рам. Потому как начало рабочей недели, и все, включая тех, кто был на даче (на рыбалке, на блинах, в комнате смеха и т.п.), должны быть свежесбритыми, пахнущими только одеколоном (в крайнем случае туалетной водой) и вовремя на своих рабочих местах. Кстати, вторники тоже не любят тех, кто опаздывает на работу хоть по причинам, хоть без. Но до вторника надо еще дожить. А понедельник, можно сказать, набирает обороты и все самое неприятное еще впереди...

Нет смысла вспоминать о муках вставания, умывания, одевания, а также попытках сосредоточиться и сделать благообразное выражение... вообще, хоть какое-нибудь выражение лица. Надо сказать, что тяжел я очень бываю «после вчерашнего». А на «полный выход из состояния» мне давно уже требуется не один и не два дня как раньше, а минимум неделя... Посему, с невероятными усилиями, предпринимая все меры предосторожности (жевательная резинка, мятные конфеты, не дышать в лифте), я после тяжелой поездки общественным транспортом (смотреть только перед собой), наконец, оказываюсь в общем кабинете нашего дружного отдела.

Мои сортаники-сотрудники (их двое — Бычков и Погашенков) не очень рады моему появлению с таким опозданием. Они уже около полутора часов получают «кренделей», задачки-накачки по телефонам, а я еще ничего не получил, да еще и воспользовался их добротой. Они мне с порога так и говорят: ты воспользовался нами. Дескать, они «отмазали» меня перед заведующим отделом г-ном Н. И. Березкиным. Они ему сказали, что я, якобы, звонил с мобильного, и просил передать, что задерживаюсь из-за семейных проблем.

Теперь они помалкивают, мрачно поглядывая на меня из своих углов, как пауки. Ну конечно, они пауки, а я безответственная муха, которая залетела к ним на завтрак...

— Тебя вызывали на совещание, — гундосит Родя Бычков.

Я изображаю озабоченность на лице, которое тем временем уже начинает обретать привычные для окружающих очертания, и с напускной небрежностью бросаю:

— Клал я на ваше совещание. Где мои документы?

Нарочито громко стучу выдвижными ящиками стола, потому что на столе, кроме телефона и компьютера, ничего нет. Я забыл, что в пятницу вечером убрал документы в сейф.

Вася Погашенков:

— Клали мы на твои документы. Сам опоздал и сам трендит. Вовремя на работу приходите надо.

Он меня очень раздражает, Вася. Он меня и в обычные дни не радует, а уж когда мне плохо с бодуна, он мне просто противен. Я, наконец, вспоминаю, что документы в папке, в сейфе. Открываю сейф, достаю папку и с тоской смотрю на бутылку коньяка в глубинах сейфа. Рядом полплитки горького пористого шоколада.

Но... сейчас никак нельзя, только-только в себя стал приходиться.

Я швыряю папку на стол, включаю электрочайник и выхожу в туалет, перекурить.

Так всегда! Когда соратники сами филонят (опаздывают, уходят раньше с работы, занимаются личными делами в рабочее время), вроде ничего из ряда вон выходящего не происходит, а стоит мне... Собственно, их понять можно. Мол, ты, Серебряков, тоже не пример, так что будь здоров и не кашляй, отвечай, как другие... И я не удивлюсь, если они «отмазали» меня перед Березкиным с подставой. Например, на вопрос Березкина, где я, они могли ответить не так: «у Серебрякова семейные проблемы», а так: «звонил Серебряков и сказал, что у него семейные проблемы... в поне-

дельник утром, хи-хи-хи». А на следующий вопрос Н. И. Березкина «Ну что там у него стряслось?», следующий ответ товарищей: «Он сказал, что приедет и сам во всем сознается, хи-хи-хи».

Как бы в продолжение моих мрачных мыслей в адрес товарищей, в курилке возник Родя Бычков. Он зашел не для того, чтобы покурить со мной за компанию, он пришел, чтобы что-то сказать.

Пришел и говорит.

— Иди... НИБ вызывает.

НИБ — это Николай Иванович Березкин. Родион смотрит в сторону, пытаясь скрыть ехидную улыбку.

— Зачем? — машинально спрашиваю я, но в уме уже просчитываю варианты.

Товарищи, учитывая оперативно складывающуюся обстановку в коллективе, пока я тут курю, вполне могли позвонить и настучать НИБу, что я наконец появился, и что я сказал по поводу совещания, придав рассказу соответствующую эмоциональную окраску. Могли? Конечно, могли!

Я вернулся в кабинет, взял папку с документами и поплелся к начальнику на ковер.

Николай Иванович что-то изучал на своем компьютере, хотя мы прекрасно знали, что компьютером он пользовался лишь тогда, когда в обеденный перерыв ему хотелось отдохнуть. А проще, поиграть в карты. А зачем ему еще компьютер, когда есть мы со своими компьютерами? Он решает стратегические задачи, и ему некогда заниматься ерундой (он частенько говорит нам об этом). В его понимании, стратегические задачи — это передать нам для исполнения распоряжения директора (по нашему направлению), а «занятие ерундой», выходит, и есть выполнение этих задач... Сам НИБ давно уже ничего не делает, а только передает нам указания. И даже на некоторые совещания, которые проводит не лично директор, а кто-нибудь из его замов, он не ходит, а отправляет кого-нибудь из отдела, чаще всего меня.

Вот и сегодня, насколько я понял, он хотел «задвинуть» на совещание меня вместо себя, потому что директор в «местной» командировке и всем рулит второй заместитель (первый — в отпуске). НИБ решил, раз нет директора, то и он может себе «позволить спокойно поработать», а на совещание отправить меня.

Не получилось.

Николай Иванович перевел взгляд с экрана на меня. Крупное, лобасто-носатое лицо излучало улыбку, однако глаза тускло светились желтизной раздражения.

— Ну, садись, Александр Евгеньевич.

Он снова уставился в экран. Выдерживает паузу, чтобы я поволновался, начал ерзать на стуле. Но я, по-моему, невозмутимо открыл рабочую тетрадь и щелкнул авторучкой, в готовности записывать указания. Если он был на совещании, значит имеются и указания, которые он в форме своих распоряжений сейчас будет передавать мне.

Наконец НИБ сказал:

— А что это вы, Александр Евгеньевич, стали по понедельникам опаздывать? — он пробуравил меня взглядом, прищутив правый глаз.

Ну, во-первых, я только в первый раз опоздал, и даже не опоздал, а задержался, хотел ответить я, но не стал. В последний момент я решил не будить зверя. Мало ли что там было, на совещании. Поэтому я лишь кратко, по-военному, произнес:

— Виноват, Николай Иванович, больше не повторится.

Он посмотрел в свой ежедневник, раскрытый перед ним на столе, и, вроде бы что-то вспоминая, пробурчал:

— Это хорошо, что виноват... хорошо, что не повторится... То есть, я хотел сказать, плохо, что виноват, но хорошо, что осознаешь... А то ребята (нас он называет ребятами) уже волнуются, звонят мне, переживают, где Серебряков, уж не отпускал ли я его куда...

НИБ изучающее смотрит на меня, оценивает мою реакцию на его треп. О том, что он хотел отправить меня на совещание — ни слова. Заливает он и насчет звонков ребят ему. У нас железное правило (он об этом не знает до сих пор), пока не спрашивают, молчать до упора, вне зависимости от обстоятельств. Другое дело, НИБ разозленный, что меня нет, сначала пошел, потом вернулся с совещания и сам позвонил, уточнить, появился ли я. А тот же Бычков или Погашенков ему ляпнул, мол, появился, и клал на всех!

Конечно же, я утрирую. Мы много лет в одной упряжке, и кажется, изучили уже друг друга досконально. Но... мало ли что может быть в нашем королевстве?

— В общем так, Серебряков,— наконец устав от моего молчания, изображая приближение грозы, проговорил НИБ,— это мое последнее предупреждение. Имей в виду...

— А первое? — я неожиданно для самого себя прервал на полуслове начальника.

— Что?! — НИБ подался вперед, лицо мгновенно стало жестким, губы скривились.

— А первое предупреждение было? — несколько нагло вразвернул я свой вопрос.

Не сказать, что наружу выползло мое «второе я», притаившийся в глубинах интеллигентской души зарвавшийся наглец. Просто я подумал, что если допустить такой тон сейчас, то во что это может вылиться в последующем... Мы действительно слишком хорошо знаем друг друга. НИБ знает, что мы знаем, что не будь нас, а будь другие, ему было бы не так весело и привольно жить в конторе. Процесс отлажен, и все идет как положено. Отдел с честью справляется с возложенными на него задачами. Но НИБ уже давно ничем не руководит, а только изображает руководство. Вдохновляет и направляет, но ни во что не вникает. Он отодвигает нас и выступает вперед только тогда, когда надо представлять результаты, отчеты, а также получать поощрение или участвовать в застольях руководящего звена.

— Ты это, Александр, не зарывайся,— НИБ откинулся на спинку кресла. Я смотрел ему прямо в глаза, и он, казалось, что-то прочитал в моем взгляде. Что-то неприятное для себя. Возможно подумал, что я сейчас что-нибудь скажу, а ему придется как-то реагировать.

— Ты это, Александр, давай... не пользуйся доверием,— по-моему, НИБ сморозил совершенную глупость, но поправился,— то есть, ты не так понимаешь доверие, Александр Евгеньевич. Я ценю тебя как грамотного специалиста, всегда иду навстречу. Так и ты, давай не подводи.

По тону я понял, что он решил сменить тактику. Решил миром завершить недоразумение с моим опозданием. Теперь мне было интересно: если у НИБа был разговор с ребятами, то что сказали ребята. Сдали, или прикрыли? То что они ему звонили и «беспокоились», это, конечно, чепуха. Но то, что он звонил, беспокоился, когда хотел послать меня вместо себя на совещание, это точно. Так вот что они ему конкретно сказали, мне и хотелось бы знать.

НИБ посчитал инцидент исчерпанным. Он полистал ежедневник и продиктовал мне задачи, которые получил сегодня на совещании у второго заместителя директора. Я послушно, слово в слово, записал указания в рабочую тетрадь. Когда указания закончились, Николай Иванович широко улыбнулся и дружески похлопал меня по плечу.

— Футбол вчера смотрел? Как тебе?

Я не смотрел вчера футбол: дача, окна, рамы, дрова. Но счет знал из новостей (у тестя на даче работал радиоприемник, «Динамо» — «Спартак» 1:1). Поэтому осторожно (мир так мир) сказал:

— Да ничего. Я думал, что они в первом тайме еще забьют.

— Я тоже так думал,— сказал Николай Иванович и встал, давая понять, что разговор окончен.

Уже в коридоре мне стало смешно. Кого я имел в виду, насчет забить в первом тайме... и кого он имел в виду?

Я вернулся в кабинет. Бычков и Погашенков пили чай с печеньем, было время второго завтрака. Я обратил внимание, что на чайном столике стоит еще одна чашка с пакетиком «Липтона» и двумя кубиками сахара. Для меня. Я положил папку на стол и присел к ребятам. Куда-то пропало желание выяснять, что и как было в это понедельничное утро. Мне вдруг стало совершенно безразлично, передали мои слова относительно совещания НИБу или не передали, пока я курил. Родион Петрович и Василий Васильевич смотрели на меня доброжелательно, видимо, сопереживали. Я старался не смотреть на них, чтобы не рассмеяться. Сидел, скорбно сербал чай и хрустел печеньем.

Родя участливо поинтересовался:

— Ну, как?

— Все так же,— неопределенно ответил я,— задачи ставил, глупости говорил, научить хорошему поведению пытался.

— Научил? — в тон Бычкову, так же участливо спросил Вася.

— Научил...

Раздался телефонный звонок. Я подошел к своему столу и снял трубку. Звонил Николай Иванович. Он сказал, что сейчас уезжает («по весьма срочному делу») и будет только завтра. Еще он сказал, что верит в нас, о чем я и поведал товарищам, когда вернулся за чайный столик.

— Ну, тогда с тебя бутылка,— протянул Родион.

Даю руку на отсечение, что он имел в виду коньяк в моем сейфе. На мой удивленный взгляд он пояснил:

— Слишком много полезных и хороших событий сегодня произошло. Ну смотри. Во-первых, ты опоздал и легко отделался. Во-вторых, мы, как верные друзья, тебя отмазали, именно поэтому ты легко отделался. И в-третьих, шеф уезжает, а значит, неделю можно начать с балды, правильно я говорю, Вася?

— Совершенно правильно,— подтвердил Погашенков,— двух мнений быть не может.

Они снова вопросительно посмотрели на меня.

Я притворно тяжело вздохнул и пошел к сейфу доставать коньяк.

Можно сказать, что рабочий день уже закончился. Во всяком случае, мне показалось, что все неясные вопросы на сегодня закрыты.

А ГОРОД ПОДУМАЛ...

Когда я учился в четвертом классе, то, как и полагалось в доисторическо-коммунистические времена, был пионером, как и все лучшие ребята и девчонки Советского Союза, ученики «средних классов».

Одной из очень популярных форм внеклассной пионерской работы (среди учителей и администраторов школы, в первую очередь) были так называемые «пионерские сборы». Это идейно-общественное мероприятие предусматривало: а) выступления наиболее активных пионеров, отличников учебы и поведения на злободневные темы, например, о двоечниках и нарушителях дисциплины, б) чтение стихов на патриотические темы, в) исполнение патриотических песен, г) народные танцы... иногда. Случались также и «нетрадиционные» элементы, например, розыгрыш пионерами с артистическими наклонностями сенок из жизни пионерии. Это мог быть, например, отрывок из повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», или эпизод из фильма «Неуловимые мстители».

Однажды после уроков наш классный руководитель Елена Константиновна объявила, что в среду следующей недели у нас будет проводиться пионерский сбор. И

поскольку мероприятие это «особой важности» и посвящено Дню Советской Армии и Военно-морского флота, то проводиться оно будет не как обычно, в классной аудитории, а в вестибюле школы, рядом с бюстом Владимира Ильича Ленина и флагом Союза Советских Социалистических Республик. Все замерли и напряглись. Елена Константиновна строго осмотрела класс и постучала указательным пальцем по крышке учительского стола, давая понять, что дело-то не шутейное. Потом добавила, что сбор, вопреки обычаям, будет проведен не после уроков, а вместо урока русского языка, преподавателем которого и была Елена Константиновна. Потом она понизила голос почти до шепота и сипло проговорила, что на сборе «очень возможно» будет присутствовать лично директор школы Валерий Герасимович (один вид его наводил ужас на старшеклассников, не то, что на мелочь, вроде нас), и может быть комиссия из ГОРОНО. Класс и вовсе приуныл. Слишком большая ответственность ложилась на всех пионеров, и особенно на самых лучших, то есть тех, кто будет выступать.

— Зарубите себе на носу! — вдруг взвизгнула Елена Константиновна, и класс непроизвольно вздрогнул, — я не дам вам сорвать наш пионерский сбор! Самые строгие меры, вплоть до исключения из школы ждут того, кто посмеет...

Она вдруг замолчала, наверное, не знала, что же такого ужасного может сотворить ее ученик, чтобы сорвать такое ответственное мероприятие. Поправила прическу, прокашлялась и решительно окончила:

—... кто посмеет испортить мне сбор!

Но мы и без таких предупреждений были достаточно напуганы, ведь всем понятно, что дела нас ждут серьезные, и даже похлеще открытого урока, который проводился в прошлом месяце. Тогда мы серьезно готовились в течение двух недель, и наш класс был отмечен комиссией как очень хороший и в полной мере подготовленный по русскому языку. Об этом нам потом говорила сама Елена Константиновна.

Дальше классный руководитель перешла к инструкциям. По случаю сбора, все должны были явиться в школу в парадной пионерской форме, мальчики в белых рубашках, отутюженных брюках и начищенной обуви, девочки в белых передниках и с белыми бантами. Далее — программа сбора, которая наметилась сразу, выступления и номера художественной самодеятельности, в общем, были готовы и отработаны заранее. Правда, не хватало одного песенного номера.

Не могу сказать, что я очень стремился в «передовики», но попробовать себя на общественно-полезном поприще был не против. Мой приятель, Сережка Сахно, как оказалось, тоже захотел выступить на сборе. Он толкнул меня локтем в бок и прошептал: «А давай споем «Город подумал». Докажем, что нам не слабо!»

Речь шла об очень популярной в те годы песне с названием «Огромное небо», о подвиге советских летчиков в мирное время, которые во время планового полета ценой своей жизни спасли от катастрофы немецкий город, направив неисправный самолет на водоем.

Елена Константиновна как-то с недоверием осмотрела нас с головы до ног. Ведь раньше мы ни разу не проявляли себя в качестве певцов. Тем более, речь шла о такой серьезной песне на «архиважном» пионерском мероприятии. Но песня была как раз по теме сбора, и ее распевала почти вся страна. Елена Константиновна согласилась, но строжайшим образом предупредила, что музыкальный номер должен быть исполнен не просто хорошо, а так, чтобы «дошла до сердца каждого советского пионера — участника нашего мероприятия» и, что еще важнее, понравилась гостям сбора.

Впереди было еще целых четыре дня, из которых два — выходные, и нам казалось, что выучить слова (мелодию мы знали хорошо) и как следует отрепетировать песню нам вполне по силам. Поэтому мы решили, что в субботу, спокойно, никуда не торопясь, соберемся за сараями, чтобы не привлекать внимания других ребят, и отрепетируем наш музыкальный номер.

Но в субботу ничего не вышло, каждый из нас оказался занят своими делами,

зато к концу дня мне удалось раздобыть все слова и переписать их для себя и для Сереги.

В воскресенье собраться на репетицию снова не получилось. Я был свободен и готов к пению на свежем воздухе, но Сережу родители усадили за уроки, он успел нахватать много двоек за последние две недели. Правда, в запасе были еще понедельник и вторник, и так как слова у нас теперь имелись, я особенно не волновался. А чего там, в самом деле, переживать? Еще как споем!

В понедельник Елена Константиновна подозвала меня на большой перемене, видимо считая, что главный в дуэте я, и спросила, как идет подготовка к пионерскому сбору. Мне бы с ходу соврать, что все у нас хорошо, и что подготовка продвигается по плану, что уже провели две репетиции... Но врать как следует я не умел, и по моему невнятному бормотанию Елена Константиновна догадалась, что дело плохо с нашим номером. Она взяла меня за краешек пионерского галстука, слегка потянула на себя и прошипела:

— Только посмейте сорвать мне пионерский сбор! Двойки по поведению ... и по русскому языку вам обеспечены. Пощады не будет! Понял!?

— П-п-понял,— испуганно промямлил я, и бросился искать Серегу.

Нашел его без труда в школьном буфете. Он преспокойно ел булочку с сосиской и запивал лимонадом. Я сбивчиво рассказал ему о встрече с классной, и настоял, что нам срочно нужно тренироваться, а то пощады не будет! Сережка дожевал, отхлебнул из бутылки и как-то странно на меня посмотрел. Потом выдал: «А чего ты дрейфишь? Сам же захотел петь, а теперь сдрейфил?!» Я открыл рот от неожиданности. Но друг усмехнулся и сказал: «Ладно. Так и быть. Ты давай учи все куплеты, а я буду подпевать тебе в припеве. Я его и так знаю. Да и вообще, у тебя голос погромче, а я что-то хриплю в последнее время».

Тут я расстроился окончательно. Я вдруг представил, как мы с Серегой стоим перед строем суровых товарищей — пионеров, во главе с Еленой Константиновной, пытаемся что-то петь, но я все время путаю слова, перевираю мотив... А Серега вообще молча смотрит на меня...

Ночь с понедельника на вторник была ужасной, меня мучили кошмары, самым легким из которых было мое пребывание в кабинете директора школы... Еще, кроме директора, там была Елена Константиновна и весь наш пионерский сбор, в полном составе. Все смотрели на меня и молча ждали, когда же я, наконец, начну петь.

Во вторник утром, еще перед началом уроков, Серега сам разыскал меня в раздевалке и сходу решительно заявил: «Все, после уроков точно порепетируем!». Но я был уже настолько напуган предстоящим провалом, что моя собственная решительность растаяла, как последний снег после первого весеннего дождя... Я был просто раздавлен ответственностью. Единственное, что мне действительно удалось за эти последние перед сбором дни, так это выучить все слова всех куплетов и припева. Меня даже не удивило, что Сахно снова куда-то исчез, а вечером дома, вместо того, чтобы готовить уроки, я в сотый раз про себя твердил слова песни.

День сбора начался плохо. Нет, не плохо, а отвратительно и ужасно. Мой партнер по исполнению песни о героях — летчиках, и вроде как приятель, не пришел в школу. Кто-то передал, что он кому-то позвонил и сказал, что у него поднялась температура и воспалилось горло. Я боялся попасться на глаза классному руководителю, и это было глупо, час расплаты был уже близок... через два урока и две перемены. К тому же, она сама заглянула на второй урок (история СССР) и вызвала меня за дверь. Она уже, конечно, знала, что Сахно не пришел, и ее колотило от ярости. Она жестко, по разделениям, почти по слогам отчеканила:

— Я тебе не позволю сорвать пионерский сбор! За свои поступки надо отвечать... Будешь отвечать!

— Но Сережа не при...— начал было оправдываться я. Но Елена Константиновна зло перебила:

— А ты о чем думал?! Будешь петь один! И попробуй только плохо спеть! Иди на урок!

Я вернулся в класс, чувствуя себя виноватым еще и в том, что Серега сачканул. У меня тряслись коленки, и ужасно хотелось в туалет. Весь оставшийся урок я повторял про себя слова песни, проклиная все на свете: тот день когда мы вызвались исполнять песню, друга Серегу, который меня, по сути, предал, и собственно сам пионерский сбор. Мне очень не хотелось выступать, теперь уже, никогда и нигде. И ни за что!

Время неумолимо переместило меня в школьный вестибюль, где в две шеренги выстроился наш класс для проведения пионерского мероприятия. Первая шеренга — нарядные девочки в белых форменных передничках и с белыми бантами, во второй — серьезные и торжественные мальчишки. По случаю сбора нам выдали знамя пионерской организации из комнаты совета пионерской дружины. Директора не было, но его ожидали, представителей ГОРОНО тоже не было, но для меня это ничего не меняло. По звонку в вестибюле остался только наш класс во главе с Еленой Константиновной. Сказать, что я себя чувствовал как пионер-активист, которого сейчас будут бить уличные хулиганы, значит не сказать ничего. Я бы даже согласился, чтобы меня побили, лишь бы не петь. Сбор уже шел полным ходом, ребята по очереди выступали, читали стихи, а я будто плыл в тумане, почти ничего не видел, ничего не слышал и мало что соображал.

— А сейчас песня «Огромное небо» на слова Роберта Рождественского! — пропихала ведущая сбора — председатель совета отряда Ира Мочалова,— исполня-я-ет вокальный дуэт четвертого «А» класса!

Ирка, конечно, знала, что Сахно не пришел, но в программке был обозначен дуэт, и она автоматически озвучила, видимо, ничего другого не придумав и не сумев перестроиться по обстановке.

Я как автомат вышел из строя. Медленно повернулся.

И запел.

Я пел громко и трагично. Так, как никогда не пел ни до, ни после того памятного пионерского сбора. Мне удалось не перепутать слова. Я умудрился ни разу не сфальшивить в мелодии, единственное — чувствовал, что голос немного дрожит. И я не знал, как воспринимали песню мои строгие слушатели-одноклассники. Во время исполнения последнего куплета, на словах: «*В могиле лежат среди тишины, отличные парни отличной страны...*» мне очень захотелось плакать, и я едва сдержался. Наконец, песня закончилась... Я выдохнул, и почувствовал, как по спине стекает пот. Все... я, как смог, выполнил свой долг до конца.

Потом наступила тишина. Полная тишина, был слышен голос учителя в одной из классных аудиторий первого этажа в дальнем конце коридора. Ни аплодисментов, ни перешептываний, ни улыбок-усмешек. Елена Константиновна тоже молчала, хотя по идее должна была сказать что-то вроде: «Спасибо. Встать в строй!»

Мне показалось, что все как-то с сожалением смотрят на меня... но... никакой реакции!

Я отдал пионерский салют и строевым шагом направился на свое место. Мой номер был последним в программе сбора, и Елена Константиновна просто, но как-то устало произнесла:

— На этом наш сбор окончен. Сдать знамя в пионерскую комнату.

И прозвенел звонок.

Наверное, я спел плохо. Никто мне ничего не сказал, и некоторое время почти весь класс старался не смотреть в мою сторону. Только после уроков один парень подошел ко мне, заглянул прямо в глаза и сказал: «Ты так пел!». «Как, как я спел?» —

мне очень хотелось знать, как же я в действительности исполнил свой номер. Но он лишь повторял: «Ты так пел, так пел!», и больше ничего. Ни «хорошо», ни «плохо», ни даже, «паршиво»...

Честно говоря, я и сейчас не знаю, как тогда, на пионерском сборе, прозвучала в моем исполнении песня о советских летчиках Борисе Капустине и Юрии Янове, совершивших подвиг в небе над Германией.

Я знаю только то, что обязательно должен был это сделать.

ИСПОЛНИТЬ ЖЕЛАНИЕ?

Мне позвонил один старичок, в смысле, старый приятель, с которым мы в свое время, как говорится, не один пуд соли съели, Шурик Брагин. Никаким старичком он конечно не был, а был он мужчиной, что называется в расцвете лет. Общались мы теперь с ним лишь иногда, когда общаться с другими надоедало и мне, и ему. Со старыми приятелями всегда так выходит, именно с приятелями, а не, скажем, с близкими и просто друзьями. Там долг обязывает поддерживать дружеские отношения, а здесь ничего не обязывает, и в этом весь смысл и удобство. Захотел — позвонил, не захотел, до следующего раза.

В этот раз звонить была очередь Шурика, и вечером в пятницу я услышал в трубке его голос. Голос старого приятеля сообщил, что не мешало бы встретиться, выпить пива, и можно у него — жена с детьми уехала на дачу. И я согласился, потому что моя жена тоже собралась на дачу, и тоже без меня.

Прихватив с собой несколько банок легкого пива, я направился к Шурику. Жили мы почти по соседству, четыре остановки на метро. Через полчаса мы уже пили пиво с подсоленной соломкой и с удовольствием вели неспешную беседу о том, о сем... А еще через час темы для обсуждения подошли к концу, и я заметил, что приятель почему-то проявляет нетерпение: ерзает на табурете, то и дело посматривает на часы, прикуривает одну сигарету от другой. У меня возникло ощущение, что он припас что-то интересное для меня и ему не терпится это что-то мне показать. Наконец, я закончил фразу и вопросительно посмотрел на приятеля. Шурик заговорщицки мне подмигнул и сказал, немного врастяжку:

— Послушай-ка, Эдик. Мне тут удалось откопать одну очень интересную штучку, за-ка-ча-а-а-ешься! Ей-богу, ты такого еще не видел, пошли, покажу.

Мы взяли с собой по банке пива и переместились из кухни в комнату. Шурик включил компьютер и пододвинул для меня стул. Компьютер загрузился, и на экране возникла заставка: старуха Шапокляк тянет за веревочку кошелек.

— Ну и... — я посмотрел на Шурика.

Шурик хмыкнул, почесал за ухом и спросил:

— Скажи-ка, Эдя, а чего бы ты хотел прямо сейчас?

Странный вопрос. А главное, несвоевременный, потому что именно сейчас я ничего не хотел. Но, предполагая, что это и есть то, ради чего мы сели за компьютер, я неуверенно протянул:

— Ну... у не знаю, чего бы я хотел. А зачем?

— Да ты скажи сначала! А потом увидишь, зачем! — Шурику явно не терпелось продемонстрировать свою «очень интересную штучку».

— Это что, какой-нибудь тест?

— Да нет же, не тест! Давай, говори, чего желаешь, не бойся, больно не будет.

Мне все же казалось, что он задумал какой-то подвох или розыгрыш, но желая подыграть товарищу, я сказал первое, что пришло в голову:

— Хочу мороженого!

— Так,— Шурик улыбнулся и потер руки,— а теперь набери на клавиатуре: «Хочу мороженого».

Меня стал разбирать смех, потому что это, безусловно, был тест на определение степени идиотизма тестируемого.

— Да? Я вот сейчас наберу, а там про меня появится какая-нибудь хрень!

— Не появится! Давай, набирай!

Я быстро отщелкал по клавиатуре: «Хочу мороженого!!!».

Честно говоря, я ожидал, что на мой запрос сейчас на экране появится какой-нибудь пошлый ответ, вроде «Хрен тебе», или какая-нибудь гнусная рожа. Или просто кукиш.

Но вместо этого на экране высветилось окошко с вопросом: «Вы желаете мороженого: а) фруктового, б) сливочного в) шоколадного. Сделайте Ваш выбор, пожалуйста».

Я посмотрел на Шурика, и он кивнул, мол, давай, выбирай. Я остановился на шоколадном. И тут же выплыло следующее окошко. «Вы желаете шоколадного мороженого. Отличный выбор! Укажите пожалуйста, Вы бы хотели шоколадного мороженого с: а) орехами, б) изюмом, в) кокосовой стружкой».

— Шурик,— я сделал очередной глоток из банки,— по-моему, нам лучше просто выпить пива и покурить. Но (я заметил его нетерпеливо-просящий взгляд) только ради тебя...

И щелкнул на «с орехами». Шурик улыбался, видимо, он сам уже наигрался, и ему нравилась эта затея.

Тем временем на экране возникло изображение вазочки с шариками шоколадного мороженого, политого сиропом с добавкой взбитых сливок и надпись под изображением: «С удовольствием выполняем Ваш заказ. Приятного аппетита!»

Шурик теперь улыбался во всю ширь, и с явным удовольствием, считая, что штука произвела на меня впечатление, заинтересовался:

— Ну как?

— Обалдеть! Просто потрясающе,— ответил я, и пожал ему руку,— но скажи, на кой фиг это все нужно, и я буду радоваться вместе с тобой.

— А ты что, не понял? — изумился Шурик, и мне показалось, что искренне,— эта штука *исполняет желания!*

— Как бы не так! — возразил я,— никаких желаний она не исполняет. Это просто чепуха.

— Стоп, Эдя, стоп! Ты хотел мороженого? Ты его получил, правильно?

— Нет, не правильно! Потому что я не получил мороженого.

— А это что!? — Шурик ткнул пальцем в экран.

Теперь уже я потерял терпение:

— Шура, ты что, debil? Это — *изображение* мороженого! Просто картинка!

— Ну ты же попросил понарошку? — хихикнул Шурик,— ты ж ведь не хочешь сейчас мороженого.

— Можно подумать, что если бы я действительно захотел мороженого и запросил его у твоего компьютера, то тут бы сейчас появилось мороженое! — парировал я несколько раздраженно, мне показалось что Шурик просто надо мной подшучивает.

— Нажми «Enter», Эдик,— сказал приятель и закурил сигарету.

— Ну, нажал. Ну и что? Ну и ничего!

Картинка исчезла с экрана, зато в правом верхнем углу появился значок в виде вазочки с мороженым.

— Шурик, ну объясни мне, наконец, зачем все это нужно? — уже спокойно спросил я.

— А ты попроси еще что-нибудь, тогда расскажу.

Мне больше уже ничего не хотелось, но в итоге любопытство одержало верх. Я был почти уверен, что это какой-нибудь психологический тест, на определение чего-

то-там, скажем, какого-нибудь психологического состояния, или скрытых, подсознательных желаний, или...

В общем, я просто молча курил и ничего не просил.

— Ну? — наконец хмуро спросил Шурик, — ты будешь еще что-нибудь заказывать?

Настроение у него стало очевидно портиться, и я махнул рукой. Потом быстро набрал на клавиатуре: «Хочу 1 миллион долларов США». Машина отреагировала мгновенно.

«Вы хотите получить 1 млн. долл. США: а) в крупных купюрах, б) в мелких купюрах, в) в рублях по текущему курсу?»

Я щелкнул по рублям.

«Поздравляем. Вы сделали правильный выбор», — выдала машина. Затем: «Вы бы хотели получить а) наличными, б) в виде оформленной на Ваше имя специальной «Золотой Карты», в) в виде ценных бумаг?»

Я выбрал наличные, это надежнее всего: с карточки могут снять мошенники, а ценные бумаги обесцениться. Зато когда в руках держишь живые рубли, это совсем другое дело...

На экране возникло изображение аппарата для пересчета денег, зашуршали пяти-тысячные банкноты, и секунд через двадцать-тридцать мы с Шуриком увидели на экране несколько аккуратно сложенных объемистых пачек российских рублей на тележке. А также надпись: «С удовольствием выполняем Ваш заказ. Спасибо, что были с нами!»

Я машинально нажал на «Enter», тележка трансформировалась в значок, и переместилась в правый верхний угол экрана, рядом с вазочкой шоколадного мороженого с орехами...

Я тупо наблюдал за тем, что происходило на экране. Затем отхлебнул пива.

— Ну что, доволен? Может быть, ты мне объяснишь наконец, что все это значит? И если это просто игрушка, то в чем, пес ее раздери, смысл?

— Я думал, что ты понял, Эдик, — как-то печально пробурчал приятель, — и никакая это не игрушка, а специальная программа, которая выполняет желания. Вот (он снова ткнул пальцем в экран) ты хотел мороженого, ты его получил, ты хотел «лимон» баксов, ты его имеешь, что еще тебе надо?

«У Шурика поехала крыша, это же понятно», подумал я и расслабился. Или мы все же слишком нагрузились пивом. Я ничего не понимал. Было что-то странное в том, как упорно отстаивал свою позицию Шурик. Ну не может взрослый человек, в здравом уме, хоть и выпивши пива, морозить подобную ахинею! Он же говорит со мной на полном серьезе!

И все же я сказал, скорее для того, чтобы как-то закончить всю эту дурацкую, на мой взгляд, шутку:

— Ладно, просил — получил. Хорошо. Но ведь я же ничего реально не получил из того, что просил, ты ведь этого не можешь отрицать! Два изображения желаемого и два же изображения значков на экране. Выключи компьютер — и ничего не будет. Желания реальные, исполнение виртуальное, Шурик! Я правильно понял?

— Правильно.

— Так в чем же смысл?

Шурик немного помолчал. Отпил еще пива, прикурил новую сигарету.

— Ну... как тебе сказать... Это же еще не все!

— Не все?! А что же еще, позволь тебя спросить? Для меня и этого больше чем достаточно. Хватит заси...

Вдруг я замолчал. И успокоился, неожиданно для самого себя. Мне вдруг стало действительно интересно, а что там еще? Что там еще с исполнением желаний?

— А еще,— Шурик пристально смотрел мне в глаза,— тебе зачисляются баллы за каждое желание в денежном эквиваленте...

— Что-о-о? А это еще зачем?

— Это затем, чтобы потом можно было подсчитать, во сколько обойдутся тебе все твои желания, даже самые скромные.

Я задумался. Но никакого смысла во всей этой ерунде я все же не улавливал. Между тем Шурик продолжил.

— Вот, например, ты всю неделю чего-нибудь хочешь, машина все это фиксирует, а в воскресенье выдает тебе результат, сколько всего могло быть затрачено средств на реализацию твоих желаний. Это, кстати, очень удобно, правильно ведь?

Я согласно кивнул, действительно, очень удобно. Самому не надо считать, машина все сделает автоматически.

— Это раз.— Шурик открыл новую банку пива, отхлебнул, поперхнулся пеной, прокашлялся.— Теперь второе. Вот эти значки (он снова ткнул пальцем в экран, я не люблю этого, а он все тычет и тычет), они ведь никуда не деваются. И опять же, в воскресенье вечером ты можешь быстро подсчитать, сколько всего твоих желаний исполнилось за неделю, сколько всего приобрел, и не пора ли от чего-нибудь избавиться. И, кстати, проверить, не было ли повторений.

— Великолпно! — подхватил я,— и можно, например, если захотеть, тут же сменить автомобиль или яхту. Просто здорово.

— Ну конечно! — глаза Шурика заблестели, видимо, ему показалось, что я наконец «въехал» в идею,— более того, ты легко можешь что-нибудь из уже тебе ненужного, например, подарить друзьям, родственникам. Или, на худой конец, раздать бедным. Компьютер сам отправит им сообщение по электронной почте, задай только адрес. Можно с письменным обращением...

Мы некоторое время смотрели друг на друга и ничего не говорили. Потом я потянулся, зевнул и сказал, что мне пора бы собираться домой. Уже в прихожей у дверей я спросил:

— Слушай, Шур, это все же что: игрушка для убоя свободного времени, или тест? Где ты вообще взял эту фигню?

— Да так, у одного там,— он неопределенно махнул рукой,— но если честно, то я еще и сам толком не разобрался... Понимаешь, как бывает: только какое-нибудь твое желание исполняется, интерес к нему пропадает. Через день-два уже забываются одни желания и появляются новые, и так без конца, мы всю жизнь чего-нибудь хотим... Но не все же желания исполняются, то денег не хватает, то обстоятельства не позволяют... А тут, пожалуйста, все что хочешь и сразу. А главное, всегда можно отследить, чего ты хотел вчера, позавчера, в прошлом месяце. Все перед тобой на экране, и бежать никуда не надо!

— Что да, то да,— согласился я,— ну, бывай.

Я пожал руку приятелю и направился к лифтам. По дороге мне пришло в голову, что Шурик превратился просто в стареющего придурка, хотя он мой хороший приятель.

Поздно вечером, когда я уже «кунял в одеяло» на своем диване, раздался звонок на мобильном. Это был Шурик.

— Эдя, ты это, извини, что поздно,— голос был хриплый и какой-то далекий,— ты уже, наверное, отдыхаешь?

— Наверное, да. Давай говори, что хотел, я спать собрался, и это единственное мое желание сейчас.

Он немного помялся, потом каким-то извиняющимся голосом просипел:

— Я тут, Эдя, запросил у машины одно желание, но решил, что должен сказать тебе об этом. Ты не против?

— Не против. Все?

— Нет... тебе что, не интересно?

— Ну почему же, очень интересно,— подавляя зевок, пробормотал я,— ну и что ты попросил?

После недолгого молчания:

— Я попросил... чтобы... мы с тобой почаще встречались. Пива выпить, поговорить. Ты как?

Мое желание поспать немного ослабло. Мне стало смешно, и почему-то немного грустно.

— Я, в общем, не против. А что показала твоя программа?

— Она выдала вопрос... вот, читаю (видимо, он сидел у экрана): «Когда бы Вы хотели встретиться с Эдиком: а) в субботу, б) в воскресенье, в) в другой день». Какой вариант выбрать?

Честно говоря, я был тронут. Не знаю почему, вернее, не в силах сообразить, почему, но как-то зацепило меня. И я ответил не сразу, а Шурик ждал.

Наконец я сказал:

— Давай на субботу, Шурик, в другие дни не получится.

— Точно в субботу? — нотки радости в голосе.

— Пожалуй, да. Следующая суббота, и точка, все, пока.

Уже засыпая, я вдруг подумал: а может быть в следующую субботу скачать эту программу у Шурика? Мало ли какое желание может возникнуть неожиданно...

Инна Важдаева
(п. Арсеньево Тульской области)

ДЕЛО ОБ УКРАДЕННОМ ДОМОВОМ

Инна Валерьевна Важдаева родом из Нижнего Новгорода. Художник Арсеньевского ЦКДиК Тульской области. Автор рассказов, а также юмористических монологов.

Антон Сомов являл собой пример участкового милиционера, что вызывало зависть у сослуживцев и негодование у жены.

— Мне никогда не стать женой генерала,— разочарованно произнесла Лена, супруга Антона, перемывая на кухне посуду.

Антон доедал гороховый суп.

— Не умеешь ты продвигаться по службе,— упрекнула его жена. Елену начинало раздражать молчание супруга.— Вон, твой друг Михаил, уже капитанское звание получил. А ты все лейтенантом ходишь.

— Я честный милиционер. И свою работу участкового инспектора люблю,— не выдержал натиска жены Антон.

В дверь позвонили.

— Кого еще нелегкая принесла? — недовольно проворчала Елена и, оглянувшись на супруга, добавила.— Рабочий день у тебя сегодня закончился. Все, больше никуда не пойдешь. Лучше отремонтируй мне старый уют, раз новый не можешь купить.

Вытирая руки о полотенце, она направилась к двери. Елена вернулась с телеграммой в руках. Удивленно посмотрев на супруга, женщина произнесла.

— Кажется, твоя баба Варя прислала. Чертовщина какая-то.

— Дорогой Антошка, приезжай немедленно. Я заболела, не ровен час, помру. Злые люди украли моего домового. Твоя бабушка Варвара.— прочитал вслух странное послание участковый.— Не понял? — удивился Антон.

— Чего тут непонятного? Старая бабка сошла с ума. Ясно написано: «заболела». Кто еще такую чушь может написать как не старый, лишившийся разума человек? — зло ответила супруга.

— Ну, это ты зря,— обиделся Антон. Он задумчиво почесал затылок и подошел к окну.

«Почему бы не навестить старую бабушку? Возьму отпуск, на недельку, и махну в Федоскино. Отдохну от ворчанья жены».— подумал Антон.

— Все-таки, решил ехать? — догадалась супруга, заметив довольную улыбку на лице мужа.

— Что ты, я не долго,— пытался утешить жену Антон. И небрежно поцеловав ее в щеку, отправился собирать вещи.

Утренней электричкой он выехал из города. Вскоре Антон прибыл по назначению. Он вышел на станции и направился к деревне.

— Антошка! Привет! Какими судьбами? — окликнули сзади.

Он обернулся.

— Василий Семенович! Здравствуйте! — обрадовался встрече Антон, заметив коренастого пожилого мужчину с корзинкой в руках. — Вы все за грибами охотитесь?

— Охочусь. Охочусь. Да, Антон, давно ты у нас не был. Вот баба Варя-то обрадуется! — заметил старый знакомый.

— Она мне странную телеграмму прислала, — с тревогой в голосе сказал Антон.

— Постой — отгадаю. Жаловалась, что домового украли? — поспешил за него ответить Василий Семенович.

— Откуда вы знаете? — удивился Антон, срывая по дороге землянику.

— Я пока еще не на пенсии. Забыл, что ли, что я в Федоскино участковым работаю? — напомнил Антону коллега и добавил. — Была она у меня на днях. Уголовное дело просила завести на новых соседей. Смех, да и только! Говорит, они домового у нее украли. Как можно украсть, чего нет? Отправил я ее восвояси, вот она тебе и пожаловалась.

— Да, незадача, — задумался Антон.

— Какая незадача? Ничего, хоть бабку свою навестишь, — успокаивал его старый друг.

За разговором они незаметно добрались до деревни. Возле своего дома Василий Семенович распрощался с Антоном.

— Если будут вопросы, обращайся. Да и просто так заходи, чайку попьем.

Антон кивнул головой и направился к дому бабы Вари.

— Касатик! Касатик мой, приехал! Радость какая! — засуетилась старенькая бабушка, открывая калитку долгожданному внуку. — Я знала, что ты приедешь. Вот и пирогов твоих любимых испекла.

— Баб Варь, ты же болеешь? — удивился Антон, глядя на резвую старушку.

— Душа у меня болит, внучек, душа. Ведь украли все-таки моего Митрофанушку злые люди. — Баба Варя нагнулась к Антону и тихо прошептала ему в ухо, словно боясь, что ее могут услышать. — И я даже знаю кто. Соседи мои новые. Видишь, дом какой отстроили. Не дом, а целый дворец.

Она ткнула пальцем в окно, через которое виднелся двухэтажный кирпичный дом.

— Зависть не лучшее качество, — заметил Антон.

— Да какая тут зависть, Антоша. На днях ко мне их девочка заходила. Отец то у нее человек обеспеченный. Мать давно умерла. А молодая супруга его, говорят, еще та ведьма, — продолжала рассказывать деревенские новости старушка.

— Полно тебе всякие сплетни собирать, — упрекнул ее внук.

— Не сплетни это вовсе. Сама девчонка мне рассказала, — оправдывалась баба Варя.

— Маленькая девочка. Вот и выдумывает разную небылицу, — сказал Антон, жуя пироги с грибами. — Баб Варь, а пироги-то у тебя на этот раз подгоревшие получились.

— Я тебе что говорю. Пироги подгорают, перина лопнула, подушки отсырели, входная дверь и та с петель сорвалась, — продолжала жаловаться женщина.

— Починю я тебе все, — махнул рукой Антон.

— Починишь, починишь. Только сначала бы дело уголовное надо бы завести о хищении, — не успокаивалась баба Варя.

— О каком хищении? — удивился Антон. — У тебя украли что-то?

— Вон видишь у входной двери гвоздик? — старушка подвела своего внука к порогу и показала на дверной косяк, в который был вбит большой ржавый гвоздь. — Пару дней назад на нем лапти висели. Да ты помнишь. Они всегда здесь находились. Так вот эти лапти моего домового Митрофанушки. Он в них и жил. А когда ко мне эта негодная девчонка пришла, в тот же день они у меня и пропали.

— Ты что, серьезно?

— Конечно, серьезно,— ответила женщина,— раз украли — дело уголовное завести надо. Ведь так? Ты же милиционер, ты знаешь.

— Нет, баб Варь. Я спрашиваю, серьезно ли ты веришь в эту чепуху с домовым? — допытывал ее внук.

Старушка обиделась и села на старенький диванчик, вытирая наворачнувшиеся слезы.

Антону стало жалко бабушку. Он сел рядом, обнял ее за плечи и сказал.

— Ладно, бабуль. Верну я тебе домового. Вернее, лапти твои. Только ты сама никуда не вмешивайся.

— Хорошо, хорошо, внучок. Буду нема, как рыба,— обрадовалась старушка и принялась убирать посуду со стола.

Антон вышел в небольшой сад, что находился за домом, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями.

— Чокнулась твоя бабка, Антон,— неожиданно услышал он над своей головой. Сосед, дед Николай. Дед стоял, держась за высокий дощатый забор, над которым едва виднелась его седая голова.

Антон подошел ближе к забору.

— Здравствуйте, дядя Коля,— поздоровался Антон,— не знаете ли вы, что это за новые соседи у нас объявились?

— Хорошие соседи,— ответил дед.— Они мне даже новый топор подарили, старый-то совсем сломался.— Он поднял над забором топор, показывая подарок Антону.— Да ты и сам шел бы познакомиться с ними. Поди, не укусят.— засмеялся дед Николай.

— Вон дочка соседа возле дома сидит.

— Наверное, придется познакомиться,— согласился Антон.

На скамейке сидела девочка. Антон подошел к ней и присел рядом.

— Здравствуй! Как тебя зовут?

Девочка посмотрела на него и отодвинулась.

— Мне папа не велел разговаривать с чужими людьми.

— Я не чужой, я милиционер, дядя Антон и внук бабы Вари, которая живет напротив вас,— представился он.

Девочка почему-то вжала голову в плечи и потупила взгляд.

— Ты пришел меня арестовывать?

— Разве есть за что? — усмехнулся детской наивности Антон.

— Я у бабы Вари лапти случайно взяла,— честно призналась девочка и представилась.— Меня Алесей зовут.

— Раз случайно взяла чужую вещь, значит, сейчас и вернешь,— строго сказал Антон.

Заметив, что милиционер настроен дружелюбно, девочка спрыгнула со скамейки и извиняясь произнесла.

— Сейчас принесу лапти, дядя Антон. Только вы ничего не рассказывайте моему папе. Хорошо?

— На этот раз прощу,— заверил ее милиционер.

Алеся обернулась возле дверей.

— Это не правда, что мне сказала твоя бабушка.

— Что — неправда?

— Нет там никакого домового. И никто в лаптях не живет. Выдумки это все. Я уже большая, чтобы верить в сказки.— Девочка гордо подняла голову.

— Раз ты большая, так и отвечай за свои поступки. Живо носи чужую вещь,— поторопил ее Антон.

— С кем это ты там разговариваешь? — Из дома вышла красивая молодая

женщина в спортивном костюме. Она заметила Антона и вопросительно уставилась на него.

Антон достал служебное удостоверение из кармана и показал его женщине.

— Эта девчонка опять что-нибудь натворила? — грубо спросила хозяйка дома и шлепнула Алесю по затылку.

— Я все папе расскажу! — заплакала девочка.

— Зачем вы так? — покачал головой Антон. Ему стало жаль девочку.— Ничего она не натворила, просто я внук бабы Вари, что живет напротив вас. Приехал навес- тить старушку, вот и зашел познакомиться с новыми соседями.

Женщина сменила тон.

— Ну, раз вы наш сосед, тогда проходите. Я вас кофеем угощу.— Антон вошел за хозяйкой в дом.

Большой дом блистал чистотой. Ничего подозрительного Антон не заметил. Але- ся вернулась из своей комнаты, держа в руках пару старых лаптей.

— Ты опять чужую вещь взяла? — покачала головой мачеха.

— Я ее только одолжила, чтобы проверить,— надула губки девочка. Она протя- нула лапти Антону.

— Что — проверила? — недовольно спросила женщина.

— Проверила, никого в них нет.

Антону почему-то расхотелось пить кофе. Он забрал лапти и направился к выхо- ду. Дома его радостно встретила баба Варя. Она трепетными руками обняла возвра- щенную вещь и повесила лапти прежнее на место.

— Что, прям так и отдали?

— Чего тут странного? Старые лапти, зачем они им нужны? — пожал плечами Антон.

Старушка покачала головой.

— Ох, не нравится мне все это. Чует мое сердце, что не вернулся Митрофанушка.

— Бабуль, ты опять за свое? Где это видано, чтобы домовых похищали? Разве только в сказках.

— Скоро сам убедишься,— ответила баба Варя и отправилась стелить постель.

Утром следующего дня Антон проснулся от шума за окном. На улице громко вы- ясняли отношения баба Варя и молодая соседка.

— Если ты заболела на голову так, лечится надо! — кричала молодая женщина в сторону старушки.

— Ишь, чего выдумала! Домового я у нее украла. Вернули тебе лапти и успокойся!

— Я это так не оставляю! — не менее тихо возмущалась баба Варя.

— Да жалуйся хоть самому президенту! Будешь меня беспокоить, скорую вызо- ву. Пусть с тобой в психушке разбираются!

Слушая разговор, Антон очень удивился. От недавней вежливости молодой со- седки не осталось и следа. Он выбежал на улицу, чтобы успокоить ссорившихся женщин. Заметив участкового, молодая женщина натянуто улыбнулась.

— Зачем вы обижаете мою бабушку?

— Пусть не лезет ко мне с дурацкими вопросами,— грубо ответила соседка. Она демонстративно развернулась и пошла к своему дому.

Антон обнял бабушку и силой увел ее домой.

— Бабуль, я заметил, крыша сарая, который рядом с домом, обвалилась. И сту- пеньки на крыльце совсем прогнили. Давай я починю.

— Ох, устала я от этих напастей, Антошка,— огорченно произнесла бабушка и села на кухне на табурет. Табурет громко скрипнул, ножка у него отвалилась, и баба Варя упала на пол.— Не кончатся эти напасти, пока Митрофанушку не вернем.

Заботливый внук отвел ее в комнату и уложил на диван.

— Ты отдохни, пока, баб Варь, а я ненадолго отлучусь.

Антон не пошел чинить крышу, а направился в контору деревенского участкового Василия Семеновича.

— Рад тебя видеть, Антон,— обрадовался участковый.— Будет с кем почаевничать. Мне вот Нинка, жена моя, блинов испекла. Еще горячие.

Антон сел рядом на стул.

— Огорчен, чем? — заметил Василий Семенович.

— Не знаю с чего и начать,— задумался Антон.

— Говори, как есть, разберемся.

— Василий Семенович, вы верите в домовых? — неожиданно спросил молодой милиционер.

Василий Семенович почесал затылок и почему-то неожиданно согласился.

— Да, кажется, теперь начинаю верить. Смотри, что у меня есть.— участковый достал из стола папку, в которой лежали многочисленные жалобы от сельчан.— За последний истекший день шесть жалоб на пропажу различной обуви.

В кабинет ворвался дед Николай.

— Семеныч! Ты должен остановить это безобразие! — закричал с порога дед.

— Какое еще безобразие? Что опять?! — разволновался участковый.

— Вчера у меня украли старые отцовские ботинки, которые лежали на чердаке. А сегодня на меня рухнуло дерево, которое простояло в нашем дворе пятьдесят лет! Ты только подумай — пятьдесят лет! А тут на тебе и упало! — Не переставал жаловаться дед Николай.

— Так может, сгнило, да упало?

— Как бы не так, целехонькое. Я ствол-то проверил,— возразил дед.

— У нашего сарая тоже крыша обвалилась,— заметил Антон.

— Ладно, я попробую разобраться с этой чертовщиной,— согласился участковый.

— Я помогу вам,— вызвался помочь Антон.

Заметив, что его жалобу приняли к сведению, дед Николай вышел из кабинета.

Антон и Василий Семенович, как два великих заговорщика, закрыли кабинет, чтобы их больше никто не потревожил, и принялись разрабатывать план действия.

Поздно вечером, когда стемнело, Антон и Василий Семенович встретились на перекрестке.

— Может, мы не правильно поступаем? — тихо спросил участкового Антон, поднимая воротник куртки. На улице становилось свежо.

— Нам нужно убедиться в своей правоте,— так же тихо ответил ему Василий Семенович.

Они направились к дому новых соседей бабы Вари.

— Вдруг ваши сведения не верны, и они не уехали в город? — засомневался Антон.

— Я сам видел их машину, которая выезжала несколько минут назад из деревни,— ответил участковый и спросил Антона.— Ты не забыл лапти?

— Нет, они у меня под курткой,— Антон показал спрятанные лапти и спросил.— Как мы проникнем в дом?

Участковый громыхнул связкой ключей.

— У меня есть набор отмычек, изъятые у одного воришки.

И под покровом ночи они проникли в соседский дом. В доме стояла кромешная темнота.

— Что будем делать дальше? — поинтересовался у Антона участковый.

— Будем искать домового,— неуверенно ответил Антон и включил фонарик.

— Как ты себе это представляешь?

В свете фонарика показалась детская фигурка с охотничьим ружьем в руках.

— Стой, кто идет? — бесстрашно остановила непрошенных гостей Алеся.

Участковые застыли на месте от неожиданного появления девочки.

— Ты разве не уехала с родителями? — дрожащим от волнения голосом спросил Василий Семенович.

— Так вы не воры? Дядя Вася, я узнала ваш голос. Что вы делаете в нашем доме и кто это с вами рядом?

Из-за спины участкового выступил Антон.

— Не бойся нас, Алесья, мы не причиним вреда.

Девочка подняла тяжелое ружье.

— Раз вы не воры, зачем проникли в мой дом? И как вы вообще сюда прошли, ведь дверь была заперта?

— Они пришли за мной,— раздался громкий детский голос позади девочки, и из-за ее спины вышел мальчик лет двенадцати, одетый в длинную вышитую рубашку, обхваченную красной тесьмой, и широкие шаровары.

— Кто ты? — спросил Антон.

— Его зовут Митрофанушка,— ответила за него девочка.— Моя мачеха велела стеречь его. Она сказала, что за ним могут прийти злые люди.

— Это — свои,— тихо произнес Митрофанушка.

— Так ты что, этот самый, ну, не знаю, как там? — растерялся Василий Семенович.

— Домовой я.

Двое участковых подозрительно разглядывали мальчугана в странной одежде.

— Вас смущает, что я молодой? Так мне всего от роду двести лет будет,— объяснил Митрофанушка.

Алесья отложила ружье в сторону и зажгла свет. И тут все увидели Бабу Варю, которая стояла позади участковых.

— Митрофанушка! Так вот ты у меня какой?! — крикнула старушка и кинулась к своему домовому.

— Бабушка! — откликнулся мальчуган и кинулся в ее объятия.

— Первый раз вижу домового,— произнесла Алесья и добавила.— Мне мачеха сказала, что он сирота и что ему угрожает опасность.

— Опасность ему может угрожать только от твоей злобной мачехи,— уточнила баба Варя.

— Какой-то он необычный? — засомневался Василий Семенович.

— Вы что же хотели увидеть лохматую зверушку с когтями? — засмеялся Митрофанушка.

— Я твои лапти принес,— засмутился Антон.

— Можно я в них пока не пойду? — спросил домового у бабы Вари.

— Да хоть никогда в лапти не залезай! — радостно воскликнула старушка, и баба Варя крепко прижала к себе мальчугана.

— Надо бы и другим помочь,— спохватился Василий Семенович.— Ведь мачеха Алеси не только вашего домового украла.

— Из подвала, куда я боюсь спускаться, все время раздаются странные голоса и шумы. Еще я видела, как моя мачеха относила туда чужую старую обувь,— ответила девочка.

— Вот это нам и нужно! — радостно воскликнул Василий Семенович.

Они с Антоном спустился в подвал, где в большом ящике для песка обнаружили пропавшую обувь сельчан. Баба Варя со своим Митрофанушкой отправилась домой, а участковые вернули по дворам найденную обувь.

В доме старушки все вернулось на прежние места. Старые вещи починили Антон с Митрофанушкой, и на душе у старушки снова воцарилось спокойствие. Переделав все дела, в саду за дощатым столом под яблонькой пили чай с клубничным вареньем баба Варя, Митрофанушка и Антон.

— У тебя, что же, новые гости? — поинтересовался дед Николай, глядя на них из-за забора.

— Это мой домовый Митрофанушка ко мне вернулся.— Митрофанушка повернулся к деду Николаю и приветливо помахал ему рукой.

Сосед обомлел от неожиданности, но быстро пришел в себя.

— Знаете ли что? У меня тоже домовый объявился. Оказывается он в старых отцовских ботинках жил, а я и не знал,— рядом с головой деда Николая появилась рыжая шевелюра домового.— Вот знакомьтесь — Кузьма.

— Ну, прямо как в мультфильме про домового,— рассмеялся Антон.

— У нас в деревне иначе нельзя. У каждого двора должен быть свой домовый.— Поучительно произнес дед Николай и заторопился.— Разговорился я с вами что-то. Пойдем лучше, Кузьма, дрова на зиму готовить.— И они исчезли за высоким забором.

— В калитку звонят,— заметил Митрофанушка.

— Нет у нас на калитке звонка,— ответила баба Варя.

— Это — не звонок, а колокольчик,— настаивал на своем домовый.

— И колокольчика на калитке нет,— упрямо доказывала старушка.

— Ты выйди, погляди,— не отставал Митрофанушка.

— И посмотрю,— отозвался Антон. И он пошел открывать дверь калитки. К нему присоединились Митрофанушка и баба Варя.

На пороге стоял небольшого роста старичок с седой бородой и мило улыбался. В руках у него был медный колокольчик, от которого и раздавался мелодичный звон.

— Это — Никодим,— сказал Митрофанушка.— У его старых хозяев дом сломали в городе, и они переехали в благоустроенную квартиру. А он в квартире жить не захотел. Вот теперь и ищет новых хозяев в деревне.

Никодим, подтверждая слова Митрофанушки, кивнул головой.

— Куда мы его пристроим, ведь у нас уже есть свой домовый? — растерялся Антон.

— Да как же так! — пожалела Никодима баба Варя.— Без жилья остался? — На секунду она задумалась, и в глазах ее мелькнула озорная искорка.— Я, кажется, знаю, куда тебя пристроить. Вон, видишь кирпичный дом, рядом на скамейке сучает девочка?

Никодим кивнул головой.

— Вот там, я знаю точно, нет домового.

Старичок благодарно улыбнулся в ответ и направился к кирпичному дому.

— Может мачеха Алеси не будет больше злой? И ей не придется красть чужих домовых? — с надеждой в голосе произнесла старушка.

— Может быть. Может быть. Время покажет,— пожал плечами Митрофанушка.

Александр Ралот
(г. Краснодар)

ОПОЛЧЕНКА
(на основе реальных событий)

Александр Ралот — псевдоним Александра Петренко. Наш постоянный автор

«Да ведь это ты, неунывающая вдова? И ты здесь?» (1)

Друзья, знакомые и просто случайно заглянувшие на ее страницу, в одной из социальных сетей, обратили внимание, что эта фраза из знаменитого романа — последняя!

Больше симпатичная двадцативосьмилетняя девушка, в камуфляже и каске, уже никогда и ничего не напишет и никого не процитирует!

* * *

Она увидела свет за тысячи километров от Донбасса, в самом сердце русской Сибири.

Как и все, первой ступенькой в маленькой жизни стал детский сад, а затем лицей в небольшом городе Железнодорожном огромного Красноярского края.

Воспитатели и педагоги открыли в девочке с косичками «целый ворох» способностей.

— Вырастет, будет балериной. Однозначно. Потому как пластика превосходная.

— Музыку любит. К скрипке тянется. Ей прямая дорога в консерваторию.

— Девочка грезит тайгой. С родителями в тайгу ходит! Любит пещеры и сплавы на плотах. Запросто и дров нарубит, и костер разведет. После окончания школы — сразу на геологический факультет!

— Они с братом у меня в секции гимнастики занимаются. Так вот, скажу я вам, «бесстрашие полное»! Ни одного раза не пропустила ни одного занятия. Согласитесь, через десяток лет, а то и раньше на ее груди мы увидим значок «Мастер спорта по спортивной гимнастике»!

* * *

Увы. Наставники ошиблись. Лицей она не закончила. После восьмого класса переехала в знаменитую, в Красноярском крае, школу с физико-математическим уклоном, прозванную «Школой космонавтики». Затем была учеба в ВУЗе, на архитектора. Вскоре поняла — это не ее профессия. Девушка увлеклась журналистикой и ушла работать на телевидение.

* * *

Меж тем, семья переехала на новое место жительства. В Воронежскую область.

Она осталась. Ибо влюбилась. Родила сына. Но счастливой семьи не получилось. Такое случается у многих и довольно часто. Сибирь ее больше не удерживала.

Хотелось тепла родного очага и, главное, все понимающих материнских глаз.
Воронеж, 2014 год.

В город привезли первых беженцев. Героиня этого рассказа стала снимать репортажи о них. Начала вести блог об украинской трагедии. Перезнакомилась с добровольцами, взявшими в руки оружие, чтобы отстоять свободу Донца.

* * *

Объездила всю область, но нашла-таки спонсоров, на деньги которых были закуплены необходимые фронту продукты, медикаменты и, конечно, обмундирование.

* * *

Писала: «Уезжала в командировку. Родителям не сказала куда. Вернулась, вошла в дом и с порога выпалила: “Я была на Донбассе!”. Для мамы это стало настоящим шоком...» (2)

И чуть позже: «Я хочу жить рядом с любимым, и потому приняла тяжелое для близких решение — переехала в Донецк. Поступила заочно в университет на “Психологию”». (3)

* * *

Старалась быть прилежной студенткой. По возможности посещала все лекции и семинары.

* * *

Случилось чудо! Однажды сын Даниил, сопровождаемый бабушкой, добрался до мятежного города. Его даже зачислили в одну из донецких школ. Однако с любимой мамой ребенок прожил меньше месяца, ибо жизнь в городе, день и ночь подвергающемся обстрелу со всевозможных калибров, никак нельзя назвать мирной.

2018 год. Трасса Донецк — Воронеж.

Из-за невероятной усталости уснула за рулем. Врезалась в впереди идущую фуру. Больше месяца медики делали все возможное и невозможное, чтобы вернуть ее с того света на этот.

И она выкарабкалась, более того, начав ходить, поковыляла в университет, дабы вовремя сдать сессию и не отстать от родной группы.

2020 год. Ноябрь.

Судьба приготовила нашей героине новое, тяжелейшее, испытание. Любимый Андрей, воевавший уже шестой год и назначенный командиром батальона, погиб от пули вражеского снайпера.

* * *

Верная его памяти, настояла на том, чтобы служить в батальоне Андрея. Оказывала психологическую помощь его бойцам. И освоила профессию фронтового фельдшера.

* * *

Из писем героини этого рассказа маме, в Воронеж: «Психологическое образование пригодились. Когда солдаты с ужасом спрашивают: “Мне теперь ампутировать, да?”. Отвечаю: “Заго живой. Ты ведь будешь жить!”» (4)

14 апреля 2022 года.

В Мариуполе ее отряд угодила под минометный огонь. Бросилась выносить раненых. Главное, как можно быстрее доставить их в укрытие.

Только вот ее саму укрыть от осколков не успели, не смогли...

* * *

И еще одна цитата из письма отправлена маме, в Воронеж, незадолго до своего последнего боя.

«На войне не страшно, если убьют. Убьют, и все, тебя нет. Не страшно, если ранят. Ранят — это больно. Страшно, когда рядом с тобой умирают, а ты не можешь спасти!» (5)

* * *

В настоящее время в отряде, в котором служила Валентина Галатова, готовят документы о награждении своей однополчанки званием Героя Донецкой народной республики.

1. Цитата из романа Булгакова «Мастер и Маргарита»
2. <https://maloros.org/articles/27213/?ysclid=15rqifggp4899527057>
3. <https://ok.ru/ivototomch/topic/154906425202835>
4. <https://ok.ru/profile/180833454564/statuses/154201103853796>
5. https://ug.tsargrad.tv/articles/nas-ubili-ja-bolshe-nichego-ne-bojus-poslednie-otkrovenija-russkoj-opolchenki-vali_557760?ysclid=15qlqczzlx234201863

Егор Козлов
(г. Тула)

ЛАБИРИНТЫ СУДЕБ

Наш постоянный автор.

*Валентина Козлова, пос. Брусянка,
Узловский район, Тульская область.
Зима 1972—1973 гг.*

Солнечный зайчик. Игривый, словно живой. Пару минут назад он хитростью проник в учительскую и теперь не дает покоя ни мне, ни Зое. То норвит прошемыгнуть под носом у завуча, то украдкой пробежит по тетрадке, отвлекая от дел. Безоблачная синь и вправду действует на людей хлеще любого праздника: мой класс не был таким шумным уже дней пять...

— Ну как же так можно! Первое предложение — и уже две ошибки. А ведь на носу выпускной...

Очередной диктант заставил отвлечься от раздумий, навеяв новые. Сколько их было в моей жизни? Потеряла счет еще на первом десятке. Конечно, воспитатель в детском саду — работа куда менее оплачиваемая, но порою я вспоминаю о ней с ностальгией. Что нужно дошколятам? Игры, вкусная каша и свежий воздух. Со школьниками так же — и в этом их главная проблема...

— Что, Валь, твои снова плохо подготовились?

Наш завуч Зоя Ивановна — и по совместительству моя подруга — решила не испытывать собственное терпение и на всякий случай задернула шторы. Зайчик пропал, будто его и не было...

— Такими темпами кому-то придется остаться на второй год... — рассудила я вполне реалистично.

Однако подруга поспешила меня успокоить:

— Это они сейчас такие. Третья четверть — затяжной полет. К весне возьмутся за ум.

— Неужели и вправду возьмутся?

— Сама такой была.

Зимние дни удивительны. Слишком короткие, слишком холодные... слишком суматошные. Не успеешь задернуть шторы, чтобы солнце не слепило глаза, а оно уже норвит от тебя скрыться. Жаль, детям невдомек, как быстро оно убегает: их будни, расписанные по часам, тянутся куда дольше наших...

Когда я вошла в класс, гвалт стих лишь наполовину. Пара ребят и вовсе забавлялась тем, что пускала самолетики возле доски — начисто забыв подготовить ее к новому уроку. Вот, правда, староста догадалась: тригонометрия покинула нас быстрее, чем я выложила на стол стопку тетрадей.

— Добрый день, Валентина Павловна! — отчасти мимоходом, отчасти нехотя поздоровались восьмиклассники, рассаживаясь по приписанным к ним партам.

— Добрый день, ребята, — улыбнулась я классу.

Получилось не так искренне, как хотелось.

— А Вы нас сегодня отпустите пораньше? — спросили вдруг у меня, когда я уже садилась на место.

Что характерно, интересовалась староста. Час от часу не легче...

— Пораньше? У нас же сегодня новая тема. Как же я могу отпустить вас пораньше? — мой вопрос был скорее риторическим. — Сегодня никак.

Улыбки разом сдуло с прежде веселых лиц. Ребята помрачнели, словно тучи. Даже староста. Самая прилежная девчонка обычно всегда писала на доске текущую дату. Сейчас же, напротив, ей пришлось дважды напомнить о прямых обязанностях. Нехотя встала... Еле отыскала мел... Урок не заладился.

— Итак, запишем тему... «Великая Отечественная война в произведениях русских писателей».

Волна вздоха прокатилась до задних парт.

— Опять Отечественная? — шепнул кто-то у двери. — Да сколько же можно... Только ее и проходим. Сначала история, теперь литература...

— Надоело, — пробормотал, будто бы им в ответ, кто-то с противоположной стороны класса. — Когда там конец урока?..

Конечно... Чего еще было ожидать? Для них все эти произведения — еще один школьный предмет. А ведь совсем недавно отгремела тридцатилетняя годовщина победы под Сталинградом!..

Да... Поначалу мне вдруг стало так стыдно за своих учеников. Таких, казалось бы, взрослых — и таких безответственных... Глухих...

Но потом...

Будто что-то кольнуло глубоко внутри... Одна мысль, не давшая перейти черту. Одно воспоминание.

И слова Зои — о том, что и она была такой в молодости...

В детстве...

Столько мгновений может всплыть в лабиринтах памяти, если дать ей волю. Светлых и чистых, словно первая любовь... Ярких и зеленых, как те бесчисленные турпоходы, в которые я ныряла с головой при всяком удобном случае... И черных, в оттенках багровой шинели...

На мгновение я зажмурилась. Снова все вспомнила. Открыла глаза... и увидела перед собой их — детей, не знавших войны. Было ли у меня право требовать от них понимания? Разве могли они осознавать, сколько боли пришлось испытать их родителям и дедам? Да и что может знать о лишениях тот, кто родился под мирным небом и не знал неба иного?

Ничего. Но... *тогда на что здесь была я?*

— Знаете, ребята... На самом деле в чем-то вы правы. Не всякая книга, даже самая мудрая, может передать историю такой, какой она была. Да и непросто это — слагать о себе строки, когда каждый второй проходил через что-то подобное. Непросто — но нужно. Да, сама я не писатель — а ведь когда-то очень хотела им быть! И пусть война застала меня еще совсем ребенком, я тоже вкусила ее горькую долю...

Восьмиклассники наконец притихли. Кто-то лишь для вида, но староста впервые с начала урока вновь выказывала сосредоточенность и готовность слушать. Хорошо...

— А разве Вы родились не после Победы? — спросил ее сосед Миша.

— Мне не хватило на это каких-то трех лет. Трех с небольшим... — не стала я лукавить и мельком глянула в окно.

Мало-помалу на небе появлялись облака. Все больше и больше — так и до снегопада дело дойдет...

— А где же Вы родились?

Любознательность — все же хорошая черта. Или все-таки привычка?..

— Девочка Валя родилась в селе Голубовка, на Донбассе,— ответила я, не зная еще, сколь сильно собираюсь всколыхнуть самые темные воспоминания.— Мы с мамой, Марией Стефановной, тогда жили у самой границы с УССР. Вы же проходили это на истории, верно? 1942 год был для нас годом оккупации. Голод, страх и лишения — вот какие спутники были тогда у советских людей, оставшихся на той земле. Они же стали спутниками первых лет моего жизненного пути...

Ребята на задних партах наконец-то последовали примеру своих товарищей и прекратили переговоры. Но должна ли я продолжать?.. Все-таки тема урока и мои личные мысли — совсем разное...

— Но Вы же тогда были совсем маленькой? — поинтересовалась Маша, жмурившаяся у все еще яркого окна.— Как же Вы это помните?

— Признаюсь честно, помню я немного. Но вот мама запомнила все до последней секунды... Она эту историю мне и рассказывала — очень редко, конечно... не всякому захочется вновь переживать те годы, пускай на словах. Вы же представляете, что такое оккупация?

Ребята молча кивнули, а некоторые даже вытянулись, вслушиваясь во все, что я говорила. Так странно... я и сама не заметила, что перешла на полусшепот...

— Жить было трудно — каждый день под присмотром немцев мог стать для тебя последним. Кого-то выгоняли из изб, кто-то и вовсе бесследно исчезал... А еще постоянный контроль... и понимание, что к тебе относятся не как к равному, и даже не как к человеку... а как к какому-то дикому зверю. А со зверем ведь можно что угодно сделать, да?..

Я замерла на миг. Не поверила тому, насколько непроницаемой может казаться тишина, тем более во время урока. И продолжила...

— Фашисты понимали, что засели у нас надолго: Москву взять всем скопом не удалось, и надо было как-то укрепляться. Временами к делу подключали местных — бесплатная рабочая сила под рукой никогда не пропадала... В тот день нас повели рыть окопы. Да-да, женщин также не оставили в стороне — в том числе и мою маму Марию Стефановну... Пришлось ей взять и меня с собой... Поначалу она надеялась, что маленький ребенок заставит оккупантов отнестись к ней с сочувствием, но она очень сильно ошиблась... Вечно недовольный немец все равно приказал ей одеваться и идти вместе с дочкой — настолько они ценили наши жизни...

Пока маму вели под присмотром других фашистов, сомнения и страх все сильнее закрадывались в ее мысли. Любому немцу, даже простому солдату, ничего не стоило взять... и отнять у матери маленькую дочку, которой еще и годик не исполнился! К сожалению, ее опасения начали сбываться... Этот момент наступил.

И снова этот укол, где-то глубоко внутри... Столько раз мама просила не вспоминать об этом — а сейчас я рассказываю обо всем своим же ученикам. Неужели для того, чтобы всего-навсего их успокоить и настроить на урок?

Нет... совсем не поэтому...

— Немец, не знавший жалости, заметил меня в руках у мамы и раздраженно, как бы невзначай, заметил: «Сажай ее тут, и пусть она сидит. Но если начнет плакать, если закричит... я тут же ее пристрелю». Сейчас уже не представить — ни вам, ни мне — какой ужас тогда испытала Мария Стефановна. Но... она сдержала свой страх, пусть и на короткий миг. В тот день автомат почти все время был направлен на меня. Немец простоял рядом с нами почти весь день — тот бесконечный, изнурительный, страшный день... А мама... продолжала рыть окопы. И изо всех сил молилась.

Дрожь — она появилась сама.

Вырвалась, словно из ниоткуда, и прошла по лабиринту, пока не достигла слов... Даже сам голос мой изменился. Я больше не переходила на шепот. Но то, с какой эмоцией это было... Дети слушали, словно бы затаившись. Словно этот самый автомат прямо сейчас был направлен и... нет, нельзя так говорить. Это неправильно.

Но как похоже...

— Да, пару раз маме все же разрешили меня покормить. Быть может, именно эти секунды и всплывали раньше в детстве в моей памяти... Как она подходила ко мне и раз за разом шептала на ушко одно и то же: «Ты молчи, молчи...» Надо, конечно, отдать должное и находчивости — в конце концов, во многом и она нас тогда спасла... Чтобы хоть чем-то занять кроху, мама дала мне лоскуток от косыночки. Сняла с себя плюшевое полупальто, посадила меня на плюшку — и оставила так. А я... все играла и играла неподалеку, тихо-тихо — даже не поднимала глаза... Увлечшись кусочком яркой ткани, продолжала спокойно ее рассматривать — и молчала. Как будто что-то понимала...

Так я промолчала весь оставшийся день. И так... мне удалось его пережить.

Все... Мои последние слова погасли. Утихли в полутьме. Облака, гонимые ветром со стороны Четвертой Шахты, накрыли Брусянку, и солнечный день в одночасье сменился бурей...

Староста вся превратилась в тишину... Не упустив не единого слова, сидела, боясь шелохнуться. Так же, как и ее одноклассники. А я...

А передо мной словно снова сидела та девочка. Маленькая Валя. Горькая правда — и страшный день, в котором меня могло не стать.

— А потом?..— спросил Миша, голос которого дрожал не меньше... моего собственного.— Потом все было хорошо?

Его голос мне помог. Собрал с мыслями. Половина урока прошла — нехорошо...

— Конечно, Миш. Потом все было хорошо...

Да, я бы могла рассказать им еще много и много всего... О том, как к концу войны, а было это уже в 1945 году, семья Ерохиных переехала в Узловский район Тульской области — в село Шаховское. О том, как годы детства крохотной Валентины понеслись вперед с куда меньшими волнением и страхом... О пятнадцатой школе, где я нашла себе первых и самых верных друзей. Этой самой школе, в которой сейчас преподаю...

Но мне пришлось продолжить урок.

И все-таки что-то в них изменилось. Да, пускай ненадолго. Пусть уже через полчаса, оказавшись за пределами своей школы, они снова забудутся своей молодой, полной новых впечатлений жизнью, сейчас они сделали то, чего я от них так хотела.

Они услышали.

И значит, все-таки могут понять?

Звонок прозвенел неожиданно. Ученики попрощались. Дежурный стер с доски список тем, на которые в следующем месяце мы должны будем написать сочинения. И когда староста, собравшись последней, подбежала к двери, она ненадолго задержалась и обернулась.

— Спасибо Вам за урок, Валентина Павловна. А Вам правда тогда не было страшно?

— Мне нет. Маме было...

К ней сегодня я и собиралась вернуться.

Когда подруга Зоя собрала увесистую стопу тетрадок и с горем пополам затолкала ее в сумку, от солнечного дня не осталось ни следа. Водрузив тяжелую учительскую ношу на плечи, мы вместе покинули школу № 15 — и оказались посреди кипенно-белой стужи. Снегопад усилился...

— Как урок?— спросила меня напоследок наша завуч, пока я пыталась сориентироваться в глухом мареве метели.

— Урок прошел не по плану,— улыбнулась я, наконец-то прикинув, в какую сторону идти.— Но так, как нужно.

— Это хорошо. Не забудь подумать над Константиново — давно хотела там побывать. Но не в такую вьюгу, конечно... летом!

Зоя Ивановна попросилась. Уже завтра она вновь будет судачить о нечищенных дорогах или комиссии, которая давным-давно обещает нагреть к нам из районного центра. А я забуду сегодняшний последний урок и окунусь в рутину, выполняя дела, которые далеко не всегда оценивают по достоинству.

Но все завтра... Сегодня же, сквозь лабиринты этой метели, за мной по пятам продолжало следовать прошлое.

Здесь, на Бруснянке, где мне после должности воспитателя детского сада удалось устроиться учителем... и там, на Четвертой Шахте, где я уже давно жила спокойной и размеренной жизнью: вышла замуж и родила сына. Все, как и положено — под мирным небом над головой. Пусть и затянутым тучами.

Прошлое проводило меня сегодня до самого дома — большого и до боли знакомого. Закрыло за мной калитку, взволновало вечно лающего черно-белого Шарика и разбудило родных. И только когда я снова увидела родную маму, поспешно накрывавшую на стол, оно — это прошлое — наконец-то встретилось с настоящим. В лице той, кому я обязана жизнью.

— Ты о чем-то задумалась? — спросила она меня как-то под вечер, когда все домашние дела были сделаны, муж ушел читать газету, а маленький Сережа, набегавшись и накупавшись, вот-вот собирался отправиться спать.

— Да так, ни о чем,— ответила я на автомате и тут же добавила.— Мам, как думаешь... А вдруг они больше не вспомнят?

— Кто? — с удивлением спросила мать.

— Дети... люди. Вот сейчас прошло уже около тридцати лет с той войны. А когда пройдет еще пятьдесят... когда не останется никого, кто бы мог рассказать им правду... Вдруг им станет все равно?

Мама на мгновение застыла. Темнота, стекая с потускневших окон, уже струилась в наш дом, обвиняя кухню своими лоскутами, и даже слабая лампочка в люстре едва могла с ней справиться... Кто знает, о чем она сейчас думала. Быть может, вспомнила то же, что и я. Или что-то свое...

— Правду не спрячешь. Она все равно найдет путь наружу. На лжи далеко не уедешь...

Что ж. Может, она и права. В конце концов, завтра будет новый день. Может, и метель закончится?..

С матушкой мы в тот день больше не говорили. Отец снова пожаловался на шахту, в которой ему опять пришлось подменить рабочего и «вспоминать отгремевшую молодость», а Иван раз пятнадцать рассказал о футбольном матче, который не так давно стал главной новостью всех местных радиостанций.

— Случайно забить такой гол — это ж надо! — продолжал он под конец дня, пока я укладывала сына.

Вскоре они оба сладко спали, казавшись теперь даже слишком смирными. По крайней мере, по сравнению с обычным своим состоянием...

Случайный гол... Случайное воспоминание на уроке... Случайная встреча под Новый год, которая в итоге привела ко мне этого кудрявого мальчишку, которому вот-вот исполнится четыре... Неужели над всем этим действительно был властен простой случай?

А как же судьба?.. Разве ее не бывает?

Размышления над школьными тетрадками плавно подтолкнули наш мир к полуночи. По улице Чапаева проехал одинокий автомобиль, младший брат снова умчался куда-то с друзьями под вой метели, а несчастный Шарик, чтобы согреться, исчез в своей деревянной конуре, мечтая о теплом и просторном доме... Мне же оставалось довольствоваться лишь диктантами да сочинениями — и ждать, когда жизнь подарит еще один крутой поворот на своем извилистом пути.

Отчасти мама была права. Но все же страх от этого никуда не делся. Да, после

всех этих съемных квартир с дровяными печами и заочных экзаменов я действительно стала учителем. Но что будет, когда на мое место встанет кто-то другой? Чему именно он станет учить? А вдруг...

Полночь ударила в окна деревенского домика сильнейшим завыванием. Едва не раскрыла их. И сдула последние думы... Я все поняла: унесла и заперла в памяти разбуженные фрагменты прошлого, закрыла последнюю потрепанную тетрадку и вернулась к себе, перед сном поцеловав своего первого сына. Когда-нибудь и он задастся теми же вопросами, что и я,— и найдет свои собственные ответы. Так пусть же метель будет к нему благосклонна — за этим старым, покрытым инеем окном, в большом необъятном ЗАВТРА.

В лабиринте судеб, где за каждым поворотом тебя ждет новое открытие. Или новая жизнь.

Валентина Еремеева
(пос. Теплое Тульской обл.)

ПАСЕКА

Закончила Московский государственный институт культуры. Работала в библиотеках. Пишет рассказы для детей. Печаталась в журналах.

У моего отца была пасека ульев на десять-двенадцать. Это зависело от того, сколько семей отроилось летом, и как пчелы перезимовали. Подготовка к пасечному сезону начиналась в самом начале марта, когда отец приносил из омшаника новые рамки, мотки тонкой серебристой проволоки и пачку светлой вошины. Работа предстояла несложная, и мне нравилось помогать отцу. Отец продевал проволоку в рамки, я же накатывала на проволоку вошину катком, окуная его в горячую воду. Пахучие прозрачные листы переносили мое воображение на пасеку, и я уже видела белое поле гречихи, наш пасечный домик, кострище, где мы варили кашу и кисель из луговых ягод; я слышала пчелиный гул и уже знала наперед, что какая-нибудь случайная пчелка запутается в моих волосах и будет пронзительно зудеть. Впереди было жаркое, рабочее лето, которое всегда заканчивалось хорошим медосбором.

В конце июня отец объезжал поля, смотрел, где начинает зацветать гречиха, думал, куда лучше вывозить пчел — за Марьино или в Волчью Дубраву. Я вспоминаю еще одно живописное место — Жуков сад. Это была бывшая дворянская усадьба, от которой остался сад с одичавшими яблонями. Раскидистые кроны старых яблонь создавали сплошной шатер, и в жаркие дни в саду было прохладно, а главное — сад был естественной защитой для ульев от вольных ветров. За Жуковым садом простиралось белое поле гречихи, дальше — ягодные луга. Это был самый обычный пейзаж среднерусской полосы, вся сила и красота его была в просторе ничем не стесняемом, в обилии трав и цветов, в теплом медовом ветре, в ощущении близости неба. Простор земной и небесный были как на ладони.

Когда определялось место, и ульи были вывезены, отец брал отпуск и каждый день с раннего утра уезжал к пчелам, прихватив с собой хлеб, огурцы и воду. Возвращался он поздно вечером и за ужином рассказывал, как ведут себя пчелы. «Ходом идут, стон стоит», — говорил он. Мы ждали первой качки и волновались. Это был и праздник, и экзамен, который сдавали все: и погода, и цветущие травы, и люди и, конечно, неутомимые труженицы пчелы, — все это работало воедино.

Наконец, наступал этот день. Собирались быстро, грузили медогонку, бидоны для меда, одежду, гнилушки для дыма, дрова для костра и всякую другую пасечную мелочь, — все это было приготовлено заранее. На пасеке переодевались. На мне был белый халатик, нарукавники с резинками, чтобы не залезли пчелы, шаровары, на голове — сетка.

Уже в темноте отец начинал осматривать ульи, выбирал самые полные рамки с запечатанными сотами. Пчелы запечатывают соты. Пчелиная печать — это знак зрелости меда. Мама дымарила — успокаивала растревоженных пчел, подносила мне рамки. Я подкладывала в костер щепки, грела воду и срезала воск с рамок пасечным ножом,

окуная его в кипяток. Я также успевала бегать от костра к медогонке. Я крутила ручку и смотрела, как медовые брызги вылетали из сот и стекали на дно медогонки.

Но вот уже выкачаны последние рамки. Медогонку поднимают на пустой улей, отец открывает кран — и полился густой струей первый мед разнотравья. Горел костер. Пламя бликовало на медовой струе. Падали звезды. Казалось, их было в избытке в просторном небе. Я засыпала у затухающего костра. Мама переносила меня сонную в кабину грузовика.

Вкус цветочного меда был самый богатый от разнообразия медоносов, и часто с зеленоватым оттенком. Этот оттенок придавали ему ранние травы-медоносы: кипрей и фацелия. Называли еще синий василек. Но вес медовой капли с василька был невелик и не мог повлиять на цвет меда. Этот цветок, навечно поселившийся в пейзажах и натюрмортах художников, считался сорняком, и встретить его можно было разве что на полевой меже. Другое дело — фацелия. Это ценный медонос. Большое поле цветущей фацелии однажды распахнулось передо мной. Тогда мы ездили смотреть поля. Подняли меня рано. Было еще темно. Я сидела сонная в кабине грузовика. Вдруг отец что-то крикнул, засмеялся, я очнулась и увидела, как дорогу перебежал заяц.

Тогда мы быстро уехали. Это поле предназначалось для колхозной пасеки. Отец остановил машину, чтобы посмотреть на цветущую фацелию, прикинуть, какой будет взятка (отец говорил «взятка»). Я запомнила только синее поле да открытое небо. А сейчас мне хочется вернуться к этому полю. Если бы можно было вернуться, я бы сказала отцу: «Давай постоим. Я никогда больше не увижу фацелию. Теперь я точно знаю — не увижу. Давай постоим».

Отец всегда брал меня с собой. Мне было лет пять, шесть, когда он сажал меня на багажник велосипеда, и мы колесили по дорогам и тропинкам, добираясь до утонувшей в садах Быковки или затерявшейся среди полей Хомутовки, туда, где в то лето стояли наши ульи. Я рано уехала из дома, но в какие бы лабиринты не заводила меня жизнь, я вспоминала те дороги и поля, необъятные луга, цветущие сады, заросли кипрея, маму с охапками цветов, соты с золотистым медом...

Все чаще, все чаще вижу девочку у костра, наряженную пчеловодом. Я знаю о ней все, она не знает обо мне ничего. Я иду к ней, сажусь у костра, смотрю на огонь, и сгорает в чистом пламени все чужое и ненужное, и приходят ответы на все «неразрешимые» вопросы.

Местные пчеловоды, а отец называл трех, возили мед на рынок в Тулу. Мы же продавали мед дома. К нам приходили в основном знакомые люди, наши поселковые с литровыми и трехлитровыми банками и, если мамы не было дома, отец говорил: «Оставляй банку, Дуся вечером нальет». Все к этому уже привыкли и даже не пытались его уговаривать. Хотя бидоны с медом стояли в сенях, всего то и надо было зачерпнуть несколько половников и взять деньги. Но отец почему-то никогда этого не делал, зато охотно разливал мед задаром родственникам и угощал всех проходящих в наш дом. «Ты только попробуй, мед-то какой душистый: разнотравье, донник, сурепка, кипрей, василек. Следующей качки уж не такой будет, а гречишный», — уговаривал он, черпал мед ложкой, лил и сам любовался, как красиво переливается, аполиццирует на свету зеленоватая медовая струя. Гречишный мед отец нахваливал не меньше, поминая и белую, как кипень, гречиху, и достоинства этого меда, что в нем и глюкоза, и фруктоза, и железо. Люди заезжие вежливо отказывались, а я уже про себя посмеивалась, зная, что отец никого не отпустит, не напоив чаем.

Один раз отец все же поехал на рынок. Но покупатели извели его глупыми вопросами. Одни спрашивали, почему мед так сильно пахнет, как одеколоном, другие — почему засахаренный, тогда как у всех свежий цветочный. «Ну, какой же в конце октября свежий цветочный? — сокрушался отец. — Вот глупый народ, подавай им цветочный мед в октябре». Больше на рынок он не ездил. А своих местных покупателей отец уважал. Они, благодаря отцу, были грамотные и многое знали о свойствах меда. Мама же назначала самую низкую цену. «Ай, людей обобрать», — говорила

она. Как-то мама забывала, что у людей полные дворы всякой скотины — от курицы до коровы. Отец же признавал одних пчелок. «Пчела — тварь чистая, от нее навоза нету», — любил повторять он. Еще мальчиком он ловил диких пчел и сажал их в коробку. Он хотел, чтобы они там жили.

Я любила и конец лета, когда мы с отцом топили воск. Да, наверное, все ждали это время. Лето было такое длинное и насыщенное событиями, что все вздыхали свободно, когда наступали прохладные августовские ночи, ульи стояли уже в саду, и оставалось подготовить их к зиме. Воск мы топили во дворе под старой яблоней. Сначала отец долго возился с печкой: укладывал дрова, щепки, разжигал; наконец, приносил тяжелые темные рамки, срезал старую вошину и складывал в чугунок. В печке тем временем уже полыхал огонь. Темнело. В раскидистой кроне яблони появлялись первые звездочки, приближалась вечерняя тишина, и слышно было, как начинал скворчать воск в чугуночке. Старой длинной скалкой, которой когда-то мама раскатывала тесто на лапшу, отец перемешивал куски тающей вошины. Густой пахучий пар поднимался над чугуном и окутывал голову отца, придавая ему мифический вид. Я сидела на перевернутом вверх дном ведре и ждала, когда перетопится воск. У меня было приготовлено эмалированное ведро для воска, марля, сложенная вчетверо и большая чашка с холодной водой для моих забав. Отец брал старые тряпки и выхватывал чугунок из печки. У него не было ни черпака, ни половника, он лил душистое варо прямо из чугуна, корча лицо от горячего пара. На меня он то и дело покрикивал:

— Держи крепче, держи! Ты мне сейчас все упустишь.

Марля ускользала из моих рук под напором тяжелой струи. Я держала ее изо всех сил. Но вот отец отставлял в сторону пустой чугунок, брал у меня марлю, встряхивал, скручивал узелок, соскребал ложкой с узелка воск до последней капли. Отец приучил нас беречь так же каждую каплю меда. Дело тут не в жадности, по сути, он внушал нам уважение ко всякому труду, в данном случае к труду пчел. Медовые срезки с рамок и соты мы жевали до тех пор, пока они не становились белыми, то есть, до чистого воска. Иначе отец ругался: «Ты только подумай, сколько пчела облетела цветов». Жалел отец, любил своих пчелок, жизнь каждой была для него драгоценна. Даже когда пчела жалила его, он переживал не из-за укуса. Его организм так привык к пчелиному яду, что не реагировал на него. Отец жалел погибшую пчелку. «Вот, глупая, куда ты залетела», — сокрушался он, вынимая пчелу из-за пазухи или из рукава. Когда я была поменьше, то спрашивала: «А она правда погибнет?» «Да, конечно, погибнет, вон жало то», — говорил отец, показывал жало, и вздыхал, жалея пчелу. Я тоже жалела пчелок. В марте, когда ульи выносили из омшаника, и пчелы делали первый облет, я вылавливала их из талых лужиц и сажала на голую руку, чтобы пчелки могли согреться и обсохнуть. Я смотрела на бедняжку, и мне казалось, что это я барахталась в ледяной воде, испытывая весь ужас неминуемой гибели, это меня спасла неведомая сила, это я прихожу в себя и расправляю крылышки...

Воск процежен. Я окунаю палец в ведро с воском и — сразу в холодную воду. На пальце остается восковой колпачок. Он легко снимается. Я делаю несколько таких колпачков, потом проделываю такой же фокус с ладонью. На мгновение становится очень горячо, но в холодной воде восковая ладошка отходит и плывет лодочкой. Отец в это время разливал горячий воск в формочки, обычно это были старые кастрюли.

Я забираюсь на чердак по лестнице и сверху смотрю, как убирается, ходит по двору отец. В печке догорают дрова, двор меркнет, но ярче разгораются звезды и яснее становится Млечный Путь.

— Что сидишь? — говорит мне отец, — спать иди, темно уже.

Отец уходит в дом, а я еще долго разглядываю ночное небо и высокую звездную дорогу. Завтра утром я пойду в омшаник смотреть твердые восковые колобушки. Осенью отец поменяет их в пчеловодном магазине на новую вошину.

Николай Макаров
(г. Тула)

РАЗВЕДЧИКИ 106-й ГВАРДЕЙСКОЙ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ФЕЛЬДШЕР РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РОТЫ

*Баринов Борис Анатольевич,
родился 19.03.1961 в Туле.*

Подумать только: двадцать один год прошло. А помнится все до мелочей: подходит ко мне прапорщик Баринов и просит совета. Мол, прослужил фельдшером самоходно-артиллерийского дивизиона полка четыре года, а теперь надо сменить обстановку, подыскать должность, более соответствующую его характеру.

Так, невольно, мне пришлось стоять у истоков одного из двух рекордов Бориса Баринова, рекордов, достойных Книги Гиннеса.

— Алексеич, — гвардии старший прапорщик медицинской службы с тех времен, когда моя должность называлась «эпидемиолог дивизии» и до сих пор именно так обращается ко мне в неформальной обстановке, — кто еще в Воздушно-десантных прослужил фельдшером четырнадцать лет в отдельной разведроте дивизии?

И отвечал самому себе:

— Нет таких.

— Борис — второй рекорд?

— Дело не в том, что я семнадцать лет вообще не употребляю алкоголь ни в каком виде. В «Гиннеса» меня надо заносить не по этой причине. В первой чеченской войне я один из всех офицеров и прапорщиков не употреблял спиртного. За всю войну — ни капли!

— Борис, руки-то ты перед операцией чем мыл? — смеюсь ему в ответ.

— Наружное расхождение спирта не считается.

Из воспоминаний Бориса Баринова:

«...12 декабря девяносто пятого привозят на вокзал, где располагалась разведрота, троих тяжелораненых. У старшего лейтенанта Александра Валерьевича Шепелева снайперская пуля разорвала всю подколенную ямку: кровищи — море, сосудисто-нервный пучок — весь наружу. Сам взводный в глубокой прострации или в шоке: не пойму. Пока везли с поля боя, солдаты пять шприц-тюбиков с промедолом ему вкололи. Перевязал его, и с двумя такими же тяжелоранеными бойцами загрузили его в БТР. А мне места внутри БТРа нет. Надо сказать, что у меня самого после ранения левая нога была в гипсе. Кое-как забирался на БТР и располагаюсь — поверить в это сейчас трудно — между двумя «двухсотыми». Не нашими, десантными — подобрали разведчики на поле боя, когда вывозили Шепелева. Поехали в наш,

аэромобильный госпиталь, который располагался в городском парке. Прибыли на место. За один стол Яковенко оперирует, на второй стол укладываем Шепелева: Левченко оперирует, Милютин наркоз дает, а Баринов, с левой ногой в гипсе, ассистирует. Три часа шла операция, шла под минометным обстрелом, который продолжался семь часов...».

— Борис, Шепелев-то — как?

— Операция прошла успешно — ногу сохранили, но потом...

Из воспоминаний Бориса Баринова:

«...У Шепелева была страшная аллергия на йод, пластыри, мази. Ну, хорошо: одели во все чистое, я булавками приколол к его рубашке картонку, на которой написал о его аллергии, облачили в шинель, укутали одеялами и отправили в госпиталь. Да... До госпиталя он доехал в одних кальсонах. Все по дороге с него сняли: ни документов, ни одежды, ни картонки с предупреждениями, ничего и сам еще от наркоза не отошел. Нашли бы мародера и... Медсестра приемного покоя, видя такое состояние, накладывает — зачем, спрашивается? — пластырь. У Шепелева моментально развивается отек Квинке — еле его откачали...».

— Понимаешь, Алексеич, за всю первую чеченскую у нас в разведроту не погибло ни одного человека, ни одного убитого, а тут... — Борис тяжело вздохнул. — Рота из «боевых» не выходила. Все время в тылу у «чехов».

— И ты — с ними?

— Возвращаемся как-то под утро, сумерки, впереди наша застава, выпускаем зеленую ракету — мол, свои, не стреляйте. В нашу сторону полетела красная ракета — спали они там, что ли? — и начался обстрел. Тогда я и получил первое ранение — стреляли МВДэшники. Морды им потом били, невзирая на чины и звания, от всей души. Из-за ранения мне в этой экзекуции, к сожалению, не пришлось участвовать.

— Сожалеешь до сих пор?

Биографическая справка:

Родился Борис Баринов 19.03.1961 в рабочей семье в Туле.

В 1978 году окончил школу, в 1981 году — Тульское медицинское училище, отделение «Военный фельдшер»; в 2003 году — факультет юриспруденции РГПУ. В 1981—1983 годах служил срочную службу в военно-транспортной эскадрилье 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

В 1984—1988 годах — фельдшер САДН 51-го гвардейского парашютно-десантного полка.

В 1988—2002 годах — фельдшер отдельной разведывательной роты дивизии. Входил в состав миротворческих сил в 1992 году (Хорватия), в 1996—1997 годах (Босния и Герцеговина), в 1999—2000 годах (Косово).

Уволен из рядов Российской Армии в 2002 году.

В 2002—2005 годах — инструктор лечебной физкультуры ЦВГ ВДВ; с декабря 2007 года — врач футбольной команды «Арсенал-Тула».

Награжден орденом Мужества, медалями «За отвагу», Суворова, «За отличие в воинской службе» 1-й и 2-й степени, «За отличие в военной службе» 2-й и 3-й степени, двумя медалями ООН.

НИ ОДНОГО «ДВУХСОТОГО»

*Саливанов Сергей Васильевич,
родился 26.05.1966 в городе Златоусте
Челябинской области.*

— Что и не говори, — неторопливо начал разговор Сергей, — а в наше время в школах — да ты и сам прекрасно знаешь — совсем по-другому относились к службе в Армии. И патриотическое воспитание в школах было не пустым звуком.

— Серега, ты как дед старый ворчишь.

Хотя, я его поддерживаю: и моя военная судьба и его начиналась именно в школе. Спорт, занятия по военной подготовке, встречи с фронтовиками и офицерами, выпускниками школы — неотъемлемые составляющие в принятии решения Саливанова связать свою судьбу с Армией. И, конечно же, как без него, подвернувшийся случай в виде военного журнала, в котором на последней странице был напечатан список Суворовских училищ.

— После Суворовского даже не возникло вопроса, в какое училище поступать — только в Рязанское десантное.

По долгу службы мне часто приходилось посещать подразделения и части дивизии — так, в далеком 1987 году, будучи эпидемиологом соединения, я познакомился с молодым лейтенантом, командиром взвода дивизионной разведроты Сергеем Саливановым.

— Сколько воды утекло. — Мы синхронно вздыхаем, констатируя сей факт.

Пять лет «мирной» жизни от командира взвода до командира дивизионной разведывательной роты и Приднестровье. Марш-бросок из Тирасполя в Бендеры, занятие и охрана ключевых объектов города: горисполком, суд, заводы, фабрики, крупные склады; пресечение мародерства, которое закончилось буквально через трое суток, когда десантники, в том числе и разведчики Саливанова, недвусмысленно дали во весь голос понять, кто из ху в данный момент в городе.

Чуток мирной жизни и Чечня.

— Еще в Приднестровье, за два года до Чечни, мы с капитаном полиции Украины из Львова, ярким сторонником Дудаева, не раз «сходились в рукопашной» по ситуации на Северном Кавказе. Он, к сожалению, оказался прав.

Кто прав, кто виноват — история всех рассудит, все расставит по своим местам...

Из воспоминаний гвардии подполковника запаса Сергея Саливанова:

«...По прибытию на аэродром Дягилево нас собрали в палатке, где находился штаб группировки, и раздали карты Моздока — Чечня, хотя мы предполагали, что полетим в Таджикистан. Утром первого декабря погрузились в самолеты и через несколько часов приземлились на аэродроме Моздока. До десятого декабря занимались боевым слаживанием в составе объединенной группировки; проводились занятия по огневой подготовке, по метанию ручных гранат, по изучению обстановки.

...Карты у нас были только до Грозного, на сам город карт не было. Выдали только напечатанный план города, который не всегда соответствовал действительности.

...Задачу нам ставили девятого декабря: за день дойти до Грозного, войскам взять в блокаду город и обеспечить вход туда внутренним войскам. О штурме, как таковом, речи не было.

...Организованного крупномасштабного сопротивления, хотя и предполагалось, но не ожидалось. Честно говоря, если бы нас больше информировали о сложившейся ситуации и о масштабе противостоящих войск противника, то, конечно, некоторые операции были бы спланированы более грамотно, и погибших было бы в разы меньше. Нам говорили, что имеются бандформирования, имеется внутренняя оппозиция, которая будет нам помогать в наведении конституционного порядка.

...Одиннадцатого декабря за населенным пунктом Горогорск навстречу разведчикам подъехали на пяти легковых машинах чеченские десантники в масхалатах, в беретах, с оружием и, представившись представителями Автурханова, предупредили, что дорога, по которой мы двигались на Грозный, мало того что простреливается боевиками, но еще и заминирована. По их предложению мы свернули с шоссе и пошли в обход, через горы.

...Двенадцатого декабря состоялся первый огневой контакт. Мы располагались около населенного пункта Долинский, примерно в пятидесяти километрах от Грозного. По нашим разведанным, в поселке находились боевики с системой залпового

огня и зенитными установками. Мы предложили авианаводчику, находившемуся с нами, нанести пару вертолетов для удара по обнаруженным целям. Но летчики в тот момент отказывались наносить огневой удар, мотивируя свой отказ тем, что у них нет письменного приказа. К счастью, от такой практики вскоре отказались. Но тогда... Тогда противник нанес удар первым и у нас появились первые двое погибших

...Наши первые активные действия состоялись в первых числах января. Перед новым годом мы стали на свои точки, на свои горки, с которых просматривался Грозный. Разведрота располагалась на территории нефтяных вышек со стороны Промысловского района. Мы открыли коридор для движения, по которому в город вошла 136-я бригада. Что тогда творилось — в кошмарном сне не привидится. В ночь тридцать первого декабря безо всякой светомаскировки, с включенными на полную мощность фарами свеженькая, только что с разгрузки, колонна танков буром вползала в Грозный. Чеченцы поначалу были просто ошарашены — часа два-три ничего не предпринимали, а потом... Потом, когда через день я со своими бойцами вошел в город через парк, через штаб Рохлина и подошел к вокзалу, то там от той части бригады, которая прорывалась к вокзалу осталось только восемь деморализованных, в шоковом состоянии человек. Какие из них вояки? Неделю они были со мной — не воевали, на подхвате: носили воду, боеприпасы.

...Войдя в Грозный, мы сразу почувствовали, что впереди нас ждет полномасштабная война. В Грозном против нас стояли танки, на аэродроме Северный, где мне пришлось побывать, стояли, к счастью, разбитые нашей авиацией самолеты и вертолеты дудаевцев; против нас воевали хорошо обученные группы по три-пять человек, в состав которых входил снайпер, гранатометчик и пулеметчик; видел, какие у них средства связи, засоряющие наш эфир; видел, как русские, да и другие национальности, прячущиеся в подвалах, рады нашему появлению, которых мы поили и кормили своими солдатскими и офицерскими пайками.

...За всю Чеченскую кампанию, когда командовал дивизионной разведывательной ротой, у меня ни одного «двухсотого» не было. До сих пор помню всех своих раненых — 12 человек, и контуженных — 5 человек: все они сейчас живы-здоровы, слава Богу. Каждый год мы стараемся, по мере возможности, встречаться 10 декабря, в День ввода войск в Чечню — отмечаем эту горькую дату...».

Краткая биографическая справка:

в 1981—1983 годах — учеба в Свердловском суворовском военном училище;

в 1983—1987 годах — учеба в Рязанском высшем воздушно-десантном командном дважды Краснознаменном училище имени Ленинского Комсомола;

в 1987—2008 годах — служба в 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии;

1992 год — участие в миротворческих силах в Приднестровье;

10.12.1994 — май 1995 год — участие в контртеррористической операции в Чечне;

Ноябрь 1996 года — ноябрь 1997 года — участие в миротворческих силах в Югославии.

Награжден орденами Мужества, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями.

ДВА ПАЛЬЦА

*Симакович Валерий Тадеушевич,
родился 10.05.1973 в городе Барановичи
Брестской области Белорусской ССР;
Ленинградское СВУ.*

Припоминаю свое поступление в медицинский институт в 1972 году: пришел на спортивную кафедру, показал разрядную книжку, где значился первый разряд на

стометровке, тут же, не отходя от кассы, секундомер начальника кафедры зафиксировал время, на две десятые секунды меньше одного разряда и... И практически был зачислен в институт.

Имея же после восьмого класса первый разряд по боксу и звание призера чемпионата Белоруссии, поступить в суворовское училище — два пальца, считай, об забор.

— Какое — там! — Смеется моим умозаключениям Симакович. — Сдавал на общих основаниях и вступительные экзамены, и спортивные нормативы. Тем более, что в училище не было боксерской секции, и за два года учебы в суворовском занимался в спортзале самостоятельно, естественно, не участвуя в соревнованиях.

Вот так-то: котлеты и мухи — отдельно, то бишь, учеба и спорт — отдельно. Два года суворовского училища пролетели на одном дыхании, четыре года Ленинградского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени С. М. Кирова выводят в девяносто четвертом курсанта Симаковича на золотую медаль. Ага, сейчас, — шире губенки-то свои раскатывай.

— Вызывает меня командир батальона, — мы сидим на лавочке тенистой аллеи Белоусовского парка, наслаждаясь утром субботнего дня, ведем неторопливую беседу. Вернее, Валера рассказывает, я еле успеваю записывать. — Значит, вызывает и говорит: «Иди куда хочешь, уговаривай-упрашивай-задабривай кого хочешь, но чтобы в зачетке одна «пятерка» была исправлена на «четверку». Разнарядка на курс — девять золотых медалей. В Белорусскую армию, — против которой абсолютно ничего не имею; ничего, как говорится, личного, — отдавать медаль... сам понимаешь. Пойдешь на Госы с одними пятерками — завалят, однозначно, и прощай не только медаль, но и «красный диплом».

— Все почему? — Задаёт вопрос несостоявшийся золотой медалист и сам отвечает. — Вначале подал рапорт, что желаю служить в родной Белорусской армии — вся родня в Беларуси живет. Но пришла разнарядка на курсантов из взводов морской пехоты в ВДВ. В последний момент переписал рапорт, но золотая медаль моими уговорами на кафедре связи об исправлении «отлично» на «хорошо» превратилась в «красный диплом».

— Почему — ВДВ?

— Имея кое-какие навыки в боксе, думал, что во взвод морской пехоты — их было два на курсе, по одному в каждом батальоне — попаду...

— Ну, да, — ехидно перебиваю его, — как два пальца...

— Почти так. В морпехи набирали с ростом не ниже ста семидесяти пяти сантиметров, у меня — сто семьдесят. Пришлось ждать до первой сессии — кого-то отчислили, и только тогда меня перевели в один из взводов морской пехоты.

Про сантиметры роста лейтенанта Симаковича в Первую чеченскую «пытал» гвардии полковник Левченко, вызвав в штабную палатку. Молодой лейтенант не то чтобы пребывал в растерянности, скорее — в недоумении: какое боевое задание необходимо выполнить, сообразуясь с его, Симановичем, ростом? Прикидывал и так, и сяк — ничего вразумительного не придумав, тем не менее, смело, с долей нагловатого пофигизма (в разведке без этого — ну, никак) предстал перед слегка затуманенными глазами старшего начальника. «Да, Симанович, не ожидал от тебя! Подвел ты меня! Обидел!». — Не предложив присесть, ошаршил неожиданной тирадой застывшего по стойке смирно офицера. — «Нет бы подрасти на пяток сантиметров — лучшего жениха для дочери и желать нечего?!».

— Возвращаюсь к вопросу: почему в ВДВ? Тем более — из морпехов?

— Сами знаете: морпехи — элита. Поехал после третьего курса на стажировку в Печенгу — дыра дырой. Перспективы роста — не увидел. Остальные базы морпехов по таким же, мягко говоря, захолустьям. Поэтому вначале и написал рапорт в родную Армию, затем — в ВДВ, в Тулу.

Умудренный хотя бы опытом годичного пребывания в войсках, никакой офицер не станет представляться командиру в субботний или воскресный день. Если даже в предписании черным (вернее — синим) по белому написано, что именно такого-то числа — именно, в субботу, — лейтенанту Симаковичу В. Т. надлежит явиться в штаб войсковой части три пятерки две девятки. То есть в штаб в/ч 55599 — штаб гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии. В штаб Тульской десантной дивизии — это в простонародии. На КПП дивизии над лейтенантом посмеялись, но в последний момент вспомнили, что начальник отдела кадров со своим помощником даже в жаркий летний субботний день променяли дачно-пляжное времяпровождение на бумажную рутину серых будней. Новоиспеченный лейтенант в самый, что ни на есть, важный момент и распахнул двери кабинета. Как обрадовались ему кадровики-офицеры, как обрадовались — до кворума-то как раз и не хватало третьего.

В понедельник в парадной форме (золотистые погоны, белая рубашка и т.д., и т.п.) лейтенант Симакович застыл по стойке «Смирно!» перед своим будущим (если оставит) командиром — командиром отдельной дивизионной разведывательной роты гвардии капитаном Саливановым.

— И три дня я вместе со всеми, представляете, в парадной форме — и кроссы, и стрельба, и рукопашная, и полоса препятствий. Через три дня монстр Саливанов, сжалившись надо мной, приказал выдать мне старый застиранный камуфляж и берцы, резиюмировав при этом: «Взвода не дам, будешь переводчиком. А там — посмотрим».

«Смотреть» пришлось после «курса молодого лейтенанта», когда из почти более трех десятков вновь прибывших в дивизию лейтенантов — основная масса из Рязанского «Два Ку-Ку» — Симакович на итоговой проверке занимает второе место, срезавшись на ВДП. Не изучали морпехи в своем училище это ВДП — воздушно-десантную подготовку. И первый-то свой прыжок с парашютом он сделал в разведроту, родной разведроты.

— Что еще?

Через девять месяцев службы (Первая чеченская) — медаль «За отвагу» и досрочное звание старшего лейтенанта, через четыре года — командир роты, отдельной разведывательной роты дивизии, роты, становившейся два года подряд (четыре проверки) лучшей разведротой Воздушно-десантных войск. Через четыре года пахоты ротным — командир батальона, командир первого парашютно-десантного батальона 51-го гвардейского парашютно-десантного полка. Это — второй случай в дивизии, когда с роты, пусть даже и отдельной разведроты, минуя должность замкомбата, назначают командиром батальона.

— Затем — увольнение по минимальной выслуге из армии. Дембель, одним словом.

— Не жалеешь, что так рано уволился? Как на гражданке?

— Как два пальца...

От нашего смеха врассыпную прыснули воробьи, подбирающие крошки около нашей скамейке.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

*Щербаха Вячеслав Михайлович, родился 12.09.1959
в городе Ленкорани Азербайджанской ССР —
погиб 02.04.1984 в Афганистане.*

Гвардии лейтенант Славка Щербаха пришел к нам в полк после Рязанского десантного училища в 1980 году. По прошествии тридцати с лишним лет все равно помню его (хотя считался почти «ветераном», прослужив к этому моменту восемь лет).

Первый батальон 51-го гвардейского парашютно-десантного полка, где в то время я служил врачом, занимал весь подъезд четырехэтажной казармы, кроме всего первого этажа, на котором располагалась полковая разведывательная рота. Вот, в эту самую разведывательную роту и был распределен командиром взвода молодой лейтенант. Подтянутый, стройный, скромный, с черными усиками, с первых дней став знаменосцем полка,— таким он и запомнился мне, молодой гвардии лейтенант.

Через года на полковых учениях под Рязанью волею случая мы с ним оказались выпускающими в одном корабле: он выпускал своих подчиненных в правую дверь Ил-76, я — в левую. И хотя у него офицерского стажа было гораздо меньше моего, он, видя мои затруднения в подготовке личного состава к десантированию (надо отметить, что у меня это было первое назначение выпускающим из Ил-76, тем более на полковых учениях, тем более в первом самолете с разведчиками), советовал мне, как поступить в том или ином случае. И, покидая последним самолет вслед за личным составом (в левую дверь и правую сторону рампы десантирование из Ил-76 проводилось в первую очередь), услышал его напутственные слова: «Сам не задерживайся!».

— Мой двоюродный брат и Слава,— рассказывает Надежда Щербеха, вдова погибшего,— дружили еще с Германии, где служили их отцы. Вместе они потом и поступили в 1974 году в Московское суворовское училище. Они поступили, а их родители уехали обратно в Германию. Суворовцы — те же школьники. У них — четверо каникул в году. Поэтому два суворовца и приезжали к тетке, то есть к моей маме, к нам, в Калугу на все эти каникулы. После Суворовского Слава поступил в Рязанское десантное училище. И как бы само собой разумеющееся, на третьем его курсе мы поженились.

При этих словах Надежда оживилась, глаза разом посветлели, помолодели.

— Первого ноября восьмидесятого года мы приехали в Тулу, а двадцать седьмого ноября родилась Ольга. Вначале жили в гостинице «Юность», потом снимали квартиру, через год дали однокомнатную двенадцатиметровую квартиру на первом этаже.

— Помню ваши мытарства — полгода без отопления.

— Что ты хотел — стройбат строил. Слава четырнадцатого октября восемьдесят третьего уехал в Афганистан, а мама, очередной раз приехав из Калуги и видя, мягко выражаясь, антисанитарные условия, посоветовала мне написать заявление об улучшении жилищных условий. Через некоторое время приехавший по замене из Афганистана Жуков собрал всех таких бедолаг — более двадцати жен офицеров и прапорщиков — в своем кабинете и пообещал, что всем поможет. Мол, не понаслышке знает, как приходится нашим в Афганистане — сам без малого три года пробыл за Речкой.

И этот момент свой службы помню. На том самом собрании, которое проводил заместитель командира дивизии по тылу гвардии подполковник Вячеслав Жуков, мне тоже пришлось присутствовать, в то время исполняя обязанности начальника медицинской службы дивизии. Жуков сдержал слово: всех собравшихся в течение года обеспечил жильем. И Надежда Щербеха с дочерью получила хорошую двухкомнатную квартиру в центре города.

— Дочь пошла в детский садик, я пошла работать,— продолжает свой рассказ Надежда. — С девяносто третьего по четвертый года служила писарем в полку, совершила, без балды, восемнадцать прыжков. Сейчас Ольга лейтенантом служит в том самом 51-м полку, где служил и ее отец.

И с гордостью:

— Над ней взял шефство сам командующий ВДВ Шаманов, который был командиром взвода у Славы в училище. В том году встречалась с ним в Рязани на тридцатилетнем юбилее Славиного выпуска.

С 2005 года она работает в Тульской городской организации ветеранов Афганистана, возглавляет Совет вдов и матерей погибших.

Вдовы и матери погибших собираются все вместе несколько раз в году, но Надежда на таких встречах не может говорить без слез.

— В Афганистане Слава служил в разведроты 317-го полка.— На ее глазах выступили слезы.— Вылетели на задание под Лошкаргахом на двух вертолетах.

Слезы потекли чуть ли не ручьем, появились надрывы в голосе.

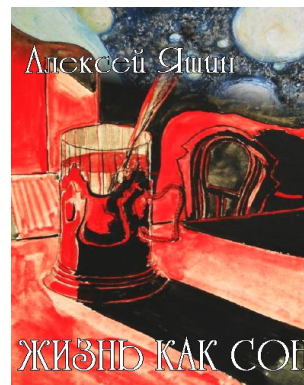
— И, как рассказывали десантники из второго вертолета, вывернув из-за горы, они увидели горящий на земле первый вертолет, который сбили «духи» и на котором летел мой Слава.

Награжден орденом Красной Звезды, посмертно.

Алексей Яшин
(г. Тула)

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНЬ КАК СОН»

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ГОРОДЕ N.

«С своей стороны, мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу недостает нашему сильному и разнообразному отечеству. Вслед за сим первым крокодилом, исчезнувшим в недрах петербургского гастронома, вероятно, не пройдет и года, как навезут их к нам сотнями.»

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное
событие или пассаж в Пассаже»

«Почему это, я заметил,— шепнул мне раз тогда Степан Трофимович,— почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»

Ф. М. Достоевский «Бесы»

♦ Игорь Васильевич уважительно попрощался со столичным гостем, даже за пять минут до окончания беседы отловил в коридоре пробежавшего мимо двери его кабинета студента, которому велел взять стопку передаваемых через Кириллу Петровича журналов и ждать в коридоре же выхода гостя, которого и сопроводить до его машины. Визит знаменитого антенщика и одновременно ниспровергателя всех законов классического и квантового электромагнетизма оставил по себе двойственное впечатление. Что-то навроде рекламного «лайфа с драйвом, или умственного выкаблучивания», как съерничал мысленно Игорь Васильевич. Опять же всплыла та юношеская обида, когда Кирилл Петрович «зарубил» статью начинающего студента Игоря Скородумова. И вот теперь, спустя столько десятков лет, впервые они встретились: течение жизни замкнуло большой круг.

В некотором рассеянии посмотрел на лежащую на столе книжку Сухарченко, на титульном листе которой автор четверть часа назад надписал умеренно лестное посвящение профессору Скородумову: «Уважаемому Игорю Васильевичу от автора в знак взаимного нашего понимания того факта, что наука не может стоять на месте, но только постоянно двигаться — как электромагнитная волна». Эх подкузьмил про волну-то! Но ведь антенны-то его конструкции прекрасно работают даже не на 1/6 части земной суши, но где-то ближе к 1/3! И это есть непреложный факт. Истинно, порой практика и опекающая ее теория в сложных взаимоотношениях состоят, как...

здесь Игорь Васильевич задумался и припечатал: как двоюродные родственники, то есть вроде как и кровь в артериях и венах бежит наполовину родная, но порой это и единственное, что сближает их. В католической Европе и вовсе кузенные браки церковь признает: получается, что и вовсе не родственники?

Вообще-то, продолжал размышлять на заданную им самому себе тему профессор Скородумов, расхаживая по диагонали своего скромного кабинета, полнейшая свобода книгопечатания, объявленная в начале девяностых годов, особенно научного... и тем более наукоподобного, уточнил Игорь Васильевич, кроме начальной эйфории, имело серьезное следствие, а именно полную утрату понятия авторитета в науке. Саму же науку такая свобода свела в глазах людей интересующихся к абсолютному нулю. Это как нуль градусника по Кельвину: полное и всеобщее замерзание. И совершенно кстати вспомнилось где-то и когда-то читанное мнение Льва Толстого, что именно изобретение книгопечатания стало причиной и источником всеобщего невежества. И как Иудушка Троцкий поправил Толстого, что-де не невежества, но вот всеобщего дилетантизма — это точно!

Действительно, не было бы вседозволенности книгопечатания (или денег бы у автора не нашлось на типографию), так высокоталантливый инженер-практик Кирилл Петрович Сухарченко и продолжал, как то делал это уже полсотни лет, изобретать новые, все более совершенные антенны. Тем более, только что все телевизоры в стране перевели на оцифрованный телесигнал, обрадовав китайцев гигантским заказом на соответствующее радиоэлектронное оборудование. Сухарченко подсуетиться с модернизированными «под цифру» антеннами сам бог велел, но... свобода книгопечатания переклонила заслуженного инженера в звании полковника в отставке на сугубую теорию. И если в практике антенной был он корифей высшего класса, то в теории выступил как гипермодернист с такими несуразно высокими претензиями, что воспринимается сугубым дилетантом.

Итак, прав Лев Николаевич — с существенной поправкой Льва Давидовича. Хотя Толстой был автором «Войны и мира», а Троцкий — позорного Брестского мира с немцами. То есть Лев Толстой сочетал в себе лучшие качества теоретика-литератора и практика Крымской войны, а Иудушка Троцкий — чистый теоретик, а практик в делах войны неважнецкий. А вот у Сухарченко — все наоборот.

Игорь Васильевич и сам давно на подозрении у «академистов», то есть имеющих академические звания официальных же академий и их многочисленных коллег по исследовательским институтам. Но поскольку он выдвигал теории, не выходящие за рамки действия самых основополагающих законов, то формально к нему придраться было невозможно. В то же время новизна теорий провинциального профессора раздражала научных сановников, которые и без того в новейшее время обижены: не хватило известности или национальности, чтобы уехать в закордонные университеты с окладами в твердой валюте. Но выход здесь давно апробирован: делать вид, что такого профессора И. В. Скородумова, его многочисленных книг и журнальных публикаций вроде как в подлунном мире и не существует. На том и аминь.

♦ С другой, почти что зазеркальной стороны, размышлял Игорь Васильевич, приняв по наступлении адмиральского часа (в вузах обед, как священнодействие, строго начинается в двенадцать ноль-ноль) стопку коньяка, графомания, особенно научная, тем полезна, что трансформирует в безобидную сторону извечное человеческое качество неумемной накопительной жадности. Припомнил, что Достоевский язвительно происхождение частнособственности вел от сентиментальности. Быть может и так. Да еще создателей различных всемирных и единых, окончательных и пр. теорий, опровергателей всех законов физики, как у того же сегодняшнего визитера Сухарченко, во многом подстегивает естественная зависть к Европе, к ее ученым, давшим свои громкие имена всем теориям и открытиям на свете. Не вина России, что она моложе Европы на пару тысячелетий, поэтому и в науку пришла к шапочному разбору. Но все же привычка во всем равняться на «острый галльский ум и сумрач-

ный германский гений», радуясь даже косточке с барского стола («туда жемчуг привез индеец, поддельны вина европеец»), именно не устраивает реформаторов всех научных основ. Вот откуда берутся у нас Кириллы Петровичи Сухарченки!

И вторая, абсолютно несуетная, польза от нынешних изобретателей велосипедов: на фоне всеобщей, глобальной цифрофрении с ее компьютерным мышлением (стакан с водой — чтобы пить, без воды — если пить не захочу), немногие сохраняют основу творчества: мышление аналоговое, то есть умственное оперирование не сухими цифрами, но живыми, динамичными образами. И среди этих немногих наибольшая образность именно у ниспровергателей! Тот же Сухарченко образно представляет себе, как овеществленная электромагнитная волна, почти пальцами рук ощущаемый тугий поток фотонов набегает на металлические трубки его знаменитой телевизионной антенны «бубновочки», что еще недавно заполняла крыши городских и сельских домов. Это ли не творческое аналоговое мышление!

...В своих работах, особенно если таковые рассчитаны на «облегченную от больших знаний» читательскую аудиторию, профессор Скородумов обычно прибегал к понятным примерам. Допустим, слышит или при чтении попадает слово геликон, обычно не совсем понятное по смыслу тем же «облегченным». И что мы видим? А то, что аналогово мыслящий человек на этом самом геликоне в контексте читаемого или слышимого не задумается. Интуитивно и контекстуально и так понятно: что-то античное, связанное с музыкой, искусством. Иной попутно — но опять же не задумываясь и не отвлекаясь от текста — припомнит из <советских, конечно> школьных уроков литературы неточные стихи русского классика, что-де в юртах не сыщешь геликона, а к кому-то, вроде как к зырянам, кто-то, возможно сам Пушкин, не придет. То есть аналоговое мышление схватывает функциональную основу языка, а понимая ее, вовсе не надо задумываться о семантике отдельных слов.

Для компьютерно же мыслящего современного цифрофренника, наоборот, характерна функциональная безграмотность: он не в состоянии составить из слышимого набора слов образ, но каждое непонятное ему единичное слово ставит в тупик, как тот же геликон (тем более за плечами нет советской школы...). И лезет бедняга в интернет за разъяснением каждого второго слова в предложении или фразе. И уже нет в голове даже намек, топографического абриса на смысл услышанного или прочитанного — конечно на экране! Словом, как уже второй год щеголяют новым словечком эсмэишники: Минцифра. То есть уже и на оцифровывание мышления человека свое министерство нашлось... И это не только стыдливо, политкорректно так сказать, не скрывается, но прямо выпячивается, раз так целековое верховное ведомство образцово-показательно нарекли! На том пока и алилуйя.

Опять-таки эту самую «цифру» во всех ее ипостасях собезьянничали с Запада. И несказанно обрадовались ей, как тот репортеришка желтой питерской газетенки в любимейшем Игоре Васильевичем рассказе (по объему почти что роману...) Достоевского, что восхищался привозом в Россию живого крокодила — родоначальника новой отрасли промышленности, которой так не хватает нашему гордому своим величием отечеству.

Других бы смутила задача: что делать с цифрой в России? Понятно, на Западе-Востоке она повсеместно внедрена в промышленность, настоящую, не крокодиловую. У нас же с кончиной советской власти вся промышленность, усеченная до наперсточного объема, пилит-строгает, рубит-точит, штампует-долбит и пр. исключительно на импортном оборудовании и обслуживающих его техпроцессах, в которые изобретательным Западом эта самая цифра изначально внедрена и застолблена. Что же касается всякой компьютерной дряни для ширпотреба, мерзопакостных гэджиков (от слова «гад», только через «э» — прононс; вроде как злобствует произнося — это со слов Макара Нагульного из «Поднятой целины»...), то их стопроцентно штампуют в мастерской мира — в Китае по технологиям из Кремниевой долины, что в Калифорнии, USA.

...И призадумались оцифрователи доселе вроде как лапотной России: крокодила-то, то есть идею всеобщего оцифровывания, из Европы-Америки привезли в родные пенаты, но куда ее воткнуть-то, если все импортное (а своего давно уж нет) оборудование и пр. уже изначально пересекает таможду на границе, которая на условном замке, со своей цифрой? И от Запада отставать нельзя, засмеют: мол, сиволапые еще без цифры маются! Но наши власти далеко не лыком шиты: с девяностых годов шелковыми нитками их лондонские костюмчики стоимостью в пятизначные цифры долларов-евро прострочены. А изворотливости обучены в оксфордах-кембриджах. Для почину и застолбления цифры специальное министерство учредили. Потом и вовсе придумали как с цифрой обойтись: из ненужного крокодила сделать ее павой — царицей бывшей 1/6 части земной суши. Раз «так получилось» (любимая оговорка в последние тридцать лет), что все в стране сеет, пашет, рубит, строгают и пр. на оцифрованном уже импорте, то, во-первых, следует словесно народ к цифре приучить. Отсюда и волнующая телепрограмма «В гостях у цифры», а в новостях со строек капиталистической пятилетки так и замелькало: от «цифрового доения коров» до «цифровой нефтедобычи». Даже дисциплиной и традициями связанные военные, явно с подачи телекорреспондентов, запинаясь, заговорили в интервью про «цифровые танки» и прочие воображаемые монстры.

Итак, полдела сделано: цифра пущена в словесный обиход и накрепко засела в головах оробевшего народа: что-то еще нам партия и правительство уготовить собираются?

Но ведь словами перед тем же Западом не отчитаешься... на то оно и слово, чтобы в правое (у левшей в левое) ухо влетать, а в левое (у левшей наоборот) вылетать. Стали думать-рядить: а что во вторых-то? И придумали на равных паях два гиганта современной мысли и дела — административный ресурс и банковско-олигархический капитал: перевести все делопроизводство для народа... не на латинский алфавит, как в знаменитом романе одесских классиков, но — на цифру! И ресурс донельзя доволен: будет чем не один год отчитываться перед кем надо о бурной деятельности по всеобщему оцифровыванию (как сто лет назад по всеобщему обучению народа грамотности) всего населения, включая пенсионеров. А банкиры-ростовщики и вовсе от радости до потолка своих высоченных офисов-дворцов подпрыгнули: цифра — это перевод всех денежных дел с народом, а его пока в стране еще достаточно, и курочка по зернышку клюет — на безналичный расчет по пластиковым карточкам. Ведь известно, что каждый рублишко в дензнаках в кармане у человека — это прямой плевок в лицо банкиру-ростовщику: с этого заваливающего рублевика он не сможет получить свой нехилый процент с того же человека с монетой в кармане, дав ему же кредит-заем! А когда все идет по карточкам, то считай все деньги населения в его, ростовщика, бессрочном пользовании. Для полных же дурачков и лиц переимчивого на все новое женского пола — песни народностей про кешбэк. И вот уже каждое второе слово в телерекламе про этот кешбэк (...итить его медь, как добавляет редкий в наше время думающий человек), а на экране телеящика задастая и грудастая красотка «кровь с коньяком» уже отплясывает с малопристойными телодвижениями и визгливо кричит под «камаринского» про восхитительный кешбэк...

Словом, все довольны: вертикаль администрирования при деле, отчитывается, не краснея, об успехах всеобщей цифраизации. Банкиры-ростовщики заметно начали теснить старинных Ротшильдов, Карнеги и Лебов в верхних строках лауреатов списка журнала «Форбс». Женщины мигом забыли про бумажные деньги, что ранее хранили под стопкой постельного белья в платяных шкафах, нынче щегольски расплачиваются в супер- и иных маркетах карточками, а с недавних времен прикладывая экран смартфона к цифроприемнику на кассе. Жалуются друг дружке: «Вчера зашла в магазинчик в нашем квартале, купила кой-чего, а у них, оказывается, все по старинке... представляешь, Верунчик, каменный век, эти... как их, бумажные деньги требуют! Больше туда ни ногой...» Особенно довольны профессиональные воры новейших генераций: не фомкой

магазины и сберкассы подламывать, но пощелкал на компе шахтерский трудодень (шесть часов) — и обеспечил себе безбедную месячную жизнь. Да и сам народ трудовой особых неудобств от «всеобщей цифраизации и компьютеризации» не испытывает. Он у нас со времен татаро-монгольского ига, или, как сейчас политкорректно принято говорить, монголо-татарского, либо же и вовсе монгольского (Монголия далеко и по степному укладу живет...), хронический попевист: на все бы ему плевать. Дескать, в истории своей татарщину ордынскую и крымскую перетерпели, первое Смутное время — которое в начале семнадцатого века, и второе — в конце двадцатого, переждали-пересидели, поляков со шведами, французов с немцами отвадили... что ж мы: неужто на цифири так и повиснем, как вялящая вобла к пиву, что хозяйственными бельевыми прищепками прищиплена к бельевой же веревке? Нас голой цифрой не возьмешь — все пройдет как сон даже в непонятной нынешней жизни.

Вот те на, рассмеялся Игорь Васильевич, всего-то со стопки коньяка на такое вдохновение подвигло! Чудны дела твои, господни... Крокодилы в Пассаже у Достоевского, образность мышления у изобретателей велосипедов, цифрофрения вместо полезного технического использования систем и машин с дискретной методикой управления... Нет, такие оригинальные визитеры, как Сухарченко, явно не подлежат упоминанию ближе к ночи. Равно как и цифрофрения в медицине и образовании — об этом уже в народе легенды и песни частушечные слагаются... Словом, все получается по-нашенски, российски кондому, административно суконно-цинковому: не цифра для человека, но человек для цифры!

Опять же Федор Михайлович лишь самый чуток с крокодилом наши славные времена предчувствовал. Здесь-то Игорь Васильевич расхохотался, сам-один находясь в своем кабинете. Подсматривай кто из любознательных студентов, правдивее будет — студенток курносых, они самые любопытные, в замочную скважину, решили бы и на весь корпус разнесли, от вахты до деканата: профессор Скородумов теоретико-экспериментально доказал свою новую теорию о пользе регулярного потребления раствора $C_2H_5OH + H_2O +$ сивушные масла, то есть самогона классического, на безбумажную, цифровую обработку информации, а от радости открытия сошел с ума и хохочет в одиночку... На самом же деле, как утверждает Игорь Васильевич, потребление спиртного стимулирует именно аналоговое, то есть творческое мышление. Расхохотался же, вспомнив крокодила нашего классика литературы — и тут же, приняв вторую стопку и закусив шпротиной из откупоренной банки в холодильнике, заученным вращательным движением трех пальцев правой руки слегка крутанул ручку верньера личной машины времени против часовой стрелки и мгновенно, отрицая, как давешний гость Кирилла Петрович Сухарченко, конечность скорости света, перенесся в веселые девяностые годы. ...Таких годов разрядки многострадальному русскому народу мать-история посылает не чаще одного-двух раз в столетие: то же Смутное время с его самозванцами и семибоярщиной, разинский и пугачевский бунты, Наполеоново нашествие и манифест царя-освободителя. А в веке двадцатом оба таковые пришлось на последствия перемены режима: начальные двадцатые и лихие девяностые.

И мы последуем вослед за путешественником. Глядя со стороны, вроде как курносая студентка в замочную скважину.

♦ Профессор Скородумов в свои сорок с небольшим лет — заместитель по науке, то есть первый зам директора научно-исследовательского института, в только что преобразованном в духе времени в «классический университет» бывшем политехе с военно-техническим уклоном по совместительству преподавал на двух факультетах. Но главное — являлся председателем тоже двух диссертационных советов при университете. Заседания же таковых после защит традиционно завершаются банкетами — за счет обретшего вожделенную научную степень: кандидата или целикового доктора.

...В тот поздневесенний день на защиту своего дальнего родственника-свойственника по линии супруги пожаловал сам ректор Коршунов. Обычно в неформальной обстановке, на тех же диссертационных банкетах, почтеннейший Альфред Борисович

со смехом объяснял свое импортное имя, покороче знакомясь с иногородними участниками заседания:

— Да я ведь конца двадцатых годов уроженец! А тогда страна наша, как сами хорошо знаете из истории, дружилась только с Германией, а там сплошные митинги с красными знаменами, все сплошь коммунисты и социалисты по улицам Берлина и Гамбурга, Мюнхена тож, тысячные отряды шагают под марши Эйслера и Вагнера-внука: спартаковцы — смелые бойцы Тельмана, штурмовики Рема, коминтерновцы и троцкисты... И все в своих военизированных мундирах по немецкой склонности к дисциплинированному порядку. И в нашей стране именовались новорожденные сплошь немецкими именами, а рабфаковцы и вовсе в спартаковских гимнастерках с портупьями и в военизированных картузах на занятия после трудового дня торопились. Вот у нас перед довоенным еще третьим корпусом буквально на днях — по требованию демократической общественности, так сказать — снесли две фигуры, парня и девушку, в таких вот юнгштурмовских одеждах...

А на банкете, после принятых поздравлений защитившегося, его научного руководителя (и за Игоря Васильевича, председателя совета, рюмки подняли), все внимание верноподданнически сосредоточилось на неспешном рассказе ректора, только-только вернувшегося из Америки, куда ездил изучать опыт тамошней организации учебных и иных процессов — за счет дальновидной приглашающей стороны, то есть фонда Сороса. Альфред Борисович в полном восхищении обменивался заокеанскими впечатлениями.

— ...Повезли нас в маленький штат Нью-Гэмпшир, что на крайнем северо-востоке близ канадской границы. У них такие порядки, что маленьких, специализированных вузов не имеет, зато в каждом штате огромный университет с полусотней, а то и поболее тысячей студентов. И такая пестрота! Не поймешь сначала, куда попал: негры, что у них афроамериканцами зовутся, индусы, китайцев много, латиноамериканцы, арабы, турки. Все это прорежено ихними янки с европейскими лицами... Вроде все как вперемежку, шумят, галдят, на лужайках кампуса в бейсбол битамы, как в наших сериалах, но только не по лицам, а по мячикам лупят. Но присмотришься: чувствуется общий порядок, этакая американская свобода в поведении, но чуть дело касается чего конкретного, той же учебы, экзаменов, так из суматохи этой и вырисовывается четкость и организация.

А учеба навроде нашей заочной, только по компьютерной сети! — нам еще далеко до этого, но уже пора задуматься. В кампусах же, что у нас пока студгородками называются, чистота, порядок, лужайки между корпусами с аккуратной подстриженной травой. Душа отдыхает! И всякие смешные постаменты с фигурками сов, ящериц бесхвостых и прочих зверушек поверх: простенько и со вкусом! Все напоминает студентам о науке, учебе и экзаменах. А у нас... — ректор обреченно махнул рукой, — никакого тебе веселого разнообразия. Все серое, не отремонтированное с совет... в смысле с прежних времен. Все заросло, а из памятников только и есть Ленин из крашеного папье-маше да снесенные уже юнгштурмовцы. Нет, надо нам подтягиваться за границей! Опять же, обратил внимание: университетский патриотизм у них в чести. Издают ежегодно справочные книги по научным своим достижениям. А если их бейсбольная команда в десятку победителей среди университетов американских войдет, так ликование не один-два дня длится. Надо, надо, коллеги, подтягиваться. Вот наша партия и пра... наше руководство постоянно призывает: сделаем науку и образование достойной наших смелых реформ, динамичности, размаху и устремлению которых изумляется весь мир. Вот за это и предлагаю тост! (В «лихие девяностые» тогдашние партия и правительство к кирке толерантны были).

♦ В последующую пару месяцев Игорь Васильевич с веселым изумлением отмечал бурную деятельность микроскопического строительства на территории студгородка, своими сорока с лишком учебными корпусами, общежитиями, хозяйственными постройками занимавшим не один квартал по обе стороны главного городского

проспекта. То в одном месте перед корпусом с дорическими колоннами еще сталинской, довоенной постройки, то на лужайке между университетскими производственными мастерскими и бывшей солидной столовой, ныне спешно переоборудованной в совершенно пустующий корпус, пышно названный «инновационным», и даже в глухом дворе меж нескольких университетских зданий, видел Скородумов группы ребят в три-четыре слабо опохмеленные персоны в замасляных комбинезонах, что-то копающих с помощью ломов, штыковых и шахтерских лопат. Затерханный грузовичок, сразу заставлявший вспомнить кадры военной кинохроники с полуторками, подвозящими боезапас из ближнего тыла, к окончанию лопатного нулевого цикла доставлял обрезки бетонных столбов, которые с умеренными матерками работяги сгружали через откинутый борт кузова. Подносили ведра с цементным раствором, а на носилках горки щебня и битых кирпичей. Бурная эта деятельность скоро перестала интересовать Игоря Васильевича: примелькались хмурые работяги (в те годы задержка и без того скоротечно съедаемой гайдаровской инфляцией зарплаты на два-три месяца обычное явление), сосредоточенный десятник, или как там их называют? — наблюдатель за игривой новостройкой, искусственно бодрый, с подкузьминками, наигранно веселый смотрящий от ректората, бывший парторг... Стал он выбирать путь, минуя вырытые ямы, сваленные с грузовичка бетонные столбики, неряшливо сброшенные с носилок гравий и кирпичные обломки. А в начале наступившего учебного года наблюдал он издали на месте новостроек университетское начальство с согнанными на мероприятие студентами и преподавателями. Заинтересовался, начал спустя день-другой после торжественных сборищ выбирать путь мимо свершившихся новостроек. Исполнил же ректор свою «американскую мечту»! Перед сталинским корпусом с дорическими колоннами на бетонном столбе сидит бронзовая безхвостая ящерица: дескать, пошел пересдавать экзамен, по-студенчески «хвост», на пути потрогал ящерицу — а хвоста-то нет! Прямо как в кампусе университета штата Нью-Гэмпшир...

Между претенциозным «инновационным» корпусом с единственной живой душой — охранником и производственными мастерскими уселась на бетонной тумбочке сова — тоже из бетона (бронзы на всех не хватило!), символ бывшего знания. А в глухом дворе между корпусами обосновалась тож на бетонном столбе и вовсе неведомая зверушка, чем-то схожая с бурундуком. Очевидно, символ американского накопительства под девизами: мек моней и ничего личного, только бизнес.

...Правда, уже через неделю бронзовую ящерицу-безхвостку выломали глухой ночью и сдали в цветмет, откуда смекалистые торговцы за приличный выкуп вернули земноводное университету. Зверя накрепко принайтовали к бетонному столбу, а на фронтоне сталинского корпуса установили редкостную еще камеру видеонаблюдения за бронзовым гадом. На бетонные сову и бурундука не покушались — не металл ведь! Для коллекционеров же слишком аляповато исполнены.

Но вот Альфред Борисович одну американскую свою мечту как раз и исполнил. Зато с другой, которая книга с прославлением университетских ученых достижений, ба-а-льшой конфуз случился.

♦ «Самотеком только вода в нужном направлении течет», — любил приговаривать фольклорно многомудрый в служебных ситуациях Альфред Борисович, вчитываясь в очередную пространную инструкцию, спущенную с минообразовских верхов. И никогда не торопился спускать ее ниже по университетской «лестнице» для исполнения, а клал под «сукно» — отлежаться. И все до самой малейшей мелочи держал под неослабевающим контролем. Потому уж под два десятка лет и держался в ректорском кресле, пережив смену строя в отечестве, трех генсеков и двух президентов: единственного советского и первого новороссийского. А вот тут впервые в жизни сплоховал, явно от деловой торопливости, которой инфицировался за неделю пребывания в стране нынешнего, уже для всего мира, Старшего брата. Правда, как-то упустил из виду, что тамошняя деловая активность предполагает дисциплинированную соподчиненность и разумность в исполнении порученного. Словом, оторвался от

родных корней впавшей в разухабистое русское вольнодумие девяностых годов, забывшей об исконной железной прямоте вертикали власти: от первых московских великих князей до предпоследнего советского генсека Константина Устиновича Черненко, Кучера по-народному, аббревиатурно так сказать.

История же раскрутилась следующая. Вослед установки в студгородке памятников мелкотравчатым зверушкам обмолвился Альфред Борисович на ректорском недельничном совещании о подготовке и издании книги, отражающей успехи университета на научном поприще, например, по типу энциклопедии с персоналиями университетских ученых, их фотографиями, списками основных трудов. Здесь, от усердия даже некомильфо не выдержав приличествующей паузы после слов ректора, встрял Васюков, бывший вузовский комсомольский секретарь, а сейчас помощник Коршунова по оргвопросам, сообщивший, что областная библиотека, поддержанная областной же администрацией, уже поставила в план изданий на этот год таковую справочную книгу «Современные ученые города *N.*»:

— Полагаю, Альфред Борисович, хотя книга и будет по всем ученым города и области, но тем впечатлительнее на этом фоне будут представлены наши достижения как ведущего вуза региона. И нам забот меньше: дадим материалы, а библиотека пусть готовит и издает.

— Ну вот и хорошо. Сэкономим, ха-ха, так сказать на редактировании, верстке, корректуре и — особенно — на печатании тиража. Вот обладминистрация и профинансирует. Спасибо, Михаил Егорович, за оперативность. Надеюсь, не откажетесь курировать от нас это мероприятие?

— С удовольствием, Альфред Борисович...

(Ректор тонко усмехнулся, но не по причине верноподданничества бывшего комсорга, а расслышав шепоток либеральничающего декана военно-технического факультета: «Доносчику и первый кнут»).

...Уже через пару дней разгонная от ректората девушка Настя, хотя бы и была во второй молодости и шести пудов веса, занесла профессору Скородумову листок с библиотечной инструкцией по составлению персоналии для справочника. Игорь Васильевич скоренько сочинил требуемое, но отметил особо пункт инструкции об общем числе опубликованных научных трудов. А почему отметил? — что-то подсказала интуиция каверзное в наличии этого пункта. Ладно профессор Скородумов, но как Альфред-то Борисович с его воспитанной двумя режимами сверхинтуицией просмотрел этот сомнительный пункт в составленной рядовой библиотечной работницей, слабо разбирающейся в высоком административном политесе, инструкции? Опять-таки приобретенный в Америке широкий взгляд на вещи, не позволяющий улавливать соринку в чужом глазу... Да, господа-товарищи, ихним либерализмом русскую душу никак не сдобришь. То ли дело наш отечественный приварок, да что-бы поверх слой топленого маслица в палец толщиной!

Ближе к бывшим ноябрьским праздникам как-то мимоходом, не обратив внимание, Игорь Васильевич услышал, что справочник-энциклопедия отпечатана и поэкземплярно скоро будет роздана включенным в него «вумственным» сотрудникам университета. Прошла неделя, другая, но никто это издание в глаза не видел. Профессор Скородумов, сам участник двух десятков научных энциклопедий из разных европейских стран и Америки, и думать забыл о «самопальном» справочнике, как ему в своем деканате вручили экземпляр. Внешний вид он одобрил: добротный твердый переплет, хорошего качества, явно финская бумага, даже верхний обрез блока книги запульверизован под цвет переплета книги. Странноватым только показались форзацы, причем оба: на развороте лицевой и обратной корок переплета. Почему странным? — слишком толстая, навроде ватманской, бумага наклеена, а присмотрелся: наклеена-то она явно на первичный форзац из более тонкой типографской бумаги. Усмехнулся: все и везде разучились делать, типографии туда же...

На следующий день заскочил его докторант из вузовских доцентов, мужик сорока-

летний и тонкий знаток университетских нравов. Тщательно притворив за собою дверь и даже повернув ключ в замке, он достал из щегольского портфеля такую же энциклопедию, многозначительно кивнул профессору и раскрыл книгу сначала на верхнем форзаце, затем на обратном: тот и другой в полный разворот, калейдоскопически, как шахматная доска, заполнены квадратиками с фотографиями и подписями: ФИО, ученая степень и звание и — вот Игорь-то Васильевич проинтуичил! — общее число опубликованных научных работ. Причем квадратика эти размещались слева направо, а по ряду сверху вниз, с продолжением на заднем форзаце, строго по убыванию чисел этих самых работ. Полностью лишенные в своем книжном отъединении от реального мира административного чутья, библиотекари даже для убедительности пронумеровали квадратика с фотками от единицы до сотни — столько они выделили губернских ученых, достойных для выноса на форзацы книги... И уже без изумления отметил: под номером «один» с фото сурово посматривал его декан, активно публиковавшийся; вторым с усмешкой скептицизма значился он сам, профессор Скородумов. Их ректор Альфред Борисович значился... семьдесят восьмым (соавтором он обычно выступал), а ректорша второго вуза города, педуниверситета — где-то ближе к девятому десятку.

— ...Вот увидел это безобразие Коршунов на сигнальном экземпляре и...

— Можешь не пояснять. Сам-то где такой раритет отхватил?

— Да у меня студент в этой типографии подрабатывает: сразу смекнул и мне украденный экземпляр презентовал. Хитрован! Ведь сессия на носу...

«НЕ НУЖЕН МНЕ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ». ИЛИ ТУНИССКИЙ?

И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», — завоевание Кавказа например.

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя», 1876

Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными.

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя», 1877

◆ Вернувшись мгновенно, коль скоро изобретатель всех советских антенн Кирилл Петрович Сухарченко доказал, что есть скорости больше световой, из путешествия в лихие и веселые девяностые в суровую суконно-цинковую реальность профессор Скородумов тотчас был потревожен телефонным звонком городского аппарата. К таким звонкам Игорь Васильевич относился заранее доброжелательно, ибо все пакостное и хлопотное, нарушающее мирное и размеренное течение жизненного времени, исходило от звонков на гэджике-мобиле. Действительно, звонил давнишний знакомый Андрей Матвеевич Бурцев, писатель и главный редактор литературного журнала «Срединная Россия». Поскольку Бурцев печатал тираж журнала в той же типографии, что и Игорь Васильевич свой научный «Феномены разума. XXI век», то в числе их общих докук и стачек были вечные распри с типографией, норовившей регулярно поднимать цены. С одной стороны, оба главреда понимали типографчиков: курс рубля к доллару-евро постоянно падает, а все оборудование печатное и рас-

ходные материалы импортные. Свои только рабочие руки. Но с другой — своя рубашка ближе к телу, и так для благого дела нередко из своего кармана платят...

Вот и сейчас Бурцев предварял визит коллеги в типографию с заказом тиража нового номера: «...Ты, Васильич, имей в виду: опять Авдеева про бумагу и краску, в смысле про порошки печатные, талдычит; дескать, опять поставщики-оптовики цены накрутили... Давай условимся: больше пяти процентов накидки к предыдущей стоимости тиражей не соглашаться. Как говорится, пролетарии умственного труда, соединившись, победят!»

Игорь Васильевич с доводами коллеги по увлечению (а как иначе сейчас назвать прихоть издавать журналы?) согласился. А коль скоро речь зашла о книгопечатании, то и рассказал анекдот из жизни — про давнюю библиотечную энциклопедию, столь обидевшую тогдашнего ректора университета Коршунова. Бурцев вежливо посмеялся, но видно (в телефонную трубку — слышно) по всему было, что претензии типографов превалируют в его голове, поэтому ответил философически, мол, живем как во сне, с вечера водку пьем, а утром коньяком опохмеляемся. На этом распрощался, положил трубку.

Игорь Васильевич несколько озадачился алкогольной метафорой собеседника, но сделал скидку на творческую, писательскую натуру Андрея Матвеевича. Однако утренний визит московского гостя несколько выбил из рабочей колеи, пора к распорядку дня дисциплинированно возвращаться. Но тот же Бурцев озадачил философской присказкой: вот засела в голове многодумной и никак их нее вылететь не может. Допустим, была бы теорема, что доказательства требует, а тут пустяк совершенный? Выручила личная машина времени, уже автономно от приказов владельца головы научившаяся сама порой включаться. И здесь перенесла на короткое время в студенческую пору: третий курс, день недели — среда, когда по расписанию девицы их факультета отдыхают, а у ребят с утра до вечера «военка», занятия на военной кафедре. И не просто занятия, а сдача экзамена по очередной военной дисциплине. Принимает подполковник Красненко, мужик душевный. По передаваемой из поколения в поколение традиции, накануне группа экзаменующихся, по-военному курсантский взвод, скидывается на пару бутылок водки «Экстра», которые перед приходом экзаменатора ставятся под преподавательский стол в уголок внутренних его стенок, откуда впоследствии они перекочевывают в портфель того же подполковника Красненко.

Так и поступили. По стойке смирно вскочили при появлении экзаменатора, но... что-то новое исходило от Красненко: торжествующая улыбка, осанка этакая вальжная внове... ба-а! так на погонах третья звезда добавилась! И поприветствовали взводным хором: «Здравия желаем, товарищ полковник!» Тот снисходительной отмашкой усадил курсантов. По тому как Красненко несколько охлюпкой сел на стул, даже самые непонятливые сообразили, что пару-тройку предыдущих дней отец-командир обмывал «папаху» — полковничье звание. А Красненко наметанным острым взглядом бывшего артиллериста, переученного на ракетчика, брошенным под столешницу, отметил непорядок и поманил к себе пальцем комвзвода — старосту группы. Когда тот подошел к столу преподавателя и наклонил голову, ориентируясь на жест Красненко, то услышал наставительный полусшепот: «Полковник ведь». При этом Красненко ладонью левой руки похлопал по правому погону. Мигом поумневший староста со словами «разрешите ненадолго отлучиться, товарищ полковник?» вышел из классной комнаты. Вернулся он в самый разгар экзамена, держа в руке матерчатую сумку, с которой проделал некоторые манипуляции, нагнувшись под столешницу преподавательского стола, на время которой Красненко встал со стула и прошелся по комнате, разминая занудевшие от сиденья ноги.

Староста же, усевшись на свое место, шепотком пустил по взводу команду: «Скинуться на две грузинского трехзвездочного, а «экстрой» сдачу экзамена обмоем».

...Ностальгически заулыбавшись, Игорь Васильевич усилием воли заставил себя вернуться-таки к текущим делам.

♦ Андрей Матвеевич, договорившись с профессором Скородумовым о совместной стачке против типографии с ее растущими ценами на печатание, положил телефонную трубку и довольно заурчал на мотив старинной тухмановской песенки про вагантов: «...Если не сведут с ума римляне и греки, написавшие тома для библиотеки». Тут же ухмыльнулся: ох как правы были эти самые развеселые бурши и ваганты из средневековых европейских университетов, какие же мощные провидцы? — за сотни лет предвидели, что в начале двадцать первого века литераторы навряд ли его самого, Бурцева, многопрофильные ученые типа только что беседовавшего с ним по телефону профессора Скородумова, будут сочинять свои книги и издавать свои журналы исключительно *для библиотеки!* История, как и сама человеческая жизнь, есть повторение замкнутых циклов. Как тот же сон: с какой мыслью засыпаешь, с той же, только расцветившей замысловатым сюжетом, и просыпаешься. Истинно, жизнь как сон. Также и с книгами для библиотеки. Если в средневековых университетах книги, особенно до изобретения их печатания ювелиром из немецкого Майнца Иоганном Геннсфляйшем Гуттенбергом, стоили дорого и были не по карману студиям (на пиво бы наскрести, вино вообще в счастье: «Эй, трактирщик старина, дай-ка доброго вина! И крамбабули* стакан. Доннер-веттер, кто не пьян!»). Имели книги только библиотеки университетов, которыми студенты и пользовались: умные регулярно, праздные гуляки перед экзаменами. В наше время автору самиздатские книги (тиражи до ста экземпляров) более некуда девать, как разносить по библиотекам, где они и пылятся годами и десятилетиями, будучи нетронутыми и невостребованными. Народ давно уже не читает, а студиясы к книгам испытывают стойкое отвращение, чтение их полагают лоховским занятием. Если и придет им в голову блажь что-то впахнуть в голову-бестолковку к экзамену, то по экрану гэджика послушным указательным пальцем поводит... где стандартные ответы на лапидарные вопросы, что задает скучающий препод, а чаще листок с тестами кладет на стол.

Что же получается? — сочинение и издание книг сегодня во всем мире есть разновидность самоудовлетворения, то есть некоего интеллектуального, творческого онанизма, грубовато выражаясь? Более того, поскольку литературный, научный процесс творчества требует огромных затрат умственной и питающей ее физической энергии, тех самых христианских мук творчества, зачастую нервного, опять же физического, истощения, то по определению это уже не юношеский, естественный онанизм, но самый настоящий умственный садо-мазохизм, что уже под неласковой опекой психиатрической медицины, от одного воспоминания о которой так и отдает ощутимо запахом несвежих халатов здоровенных санитаров с пудовыми кулачищами...

А в европах-америках, япониях-китаях что за картина? Да та же самая. Опять же славны бубны за горами, чего нам все за бугор смотреть! Дескать, «не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна».

Стоп-п! — остановил свои вялые, разбросанные мысли Андрей Матвеевич; какая связь между турецким берегом и Африкой! Если, конечно, не иметь в виду десятки миллионов наших сограждан, особенно из числа «экономически активных», каким эвфемизмом наши эсэмэшники приторно-слащаво именуем удачливых спекулянтов-перекупщиков, которые ежегодно устремляются чартерными аэропланами американской фабрикации на побережья Средиземного и Красного морей, вывозя за тот же год из страны под триллион рубликов! ...и привозя новые вирусные штаммы. Вот и получается, что кто-то ляжки под южным солнцем греет, а величественные стройки современных капиталистических пятилеток оплачивают загнанные в угол курильщики — со стоимостью пачки дерьмовых сигарет за сотню-полторы-две...

Но это про нынешнюю Турцию и Африку. На время же сочинения ностальгической и патриотической песни про «берег турецкий» аэропланов с тремьями поса-

* Крамбабули — данцигский ликер (киршвассер) большой крепости. Но у немецких буршей на их жаргоне так именовался любой крепкий напиток. — Прим. авт.

дочными местами не существовало, а баре с барынями ездили в немецкий Карлсбад проигрывать в рулетку остатки денег от заложенных и проданных в казну или купцам имений. В Африку же наведывались за впечатлениями и взнуздыванием своей музы исключительно поэты, как тот же Гумилев. Да еще гусар Булахович с сотоварищи служили военными советниками при армии абиссинского негуса (императора) Менелика II и помогли ему в 1896 году при Амба-Алаге и Адуде наголову разбить итальянский экспедиционный корпус генерала Баратьери и сделать Эфиопию независимой державой.

То есть на рубеже тех веков Российская империя имела свой интерес в северной и северо-восточной Африке, зорко присматриваясь к Абиссинии и Тунису, особенно к средиземноморскому берегу последнего — под возможную базу для военных кораблей Черноморского флота, стесненного в своей акватории, да еще с турецким контролем над узенькими проливами. Потому литератор, историк по образованию, Бурцев и придерживался известной точки зрения, что изначально слова песни звучали как *«не нужен нам берег тунисский, вся Африка нам не нужна»*. Здесь все на своих местах стоит, соподчиненно и логично. А когда в народной передаче непонятный берег тунисский превратился в почти осязаемый (с Турцией-то четырнадцать войн сломали!) берег турецкий, то логика эта просела: ни к селу, ни к городу оказалась эта Африка... Потому и настораживают нынешние слова песни человека логически и вдумчиво мыслящего.

♦ С этими расхожими песнями, особенно если дело касается иностранщины, где русский человек не приветствуется, и вовсе бардак. Так полагал Андрей Матвеевич — и вовсе не без основания, исходя не только лишь из великорусской посконно-домотканной, лапотной горделивости: мы, мол, вас всех шапками закидаем! А композиторы наши в двадцатые годы ловчили всю по части примеривания европейских шапок. Один гимн юных пионеров-ленинцев чего стоит? Это где «взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры дети рабочих». Слова-то свои, посконные, а вот музыка ловкие наши культуртрегеры прямо взяли из «Фауста» Шарля Гуно. Ни много, ни мало! А именно из «Песни солдат» со словами: «Башни с зубцами нам покоритесь, гордые девы нам отдадитесь». Все же марши этих годов музыкой списаны с нотных партитур немецких композиторов, того же внука Вагнера, — непревзойденных мастеров военной музыки, от звуков которой ноги сами маршируют в коробках по-батальонно: «Марш авиаторов» и опять же для пионеров: «Вперед продвигались отряды спартаковцев смелых бойцов». В последней и слова *ins deutsche* перевели. А с какой разухабистой немецкой песенки взят лейтмотив авиационного гимна, так в наше политкорректное время и вымолвить-то страшно... Макчикен острый тебе в пасть и кешбэком по фейсу, выражаясь на современном нижегородско-американском. Сейчас вообще опасно думать, тем более на бумаге оставлять следы всяческих дум, выходящих за пределы пожрать-попить, купить-продать, трахнуть безопасным сексом. Господь с ними, с тварями дрожащими, говоря словами Федора Михайловича.

Но все же о песнях: исключая годы Великой Отечественной, что-то до обидного мало отложилось в нашей песенной культуре о победах русского оружия. И где та же песенная благодарность освобожденной нами от туретчины славянской Европы? Включая румынов и молдаван, отчасти и греков с албанцами. Ладно ляхи, здесь Пушкин все расставил в «Клеветникам России» по местам о извечном споре славян между собою. Опять же почти полтора столетия их нахождения в составе русской империи: бесконечные восстания, цари половину Сибири ссыльными польскими паннами (они, а не крестьяне бунтовали) заселили. Пепел Клааса в крови их покоя и по сей час не дает, хотя бы Генералиссимус и отдал им после войны всю немецкую Прибалтику, Данциг и Померанию. И чехи, славянские немцы по определению Карла Маркса, понятны. Но южные-то славяне? Даже Сербия сейчас с сомнением поглядывает на ослабевшую Россию: ведь не решились «братушки» вступить за них, ко-

гда америкосы забрасывали Белград сотнями «томагавков»? Не та была Россия, чтобы вступить...

Проникновенно прав Достоевский: нельзя нам с Европой воевать — все одно себе во вред выйдет. От Петровых побед над шведами остались нам сейчас Питер и Ленинградская область. Да еще Иосиф Виссарионович дважды державной рукой отобрал у финнов Карельский перешеек, Выборгский район Ленобласти. Он же вернул Восточную Пруссию, некогда уже завоеванную Петровой дочерью Елизаветой, что другой Петр, с клиническими наклонностями, на другой же день после ее кончины вернул разгромленному русскими, французами и австрияками Фридриху... почему-то оставшемуся в истории Великим?

Но вот же, понимая всю бесполезность своих побед в Европе, русские раз за разом наступали на одни и те же грабли. Наиболее разумно поступили Петр и русские царицы восемнадцатого века, ограничившись в Европе Польшей. А с турками та же Европа позволяла воевать... за себя. Но вот Александр Первый («властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, над нами царствовал тогда», — грубовато, но метко и по сути) не послушал самых умных своих придворных, дипломатов и военачальников, того же Кутузова: выгнать Наполеона за западные свои границы — сюда снова он уже не сунется! — и пусть хоть до скончания веков французы, англичане и немцы с австрийцами друг друга дубасят. Так нет, прогнал русскую армию через всю Европу, захотелось щегольнуть въездом в Париж на белом коне! Всю работу за англичан, пруссаков и австрияков добровольно на Россию взвалил... Ничего не получив за это на Венском конгрессе (Финляндию Наполеон в Тильзите отдал), вдобавок взвалили на русских позорную роль жандарма Европы: спасти лоскутную Австрийскую империю, тех же мажар нещадно лупить, создав у них навсегда образ врага. Так и старуха Изергиль у Горького упрекает: за что, мол, венгров-то били? Да еще в Крымскую войну вся Европа, даже макаронники из Сардинского королевства, отомстила России за тот въезд русского императора на белом коне в Париж, унизив ее до такой степени, что «рыцарь самодержавия» Николай Первый от вселенского позора застрелился.

Вроде как по-человечески доброе дело сделал Александр Второй, двойной освободитель: русских крестьян и балканских славян, но чем эти славяне в дальнейшем волюно или неволюно России отплатили? В Первую мировую из-за них втянули нас в бойню. Во Вторую же на стороне Гитлера все они были-стали, исключая сербскую партизанскую армию Иосипа Броз Тито... кстати, хорвата.

Самыми разумными по части Европы за всю русскую историю оказались большевики Ленин с Троцким, скорее даже Троцкий с Лениным: плюнули в рожу Антанте, втянувшей-то Россию в войну лишь в качестве пушечного мяса. Правильно поступили: все равно даже при исполнении «войны до победного конца» хрен бы получили обещанные «проливы и кресты над Софией»!

Соотечественник (не называйте меня грузином, я — русский, говорил Сталин) героя 1812-го года Багратиона, Иосиф Виссарионович до последнего момента не давал «англичанке» втянуть страну в новую мировую бойню, но опять, как в предыдущую войну, хитромудрая Европа столкнула лбами Россию и Германию, воспользовавшись определенной неадекватностью бесноватого фюрера. Сталин и руководимый им советский народ извлекал максимум возможного, сломав в жесточайшей войне хребет Третьему Рейху и создав вместо бывшего «санитарного кордона» стран-лимитроффов мировую систему социализма. Но он одержал победу в Европе! Она этого не простила и вместе с Америкой в конце прошлого века жестоко отомстила, уничтожив Советский Союз и соцсистему.

...Нет, нельзя нам побеждать в Европе, а «братья-славяне», бывшие турецкоподданные, трижды отрекутся от нас, еще не успеет петух утренний пропеть. Как в Христовом Евангелии.

♦ Обидевшись за Россию, за русских, за самого себя, Андрей Матвеевич, кстати

вспомнивший недавний свой телефонный звонок профессору Скородумову — изобретателю личной машины времени, тотчас и вскочил в нее... даже и не в машину, а так, в подсобный самокат с аккумулятором и электродвижкой, которыми китайский сычуанский велосипедный завод в последние полгода-год стахановскими темпами наводнил наше отечество на все его десять часовых поясов (вроде как сколько-то лет назад их пробовали уложить в семь штук — но сейчас вроде замяли?). Кстати, совсем недавно два дня подряд всю страну держали на взводе: в телерадионовостях от рассвета до заката с тревожной скорбью в голосе дикторы новостных сообщений обсуждали состояние здоровья мэра одного южного города, вроде как курортного, что, имея за плечами полтинник с лишним жизненного опыта (явно на пользу ему не пошедшего), разогнался на таком вот пионерском самокате до скорости шестидесяти километров в час, врезался в бетонный столб. На третьи сутки почтенный самокатчик выпал из новостной ленты описаний побед, скорбей и тревог текущей российской жизни. На всероссийское сочувствие чиновный самокатчик не взмог.

...Литератор Бурцев даже постарше трагического главы курортного городка, возможно поумнее и осторожнее, поэтому, оставив базовую личную машину времени в виртуальном гараже, подобный электросамокат гнал осторожно, с исторической оглядкой, поначалу не отдаляясь особо годами от исходной временной точки — того майского дня третьего года пандемической напасти на наш грешный земной мир.

Неча на зеркало пенять, коль рожа крива. Русский народ не прочь погордиться своими изобретениями навряде велосипедных и покрасоваться на людях иноземных красной поярковой шапкой и кафтаном с соболями (сейчас выделки чжэнхуанской фабрики пластмассового текстиля), но он же и не станет отрицать своей всегдашней, от Гостомысла и Рюриков, глуповатости: всегдашней готовности, в угоду все тем же чужеземцам, поплевать на свое прошлое. Не то, что Иван, родства не помнящий, но как-то легко он это делает, не задумываясь. А потом искренне изумляется: чего это на нас, расейских, в Европе свысока, с этакой паскудной усмешкой поглядывают? Братья-славяне тож нами брезгуют (если только в данный момент мы не освобождаем их от султана или фюрера). А за всякий праведно завоеванный нами клочок исконной — как они полагают — европейской земли непременно злопамятно отомстят. Хотя бы через сто лет.

И жизнь нас ничему не учит: дескать, не играй с чужеземью в поддавки, не подмахивай (это словечко Исаича Солженицына) им, когда тебя об этом не просят, не угодничай... Вот прошел на бывшей 1/6 части земной суши пресловутый парад суверенитетов, разрушили великую советскую родину... Казалось бы, запишись от стыда в дачном своем сортире и лей слезы горькие: что имеем, то не ценим, потерявши... Ан нет, безо всякого стыда и сожаления, но народ сам по себе конечно, а эсмэишники, четвертая власть, в лихие девяностые распоясавшаяся, коль скоро первым трем своих забот хватало по разрушению и распродаже оптом и в розницу советского наследия, вот и начали нагло, нахально и скалозубо подмахивать — и даже не Европе с Америкой, как победившим хозяевам, а обретшим самостоятельность осколкам бывшей советской империи. Заодно, что самое подлое дело, и за бывшую российскую империю «расписываясь». И с тех самостоятельных времен по сегодняшний день все в том же ключе длится. Началось же все с трансформации наименований «освободившихся от России» царств-государств и их столиц. Забыли (а эсмэишники и отродясь не знали), что есть в филологии такой научный подраздел как ономастика — наука о именах собственных. То есть как устоялись в русском языке исторически названия стран, городов, местностей и морей-окиянов, то так тому и во веки веков быть-стать!

Даже слабоумному либералу головного мозга не придет в голову верноподданнически подмахнуть Западу и потребовать исправлений в русской речи: именовать почтенные забугорные страны их самоназваниями. Норвегию кликать Норгей, Швейцарию, учитывая ее три госязыка, так и вовсе тремя именами: Швитцерландом, Зюссией и Швицем. Само собой *Deutschland, Deutschland über alles!* Опять же «ащо Польша не

сгинела» («но дала уже душок», как распевали бойцы Первой конной, наступая в двадцатом году на Варшаву). А там как горох из дырявого мешка посыплется: Бельгий и Бельге (там тоже два языка), Франсе и Энгланд, Шкуипна (то есть Шкиперия — Албания), Итали и Мадьярорсцаг — Венгрия... Даже обидно станет тому головномозговому либерасту, что самоназвания тех же Португалии, Сербии, Чехии, Словении и Болгарии лишь малым отличаются от обычных их русских наименований.

Но вот каким умом головного мозга подмахивали те, кто ввел в практику (не народа конечно, тот на все это плевать хотел, как прежде называет) русской радиотелевизионной речи лимитрофно-горделивый Таллинн (причем дикторши акцентированно даже дробь зубную отбивают: ннн...), Алма-Ату (отец яблок, как учили нас в школе) переименовал в Алматы, Башкирию в Башкортостан, Киргизию и киргизов, соответственно, в Кыргызстан и кыргызов: послушайте, как в телеящике самые высокие чиновные люди трудолюбиво и отчетливо эти «ы» выговаривают? — Заслушаешься. Опять же Молдова и Ашгабад... Грузию и столицу Армении не решились в Георгию и Эребуни в современной русской речи трансформировать, зато подмахнули Шушкевичу: Минск в Менск переименовали! Правда, ненадолго: Батька взял власть в свои руки и Менск отменил.

А вот с Украиной, в смысле «в Украину» вместо на «Украину» и вовсе детективная история. Помнил Андрей Матвеевич одного из гряды самостийно-незалежных президентов-гетманов — Ющенко. Бесцветно он и кратко правил, а если и запомнился у нас в стране, то по скандалу: как-то раз поутру показали его в российских теленовостях с выщербленным лицом, пошедшим странными пятнами, что у малых детей при диатезе случается. А окружение того Ющенко на весь мир верещит: отравили, дескать, злыдни-москали радиоактивно-химическим снадобьем нашего президента-надёжу! Не слишком ли вольготно чувствуют себя в назалежно-самостийной агенты Кремля, спецслужбисты разстроившегося кегебэ? Правда, через день-другой диатезные пятна прошли, а на российском телеканале самостийный репортер проговорился: намедни, перед выщерблением кожи лица, Ющенко поужинал салом с раками: слабосочетаемый, по ученому мнению диетологов, харч. Вот и повело — даже без вспомогательных агентов Кремля...

Этот сюжет запомнился. Но только очень наблюдательно-наметливые люди, к которым по своей литературской профессии относился и Андрей Матвеевич, помнит второй «выход на сцену» этого соседского президента. А именно: как-то в новостном выпуске центрального нашего телевидения проскочило высказывание Ющенко, что-де обычная грамматическая форма «поехал на Украину», «вернулся с Украины» является оскорбительной для всякого *щирого украинца*, ибо москали в нее подспудно вкладывают пренебрежение к великому и самостийно-незалежному государству. В чем состоит это пренебрежение, незадавшаяся жертва происков российских спецслужб не пояснил. Но добрый и отзывчивый наш народ тотчас смекнул: явно налицо грамматическая ассоциация с обыденным дружеским обменом приветствиями навроде: «Здорово, Иван! Как твой бизнес-спекулянтис?» — «А пошел ты, Федор!..»

Народ похотел и тотчас про «на» и «в» Украину напрочь забыл. Но то народ наш — от сохи, от токарного станка, которого даже зубодробительной лаской сам Петр Первый импортному политесу, по-нынешнему политкорректности и толерантности, не смог обучить. Но эсмэишники вмиг переняли, подмахнули. Чудны дела твои, вседержитель: прямые законы в стране со времен первых киевских князей и поныне не выполняются, а стоило киевскому же Ющенко, опять с вечера американский бигмак с самостийной начинкой из сала и раков стрескавшего, мимолетно, наобум что-то сказать про грамматику поездок *на* — *с* Украины, тотчас все переполошились: с того самого дня, совершенно без каких-либо директивных указок «сверху», без пояснений-разъяснений, вся печать, радио, телевидение, интернет (как источник слабости и умозамещения) — все скопом перешли на «поехал в Украину», «приехал из Украины». И все тут! И доселе так: с самых высоких политтрибун, из уст заядлых

чиновных патриотов и даже академиков по линии филологии и других грамматических наук — только «в» и «из».

...Народ-то по-прежнему размовляет по-русски: «на» и «с», ему недосуг задумываться, а вот грамматическим академикам, тож профессорам и доцентам (что с портфелями), исключая тех, кто купил по дешевке эти звания и степени в лихие девяностые, пристало знать хотя бы курс русского языка по программе школы второй ступени, то есть неполного среднего образования. Нормы русского языка в написании предлогов ориентируются на этимологию (значение) корня следующего за предлогом слова. Искусственное, введенное только в девятнадцатом веке националистами (австро-венгерской ориентации) самоназвание Украина вместо исторической Малороссии, корнем имеет слово «край», «крайний» — в русском языке, а в малороссийском то же самое, но в форме «у край», то есть по-русски «с краю».

Ведь русский человек не скажет: «Я пошел в край села»? Правильно, он «пошел на край села». Отсюда и грамматическая форма «поехал на Украину»; соответственно и «вернулся с Украины». А вот на малороссийском наречии как Ющенко говорят: в Украину и из Украины. Но почему он решил переучить нас на свою мову, и почему у нас все тотчас послушались, переучились, исключая собственно народ? — Вот в этом и вопрос и его разгадка: почему нас нигде не уважают? — потому что любим дураками себя выставлять на всемирную потеху.

♦ Известно, что на дураках, особенно из разряда лстыиво (сейчас политкорректно) подмахивающих, черти воду возят. Если ему Таллин-н-н..., то он тамошних русских в третий сорт определит и так далее. Подмахивающих нигде не уважают. Припомнил самокатчик по времени Андрей Матвеевич, как лихо те же Достоевский и Николай Семенович Лесков, особенно последний в рассказе «Кольванский муж» (Кольвань, Ревель, соответственно, старое русское, потом немецкое название все того же Таллин-н-н...), показали хамское отношение остзейских баронов к имперской нации — русским. Сейчас вот с угодливостью приветствуют американизацию бывшего великого и могучего. Буквально на днях в словарь Виноградова, что есть академический, официальный корпус русского языка, внесли свыше шестисот таких американизмов! Каково это воспринимать литератору Бурцеву, который, случайно услышав из радиоточки или из телеящика волапюк навроде «интерактивная мультимедийная платформа», в бешенстве машинально ищет правой рукой (чтобы метче и сильнее) что-либо потяжелее — запустить в источник звука...

Зарулил свой китайский аккумуляторный самокат Андрей Матвеевич в Болгарию в момент взрывания мавзолея Георгия Димитрова: взорвали неудачно, здание просто осело на один угол. Тоже ничего делать не умеют. А немного дальше по годам увидел Бурцев себя студентом-заочником Литинститута, как их в весеннюю сессию сняли с занятий и отправили изображать восторженных жителей столицы, приветствующих проезд открытой «чайки» со стоящими Леонидом Ильичем и Тодором Живковым: «Советский Союз и Болгария — вместе навеки!» А на телеэкранах болгарин Бедрос Киркоров с шестнадцатилетним своим сыном, двухметровым Филиппом, пели в унисон известную песню: «Стоит над горою Алеша, в Болгарии русский солдат».

Совсем же недавно, в последний предэпидемический год, телевизионщики (ух и язвы же они! под шумок и кукиш всем покажут...), заговорили о подготовке казахскими либералами, ориентирующимися на турецкий «Великий Туран», перехода с русского алфавита на латинский, то есть с кириллицы на латиницу, причем верховодит этой кампанией дочь бессменного руководителя страны, правда, уже бывшего. И под конец короткого репортажа вставили кадры старой съемки: юная казашка, та самая дочь, тоненьким голоском поет по-русски: «С чего начинается родина...» Ведь могут, черти телевизионные, когда захотят! ...Но с латинизацией вроде как (или пока?) не срослось: спустя полгода, то же телевидение со *значением* в голосе диктора сообщило: власти выразили той дочери признательность за хорошую работу, от которой ее освободили...

Восток не Европа, с которой нам воевать нельзя, невыгодно и не балканские и иные славяне, что, как апостол Петр от Христа, трижды от нас отрекутся, не успеет и петух пропеть. Восток — дело тонкое, определил *наших* среднеазиатов персонаж популярного кинофильма. И дела там стараются делать втихомолку, за высоким дувалом своих стран, в космическом ускорении перескочивших из феодализма в советский социализм и далее, не включая тормозов, из «социализма с феодальной спецификой» аж сразу в олигархическую команду, впрочем, с еще большей «феодальной спецификой» — и под протекторатом, если Россия не сумеет удержать, Турции или Китая.

Вот получает Андрей Матвеевич письмо из Семипалатинска — переписка у него давняя с тамошним музеем Достоевского (после каторги в солдатах там отбывал), а в обратном адресе вместо названия чисто русского, казаками основанного *Семипалатинска* значится город *Семей*, что уже с казахским прононсом звучит. Поинтересовался: оказывается, втихомолку уже половину городов с русскими названиями «перемовляли» на казахский лад...

Вот по части сноса памятников на «окраинах великой империи» — Ленину, Ермаку, русским генералам-«кавказцам», тем более в Европе, то здесь истинно: неча на зеркало пенять. Самим примера давать не надо: раз в тридцать-сорок лет попривыкли у себя монументы сносить!

...Хмурый слез с запыхавшегося самоката с разряженными аккумуляторами литератор Бурцев.

ГАДАРИНСКИЕ ЛИБЕРАСТЫ, ИЛИ ТОТАЛЬНОЕ УМОЗАМЕЩЕНИЕ

Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть р у с с к и й (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А. Я.) либерал, а есть н е р у с с к и й либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую.

Ф. М. Достоевский «Идиот»
(высказывание Евгения Павловича)

Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят.

Ф. М. Достоевский «Бесы»
(Петр Верховенский излагает
Николаю Ставрогину учение Шигалева)

♦ «Я б в мерчендайзеры пошел, пусть меня не учат», — рассеянно пропел на новорусский рэп-мотив литератор Бурцев, вернувшись на самокате времени из недалекого годами путешествия в прошлое. Пропел — и задумался: имел он смутное представление о содержании нынешней профессии мерчендайзера... что-то по мелкоторговой части, но не в конторе офисной штаны протирать перед компьютером, или как

там нынешние штуковины с экраном и клавиатурой называют? а что-то и потяжелее руками брать-носить. Это Андрей Матвеевич вывел из случайно прочитанных объявлений в обрывках местных газет, когда подстилал их на кухонную разделочную доску: уважал он селедку пряного бочечного посола и разделявал ее любовно самолично, не доверяя супруге. А прочел, что на должность со сложным импортным названием требуются именно молодые парни. Знать не девки, которым погрузочно-разгрузочные работы не поручишь... а поручишь — хлопот потом не оберешься. Начнут, что случись, права качать. И хотя в частнособственнической стихии прав, как говорится, граф, хотя бы он и не вписан в родословные книги, а права остальных сомнительны, но как-то тушуются торговые и офисные хозяйчики перед женским напором: своего рода атавизм советской эпохи, когда эти самые хозяйчики занимались мелкой фарцой или начинали трудовую карьеру инструкторами комсомольских райкомов, а матери или бабки нынешних молодых запросто могли через женсоветы, профкомы и парткомы мужику-леваку нервы так попортить, что мигом переключался бедолага от увлечений женским полом на тихое кухонное злоупотребление злодейкой с зеленой наклейкой. Такой магометанский колер имела поллитровка «московской» за два-восемьдесят семь. Меру злоупотребления мигом ставшему подкаблучником мужику директивно устанавливала подобрешшая супруга, исходя из решения алгебраического уравнения с тремя переменными: стоимость водки, минимально-достаточное здоровье супруга и какой-никакой толк в постели («С потаскушек своих, небось, часами не слезал, а здесь все норовишь побыстрее отделаться и захрапеть!»).

...Атавизм атавизмом, он же артефакт советской жизни, но вот учиться, окромя как в обязательной средней школе, мерчендайзеру только во вред: дорого для родителей, хлопотно пять лет самому рефераты, контрольные и курсовые «из инта» распечатывать; наконец, диплом у поступающего в эти самые «дайзеры» не спрашивают. То есть «пусть меня не учат». Опять же для головы прямая польза: пустотность ее проще будет набивать полезными для реальной жизни вещами из того же инта, но с более веселых сайтов. Правда, в школе учителя еще на книги и телевизор ссылались, как на источник заполнения пустотности головы, но перед телеящиком круглые, почитай, сутки бабуля сидит, мелодрамы смотрит, временами впадая в сон, а немногие имевшиеся в доме книги в недавний ремонт родняки вынесли на помойку, мол, пыль от них, да и не модно сейчас эти штуковины в квартире держать. И не нужны они в сегодняшней жизни. Уголовный кодекс в интернете, если понадобится, считаешь, а в зону попадешь (от тюрьмы да от сумы не отказывайся!), так в библиотеке КВЧ* возьмешь самую читаемую в узилище книгу, а старшие товарищи по бараку или камере проэкзаменуют.

О вреде излишнего, то есть сверх умения читать по складам, грифелем на аспидной доске буквицы выводить и считать до ста, образования еще полковник Скалозуб в бессмертной комедии (язвительной до костей!) Грибоедова изрек, что-де в университетах юношество упражняется в безверье и расколе. Увы, в нашу цифрофреническую эпоху умозамещения** юношество в столь высоких материях уже не упражняется; как все годы школьной учебы оно готовится к сдаче ЕГЭ, так и в «новороситетах» (вроде как крестьянка у Некрасова так говорит?) с первого курса студюозусы устремлением имеют не знания в голову привлечь, но только диплом получить. «Цель оправдывает средства»,— исповедуют они великолепный девиз создателя ордена иезуитов, первого его генерала Игнацио Лойолы. Впрочем, не подозревая о столь престижном авторстве, вопрос же о средствах переадресуя озабоченным непосильными тратами из скудного семейного бюджета родителям.

...Страшен сон, да милостив бог — вот и заветная книжица диплома в руках, а дальше? Кого папаши-мамаши, если в среднеответственных чинах состоят, пристро-

* Культурно-воспитательная часть в учреждениях, опекаемых УФСИН.— Прим. авт.

** Оба термина наши, итак, дважды гордимся...— Прим. авт.

ят. Кому не на кого надеяться, да еще не без остатков ума в голове, глядишь, в серьезную промышленность, что местами сохранилась с советских лет, потянутся. Но массы свежедипломных устремятся в торговлю с длинной чередой перекупщиков, ритейлеров на современном политкорректном новоязе. Словом, «синьоре, компраде ми флоре» (из итальянской оперы: «Синьоры, купите мои цветы»), а нынче под рекламными слоганами: «Чикен макнаген по рублю за штуку», или почище: «Пульмени — прокачаны как надо!»

Мужик сед, да не черт у него ум съел; народ морщится, но не успеет оглянуться, как от постоянного повторения (изобретение доктора Геббельса) и голову тебе прокачают от избытка ненужных мыслей, а уровень ее содержания *подкрутят* до минимума содержания — по полковнику Скалозубу.

♦ Либерализм в ученье — прямая дорога к рыночным прилавкам и именно на ту его сторону, где китайчатый товар разложен. А все потому, что русского либерализма и в заводе в отечестве нашем не наблюдалось. Все завозное, все импортное, рассуждал Андрей Матвеевич, отвязавшись от приставшего словечка, обозначающего малопонятную нынешнюю профессию. Но глобалистский либерализм, точнее либерастия, то есть болезненное состояние ума, наступает по всем фронтам, делая ставку на молодые головы, которые на 9/10 пусты. Особенно при нынешнем ущербном воспитании и образовании. Что с ними мировая, то есть империалистическая, финансово-олигархическая, закулиса глобализма творит, то они не в силах понять и осознать.

Припомнил он, что в шестидесятые годы, когда по всему западному миру, особенно во Франции с ее более чем полуторовековыми революционными традициями, прокатилась волна молодежных бунтов с выраженной антиимпериалистической направленностью, символом этой революционности стала майка с портретом Че Гевары в знаменитом его берете. Это был стихийный протест, вряд ли санкционированный «Кремлем», тем более — его мировыми противниками.

Все повернулось на сто восемьдесят градусов в нынешнюю эпоху глобализма — «последнего решительного», увы, запрограммировано выигрышного, боя империализма, который он дает в гибридно-информационной униформе всему миру. И диспозиция, целеуказание этого боя суть полное расчеловечивание населения земли, превращение его в аналогов библейских гадаринских свиней, что за своим вожаком бездумно бросаются в пропасть умозамещения, в состояние «рабства равных» — припомнил литератор Бурцев слова Достоевского.

Отсюда и странная символика современной молодежи. Странная на взгляд самодостаточно мыслящего человека, ибо таковой зрит в корень. Для всех остальных, включая самих носителей этой символики, это просто мода. Нелепая, навязчивая, но — мировая мода. Вот началась развязанная Западом (в Америке — ее Востоком, где расположены Вашингтон и банки Нью-Йорка...) очередная гибридная война на Ближнем Востоке. Одновременно с ней госпереворот на Украине, опять же Крым, Донбасс... А европейская молодежь, временно пустив на самотек всякие толерастические — это которые под стягами с радугой всех цветов спектра, *как однажды Жак-звонарь городской сломал фонарь* — в школе заучивали эти цвета в последовательности длин его электромагнитных волн — заботы, уже явно с подачи кукловодов объявила игиловских басмачей борцами с мировым империализмом, а малороссийских самостийников тоже «наше дело правое (правый сектор)» — противостоящими тоталитаризму России, опять-таки свернувшей в сторону от завоеванной было демократии. И баста! Улицы европейских городов мигом заполнились молодежью, местной и многими миллионами «интуристов» из Северной Африки и с Ближнего Востока, прибывших на дармовые харчи, как инкубаторские куры в единой форме головных волосяных приборов. Это специфическая борода под «игиловца, смелого бойца», то есть заросшие кадык и щеки при выбритом фасе подбородка. А прическа с явным намеком на хохлацкий оселедец: стриженные над ушами виски и гребень с зачесом направо или налево: у кого какие политические убеждения.

Самое поразительное — такие же символы охватили и Россию, несущую на себе всю тяжесть войны в Сирии с игиловцами и проклинаемую Киевом на всех мировых перекрестках. Во всех губернских городах, не говоря уже о столицах, в более-менее крупных районных, миглом пооткрывались парикмахерские мужские салоны с вывеской «*Barben shop*» и изображением головы молодца в игиловской бородке и с хохлацким оселедцем. Первый такой в их городе, потеснив в арендуемом помещении ставший малоактуальным интим-салон с резиновыми бабами-подстилками и пластиковыми членами (подростающее поколение перешло на более доступный интернет-онанизм), открылся на территории университетского студгородка, прямо напротив корпуса факультета, имеющего отношение к биологии. И обнаружил-то этот новомодный «шоп» Андрей Матвеевич как раз направляясь в этот корпус навестить своего приятеля профессора Скородумова.

Сущее барбеншоповское наваждение охватило страну, в которой игиловцы официально запрещены законом, а отечество своеобразных головных приборов в новостных сводках уже далеко не первый год, хотя и иносказательно, но с прозрачными намеками именуется нашим главным супостатом и американской марионеткой в новой холодной войне. Добро бы слабоумное студенчество и падкие на модные новации офисные менеджеры вмиг по городам и весям страны защеголяли в оных бороденках и оселедцах! Господь и с телеящиками, на экранах которых в рекламе сразу под десяток таких ряженных-стриженных, однойцевых инкубаторских отплясывают, доказывая сценическими вывертами преимущества одного бренда над другим — хотя бы оба китайской фабрикации... Но нет, бери выше! В телеинтервью бритые виски и заросшие кадыки появились даже у тех, кому они не положены по казенному патристическому статусу: у представителей всевозможных фронтов, гвардий, юнармий (эти пока без бородок) и ополчений. А если носители оных не старше тридцати-тридцати пяти лет, то в модном растительном прикиде интервьюируются и некоторые партийцы уже при должности: от жириновцев до зюгановцев. И все сугубые патриоты! Литератор Бурцев раз чуть с табуретки не упал — от восторга, а не от принятых перед этим «ста граммов на грудь», — увидев на телеэкране новоизбранного губернатора-выдвиженца с бритыми висками. Правда, без нижнелицевой растительности: этому рангу чиновников бороды административным дресс-кодом категорически воспрещены. Опять же пример нехороший: был один, из киноактеров и эстрадных смехачей, с такой, но русской лопатой, не игиловской! растительностью в губернаторском чине, но плохо кончил — по автодорожной части.

Андрей Матвеевич, отогнав от головы навязчивые мысли об игиловско-хохлацкой растительности на молодых головах и не совсем молодой, даже губернаторского достоинства, вышел на балкон. Уже начавший накаливать среднеградусную атмосферу жарким дыханием далеких пустынь (не обязательно игиловских; есть еще нубийские, бывшие родные среднеазиатские, наконец, пустыня Негёв в ныне дружественной земле обетованной...) месяц май предвещал жаркие летние месяцы. «Аномально жаркое лето», — как зловеще пугали добрый наш народ телерадиодикторы, особенно дикторши, по своей бабьей зловредности: день прожит зря, если кому не напакостила! Как у мужиков: если от зари до зари пару рюмах не ввел в организм. У каждого свое на уме.

А про грядущую жару, уже предвещаемую необычно жарким финалом обычно ласкового мая, вспомнил Андрей Матвеевич по сложной ассоциации, не первый день наблюдая с балкона своего четвертого этажа за девицами старшешкольного возраста. Избави бог вас подумать, что почтенный писатель и главный редактор литературного журнала имел склонность к педофилии! Во-первых, если быть точным в части логики, то старшие школьницы уже девицы на выданье, давно к детскому сословию не относятся, как правило, уже ведут умеренную половую жизнь. Так что пресловутая, скорее всего нагнетаемая телевизионщиками (о чем еще сериалы снимать?), педофи-

лия здесь ни при чем. Во-вторых и субъективно главных, литератор Бурцев, ощущая себя полноправным мужиком, даже иногда налево похаживающим по части умеренно молодых поэтесс, что печатались в его «Срединной России», справедливо полагал, памятуя древнеримскую присказку про Юпитера и быка (*Jovi et bovi* по-латыни), что каждому возрасту свои сладости. Нынешние же юные девицы и вовсе не сладости по своему обобщенному пакостному характеру и беспредельной наглости и жадности, но самые ядовито-горькие кулинарные специи, что используются в восточных кухнях. «Скорее на парковую гипсовую «Девушку с веслом» встанет, чем на этих малолетних стервоз, так и зыряющих глазками за кандидатами в папики!» — горячился Андрей Матвеевич в заведении «Наиливай-ка!» в обычной тройственной компании с профессором Скородумовым и доцентом-ракетчиком Николаем Андреяновичем, коль скоро тембр беседы после третьей стопки сворачивал на скромные мужские радости... помимо разливаемого из горластой посуды, конечно.

Нет, в отношении старшекласниц, особенно из всего женского сословия обезьяничающих по части моды, иное заинтриговало наблюдательного по жизни и роду занятий писателя Бурцева. Опять же на тезах и антитезах, говоря философским сленгом. Если дрящущая уже второй год мировая эпидемия как-то ослабила всеобщее увлечение прическами под иглиловцев и хохлов, тем более, что первых разбили, а вторые прискучили всему «цивилизованному миру» жалобами на происки москалей и попрошайничеством, то с тем большим интересом, познавательным в своей основе, обратил внимание Андрей Матвеевич, что, невзирая на жаркую погоду и вообще время года, традиционно располагающее к легким, цветастым женским одежаниям, в один миг все старшекласницы обрядились в стандартные, из Китая конечно, платья аспидно-черного цвета, с глухими воротами и рукавами. Правда, юбочно расклешенными и на десять сантиметров повыше коленок. Впрочем, размышлял он недолго, по накатанной придя к верному решению: раз иглиловцев расколошматили, то в мировую моду для несмышленишей и вошли эти глухие черные платьица фасона «траур жен иглиловцев». Что и подтвердилось по косвенным намекам телеведущих и интернетовскому шуму. Сам Андрей Матвеевич им брезговал, но молодые авторы его журнала подтвердили: да, мол, мода на траур по борцам с мировым империализмом. Писатель Бурцев, доискавшись до истины, благодушно успокоился: дескать, хоть горшком кого назови, только в печь не ставь!

♦ «Куда бы смотаться на китайском самокате, а лучше на добротной полноприводной личной машине времени?» — размышлял Андрей Матвеевич, решив загадку о черных летних одежаниях старшекласниц. Но ведь это такая мелочь, рыбная мелюзга — отгадка очередной политизированной моды для несовершеннолетних полудевственниц! — На фоне всяких грозных пандемий загадочного происхождения и еще более непонятного назначения. Опять-таки кровные братаны разбитых иглиловцев афганские басмачи-талибановцы оживились: америкосы уходят и бразды власти им передают с явным намеком столкнуть их на таджикской границе с нашими солдатушками-ребятушками... Зажмурил на миг глаза, инстинктивно отпрянув от ошалело влетевшего в открытую форточку майского шмеля, и тотчас промелькнула картина воображения: с пологого альпийского взгорья близ Кандагара идут в наступление побатальонными коробками талибановцы в своих живописных, времен халифата, халатах, на ногах ичиги с загнутыми вверх носками, на бородатых рожах лица семирамидские чалмы. И не в пешем порядке спускаются они с альпийских лугов, но на аккумуляторных китайских самокатах, левыми руками ухватив рули, а в правых на боевой изготовке тож чьей-то импортной выработки «калаши» в десантном варианте исполнения.

Открыл инстинктивно зажмурившиеся глаза, опасливо посмотрел на опомнившегося шмеля, вылетающего на улицу через ту же форточку, и ухмыльнулся: вот ведь в какой ассоциации басмачи-моджахеды на электросамокатах привиделись! Возвра-

шался Андрей Матвеевич после хлопотных своих издательских дел, держа курс на родной дом, но, проходя мимо биологического университетского корпуса, не преминул на полчасика заглянуть к приятелю своему профессору Скородумову, что в том корпусе сталинской архитектуры резидентствует. Поговорили чуток о наболевшем, погоревали, что который уже год анекдоты из обихода напрочь исчезли, по рюмах «со свиданьем» махнули. Вышел он от приятеля, перешел дорогу, что вдоль фасада биологического корпуса, и пошел тихой дорогой через студгородок — напрямую к своему дому. А в первом же доме через дорогу от корпуса, тож сталинской постройки (тогда города застраивали по ландшафтными генпланам, а не точно — вразнотык, как сейчас варганят...), центральная городская библиотека имени величайшего классика русской литературы, он же зеркало русской революции; весь первый этаж занимает.

По обычаю своему, проходя мимо библиотеки, Андрей Матвеевич рассеянно поглядывал на ближнее к входной двери окно, на внутренней стороне стекол которого регулярно вывешивались, в смысле липкой лентой прищипливались, листки с месячными планами библиотечных мероприятий, объявления о встречах с местными писателями и прочее. Он и сам раз-другой в год выступает по тематике своей «Срединной России» перед скромным собранием слушателей, обычно пожилых женщин из числа открывших в себе поэтический дар стихосложения после того, как дети оперились в жизни, а внуки закончили курс начальной школы... На сей раз его заинтригованное внимание привлекло странное для учреждения культуры столь высокого ранга игривое объявление:

*Зачекинься в нашей библиотеке и получи приз!
Запостишь в нашей библиотеке и размести свой пост
в VВ или Telegram, указав аккаунт городской библиотечной
сети. Покажи пост на своем смартфоне библиотекарю
и получи сувенирный блокнотик и возможность выиграть книгу!*

...Некоторые американские слова молодежного и радиотелевизионного жаргона он разобрал, мысленно переводя их на гражданский язык, но вовсе застопорился на ранее никогда не слышанном «зачекинься». Сколько не прикидывал так-сяк, ничего путного в голову не приходило. Даже непонятно откуда всплывшее в голове хохлацкое «почекаемо» — ни к селу, ни к городу... И почти явственно показало, что сам оживший классик и зеркало понятно чего, чей барельеф «под бронзу» украшал на стене над дверью вход в храм муз словесности, профилем своим мудробородым на четверть метра выглянул из бронзового своего обрамления, повернул голову направо, в сторону окна с объявлением, и, что-то пришептывая обретшими подвижность губами, вчитывается в текст листка, столь заинтересовавшего писателя Бурцева. А тот и вовсе задрожал от волнительного испуга, явственно услышав голос ожившего классика (и зеркала) — а тембр того голоса Андрей Матвеевич хорошо помнил по музейным граммафонным записям (сам Эдисон аппарат классику подарил!), — о, ужас! величайший гуманист и человеколюбец четко и раздельно по слогам произнес: «На конюшню! Насчет того... распорядиться!»

«Ишь,— заухмылялся Андрей Матвеевич,— прорвалось-таки графское, генофенотипическое, дескать, выпороть губителей русского языка! Оно и правда, сызмальства не пороть — человека загубить».

В этот мистический момент, напугав и классика, мигом вернувшегося в величественную забронзовелость, и Андрея Матвеевича, который успел-таки оценить тщетность и прямую глупость библиотечного объявления: на хрена козе баян, то есть нынешнему бронеподростку-гинеиджеру блокнотик, тем более книга? — отпрянувшего с середины узенького тротуара в сторону окна с занимательным листком культуртрегерского содержания, так что лоб его оказался всего в нескольких сантиметрах от

наружного стекла: по тротуарной дорожке резво промчался электросамокат. Но суть-то не в самокате, а в антураже его пассажира. Добро бы хлопчик еще половой недозрелости, девица ли школьница, но уже с третьим номером, туго обтянутым майкой с англо-саксонской надписью что-то про *йоу ту лайв*, наконец, не исключены и студенты-младшекурсники — стояли на основании самоката, руками бы рулили, а на лицах выдерживали выражение превосходства над примитивными пешкодралами... Нет, напугавший классика литературы и провинциального писателя китайский самодвижущийся прибор был оседлан настолько родной видом фигурой, а сама аккумуляторная каталка и вовсе приобрела столь великорусский вид, что Андрей Матвеевич восхитился в высшей степени. Даже в голове мигом в до-минорной тональности зазвучала хулиганская песенка: «Дом высокий на Тверской — цвет столичный воровской...» Вроде как в его детстве распевали на другие слова, а эту недавно из телесериала случайно услышал, но мотивчик-то из тех славных лет!

Те же года, когда семейство младшего школьника Андрюхи Бурцева проживало в своем доме во Втором парковом переулке, где работяги с экскаватором нашли на свое горе кувшинчик с николаевскими червонцами, два из которых случайно достались пятикласснику Андрюхе, ребятня — от сопливых второклассников до парней, уже сделавших первую ходку в колонию для несовершеннолетних, распевала классический блатняк: «Мурку», «Кирпичики», перемеживая его отголосками на события текущей жизни. Как раз Никита Кукурузник двинул молодежь на целинные земли; вот и отозвались шпанистые композиторы: «Едут новоселы, морды невеселы. Кто-то у кого-то стибрил чемодан...» Словом, либералы пятидесятых голов: в ближней столице стилиаги на той же Тверской; в смысле на улице Горького, а у нас еще поэзия подворотен. Вспомнил же Андрей Матвеевич ностальгический Второй парковый переулок — и именно в прямой связи с оттеснившим его с тротуара впритык к стене центральной городской библиотека преобразенным китайским электросамокатом — по той причине, что через дом от семейства Бурцевых на частнособственнической их улице (впрочем, как и весь окрестный квартал, хотя бы почти в центре города) проживал с пожилыми уже родителями и сестрой, что с мужем и двумя детьми, чудакватый Сенька.

Так его звали все ребята и взрослые. Хотя было ему уже несколько за сорок, но вел себя по-пацански, ибо являлся инвалидом по рождению — по легкой поврежденности в умственной части. Потому не женат, а содержится от государства инвалидной пенсией, а от местной скобяной фабрики металлоизделий зарплатой за работу надомником: из привозимых раз в две недели отштампованных на фабрике железок собирал на веранде своего дома, где стоял слесарный стол с различными приспособлениями, всякую хозяйственную утварь — что привезут: замки, приспособления для закатки жестяных крышек на банках, в которых рачительные хозяйки на зиму консервируют овощную закуску для мужиков, и все такое прочее. За труд имел два десятка похвальных грамот, которыми были заклеены обе неоконные стены веранды. В городе нашем труд надомников имеет глубокую традицию: от сборщиков и доводчиков на дому всякой стрелковой справы — от казенного завода, основанного еще Петром Первым.

♦ Никакого особого любопытства Сенька ни у кого не вызывал, поскольку таких несколько поврежденных от рождения в городе имелось предостаточно. Видимо, от века наследственных профессий по металлообработке и неумемного пьянства мастеровых: одно побуждает другое, а виновными оказываются дети.

Впрочем, чудакватость того же Сеньки в людских толках даже не от его пенсии по инвалидности с детства (иной так просто позавидует), работы надомником — а здесь уже многие позавидуют, дескать, гни свои котёлки на веранде родного дома: ни начальства заводского над тобой, ни парторга с профоргом... — даже не от бобыльства своего, что понятно: какая девка или баба захочет ославить себя, связавшись с

«тронутым»! — но от увлечения всей его жизни. Дураковатость Сеньки проявлялась, скорее — ожидалась добрым нашим народом, лишь в общении его с людьми; в делах техники он мог дать фору иному мастеровому с завода, ударнику комтруда, в праздничные дни надевавшему парадный пиджак не только с боевыми, но и с трудовыми наградами. Страсть же Сеньки — почти из ничего собирать самодвижущие механизмы: от детских самокатов и великов для племянников, детей сестры, до мотоциклов. Весь исходный материал — подшипники, ободы колес, бракованные движки непонятно от каких машин и механизмов, явно военного назначения, прутки и трубки для последующего гнутья, списанные аккумуляторы, цепные передачи и пр. и пр.— Сенька в законные выходные дни выискивал на городских свалках, особенно которые при многочисленных механических и машиностроительных заводах города. Все сносил в хозяйственный сарай, что на участке его дома. В сарайчике этом он проводил все вечера будних и выходных дней, а в праздничные так и вовсе с утра до вечера: еле-еле на обед дозвонятся домашние. Особенно довольны сестра со своим мужем: дети их не шлындают во внеурочное время по улице, со шпаной малолетней не связываются, но постоянно при Сеньке в сарае: уму-разуму на практике у своего дядьки научаются!

В тот год, когда за не сданный государству клад золотых червонцев с профилем Николая Кровавого бригада работяг на отсидку угодила, а пятиклассник Андрюха нашел не замеченные никем две монеты, Сенька исполнил свою мечту: соорудил мотоцикл с коляской. Когда в жаркий июньский день он вывел из сарая стального коня, завел его и выехал через растворенные ворота с участка своего дома на немощеную улицу Второго паркового переулка и помчался по ней, то встречные пожилые люди, особенно в войну попавшие в окрестных городу (сам город героически отразил врага) селах под кратковременную оккупацию, вытаращивали глаза, а старушки боязливо крестились: мимо них несутся на гитлеровском мотоцикле, правда, без пулемета на коляске, но с турельным гнездом под него, фашист в черной лаковой эсэсовской каске, коротких сапогах с заправленными в них суконными галифе, в куцей куртайке, чем-то отдаленно схожей с немецким мундирчиком. Ребяшня же с восторженными воплями мчалась вослед.

Объяснялось все обыденно просто. Кожух действительно трофейного БМВ с коляской и турелью под пулемет Сенька выменял у деда Снегирева, у которого остатки мотоцикла без дела валялись в сарае с военных лет. Выменял за литр самогона, который с большим увлечением гнал его шурик. Вот под этот-то кожух Сенька всю предшествующую зиму и подбирал движок, колеса, руль и все остальное. Сапоги, отцовы галифе военных времен и короткая черная спецовка — обычная справа мотоциклиста. Вот и померещилось старикам сходство с гитлеровским обмундированием. А каска? Покупать специальный мотоциклетный шлем — пустая трата денег. У того же деда Снегирева, у которого весь сарай завален хламом чуть ли не с Империалистической, за дополнительную чекушку шуриновой самогоновки приобрел черно-лаковую (немецкая краска от времени не сползает!) эсэсовскую каску и прорезиненные перчатки-краги. Именно последние особо напугали побывавших в оккупации старушек.

...Понятно дело, что никаких водительских прав у Сеньки и быть не могло по причине его головной инвалидности, но в те времена на мотоциклистов гаишники внимания не обращали. Тем более, что их и вовсе не наблюдалось в кварталах частной застройки, на девяносто процентов составляющих весь старинный город.

Вот Андрей Матвеевич и испытал ностальгический восторг пятиклассного детства: не одетый эсэсовцем Сенька на трофейном БМВ с турелью под пулемет на крышке коляски промчался мимо него, отеснив с тротуара к стене библиотеки, но некий дедок на китайском электросамокате, который на таковой и не походил после основательной хозяйственной переделки. Нечто мощное шугануло с тротуара почтенного

писателя: тарные металлические ящики под полезный груз с базара накрепко принаитованы спереди и позади седока. Сам седок, укутанный, несмотря на жару позднего мая месяца, во что-то из шинельного сукна, с танкистским шлемом на голове (или показалось? может какая китайчатая «под кожу» шапка?) и в дорожных автомобильных очках, своей громоздкостью старинными армейскими хромовыми (для комсостава) сапогами и синими галифе превращал легкомысленный механизм для ребячьих забав в нечто основательное, мощное, завидев которое, хочется отпрянуть метра на два, а еще лучше завернуть за угол...

Все недавно и в детские годы произошедшее вспомнил Андрей Матвеевич за единый миг, что испуганно зажмурил глаза, инстинктивно их затворил, увидев влетавшего в форточку шмеля. Вспомнив же, проклял к случаю всех этих гадаринских либералов и умозамещенных. Нет, бодро думал он, продержимся мы еще, нас так запросто не возьмешь: того же Сеньку на восстановленном им трофейном БМВ и недавнего дедка, превратившего шутовскую поделку в надежный хозяйственный инвентарь.

...В этот день никуда Андрей Матвеевич не поехал во времени: ни на машине, ни на самокате. Ведь и нынешняя жизнь не менее занимательна! И еще подумал нехстати: пусть профессор Скородумов катается туда-сюда в годах и веках, раз рекламирует личные машины времени...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

НАМ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Общая энергия волн цунами была сравнима с пятью мегатоннами в тротиловом эквиваленте (20 петаджоулей).

Это в два раза больше, чем энергия всех боевых снарядов, взорванных во время Второй мировой войны, включая две атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки.

Вице-президент Общества цунами Тед Мерти

1. МОЛИТВА

У дерева Бо тень — особая:
только
Храм Утра откроет прозрачные двери,
монахи пьют кофе — без сахара,
горький
и тут же садятся в тени тех деревьев.

Муссоны приносят тропический ливень,
глазами дракона горит питахайя.
У дерева Бо — не побег — толстый бивень,
не корень, а мощная часть — ходовая.

Монахи часами не движутся —
где-то —
за гранью —
проходят пути медитаций.
Попробуй стать вечным дыханием ветра, —
попробуй понять, что такое — меняться!

...Не колокол — пагода.
Зной.
Восемь мудрээ.
Под деревом Бо Тайна Света сокрыта, —
познай ее сердцем!
...Буддийское утро
молчит неосознанным словом санскрита...

2. ЖИЗНЬ

...Плантации риса.
Кокосы.
Корица.
Слоновья тропа пролегла к водопою.
Что проще всего:
Покорить?
Покориться?
Быть честным?
Спасенным?
Самим быть собою?..

Кричит что-то детское с гор салангана.
Цветут под землей, как цветы, самоцветы.
Всего один раз только люди солгали,
и ноги обвили тяжелые цепи.

Что чувствуешь тут, странник мира,
незванный?..
...Выходят слоны к водопаду — купаться.—
Семья.
И слоненок пока что не знает,
какое таит это счастье коварство.

Но опыт — есть опыт.
И чувство тревоги
уж если объемлет отца, то объемлет:
ударят о землю чугунные ноги
и выбьют для всех, кто поймет, объявление.

И там — далеко, догадавшись о смысле,
отправят в ответ те же самые коды.
И лишь бугенвиль часть бутонов осыплет
в упавшие с неба хрустальные воды.

3. ПРЕДВЕСТИЕ

... Эпоха беспечности.
Нано и техно.
Учись (без труда) управлять всем и всеми!
...Остался ли опыт предчувствий у тех, кто
сравнили свой разум с масштабом Вселенной?..

...Ничто и ничем не грозило.
Сначала.
Но что-то танцую, такое, как сальса,
невидимый дух то ли плакал печально,
а то ли угрюмо, как демон, смеялся...

И, став ядовито-опасными, реки,
текли, словно, вспять, извиваясь, как змеи.
И реквием воя,
псалом или реквий,
попрятались в мангровых зарослях звери.

Редела листва.
Улетали колибри.
Стал шифром опасности топот слоновий.
И капли воды самых разных калибров
глаза разъедали обилием соли.

И тут...
...Стать беспомощней самое время...
И тут словно голос Вселенной раздался:
и все вездесущее всех измерений
замкнулось в единую цепь резонанса...

4. НЕВОЗМОЖНОСТЬ

...Кто видел когда-нибудь,
как
разрастались
почти-что до солнца
и рушились волны,
упрямо вставали из свежих развалин
и... падали снова, взбешенные словно?

Кто знал, что те волны, устав, уходили
подальше от мертвой черты побережья
за тем, чтобы снова прийти
и махины
воды обвалить,
еще жестче, чем прежде?

Кто слышал, как громко молчало затишье?..
Кто те, что узнали своими сердцами,
как нечто из мира подводного вышло
и стало тем самым — гигантским — цунами?!

Те — кто они? —
Тени.
Нездешние.

Только
следы разрушений и мистика Шивы.

Плененные мощным движеньем потока —
сто бальным, потом
остались ли живы?..

...Молчали едва уцелевшие джунгли...
Прошедшая в час
восемьсот километров
волна не заметит
живут,
не живут ли
здесь добрые люди — но дело не в этом:

эпоха,
беспечность...
и даже — бесчестность...

...Чернела вода едким пеплом вулкана,
и грязные волны — дай Бог, я не встречусь
с подобными — были с кулак великана...

... ..Рисунок-граффити: рыбацкая лодка,
счастливый мальчонка — матроска на вырост,
с уловом (большим!),
и улыбка ребенка
потерянной жизни
нисколько
не выдаст...

5. МИЛОСЕРДИЕ

...Пусть я ошибаюсь,
но в мире осталось
(немного еще)
соучастия.
Если
какая-то
где-то
случится спонтанность,
с ней справиться можно, но только — всем вместе.

И есть сострадание.
Мало, не спорю.
С ним встретиться можно все реже и реже...
...Разбита была одержимой волною
тогда — Королева
того — Побережья, —

измяты вагоны,
и вырваны рельсы...
Представить такое — не хватит терпенья.
Из рейса уже не вернуть — хоть разбейся —
того сквозь цунами летящего трейна...

...Потом уже будет пошита каша.
И дети дорогами гор уходили,
туда, где монашество цвета шафрана,
оставив родителей в братской могиле.

Кругом не лежало и камня на камне.
И только (здесь можно поверить и в чудо)
не тронуты были одни изваяния,
фигурки,
скульптуры
и статуи Будды.

...Беспамятно время.
Безвременна память.
И не было наций.
И рас.
И религий.
И просит спокойней быть впредь Гаутама
земной океан,
бесконечно-великий.

...Да, есть бескорыстность.
И помощь — бездонна...

...Вот только
коралловый риф черепахой
ползет вдоль бордовой черты горизонта —
слепой,
безголосый
и мертвый от страха...

6. ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

...Сегодня у моря,
вблизи океана
горячие волны привычно спокойны.
Макашницы.
Свечи.
Покой и нирвана.
Жест уай — две ладони ко лбу —
и с поклоном.

Все так же, как было.
До этого.
С виду.
Но — там — в глубине
человеческих мыслей
мир с места — внезапно —
стихией был сдвинут,
космически, даже, кармически-быстрой!

Давно научившимся
жить на савае,
не медлить,

но и...
также не
торопиться,
делиться не ужасом хочется с вами,
а хочется — духом извечных традиций.

Вот этот аскет,
этот маленький Будда,
и чистильщик душ,
и слоновий погонщик,
вести разговор про цунами не будут,
уйдут,
отвернуться —
расстроятся, в общем.

А если и будет кто — преувеличит,
а может быть что-то там
и...
приуменьшит.
Вот только Испуг в их глазах обезличен,
и Рок их преследует злейший-презлейший...

... А волны —
как чудища — тихо и тонко,
как монстры — на задних — пружинисто — лапах
придут и стоят, ели слышно, в сторонке,
придут, постоят и уйдут
виновато...

7. ДОМИКИ ДУХОВ

Синдром непрошедшего детства:
мы верим
всему и чему невозможно поверить:
танцующей девочке —
призраку,
фее —
однажды пришедшей на остров по мели.

Запястья свои украшаем сайсином.
Читаем молитвы
и слушаем мантры.
И просим всегда у кого-то
«Дай силы»,—
мы все —
от Гренландии и до Суматры.

На крыльях рассвета взлетает Гаруда,
и ночь приближается демоном Мара.
Синдром непрошедшего детства —
не губит,
его — непрошедшего детства — нам мало.

Проснется ли рожь,
чайный куст,
маниока,
протянет ли кассия желтый стаканчик —
нам хочется жить.
Исключительно.
Только.
И это за каждым скрывается плачем.

...Один за другим — домик духов.
Забьются
в надежде сердца
грозных духов задобрить.

Но все это смешано с голосом улиц
и принято за
барабанные дробы.

8. ВЕРА

...И синим, как небо, был привкус анчана.
И вечность была до прихода тайфуна...
Луна началась в Сукхотае — сначала,
и девочка-тень свежим ветром вздохнула.

...Все-все на Земле:
сенегальцы,
тамилы,
и маленький таец,
и девочка-тайка,
хотят сохранить себя в будущих лицах,
стать вечными в предках своих,
словно тайна.

Давно не хочу
быть всевидящим око,
судить без суда
и встречать по одежке,
хочу ровно жить,
как и все—
и Марокко,
и Древний Сиама
и Сиамские кошки.
В кого бы не верилось,
главное, чтобы
на дне океана вулкан не проснулся,
энергия волн возникала без злобы,
а реки текли только в мирные русла.

Кристина Денисенко
(г. Юнокоммунаровск, ДНР)

Наш постоянный автор.

В МЕНУЭТЕ ТУЧ

Неважно, скоро ли зима остудит солнца луч
Пропитанным прохладой иллюзорным шелком бальных платьев
Возвышенных принцесс из рода несомненных туч,
Которые рождаются на свет лишь для того, чтоб плакать.

И маленьким дождем, и ливнем, и хрустальным льдом...
И скоро ли алтарь многоэтажной крыши вспыхнет снегом,
Не так и важно, как, проникнув на чердак тайком,
Услышать в менюэте туч размытое закатом эхо

Признаний, непроизносимых вслух в не ровен час,
Когда холодный город замкнут, безнадежен, бессловесен,
И на антеннах, как на сложенных крестах, таясь,
Молчат растроганные ангелы таинственным процессом.

И я не жду от неба снегопада... Или жду...
Луна венцом безбрачия цепляет длинных юбок пышность,
И тучи белым снегом снова плачут там и тут,
А я свыкаюсь с тем, что ты мне только кажешься и снишься.

ОБРОНЕННЫЕ СНОВИДЕНИЯ

Махровых ирисов стыдливые бутоны в тон весны
Объаты северным сиянием февральского рассвета.
Тебе не спится, и к балконному окну обращены
Зеленых глаз глубокие озера в грусти несусветной.

Ты видишь, как единороги пьют росу с полярных звезд,
Как ветер заплетает в глянцевые гривы миг и вечность,
И деву, на которой клином зарево надежд сошлось,
Такое яркое, что можно, не касаясь, им обжечься.

Луна дрожащим нимбом притаилась в рыжих волосах.
Не как иначе, ангел взвесил все твои мечты и тайны...
Весы на тонких нитях «можно» и негласного «нельзя»
Колеблются, магически звеня звеном необычайным.

На сарафанах вытканы букеты сарацинских мят.
Твой необычный ангел прячет за спиной тугие крылья.
Расправит птицей и над пропастью возжаждет полетать,
Той самой, в чью бездонность боги сладкий сон твой обронили.

ТЫ МНЕ НУЖНА

Вне всяких смыслов, вне нелепостей мечтать
Ты снизошла под блюз осенних веток
В надетом платье на не тронутую стать
Ни вечностью, ни мигом ей воспетым.

Моя заступница с голубкой на груди.
Я помню, голос этой птицы мира
Приятнее и тише, чем у всех других,
С которыми ты тоже подходила.

К ревущему порогу из-за горьких бед.
К покинутым стенам луной и солнцем.
Опять на облаке волос янтарный свет,
И теплый мед надежд волшебю лъется.

На крыльях сладко дремлет раскаленный мрак.
Ты на себя по-прежнему похожа.
Над лавровым венком сияет нимб, да так,
Что кажется фарфоровою кожа.

И я, как маленькие дети, жду чудес.
Стал жгучим кофе ореол твой снова.
Мой крепкий ангел, до чего сейчас и здесь
Ты мне нужна, сдаваться не готовой.

ВОЛНЫ ДУШИ

Бьются метели о тихую гавань окна.
Звезды на спинах китов распускаются мальвой.
Кухня — ковчег, и мне с палубы сонной видна
Синяя вечность над замком надежды хрустальной.

Лунные зайчики в снежную ночь пишут стих
На ледяных куполах недостроенных башен.
Стих там и здесь, здесь и там между строчек немых
Шепот рояля порывом тоски взбудоражен.

Город, как сказочный порт, атакован и сдан.
Все что прошло, то прошло, но на белой постели
В ярких мазках оживает ночной караван
Девичьих грез и страстей, что свое откипели.

Синюю вечность назад белый снег также мел,
Только свеча нежных чувств не чадила огарком.
Поздно ли, рано ли мальвами выстелить стол,
Так чтобы волны души вновь сомкнулись на ярком...

КОСНУТЬСЯ СЧАСТЬЯ

Любовь мотыльками, что между ладоней в победный пляс
Пускаются, словно их крылья щиты, обереги, сабли,
Не ведала страха фиаско, но звездным дождем светясь
Ее невесомые крылья в магическом поле зябли.

Из снежной кудели прядут облака самый тонкий снег.
Багряной листвой был засыпан давно и порог, и трепет.
Я кажется, даже не помню ни ласковых рук, ни рек
Пустых обещаний любить, пока время расстаться терпит.

Зима прорастает из марева синих пустот цветком.
Сковал тишиной стылый воздух худой маете запястья.
Тебя будто не было вовсе, но ты до того знаком,
Что знают мои мотыльки, что такое коснуться счастья.

ИСЦЕЛЕНИЕ

Я на твоём пути
Затворницей из ниоткуда появлюсь.
Без лавровых венков, без липовых триумфов.
Сольется с мертвой тишиной осенний блюз
Сухих полей в непостоянстве изумрудном.

Я буду ждать тебя и чувствовать спиной
Гудящую волнением торнадо близость.
И мой ковчег надежды неуемный Ной
Опустит как глубокий сон, в котором снилось

И это платье цвета невесомый лен,
И невесомый смог курганов безучастных,
И отголоски дней, в которых ты влюблен
В мои печальные глаза как пятиклассник.

Погост некошеной травы впитает миг,
По коже пробегут мурашки предвкушений,
Еще момент, и будто бы уже настиг
Твой поцелуй губам подставленную шею.

Волос коснется ураган холодных рук,
И ни души в пространстве грозового кома,
Лишь я, сбежавшая от вытканной вокруг
Болезни пустоты, не каждому знакомой.

«ОЛИВЬЕ» С МАКИНТОШЕВЫМ ЯБЛОКОМ

Приготовь «Оливье» с макинтошевым яблоком, куколка,
Потеряйся в заснеженном ельнике прежних времен,
Закрывая глаза и вдыхая январские сумерки
Той волшебной зимы, где в тебя был по-детски влюблен
Наш румяный сосед в черно-бурой ушанке и в валенках,
В угловатом пальто, что не знало ни сносу ни дыр...
Приготовь «Оливье», и хотя бы на миг снова маленькой
Удивленно посмотришь, как снег за окном закружил.
Снегопад. Жизнь чужая тобой проживается в городе,
А твою, будто крошки, склевали синицы судьбы...
Минус двадцать, и грустному сердцу и любо, и дорого
Сквозь метель расстояний привязанным к светлому быть.
Приготовь «Оливье» с макинтошевым яблоком, с брокколи.
Городская зима — это время опасных простуд.
Помнишь, в снежном саду боязливая пальцами робкими
Собирала калину в судок, что из веток плетут.
Помнишь, мерзлые ягоды таяли, помнишь, духмяные?
Кто б провел в захудалый поселок дорогу и газ?
Знаешь, милая куколка, милая внученька, ранами
Старый сад без тебя кровоточит зиме напоказ.
Только ты не тревожься. Порадуйся снежной мелодии.
И с теплом вспоминай деревенский трескучий очаг...
«Оливье» на столе, и коль Богу так было угодно,
Городская моя, с Новым Годом, и всех человеческих благ.

Яков Шафран
(г. Тула)

ПУСТЬ ЗАКОНЧАТСЯ РУССКИЕ БЕДЫ!

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Рассвета твои лучи,
Закаты твои над рощей,
Ушедшие в землю ключи,
Но все же для речки — мощи,
Осенний березок плач
И зимний покой в сугробах,
И тройка весны, что вскачь,
И лето в цветах и росах,—
Все это земля родная,
Россия, любимая Русь.
Тебя я во всем узнаю,
Тобой я всегда горжусь.
Дышу я тобой и страдаю
За боли твои и позор.
Но верю, страна, и знаю,
Что дашь всем врагам отпор.
До времени лишь неудачи.
Ведь Божий покров силен.
Ты сможешь всегда дать сдачи,
Враг будет тобой побежден.
Гляжу на рассвет и вижу —
Назло всем извивам клевет,
Сквозь беды и тернии ближе,
Все ближе твой дивный расцвет!

* * *

Я иду по земле среди сказаний,
Мне слышны их слова старины.
У народа есть ключ от страданий —
Это русские сказки страны.
В них не только намек, но и разум,
В нашей жизни защита от бед.
Принимай и используй с запасом,
И с тобой все величье побед.
Но страна обольщаться все рада.
Сколь еще надо сказок прочесть,
Чтоб обман не принять за награду,
Чтобы вновь не терять свою честь?!

США вот в овечьем прикиде,
В миротворческой прячутся лжи,
Побуждая Европу — «Давите,
Не бросайте Россию душить!»
Вот и дроны стартуют вблизи,
И взрывчатку в очках завезли,
Потому что нет тыла — одна
Громыкает повсюду война.
Оттого, Русь, с врагом мировой
Заключай — когда «шкуру долой!»
Тогда сердце в любви сохранив,
Да и Господа не прогневив,
Ты друзей не предашь за посулы,
И легко победишь мрак и мреть,
И не дрогнешь под ядерным дулом,
И Победу всегда будешь петь!

* * *

Кто еще для нас может быть ближе,
Кто еще нас поднять может выше,
Да и просто в беде поддержать?
Может к детям всегда быть роднее,
Может к детям всегда быть добрее? —
Только нежная, милая мать.
Но есть Мать — кто превыше всех будет,
Чья судьба нам дороже всех судеб —
Это Мать всех земных матерей.
Она Родиной нами зовется.
При ее славном имени бьется
Наше сердце сильней и скорей.
Но как часто порою туманной,
Попадаясь легко на обманы,
Забывали мы помнить о ней.
И она в забытьи, в небреженьи
Шла обиженной, шла к пораженью
В черед серых будничных дней.
И, почуяв желанну добычу,
Хищной стаей, по первому кличу,
Устремились враги на Нее.
Но забыли — Россия у Бога.
Не видать им плохого итога.
Бог разгонит все то воронье.
Через тернии грянет Победа,
Воцарится эпоха расцвета, —
Бог Россию в том благословил.
Но всегда будем помнить и знать мы:
Нет страшнее, ну как вы ни ладьте,
Преступления против Любви!

* * *

Рассветом туманным так зыбка
Картина весны за окном.

Совсем по-апрельски тропинка
Не блещет ни снегом, ни льдом.
А март еще в самом начале,
Всегда в это время мороз.
Конечно, весна не печалит,
Печалит, что климат — вразнос.
А на сердце тяжкая дума —
Как там, под жестоким огнем,
Бойцам, вместо быстрого штурма
Топтаться в грязи под дождем.
Скорее бы лето и кончить
Салютом победным над злом!
Вот ранние птицы все звонче
Поют по утрам нам о том.
Вот почки раскрыться готовы
Под ласковым солнца лучом.
А к церкви все тянутся вдовы,
Детей осеняя крестом...
Весна, будь преддверьем Победы,
Пусть в прошлое канет война,
Пусть кончатся русские беды
И сказочной станет страна!

* * *

Рябь реки после сна ледяного,
Легкий ветер ласкает лицо.
То весны, возрождающей, новой,
Вновь серебряный звон бубенцов.
И дыханьем ее вновь пронизан,
Растворяю в себе я ее.
Вот и неба лазурная риза,
И скворец, ранним гостем, поет,
Хлопотливые пестрые утки
Из ручья — вперевалку на луг,
А березки так тонки и чутки,
Почек дымкой зеленой вокруг.
Но вот вдруг забежала проститься
Верхоглядка, шалунья — зима,
И покрыла все белым девица,
Своим снежным покровом она.
Но проказница все ж опоздала —
В том прощанье совсем нет нужды,
Не дадут ей надолго привала
Солнца луч, и тепло, и дожди.
Пусть снега, но стараньями марта
Вновь родит нам родная земля —
На проталинах и у асфальта
Нас росточки травы веселят.
Я гляжу на такое рожденье
И хочу, чтобы эта весна
Принесла и стране возрожденье,
Чтоб счастливою стала страна!

* * *

Кто-то скажет: «Ну с чем тут родство?»
Кто-то скажет: «Она мне постылая».
Я ж отвечу: «Мне Родина — милая,
Да, суровая — знать, от чего!»
Над землей ее множество гроз
Пронеслось и несется поныне.
Враг мечтал о российской кончине —
До сих пор не решен тот вопрос.
Но смолкают когда-то бои,
Они были порою кровавыми.
Зарастут и траншеи дубравами.
Спят погибшие дети твои.
Сколь еще будет, Господи, тризн
По сынам, защищая погибшим,
Еще даже порой не любившим,
Пав в бою, но оставив нам жизнь?!
Отбушует гроза над тобой,
Моя милая строгая Родина.
Никогда ты не будешь распродана
И не будешь вовеки рабой.
Небывалой мечтой расцветешь.
Высочайшей культуры страну,
За всеобщее благо стеною
Явишь миру ты светлую мощь.
И с тобою горжусь я родством
И в беде, и в трудах твоих праведных,
Во всех смыслах и ценностях правильных
И грядущим твоим торжеством!

* * *

Россия в весне долгожданной,
И пусть ненадежной, туманной,
Но все же приметной весне.
Зимой не блистала погода —
Не снег, а вода с гололедом.
И люди с тех пор в полусне.
Но нет в них досады и злобы,
Народ наш отзывчивый, добрый,
Он любит веселье и труд.
Все горести, муки, потери,
Что выпадут, знает он, верит —
Года, чай, в муку перетрут.
Не добренький он, не притворный,
А добрый, прямой, благотворный,
Могущий беду превозмочь.
В добре том и силе — защита
От лютых врагов и бандитов,
Что будут отброшены прочь.
Те свойства ковались в горниле,
Когда обстоятельства били,
Когда не дремали враги.

Разрушит он злобные планы,
Рассеет туманы-дурманы
Всем козням и злу вопреки.
Весна победит и для лета
Потоки лучистого света
Радушно откроет свои.
Россия от спячки проснется
И станет страной первородства
В Добре, Красоте и Любви!

* * *

Стремлению духа ничто не помеха —
Темнело повсюду, и вот уж светло.
И блеск откровения, словно кометой,
Явлением дивным и явной приметой
Победы грядущей над злом.

А время настало, для Света настало,
Для сил пробуждения — кличет нас Дух.
В России для нашей планеты начало,
И нужно, начало чтоб то не пропало
И в душах огонь не потух.

Поэтому люди должны устремиться
К Владыке всего и стоять, как гранит,
И в воле Его, как один, единиться,
И стать Беспредельности малой частицей —
И правду Господь утвердит!

* * *

Россию мою дорогую
Душою стремлюсь я обнять,
И сельскую, и городскую,
И вихри ее, и гладь,
Бескрайнюю вширь, и крепкую,
Духовную в ней благодать,
Имперскую и советскую
Ценю, уважаю стать.

Как выйду за город — в раздолье,—
В леса иль березок белынь,
Душа обнимает в приволье
России небесную синь.

За книгой сижу ль, монитором,
Труды совершая свои,
Отважно душа командором
Ведет за Россию бои.
И ныне, когда бесконечно
Течет вновь российская кровь,
На землю войны летят встречно

Молитва и слово сердечное —
Оружье мое и любовь.

* * *

И снова царит непогода,
Стихии бушуют во зле.
Какое сейчас время года?
Откуда такая невзгода? —
Вопросы звучат на Земле.

Ярится и мрак над Россией,
Стараясь ее — на клоки.
Но держитесь та пред стихией,
Без паники пред истерией
И темные гонит полки.

Вы спросите — в чем ее сила?
Быть может, секрет в волшебстве?
Не в этом победы мерило —
Державие русское жило
Иваном Стотысячным век.

И ныне победа куется
Под клич боевой: «Не замай!»,
Что голосом предков зовется —
В том духа потомков господство,
В том вечно победный наш край.

* * *

Я родился, когда отгремела война.
И с тех пор пронеслись уже многие годы.
Но поныне тех лет боевых ордена
Светят мне через все непогоды, невзгоды.
Как теперь вижу я, как солдаты идут
В запыленных, линялых своих гимнастерках,
Молчаливо идут, терпеливо несут
Груз смертей, но и жизни залог на закорках.
Много лет пронеслось, но я с ними в строю,
Вместе с ними иду и теперь я по жизни.
Век солдаты идут — и я с ними пою
Песнь тяжелых путей, песню славы Отчизны.

И сейчас, когда льется вновь русская кровь
На земле, где когда-то мы били фашистов,
Те солдаты незримо идут и сынов,
Как отцы, укрепляют бить еврацистов.

И на будущих пыльных дорогах туман
Миражей те солдаты рассеять помогут.

Те солдаты идут, и все длится война,
И бессмертный тот полк служит в Вечности Богу.

* * *

Я шагаю по вешнему полю.
Пробужденье природы — весна.
И хоть дышится легко и вволю,
Угнетает тревога одна.
Вспоминаю о стольких тут павших
В лихолетье Великой войны,
Отступавших, затем наступавших
Миллионах военных страны.

Миллионы — вы вдумайтесь только,
Миллионы сынов, дочерей! —
Пали жертвою Запада-волка,
Жертвой хищных нацистских зверей.
Это Запада ставленник — Гитлер,
Он воспитанник и инструмент,
Он нацизма их только лишь дилер,
Лишь ударный его элемент.

Миллионы на совести вашей,
Стая хищная волчьих лесов.
И сейчас, на заброшенной пашне,
Голос тысяч бессмертных полков
Нам звучит: «Не забудь день вчерашний,
Тот урок многолетний и страшный,
Никогда, никогда не забудь
И пойми навсегда волчью суть!»

Потому и тревога так гложет,
Что забывчивость наша негожа,
Когда бедствия звучен набат
И ярится фашистский вновь ад.

* * *

Я камень увидел в руках ветерана,
Великой войны моряка-капитана —
Мне было тогда двадцать пять.
— Да, есть ордена боевые, медали.
Но камень с Одессы, где кровь проливали,
Омыв ею каждую пядь!..

Как будто вчера, годы — птицы-мгновенья.
Но сердце в печали — завеса забвенья
Над душами многих людей.
Где вера? Где памяти жизненной камень?
Героев советских пылающий пламень?
Где светлая сила идей?

Не дожил боец-ветеран до кошмара,
Одесского страшного ада-пожара
В известный и памятный год.
На камне одесском там люди горели

За русскую память! В тупом беспределе
Нацистских наехавших орд*.

А ныне те орды в Донбасс и в Россию
Войною пошли, нам явив амнезию
Своей Памяти рода сполна.
И чтобы над злом была полной победа,
И чтобы оставили полностью беды,
Должна еще длиться война.

В нас есть еще вера, духовный есть пламень,
И памяти предков все ж крепок в нас камень,
И, значит, воспрянет страна!

* * *

Российские матери прошлой войны
Молились и ждали — вернулись б сыны!
Сидели в трудах, в чередѣ долгих дней
И ждали, когда уж совсем нет вестей,
В кино, фотографиях, книгах, стихах
Старались узнать о пропавших сынах.
Ведь матери сердце все молит святых,
Остались б сыночки родные в живых.

Вот годы промчались и нет уж страны,
Что, жизнь не жалея, спасали сыны.
Потомки спокойно, без боли и слез,
Глядят на следы от траншей средь берез.
Но враг не затем развалил нам страну,
Чтоб мы, позабыв ту беду, ту войну,
Спокойно бы тешили сердце свое,—
Он хочет присвоить богатство ее.

Поэтому в семье пришла к нам война,
И снова сынов призывает страна,
И матери снова ночами не спят,
На крае переднем — бушующий ад,
На занятых землях царит беспредел,
И с неба глядит вниз нацистский прицел.
Как будто бы не было прошлых побед
И тьма не держала пред миром ответ.
Наверное, костью ей в горле страна.
И длится поэтому эта война.

Я Бога молю: «Укрепи матерей!
Спаси, охраня сыновей от зверей!»

* Днем 2 мая 2014 года в Одессе в районе Греческой площади сторонники Евромайдана, бандеровские укронацисты, разрушили палаточный городок пророссийски настроенных противников майдана на Куликовом поле. Затем они подожгли Дом профсоюзов, в котором находились активисты Антимайдана. По официальным данным, трагедия унесла жизни 48 человек, еще около 250 человек пострадали. Фактически жертв было гораздо больше.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

**ХРУСТ НА ЗУБАХ
ДВА ЭПИГРАФА**

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова. Член Союза писателей СССР.*

1. Александр ПУШКИН:

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверька
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,

Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.
Октябрь — ноябрь 1833

2. Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОЛИТВА

Когда я придаю бумаге
черты твоей поспешной красоты,
я думаю не о рифмовке —
с ума бы не сойти!
Когда ты в шапочке бассейной
ко мне припустишь из воды,
молю не о души спасенье —
с ума бы не сойти!
А за оградой монастырской,
как спирт ударит нашатырный,
послегрозовые сады —
с ума бы не сойти!
Когда отчетливо и грубо
стрекозы посреди полей
стоят, как черные шурупы
стеклянных, замерших дверей,
такое растворится лето,
что только вымолвишь: «Прости,
за что мне, человеку, это!
С ума бы не сойти!»
Куда-то душу уносили —
забыли принести.
«Господь, — скажу, — или Россия,
назад не отпусти!»

СОНЕТ ПРО СМЕРТНЫЙ СТРАХ

Я, сам себе не мил,
Споткнулся – и упал...
И посох обломил...
И еле-еле встал.

Песчинки на зубах
Хрустят, увы и ах...
Улыбка на губах,
А в сердце — смертный страх.

Сжимаю прах в горсти...
Домой бы добрести!
С ума бы не сойти
Сейчас, в конце пути...

О, Господи, прости!
Беду предотврати...

* * *

Будь со мной,
Моя бабочка,
Будь со мной,
Моя деточка!
Будь со мной,
Моя ласточка,
Моя милая девочка...
Дай минуточку
Выдержки –
И взлетим мы вдвоем!
Как нежны
Твои крылышки
У меня под крылом!

ВОКРУГ

1.

Рвался я из грязи в князи...
Но опять, едва живые,
Рвутся дружеские связи
И любовно-деловые...
А вокруг — все та же грязь
И все тот же старый князь...

2.

...Жизнь – борьба со смертью:
Ангелы и черти
Ходят вслед за мной,
Манят в мир иной:

— Жизнь твоя — не та.
Посмотри: вокруг
Грязь и нищета...
Хватит, милый друг! —

Я ж не поддаюсь,
Плачу — но смеюсь...

* * *

Поэтесса в сапогах и в галифе
В полумраке возбужденного кафе
Покорила всех стихами подшофе...
И сказала: — Господа, врубите свет!
Я совсем не поэтесса! Я – поэт!

ВЕРА В ЧУДЕСА

Иисус Христос был космонавтом!
Прилетел – пожил и улетел...

Может, завтра, может, послезавтра
Он вернется, отдохнув от дел...
Чтобы мы, взглянув ему в глаза,
Воскресили веру в чудеса...

В СОЛНЕЧНОПОДЛУННОМ МИРЕ

Я всю жизнь играл на лире...
Наигрался... Ах, уже –
Сколько градусов в поллитре —
Столько градусов в душе!

На пути из Ада к Раю,
Напевая об одном, —
Как горнист, стою, играю
На бутылке – кверху дном...

А потом — на папироске,
Дым пуская к облакам...
На газетке, на расческе —
Приложив ее к губам...

И на гусях, и на лире –
Меж вакхамок и химер...
В солнечноподлунном мире,
Как Садко и как Гомер...

Виртуоз среди игроков,
Как маэстро Спиваков...
И – нисколько не шучу —
Поиграть еще хочу!

О, лоноликая Луна!
Не зря в меня ты влюблена...

* * *

Пахнет смертью книжный переплет...
И страницы, рассыпаясь в прах,
Сквозняком уносятся в полет,
Отпечатки – на моих руках...

Неспроста я вновь едва дышу –
Ах! – и книгу новую пишу...

ИЗ НОВОЙ КНИГИ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ СВЕТ

— Не надо зажигать огня!
Я счастлив там, где нет меня.
А здесь понятия не те,
И счастлив тот, кто в темноте.

* * *

О, счастливое мгновенье!
Вдох рождает вдохновенье...
Неизбежный выдох — Ох! —
Неспроста рождает вздох...

* * *

Дозревают незрелые мысли...
Поспевают неспешные чувства...
Звезд небесных не перечислить...
Быть земным Звездочетом — искусство.

* * *

Увы, в реальном мире, вот беда,
С тобой мы не встречались никогда...
Зато опять в пространстве виртуальном,
Встречаемся, как будто мы — в реальном...

* * *

— О, свет от свеч, от милых глаз...
Прямая речь любви на час...
Не надо злиться! Поэт, держись,
Пусть будет час — длиною в жизнь...

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

Воздух ночи...
Особенный очень...
В нем загадочность снов,
Ароматы цветов,
И прозрачная свежесть,
И неба безбрежность,
И молчанье больших городов,
Звезд далеких мерцанье,
Окутанных тайной,
Шелест листьев,
Парящих легко в тишине,
И сердец двух звучанье
Среди мирозданья,
И предчувствие света,
Знакомое мне...

СНЕГ

Однажды выпадет снег
На улице нашей,
И время замедлит бег,
И станет светлей и краше.

И первых снежинок полет
Красивым будет, неспешным,
И новый начнется отсчет
В январский день безмятежный.

И все заметет следы,
И прошлое станет далеким,
Но сердцу, в котором ты,
Не быть никогда одиноким...

Екатерина Рупасова
(г. Бийск Алтайского края)

Родилась в Бийске. Автор сборников стихотворений: «Птица первого снега» (Горно-Алтайск, 2012 г.), «Никому-никому» (Санкт-Петербург, 2018 г.) и «31 история отчаяния» (2022 г.). Лауреат литературных премий и конкурсов. Печатается в литжурналах и альманахах.

ЗА ПУСТЫМ СТОЛОМ

Вот так и умолкает торжество.
На скатерти в хмельных кровоподтеках,
Остывшие объедки на излом
Изогнуты. Еще не высох хохот

Бессовестный, на гулком хрустале,
Но отзвуки пронизывает горечь
Бесед, ушедших за полночь, гостей.
О них, как о покойниках... а впрочем,

Молчание уместнее о том,
Кто остается. Клонится понуро
Над человеком за пустым столом,
Сафлоровое небо абажура.

ПОБЕГ

В замочной скважине не утаишь секрет,
В кистях закованных не пронесешь свободу.
Походкой каторжной плетешь, не зная броду,
Косицу илистых следов под толщей бед.

И даже видится вдали косматый брег,
И с каждым шагом все податливей стремнина,
Да только горько сознавать, что суть былины
На самом деле — лишь бессовестный побег.

ЧАЕПИТИЕ

«— Ах, здравствуй, дорогуша! Сколько зим!
— Какая кипенная скатерть, Боже!
— Почто же мы как не свои стоим?
— Конечно буду. Сахару побольше».

— В нестройное жужжанье голосов,
Виниловые хрипы по спирали
Впиваются, вращаясь, с полуслов.
«— Хорошую погоду обещали.

— Я слышала, столовым серебром
Залечивают гнойные порезы.
— При случае прижми.— Я не о том...»
— По мере охлаждения интереса,

К румяным от вульгарности, речам,
В просторной нежно-кремовой гостинной
Все сумрачней и, будто невзначай,
Столкнув фарфоровое блюдо, чинно

Собрать осколков оскорбленный звон,
Как прежде вместе, но не воедино
И с горьким видом удалиться вон.
Пластинка вьется зло и торопливо.

РУБИНОВАЯ МЯКОТЬ

Всегда найдется тот, кому не жаль...
В бессчетный раз пролившись, плавит запад
Шестой сефиры жгучая поталь.

Ребенку остается только плакать,
Огрызок лега спелый обронив,
Но муравьи, терзающие мякоть

Рубиновую, в лиственной тени,
Насытившись тягучим этим криком,
Упустят неминуемо мотив.

Над горизонтом остывают блики.

СОННИК БЫТИЯ

Сны зимнего солнцестоянья:
Травы высокой параллели,
Дожди, наивное желанье

Вернуть былое. Надоели
Мечты и псевдо-перспективы.
Лжецов заманчивые трели

Прелестны и почти правдивы
В беспечности своей. Нет силы
Отреставрировать мотивы

Любимых песен. Дней могилы
С небытием ровняет время.
В реальности, плодящей спилы,

Взойдет ли будущего семя?

Анатолий Лебедев
(г. Екатеринбург)

Родился в г. Ржеве Тверской области. Окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького и Уральскую академию государственной службы. Член Российского союза писателей. Автор десяти поэтических книг. Лауреат Национальной литературной премии им. Сергея Есенина «Русь моя» (2017) и Международной поэтической премии «Образ» (2020).

УТЕШЕНИЕ

Утешение шепотом, шепотом.
Только тем, что осталось, без сил.
Только тем, что оправдано опытом.
Только тем, что Господь попросил.

Наклоня повинную голову.
Пусть я буду во всем виноват.
Мы-то знаем, что в мире не здорово
и злодеи отправятся в ад.

Я люблю тебя — тихая истина
при любых обстоятельствах дня,
потому что иное невыносимо.
И я знаю — ты любишь меня.

КОЛОКОЛ

Скромное небо, святая вода
и перекрестие цели.
На колокольне водились всегда
птицы, теперь улетели.

Снизу наверх поднимается стон
тех, кто просил у Николы.
Каждая просьба встает в перезвон,
словно в молитву глаголы.

Люди не могут ни пить и ни есть,
если преследует горе.
Каждый звонарь почитает за честь
вылечить город от хвори.

Заговорил колокольный язык,
бьется железом по меди.
Самый большой благовестник привык
петь о беде и победе.

Будет победа, но где и когда
Бог несомненно рассудит,
Скромное небо, святая вода.
Молятся добрые люди.

ВЕСНА ПОБЕДЫ

Бутылка пересошим горлышком
свистит сердито на ветру.
Стаканы отражают солнышко,
неравнодушное к стеклу.

Всех помянули полной мерою
и наступила тишина
за столиком у камня серого,
где похоронена война.

Война на фото смотрит молодо
на внуков и детей своих.
Фамилии на камне золотом
одни на мертвых и живых,

улыбки и черты похожие,
и отчества, и имена...
На поле чистое, пригожее
пришла весна.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Так похож на фотографии
дед, погибший в наступлении,
что, без ретуши и графики,
парень — чудо повторения.

Видно гены довоенные
от красивого матроса
наградили современного
парня чистой формой носа.

По годам они ровесники,
по характеру — упрямы,
веселей, спортивней сверстников,
беспокойство доброй мамы...

По проспекту широченному
шли с портретами родные.
В память подвигу священному
и герои, и живые.

Их притягивают нитями
слезы, судьбы непростые...
Здесь проходят победители —
поколения России.

СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Сирота у серых занавесок.
За окном до горизонта снег.
Замерзает вскопанный подлесок,
где с тобой простились мы навек...

Будет дом наполненный тобою
за бесценок продан шулерам.
Будет сдан отчаянно, без боя
материнский, неприступный храм.

Навсегда рука твоя разжалась,
полетели ниточки судеб.
Некому теперь давить на жалость.
Некому теперь давать на хлеб.

Ты была отзывчивой и сильной,
закаленной миром и войной,
и родным до темноты могильной
ты была опорой и стеной.

Кто поможет выросшим, но слабым,
не погибнуть в глупости слепой?
На Руси всегда сильнее бабы.
Мужики срываются в запой.

Вот оно и вышло — надорвалась
столько лет одной семью тащить...
Ты с портрета тихо улыбалась,
обещая каждого простить.

ЗАМЕРЗШАЯ ЛОДКА

Еловая, ловкая лодка
застыла устало и кротко
в корсете сибирского льда.
Ее не качают метели,
ей ветры студеные спели:
останешься здесь навсегда.

Она не плывет и не тонет,
всем корпусом сдавленно стонет,
наказанная без вины.
Замерзшее замкнуто поле,
где волны гуляли на воле.
Теперь ей терпеть до весны.

Ей надо еловые силы
хранить и в сугробе могилы
в укусах серебряных клипс.
Не хрустнуть хрусталиком грусти,
а знать, что природа отпустит
и снимет оковы и гипс.

ЕСЛИ БЫ КОШКА МОГЛА ГОВОРИТЬ

Если бы кошка могла говорить
утром туманным под дым сигареты,
воспоминания, встречи, приметы,
в бусы любви собирая на нить,

я бы узнал, как непросто одной
сжаться в комок, согревая квартиру,
перебеситься от страсти весной
и разродиться ненужными миру...

Мы помолчим. Тишина и туман.
Пьют выходные надежду из буден...
Кошка, не плачь, мы придумаем план.
План, по которому будем и будем.

Александр Мальцев
(Рамонский район Воронежской области)

БОЛИ ТОЙ НЕ ВЫМОЛВИТЬ

Наш постоянный автор.

* * *

Читаю России седые века;
Холмами читаю, дубравой,
Читаю с низин, где петляет река,
Где росны высокие травы.

Читаю Россию по ликам святых,
По спискам врагом убиенных,
По мукам читаю, по взлету мечты,
По строкам стихов вдохновенных.

Читаю Россию томленьем в груди,
По чести читаю, по братству,
Ее не простые читаю пути
На всем необъятном пространстве.

* * *

Стал я к стене спиной
Сам перед взводом тьмы.
Лучше уйти в запой,
Чем головой в кусты.

Стал я к стене спиной.
Надо зажечь свечу.
— Вечный,— шепчу,— покой,
Боже, прости,— шепчу.

Пальцы перстом ко лбу —
Стал я себе виной.
Крикну невесть кому:
— Господи, что со мной?

Господи, как же так —
Право пуль и ножей,
Право петли и драк
Воля Твоя уже?

* * *

Под крики становились
В ряд на краю обрыва,
А ветры веселились,
А облака все плыли.

Хотели напоследок
Кончину принять стоя.
Держал сосед соседа,
Не нарушая строя.

Сердцами были святы
В последние мгновенья.
Хранили честь солдаты
И своих душ веленье.

Хлестнули пули вражьи.
Они за гребнем скрылись.
Над местом, где лежали,
Птенцы летать учились.

* * *

Эй, памяти старая лошадь,
Поймаю — не дрогнет рука!
Пусть гибнуть выходят на площадь
Отжившие сроки века.

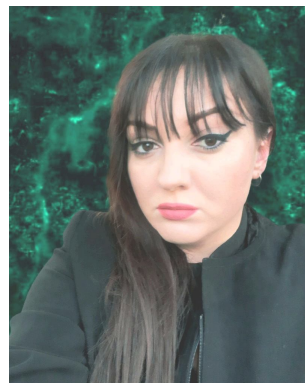
Из детства излом и провалы,
Изорванный в клочья бетон.
Тут долго земля пустовала,
Как не затихающий стон.

А мы уже стали большими,
И жизнь пронеслась мимо глаз
В насквозь пропыленной машине,
Во всю нажимая на газ.

Вот тут она ахнула — бомба,
И тут же оставила след;
В кустарнике клочья бетона,
Другого свидетеля нет.

Анфиса Третьякова
(г. Симферополь)

Анфиса Сергеевна Третьякова родилась в Симферополе. Студентка Института филологии КФУ им. В. И. Вернадского. Публиковалась в литературных журналах. Это ее первая публикация в «Приокских зорях».

БОГ ДАЛ НАМ ВРЕМЯ

Бог дал нам время, и с тех пор,
Как день становится вчерашним,
Рука, создавшая топор,
Века возделывает пашни.

Седой старик на небесах
От глаз людских надежно спрятан.
Сверкает божия роса
Слезой на пугале распятом.

Крестом ворон и воробьев
Пугать. А Бог во гневе страшен.
Он градом, как камнями, бьет
По выгнувшимся спинам пашен.

Пасись, смиренная овца.
Пусть это странно и нелепо,
Мужик попросит у Отца
Всевышнего дождя для хлеба.

На хорды пашен упадет
С небес прозрачная прохлада.
Блажен, кто воду с жаждой ждет,
И тот, кому дождя не надо.

НА СМЕНУ ДНЮ ЗАСТУПИТ НОЧЬ

Рассвет проснется, дуралей,
Сорвет тумана покрывало,
И обнажит тела полей,
Чтоб солнце их поцеловало.

Господь так будет поражен,
Как мир прекрасно им украшен,
Что скажет: «Это хорошо».
Но красота рождает кражи...

На смену дню заступит ночь,
Закат закроет веки Богу,
И месяц высветит одно —
Вдаль уходящую дорогу.

ТВОИ ПЕРЕЛЕТНЫЕ РУКИ

Твои перелетные руки
За шею других обнимали.
Как больно, поймешь ты едва ли,
Как тяжело мне было в разлуке.
Взлетает последняя стая,
Лишь ворон сидит одиноко,
И листьев страницы сметает
Дыханием ветра дорога.

НАШ ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Наш первый поцелуй тебе не повторить,
Хотя для виду было их, быть может, три.
Потом прошло три года, но вдоль упругих вен
Моих, твоих и наших еще течет глинтвейн.
Что хочешь говори, кому угодно ври —
Я знаю, как болит Вселенная внутри.
Зависимость, абьюз — вот так сошелся пазл.
Я то в тебе люблю, чего не видит глаз.
Ты будешь вспоминать сегодня до утра
Касанье голых душ, двух равно рваных ран.
Ты все еще следишь, о чем мои стихи,
И хочешь повторить слияние стихий.
Но этот поцелуй не сможешь повторить,
Пока еще болит Вселенная внутри.
Любой из тех поймет, кто раньше видел нас,
Что ты еще не все, а я, как видно, пас.
Покуда разводи святую простоту.
Когда еще к тебе я пьяная приду?
Люби мозги сестре, впивайся в «Хванчкару»
И губы береги, целуясь на ветру.

ТРИЛЛЕР

Я не знаю, милый, чем тебе помочь.
На тебе навечно черное клеймо.
Хоть меняй ты лица, хоть меняй тела —
Не судьба отмыться, милый, добела.

Амплуа такое у тебя, родной.
Будешь только жестко ты играть со мной,
Сам себе не верить и не верить мне,
Будешь по колено, по уши в дерьме.

Ты желал увидеть пострашней сюжет?
Для тебя я триллер создала уже.
Под тебя писала этот сериал,
Чтобы в главной роли ты со мной играл.

Я снимаю фильмы только про любовь,
Но как я снимаю — снимет не любой.
Я пишу про жиЗу, про бабло и кровь,
И всегда довольна лишь своей игрой.

Как тебе синопсис? Оценил финал?
То, что он открытый — не твоя вина.
Если ты захочешь поиграть еще,
Значит, снимем сиквел. Знаю, дернет черт.

Я пишу сценарий. Я — твой режиссер.
Мы с тобой отсняли далеко не все.
Нет пока бюджета. Можешь дать займы?
Никуда не деться от такой зимы...

МАЗУТ В ЧЕРНОМ МОРЕ

Раздвигает Бог с утра облака
И на Землю смотрит он свысока:
Что сорока принесла на хвосте?
Нефть течет уже из всех новостей!

Кто приказывал использовать хлам,
Развалившийся в воде пополам,
Тот, кому давно готова статья, —
Он найдет и мальчика для битья.
Лишь бы дело было возбуждено,
Ну а нефть пусть уберет водяной.
А не верящий давно в чудеса
Человек — он разгребается сам!

Нам, привыкшим копошиться в овне,
Выпал шанс помочь любимой стране.
Бог дает нам позабыть про войну
Сотней птиц, уже ушедших ко дну.
Тот, кто чувствовать и думать отвык,
Понимает, что дельфины мертвы,
Что токсичные отходы на дне
Разлагаться будут тысячи дней.

Пострадавших птиц в коробках везут.
Бог скупую льет мужскую слезу.

Он дает нам в Новый год не грустить:
Нефть лопатой, как мечтали, грести.
А про плот споем нам Юрий Лоза.
Бог на беды закрывает глаза,
Так как знает: никогда и нигде
Не бывает равнодушных людей!

Соберут мазут в мешки, ну и что?
Все насмарку — если близится шторм.
Одеялом нефть укроет песок —
И продолжит жизнь крутить колесо.
Задыхаясь от токсичных частиц,
Волонтер, отмывший множество птиц,
Будет Богу благодарности слать,
Веря в то, что их молитва спасла!

ПУШКИНУ

Жил-был поэт. Один из сотни многих.
Он ел и пил, как и любой из нас.
Погиб поэт. И кланяется в ноги
Ему страна. Моя страна.

Он «наше все». Он избран был народом,
Историей, — во тьме веков сиять.
В Европу Петр — окно, а он — ворота.
Так мыслю я. Не только я.

Нет, он не мертв! Он памятником замер
И время для себя остановил,
И показал своими мне глазами
Диван в крови, в его крови.

Диван — что гроб, где он смежил ресницы
В глубоком сне, в последнем сне.
Он стал ценней Туринской плащаницы
Не только мне.

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ РАССТРЕЛЬНЫЙ РОВ

Явилась мне как-то еврейка во сне:
Хотела, чтоб я разузнала о ней.
Она, видно, чудом осталась в живых,
Но немцы детей не щадили, увы.
Два маленьких трупа она обняла,
Взбираясь из ямы по мертвым телам.
В село, за спасеньем брела по тропе,
Пока на рассвете петух не пропел.
Возможно ли вынести это? Уму
Никак, хоть убей, не понять моему.

Когда приближаюсь к расстрельному рву,
Всегда от обиды и боли реву.
Мне кажется, вижу сейчас наяву,

Как руки кровавые трут о траву
Фашисты, захватчики крымской земли,
И замертво падает солнце вдали.
Как быстро телами наполнился ров,
Как вывернул выстрел ребенка нутро...
Вы изверги, нелюди, звери! Вы где
Учились других ненавидеть людей?

Ответьте, нацисты, вам было легко
Евреев, цыган убивать, крымчаков,
А с ними и пленных советских солдат?
Мы этого вам не простим никогда!
Скажите же, чьи здесь погибли отцы?
Будь проклят во веки веков геноцид!
За дьявольский этот садистский расстрел
Гореть вам, иуды, в геенны костре!

Но память народа о мертвых жива —
Мы вновь собрались у расстрельного рва.
По кочкам идем, по событиям диким,
Чтоб брызнули кровью живые гвоздики.

16 СТРОК

Что я могу вместить в шестнадцать строк?
Бутылку пива, плавленый сырок,
Свист ветра, пуль и пыль ночных дорог,
Арест, статью, СИЗО, условный срок,

Из фильма саундтрек — тяжелый рок,
Собаку, мирно спящую у ног,
Врагов моих прогнившее нутро,
Потерянный жетончик на метро.

Певца Петлюру с песней про УГРО,
Давно в стволе заждавшийся патрон,
В затор попавший где-то в венах тромб,
Вонючее помойное ведро.

Прекрасный сон, гаданье на таро,
Невкусный обезжиренный творог,
«Металлика», «Би-2», роман «Игрок» —
Вместилось все в мои шестнадцать строк.

Игорь Игнатъев
(г. Воронеж)

Игорь Сергеевич Игнатъев родился в городе Строитель Белгородской области. Окончил Курский государственный медицинский университет. Работает врачом. Литературным творчеством начал заниматься недавно.

* * *

Зима приходила ночью
В распахнутые настежь двери,
Зима обнимала за плечи
И становилось теплее...

Он ждал ее каждый вечер,
Он жадно вдыхал ее холод,
Любовью при каждой встрече
Знобило, хоть был он не молод.

За ребрами застывали
Удары их мышцы сердечной.
Вдвоем в истоме шептали,
Что льды Антарктиды навечно...

И вьюга глотала стоны
И шепот во мраке ночи,
Баюкала полусонных
Под лязганье труб водосточных.

Закутавшись в одеяло,
Мурашки считали на коже.
Им ночи было так мало
И жизни всей, в принципе, тоже...

ЖАТВА

Не повторить теперь и впредь
Таким же лето жарким.
Увядшим чувствам, видно, смерть
Пришла во время жатвы.

Как будто пыльный тюль гардин
Угрюмый, желто-блеклый,
Поля стоят один в один
Под августовским пеклом.

Иссохший одинаков цвет,
Ушло очарованье.
Все стебли словно по канве
Свели до оснований.

И колос ропщет, что устал,
Вскормив немало зерен.
Бледнеют тонкие уста
Прощальным разговором.

Все сказано само собой,
Мы точно не из первых,
Под корневища кто косьбой
Все оголяет нервы.

Слова верны, как взмах серпа
В руках вспотевшей жницы,
И зной любви, наверняка,
Нам будет только сниться.

И запах в колющей стерне,
Упругий, пресноватый,
Расскажет — лета больше нет,
Коль мы с тобой пожаты.

ПАРАСТАС

В пережитках ночи
Догорали свечи,
Сын Господень, впрочем,
Тоже был не вечен...

Смерть сполна спросила
В ком сильнее вера —
Роют всем могилы
Одного размера...

Отпевали миром,
Голосили: «Отче!»
Души запах смиренны
Перекособочил...

Заклепали правду
Новостною ложью,
Чтобы с канонадой
Спали рабы божьи.

Детство обманули—
Обещали счастье...
Но шальные пули
Вскрыли души настезь.

Во дворах качели
В сечках минометных
Ржавые скрипели...
Пусто, страшно, мертво...

В сердце скорбь и злобу
Возводили в степень,
Терли думы по лбу,
Выслушав тьму сплетен:

— Что первостепенно?
— Миром правят войны?
— Стон военнопленных
Громче смеха вольных?

— Что же завтра будет?
А в ответ ни слова...
— Дрожь кровавых буден?
— Рождество Христово?

Нес вопросом ветер,
Жался к мерзлыми стенам.
Вой сирен ответил —
Что первостепенно...

Солнышко всходило
Ранним алым утром,
Лязгало кадило
Грустно, грустно, грустно...

ОБХОДЧИК

Обходчик бредет по шпалам,
Обходчик бредет день и ночь,
Как будто бы что-то пропало,
Как будто б родная дочь.

Лежат по бокам монолитно
Холодные рельсы пути,
Над ним облака и молитвы —
От них никуда не уйти.

Меж станциями, городами
Отмеряны точно шаги,
Растет постепенно с годами
Число лишь крестов и могил...

И стук его слышен за версты,
Фонарь его виден вдали,
Он весь беззастенчиво черствый,
И запах — сплошной нафталин.

По телу морщинами рытвин,
И дух за года обветшал,
Как темная тьма неприкрыта,
Так жалкого, в общем, не жаль.

И рельсы становятся уже,
Зовут бесконечно вперед,
Туда, где, возможно, он нужен...
Давно в никуда он бредет...

День каждый по той же дороге,
День каждый туда и назад...
Усталостью налиты ноги,
И налиты болью глаза.

Туман обнимал перламутром,
И мир на прощанье утих...
Его отыскивали наутро
Под насыпью возле пути.

С улыбкой простой и наивной,
Как в детстве далеком точь в точь,
Он рельсы навеки покинул
И верно нашел свою дочь...

Наталья Романова
(г. Москва)

Наталья Сергеевна Романова публиковалась во многих литературных изданиях, дипломант премий и конкурсов.

МОНМАРТР

Монмартр. Последний поцелуй.
Вскользь по щеке, как солнца лучик,
И так же странны и зыбучи
Фонтана нити нежных струй.
Графичность лестницы, печальный
Мышинный в трещинах бетон—
Как много правды помнит он —
И бережно хранит в молчаньи.
И лишь свидетели небес —
Интеллигент с мудреной книжкой
И тот смеющийся мальчишка
С коробкою наперевес.
И все забудется как сон —
Огромный город, солнце, люди,
И только сердце помнить будет:
Весна. Монмартр. Она и он.

РУСАЛКА

Где луна черепаховым гребнем
Чешет пряди душистой травы,
Есть валун одинокий и древний
Среди звезд и ночной синевы.
Там русалка с чарующим взором,
В робком свете горя чешуей,
Кружевные рисует узоры,
Водит пальцем над влажной землей.
И плоды наливаются соком,
Небывалый в полях хлебород,
Потому что на камне высоком
Дева юная песню поет.
На рассвете лишь белое платье,
Пузырясь, устремится в поток.

И всплывет на чернеющей глади
Позабывтый цветочный веноч.

СКАТЕРТЬ ПЫШНО РАССТИЛАЕТ...

Скатерть пышно расстилает
Синеокая зима.
Вся деревня затихает,
Сонно щурятся дома.

Тонкой струйкой прямо в небо
Печки-матушки дымят,
Крыши мягким теплым пледом
Укрывает снегопад.

Чу! Не скрипнет ли знакомый
Каблучок в вечерней мгле?
Сердце в сладостной истоме
Бьется птицею во мне.

Стукнет вороной копытом,
Я гляжу, сморгнуть боюсь,
Как тоскует о забытом
Покосившаяся Русь.

* * *

Я женщина, я мать, я белый хлеб.
Я крынка молока с тягучей пенкой.
Я тот изгиб на линии судеб,
Что или в рай, или к расстрельной стенке.

Податлива, мягка и весела,
Я оберег, душа, хранительница дома.
Я испокон веков такой была,
И мне иная вера не знакома.

Но не посмей творить кровавых бед
Иль вторгнуться в покои бестолково —
Весь гнев богов обрушится в ответ
В защиту чести и родного крова.

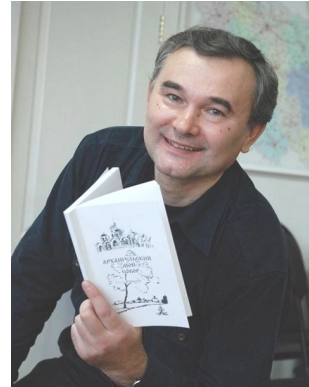
И пусть твоя обида горяча —
Охолопись, умерь свой нрав спесивый.
Я не боюсь ни слова, ни меча.
За мной мой род, за мной моя Россия.

80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ В СТИХАХ НАШИХ АВТОРОВ

Валерий Сухов
(г. Пенза)

НЕТ ВЫШЕ ОБЕЛИСКА
Стихи о Великой Отечественной войне

Наш постоянный автор, редактор отдела поэзии журнала «Сура».

«КРУПКА»

Нет! Не рассказывал дед о войне.
Горе до спазма — горше вдвойне.

Сердце изранили грани осколка.
«Сталин за нами!» Спасала махорка.

Крепкая «Крупка» ядрено горька.
С самокруткой застыла рука...

МАХОРКА

Взвалилась на закорки
Разлучница-война...
Махорка с дымом горьким —
Солдатская жена.

Пусть тяжело жить на свете
В окопах под огнем.
В подаренном кисете
Махра всегда при нем.

Солдат сигарку склеит
Шершавым языком.
Ядреная согреет
Таким родным дымком.

И чтоб забыл печали,
Вся вспыхнув — не горюй —

Оставит на прощанье
Горячий поцелуй.

САПОГИ

А он мечтал людей лечить —
В очках интеллигент.
Надел впервые кирзачи,
Солдатом став, студент.

До крови сразу ноги сбил —
К портянкам не привык.
Но сапоги он полюбил.
Без них бойцам — кирдык.

В окопах — по колено грязь,
Ну как тут без сапог.
В землянке спал, успев их снять,
Своих не чуя ног...

Пусть две культы в бинтах тугих
Фантомной болью жгут!
В строю остались сапоги.
И в бой — они пойдут!

СОЛДАТСКИЕ ШИНЕЛИ

Бери шинель, пошли домой!
Б. Окуджава

Колючие шинели
Из грубого сукна
Простым покроем
Грели.
Их модельер —
Война.

На вид пусть
Неказисты,
Солдаты — не соврут,
Шинели
В поле чистом
От холода
Спасут.

Пройдя войны
Обкатку,
Боец
Стирает пот,
Но в переходе
Скатку
В зной
На себе
Несет.

Одежкой солдатской
Сурово дорожит...
Лежит
В могиле братской —
Шинелкою
Накрыт.

ПИЛОТКА

Есть на войне — святое,
Чтоб душу сохранить,
«Землю» после боя —
В земле похоронить.

И лег в могилу воин
Навечно — в двадцать лет.
В степи — травы раздолье.
Деревьев рядом нет.

И другу-одногодку
Поставить лишь смогли
Солдатскую пилотку
На холмике земли.

Гром артонала близко.
И снова — в «вечный бой»!..
Нет вышеobelиска
С солдатскою звездой.

ФРОНТОВЫЕ

Лейтенант налил сам.
Пили и обжигались
О свинцовых сто грамм
Тех, кто в поле остались.

Хоронить тех бойцов
Доверяли метели.
Всех запомнить в лицо
Даже и не успели.

Потому взводный сам
Долг исполнил свой тяжкий.
Фронтовые сто грамм
Добавлял он из фляжки.

Надо всех помянуть,
На морозе согреться.
С высоты скovyрнуть
Ненавистного немца!

Антонина Максютенко
(г. Тула)

ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Первая публикация в журнале «Приокские зори».

Восьмидесятилетний юбилей
Победы над фашизмом наступает,
Кто выжил, те состарились теперь,
Но кто ж о той весне не вспоминает?
Была она, священная война.
Боролись за Отчизну, за свободу.
Война была народу не нужна,
Фашистами навязана народу.
И дружно поднялись мы на борьбу,
И, как могли, Победу приближали.
Сражались и на фронте, и в тылу.
Промышленность для фронта возрождали.
Ковала Тула ружья день и ночь.
И люди спали рядом со станками.
Все для того, чтоб враг убрался прочь,
И верили: Победа будет с нами.
И вот настал победный майский день!
Как радовались все, как ликовали!
И расцвела под окнами сирень,
Салюты ярко небо озаряли.

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск Тюменской области)

80 ЛЕТ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Наш постоянный автор.

ФРОНТОВИКИ

Они всегда шагали напролом,
В еде так и остались негурманы,
Предпочитая рюмку за столом
Советские, граненые стаканы.

Не потеряв солдатского лица,
Прошли с боями рубежи и страны.
И дружбой дорожили до конца,
И верили на слово ветераны.

С открытою душой к чужой беде,
Земная соль и лучшее в народе...
Вся жизнь прошла в заботах и труде,
В тяжелом, нескончаемом походе.

Измерить их — таких не сыщешь мер,
Что двадцать первый век еще не скомкал.
Для нас — неподражаемый пример.
И как не говорить о них потомкам.

ГЕРОИ

На праздник дома вновь не усидели,
Гражданский долг сумел их обязать.
Идут еще, но, правда, еле-еле,
А мне нельзя о павших не сказать.

И дяде благодарен я, и деду,
И Бог простил, им отпустив грехи:
Они отдали жизни за победу,
Чтоб я на русском смог писать стихи!

МОЙ ДЯДЯ ТОЛЯ

Воспоминанья-поезда
Помогут в детство возвратиться...
Мне посчастливилось тогда
Его племянником родиться,

Когда еще не хлынул вал
Перепродаж и перекроев,
И я по дяде узнавал
Непритязательность героев.

Его вниманием храним,
Мировоззреньем гражданина,
Не зря я детством связан с ним,
Где стал ему заместо сына.

Он меру чувствовал всему
И за любое дело брался...
И равных не было ему,
А то без чада «разгорался»,

Ища спасение в вине,
Ведь постоянно не забыты
Те дни и ночи на войне,
Окопы, кровь, тела убитых...

И напряжение снимал
Мой незабвенный дядя Толя.
А я, увы, не понимал
В его душе солдатской боли.

Вожди сменялись. И не раз.
Он представляется мне все же,
Но не таким, как я сейчас,
Уже значительно моложе.

И будет в сердце у меня,
Пока оно еще клокочет,
Воспоминания храня.
И пусть живет в нем, сколько хочет!

* * *

В разведке — всю войну, и уцелел,
Ниспослана мне Божеская милость.
Я верой в коммунизм переболел,
А нынче что-то с памятью случилось.

Не помню я добытых языков,
Казалось, что отмучился войною,
Но в сумраке каморки из углов
Глядят глаза врагов, убитых мною.

Теперь на суд я сам себя обрек
И сердце от обиды колко сжалось:
Во взглядах их не боль и не упрек,
А только обижающая жалость.

ДЕД АЛЕКСЕЙ

Во мне он — метою из мет,
Я — слово им запетой песни!
Так получается, что дед —
Не одногодок, а ровесник.

Не слыл в селе говоруном,
И огород любил, и поле,
Не зря прозвали «агроном»,
Жил независимым в неволе.

Не убежишь от мыслей ос,
Какими б не были шальными:
Вот если б он вступил в колхоз,
Хотя бы вместе с остальными.

Всегда так, если да кабы,
Когда давно прошли те годы.
А дом его в деревне был
Последним островом свободы

И костью в горле у властей,
А потому не поглядели
Ни на лета, ни на детей,
Исполнив то, чего хотели.

И небывалому бывать!
Ох, не до жиру, быть бы живу!
Его послали воевать,
Не подлежащего призыву.

Не из дворца, не из хором,
А где всегда нужда в заботах!
Мой дед уже в сорок втором
Погиб в калининских болотах.

Сквозь суетошный будний бег
Я слышу, видно от пророка:
Алексий — Божий человек!
И Бог забрал его до срока.

НЮРА ИЗ АВТОБАТА

Из людей мы особый помол!
Не страшны нам любые невзгоды:
Нас такими ковал комсомол,
Закаляли тридцатые годы.

Неспроста мы рвались воевать,
Только долгом гражданским ведомы,
Не спросив ни отца и не мать,
Я тогда укатила из дома.

Фронт открылся во всей некресе,
Там и тлен, и бессмертие — рядом...
Я шофером была на ЗИСе,
Подвозила для пушек снаряды.

И такое забыть мне не смочь:
Вдруг заглохнет мотор без причины,
Но, отнюдь, не спешили помочь,
Проезжая, коллеги-мужчины.

Острым взглядом, ханжа, не язви,
И сейчас не скажу без опаски:
Соглашались они без любви
Пособить лишь за женские ласки.

На груди — полный иконостас,
Все военное прошлое — свято!
Вспоминаю, и будто сейчас...
Нет, война не для женщин, ребята!

ВОСПОМИНАНЬЕ

Бегут года и я давно не молод,
А все не забываю о войне.
И странно, вспоминается не голод,
Не стынь тех лет со мной наедине,

Ни как ходить в атаки доводилось.
Теперь, когда обелены виски
И боль утрат военных притупилась,
Запали в душу только марш-броски.

В них места для привалов не осталось,
Одна дорога, бесконечный путь...
И, просыпаясь, чувствую усталость,
Мне до сих пор никак не отдохнуть.

НАГРАДА

Пусть фронтовые будни-были
Смешались все в один комок,
Но как впервые наградили,
Забыть уже никто не мог.

Все получилось без шаблона,
И не подводит память-трал:
Солдат второго эшелона
Проверил бравый генерал.

И встали мы, как для парада,
А голос будто бы поет:
Те, кто с раненьем без награды,
Из строя два шага вперед!

Не тратя время и бумагу,
Но дань солдатам отдана:
Для всех — медали «За отвагу»!
Кто дважды ранен — ордена!

И выжив, как заговоренный,
Военным прошлым дорожу.
Хоть много раз я награжденный,
Но с тою «звездочкой» хожу.

МЕСТЬ

Народ — у кургана,
Топориком уши.
Быль деда Ивана
Ложится всем в души:

Хотя был я кроха
И фронт мне: куда там!
Стрелял же неплохо
По вражьи́м солдатам!

Финал у отгадки —
Сюжет не для книжки:
По пленным, с рогатки
И с ВОХРовской вышки.

По самым постылым
Не на смерть, так раню!
По-своему мстил им
Тогда за папаню.

ГОРЕЧЬ

Старит жизнь с постоянством,
Но еще я тружусь.
Не кичусь ветеранством,
А прошедшим горжусь.

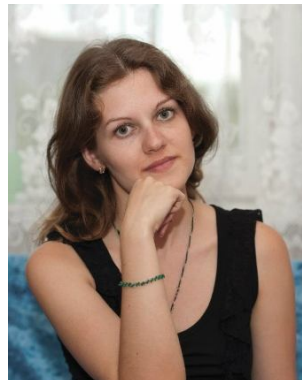
В страшной той круговерти
Через пламя и дым
Доходил я до смерти
И остался живым.

Но тужу, что не сгинул
И прошел сквозь бои,
Ведь сейчас бьют мне в спину
Эти, как бы свои.

Юлия Широкая
(г. Тула)

**Посвящается 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне.
В данной подборке особое внимание уделено
героической обороне Тулы и Тульской области.
А также самым беззащитным жертвам войны —
невинным детям.**

* * *

Победе восемьдесят лет.
И праздника заветный свет
Горит в сердцах. И на глазах
Слеза.

Война оставила свой след.
Фашизма черный силуэт
Скользит в веках, и у границ
Гроза.

Итак, как много лет назад,
Призвали снова мы солдат
Мир защитить и отогнать
Врага.

По площади пройдет Парад.
Защитники все встанут в ряд.
Над ними — щит. Тверда у них
Рука.

И будет праздничный салют.
Победы песни запоют.
Куранты на Кремле пробьют
Свой счет.

И неизменный наш маршрут
Ведет к Победе! Ее ждут.
И подвиг предков нас зовет
Вперед!

* * *

Снова будет салют
На 9 мая.
В честь Победы в войне
Залпы те прогремят.
Целых десять минут
Небеса озаряя,

В городах по стране
Будет ярким закат.

Не в простых городах,
А с названием «Герои».*
Отстояли они
Нашу Родину-мать!
В тех далеких краях,
Не прорвав оборону,
Стали наши враги
От границ отступать.

Тула — «Город-герой»!
И велик его подвиг.
Мы не дали к Москве
Подойти ни на шаг!
И жестоким был бой,
И мгновенным был отклик
На вторжение извне.
И разгромлен был враг!

На заводах стране
Мы — оружие ковали.
Для победы в войне
Не жалели мы сил!
И на той стороне
Мы с врагом воевали,
Чтоб в пришедшей весне
Мир скорей наступил!

И сейчас не дадим
Мы врагу подступиться!
Кто с мечом — того бьют,—
Всем понять бы пора.
Снова мы победим!
И пусть мир возродится!
Растворится салют
В громких криках: «Ура!».

* * *

*Посвящается героическому освобождению
г. Белева и Тульской области
от немецко-фашистских захватчиков*

Славный старинный наш город Белев,
Сколько в тебе было страшных боев!

* Город-герой — высшая степень отличия, которой удостоены города, прославившиеся своей героической обороной во время Великой Отечественной войны. Их двенадцать — Ленинград (с 1991 года — Санкт-Петербург), Одесса, Севастополь, Волгоград (до 1961 года — Сталинград), Киев, Москва, Керчь, Новороссийск, Минск, Тула, Мурманск, Смоленск. И одна «Крепость-герой» — Брестская крепость (г. Брест, Республика Беларусь).

С 9 мая 2006 года салюты также стали проводиться в городах воинской славы. Салюты также дают в городах воинской доблести и в городах трудовой доблести.

Немцы пытались тебя захватить,
Чтобы к столице дорогу открыть.

Был оккупирован ты месяца,
Не потерял своего ты лица!
И партизаны боролись с врагом,
Силы его подрывая тайком.

Враг был коварен, жесток и умел.
Крепко в Белеве тогда он засел!
Выбрал себе подходящий он тыл,
Занял все здания и монастырь.

Жителей мирных карал и губил,
Мучил, расстреливал, жег и душил!
В рабство немецкое их отправлял.
Подло гранаты в подвалы бросал!

Чтобы ушел враг из наших краев,
Ловкий бойцы совершили маневр!
Стали врага как в кольцо окружать
И из Белева его вытеснять!

Освобожден наконец был Белев!*

Снял с себя тяжесть фашистских оков.
Сколько бойцов полегло тогда здесь!
В братских могилах** их просто не счесть!..

И в честь погибших во время войны
Вечный огонь ветераны зажгли***.
Слава Героям всем, павшим в боях!
Пусть зла не будет в родимых краях!

* * *

*Посвящается невинным детям,
жертвам нацистских концлагерей*****

Как жаль мне маленьких детей,
В войну которых убивали.

* Оккупация г. Белева и большей части территории Тульской области продолжалась с 10 октября 1941 года по 31 декабря 1941 года. 31 декабря 1941 года г. Белев и Тульская область были освобождены Советской армией от немецко-фашистских захватчиков. Окончательно г. Белев и территория Тульской области были освобождены в июле 1943 года. 4 декабря 2015 года г. Белеву присвоено почетное звание «Город воинской доблести».

** По данным источников, в г. Белеве насчитывается 43 братские могилы, что считается самым большим количеством братских могил на территории Тульской области.

*** Торжественная церемония зажжения Вечного огня на мемориале в честь погибших в годы Великой Отечественной войны состоялась в г. Белеве 7 мая 2014 года.

**** Самый известный из таких концлагерей — Саласпилс, который находился в Латвии. В нем было убито 7000 детей, привезенных из СССР и стран Европы. Советских детишек в основном привозили из белорусской деревни Красный Берег Гомельской области. Детей использовали в качестве доноров для немецких солдат, забирали всю кровь, у некоторых брали по несколько раз. Над детьми издевались, проводили опыты. В этих нечеловеческих условиях находились груднички, малыши, и дети более старшего возраста. Не зря надпись на воротах концлагеря гласит: «За этими воротами стонет земля». Саласпилс был освобожден Советской армией в апреле 1945 года.

Кровь литрами у них качали,
Всю выжимали до костей!

Конечно, их не берегли,
И корки хлеба лишь кидали.
От голода они страдали
И выживали, как могли...

Кто выжил, страшно и сказать,
Как зверства эти вспоминали,
Как мучились, и как дрожали,
Когда их шли уничтожать!

Эх, вы, нацистские врачи...
Сто тысяч раз вас проклинаяю!
Нарушили вы клятву, знаю,
Невинных жизней палачи!

Кровь брали для своих солдат,
Эксперименты проводили.
Не знаю, как вы только жили,
Когда так мучили ребят!..

Да что о вас и говорить! —
Нацизм, фашизм затмил весь разум.
Какая страшная зараза,—
Дай Бог ее искоренить!

Давайте не допустим вновь
Жестокость страшную на свете!
Пусть будут счастливы все дети!
Не отдадим родную кровь!

* * *

*Памяти Кати Сусаниной**
и всех замученных фашистами
детей

Милая девочка, Катя Сусанина,
Что же тебе довелось пережить...
Пишешь в письме о недетских страданиях.
Строки письма мне теперь не забыть.

* Катя Сусанина родилась в Витебской области. Витебская область была оккупирована во время войны. Девочка попала в рабство к немецкому барону Шарлену. Узнав, что хозяева возвращаются к себе и берут ее с собой вместе «с большой партией невольников и невольниц с Витебщины», Катя не захотела ехать «в эту трижды всеми проклятую Германию»! Она «решила лучше умереть на родимой стороншке, чем быть втопанной в проклятую немецкую землю». Надеялась, что только смерть спасет ее от жестокого битья. Катя Сусанина покончила жизнь самоубийством в день своего пятнадцатилетия 12 марта 1943 года. Ее сердце верило: «письмо дойдет». Письмо Кати было опубликовано в «Комсомольской правде» 27 мая 1944 года. Письмо можно найти на просторах интернета. В белорусской деревне Красный Берег в Гомельской области установлен мемориал белорусского архитектора Леонида Левина, посвященный детям, погибшим во время войны. Письмо Кати Сусаниной выбито на школьной доске, одном из элементов мемориала.

В рабстве живешь у барона немецкого,
Делишь со свиньями злыми обед.
Годы загублены юные детские.
Папе в письме посылаешь привет.

Просишь его отомстить ты захватчикам,
Тем кровопийцам, что отняли жизнь
Мамы твоей. Тебя бьют. Горько плачешь ты.
Хочется крикнуть: «Катюша, держись!».

Только держаться нет больше силенушек,
В землю чужую не хочешь идти.
Здесь ты умрешь, на родимой сторонushке.
Прячешь письмо, его просишь найти.

Сколько Катюш и Ванюш попрощаются.
Будут загублены зверски подчас.
Только с небес они нам улыбаются.
Мы отомстили, родные, за вас!

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ПРОЙДЕМ ПО КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ С ПОБЕДОЙ

Наш постоянный автор. Член Российского союза ветеранов Афганистана. Награждена орденом Дружбы КНДР и другими российскими и зарубежными знаками отличия.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Девятого мая к экранам
И Запад прильнет, и Восток.
Парад юбилейный по плану
На площади Красной пройдет.

Девятое мая — день Счастья.
День Памяти. Праздник в слезах.
Пройдут представители власти
С народом в единых рядах.

Победные марши России
Звучат, призывая к борьбе
С нацизмом, фашизмом, насильем
За мирную жизнь на Земле.
И СВО приближает Победу.
Настанет тот радостный час.
Поднимем мы тосты за дедов
И за безусых солдат!

ПРОЙДЕМ ПО КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ С ПОБЕДОЙ

Я о войне не по рассказам знаю.
Оставил след в душе Афганистан.
Но эти строки дедам посвящаю,
Погибшим старшим братьям и отцам,

Всем вдовам похоронки получившим,
Всем матерям, проплакавшим глаза,
Живым и павшим, до седин дожившим,
Всем, для кого проклятие война.

Всем, для кого покой России дорог
И дорого величие страны,
Где счастлив каждый маленький ребенок
И могут улыбаться старики.

Где знает мать, что будущее сына
Не омрачит Афган или Чечня,
Что защитит Великая Россия
И никогда не разлучит война

Сестер и братьев, жениха с невестой.
Не станет сын отца годами ждать.
Пусть в каждом сердце расцветает нежность,
Умеющая подлость побеждать.

Живи и здравствуй, матушка-Россия.
И как бы тебе Запад не грозил,
Русский народ все трудности осилит.
Нам хватит мудрости, терпения и сил.

И вновь по Красной Площади с Победой
Пройдем, закончив СВО и мир вернув,
Как в 45-ом шли отцы и деды,
Победные знамена развернув.

СЛУЖУ РОССИИ ДЕЛОМ И ПЕРОМ

Служу России делом и пером.
Отчизны боль я ощущаю кожей.
Я непременно б записалась в СВО,
Если б была немного помоложе.

Россия для меня — как отчий дом,
Где быстро отшумело мое детство,
Ведь в 10 лет прощалась я с отцом,
Оставившим пилотку мне в наследство.

Россия — юность с радостью любви,
Заботами наполненная зрелость.
В России лучшие писала я стихи.
В России по-есенински мне пелось.

И потому испытываю боль:
Случилось как, что брат пошел на брата?
Как в 41-ом, продолжают бой
Безусые российские солдаты.

И я прошла войну — Афганистан.
Узнала силу братства за три года.
Не потускнела на груди медаль:
«От благодарного афганского народа».

Сегодня пистолет важней пера.
Сегодня все диктуют автоматы.
И жизнь зависит ныне от кольца —
Сообщника убийственной гранаты.

В моей душе болит седой Донбасс,
Кровоточат Чечня и Приднестровье.
И в моих снах уже в который раз
В солдатской форме внук у изголовья.

А я мечтаю, чтоб не наяву,
А лишь из книг и фильмов знали дети
Про смерти, про жестокую войну.
Мечтаю, чтобы мир был на Планете.

Но вновь хрипит кровавая война.
Сквозь войны все проходят поколения.
Нас связывают память и беда,
Чтоб тех, кто пал, не допустить забвенья.

И потому как штык мой карандаш.
Блокноты приравняю к пулемету.
Стихи возьмут врага на абордаж.
И подготовят самолет к полету.

Вначале было Слово, и оно
Сильнее всех орудий, вместе взятых.
Ему вести полки вперед дано
И, если надо, быть простым солдатом.

Россия, Родина, Отечество — наш дом.
Пароль единства и большой Победы.
СВО кончится. Парадом мы пройдем
По Красной площади, как в 45-ом деда!

ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Часто снятся те годы, что названы детством.
Старый дом, коммуналка, четвертый этаж.
Инвалид без ноги проживал по соседству.
В выходной приносил пирожок за пятак.

В Ленинграде в блокаду жену и дочурку
Смерть голодная встретила. Их не вернуть.
Оставлял он на кухне в тарелке окурки
И с окурками вместе вселенскую грусть...

Доставала тогда я медаль «За отвагу».
(Награжден был медалью погибший отец).
Вспоминала рассказ, как он поднял в атаку
Свою роту, войны приближая конец.

В моем детстве уют был, любовь и забота.
Источал аромат вкусный бабушкин суп.
И всегда целовала, вернувшись с работы,
Меня мама и гладила косы и чуб.

Да, конечно, мы жили тогда небогато.
Папин плащ стал осенним пальто для меня.
Но веселыми, умными были ребята,
Что пошли со мной в школу. Та дружба жива.

Была кукла Мальвина и был Буратино,
Да еще Медвежонок, затертый до дыр.
И была на стене карта, словно картина,
Обещавшая мне показать целый мир.

Я увидела мир. Я жила на Востоке.
Я работала много в других городах,
Где всегда находила я детства истоки,
Те, что внукам и правнукам передала,

Чтобы были добры и корысти не знали,
Свято память хранили о прошлом страны
И родные просторы, отчий дом защищали,
Чтобы не было больше поколений войны.

ВЕХИ ПОБЕДЫ

Три битвы вехами Победы
Стояли на пути врага.
Сыны России — наши деды,
Фашизму обломав рога,

Спасли Москву. Под Курском бились
И отстояли Сталинград,
Чтоб мы Победою гордились.
Святою из святейших дат.

ЦЕНА ВОЙНЫ

Факты, цифры — сухой календарь
Об убитых, о раненых, павших.
Память, снова мне в сердце ударь
И без фальши внеси в цифры ясность.

Посчитай не рожденных детей,
Матерей, уходивших до срока,
Женщин, что не дождались мужей
И в печалях живут одиноко.

Тех невест, кому марш не звучал.
Мендельсон не дарил радость жизни.
И сирот, кто отцом не назвал
Никого. Вот тревожные мысли.

И они будоражат сердца,
Не дают ни минуты покоя.
Сколько стоит народу война?
Сколько новые будут нам стоить?

Пусть же Совесть бьет громко в набат.
Пусть же Память нас будит ночами.
Жив блокадный в сердцах Ленинград.
Живы те, кто погибли в Баграме,

Те, чьи жизни остались в Чечне,
Кто пал храбрым бойцом в Приднестровье,
Те, кто снова нам снится во сне,
Кто звездой стоит в изголовье.

И опять продолжается бой.
СВО бьет в сердца нам набатом —
Защищают солдаты покой,
Мир Планеты спасают солдаты.

Цифры, факты — жестокий расклад.
Не залечишь Истории раны.
Снова ждем мы Победный Парад,
Чтобы рядом прошли ветераны

С молодым поколением в строю,
Показав свою силу Планете.
Одного я всем сердцем хочу.
Чтоб не знали войны больше дети.

Пусть лишь книги, картины, стихи
Станут Памятью вечной героям.
Как хотелось бы не на крови,
На Любви жизнь прекрасную строить.

ЗОВ ПРЕДКОВ

Предков зов — это голос страны.
Глубоки корни русского рода.
Мы, как дерева ветви, сильны
И едины с Россией, с народом.

Предков зов на земле, в облаках,
В океанской волне, в пенье птицы,
В белизне погребальных рубах
И на всех летописных страницах.

Богатырский дух в каждом живет.
Предков зов ощущаю повсюду.
С фотографии прадед зовет
Поклоняться России как чуду.

Голоса моих предков звучат.
Их на разных широтах немало.
Верность, мужество павших солдат
Поколенья в едино связало.

От эпохи к эпохе есть мост,
Чтоб вести поколениям беседу.
Разговор этот сложен и прост.
Обращение правнука к деду.

Предков зов — неразрывная связь
Всех сторонников мира с Вселенной.
Безгранична духовная власть.
И свобода души неизменна.

Пролетают, как ветер, года
И эпоха сменяет эпоху.
Наших предков звучат голоса
Как молитва о здравии к Богу.

«СРАЖАЮЩЕЕСЯ СЛОВО!»*

Валентина Веселова
(г. Тамбов)

А ТЫ Б ТАК СМОГ?

А ты б так смог, спроси себя —
В горниле ужаса и страха,
Когда весь мир сплошная плаха,
Прожить те годы, не вопя?
А ты бы мог пахать в тылу,
Все дать для фронта, для победы.
Забыв себя, свои все беды,
Твердить и верить — смерть врагу!
Последний свой сухарь отдать
В блокаду сникшему ребенку
И обмануть его вдогонку,
Сказав, жива сестра и мать.
И выжить всем смертям назло
С ранением в груди навьлет,
Стать снова в строй, не обессилеть,
Сказать, что просто повезло.
С одной гранатой во весь рост
Поднялся б ты на амбразуру?
Кровавый пепел с арматурой
Снесли б на воинский погост...
Так горяча ли твоя кровь,
Достоин ты отцов и дедов,
Готов отстаивать Победу,
Свободу, Веру и Любовь?

Людмила Мехед
(Карелия)

* * *

Внучка с бабкою Матреной
Ровно режут лоскутки:
Разговор их немудреный —
Сети сделать мастерски.
Чтоб укрыла сеть от дронов,
Надо подобрать цвета.
Сколько новых брать рулонов?
Не работа — маета.
Вновь в печи трещат поленья,
Ветер воет, словно зверь.
Холодает, без сомненья,

* Материалы со страницы акции «Сражающееся слово!», находящиеся в свободном доступе <https://vk.com/alyoshin46>

В сенях вся промерзла дверь.
О спокойствии в деревне
Тихо льется разговор,
Что скрипят в саду деревья,
Укрывает снегом двор,
Что пришло письмо от внука,
Радость — вести с передка,
Что устал от дронов звука,
Передышка так редка...
В блиндаже сыром холодном,
не спасает даже печь.
В мятом котелке походном
Греют чай при свете свеч.
Ночь. Не спит, плетет Матрена,
Заплетает лоскуты;
В уголке висит икона,
Сеть, молитва, как щиты!
Смело воины — герои
Охраняют наш покой.
Наше дело тыловое —
Им помочь любой ценой!

Виктория Ткач
(г. Тула)

ВДОВАМ ВОЙНЫ

Нас перемелет...
Господи, спаси
От перемен, что жаждут зла и крови!
Из всех ушедших в прошлое России
Одна была всегда —
Россия вдовья.
Тогда, вчера,
И в темное сейчас,
Плат черный повязав,
В душевной боли,
Она не спит.
И молится за нас.
Жена и мать
Опять
Не спят —
Доколе?..
Их слезы — жизнь
Для тех, кто далеко,
Кому вернуться — сложная задача.
И потому Россия у икон
Надеется.
И верует.
И плачет...

Юнна Мориц
(г. Москва)

* * *

Никуда не удравший Читатель
Никуда не удравшей страны —
Мой защитник и мой не предатель,
Ты — действительность, явь, а не сны.
Мы не сдали ни полсантиметра
Той страны на священной войне,
И не проданы Родины недра
В той стране, что в тебе и во мне.
Там над нами победное знамя,
И никто нам не равен в борьбе
С гитлерьем, что разгромлено нами
В той стране, что во мне и в тебе.
Там страдания наши священны,
Наши земли в дыму и в огне,
За Победу — заоблачны цены
В той стране, что в тебе и во мне.
Мы в стране проживаем, которая
Благодарна великой судьбе,
Чья священна, нетленна История
В той стране, что во мне и в тебе.
Там — Гулага великое горе,
Бездна адская — с ним наравне.
Это — горе священной Истории
В той стране, что в тебе и во мне.
Мы не сдали ни полсантиметра,
И никто нам не равен в борьбе
С гитлерьем!.. И не проданы недра
В той стране, что во мне и в тебе, —
Никуда не удравший Читатель
Никуда не удравшей страны,
Мой защитник и мой не предатель,
Волнорез — против грязной волны!

* * *

Дети войны становятся взрослыми лет с пяти,
Память у них — вечно свежая, а не — ложная:
Им известно, каким путем на станцию надо идти
За кипятком, и что суп из крапивы может спасти
От белокровия... В детях войны заложена
Древняя память о том, что в природе родной
Есть подорожник — из раны вытягивать гной.
Дети войны себя никогда не считают нищими,
Летом на станцию за кипятком идут босиком,
Раненым в госпитале читают стихи не напыщенно,
Дети войны не хвастаются, делясь последним куском,
Память у них — вечно свежая, а не — ложная,
Древняя память о том, что в народе родном —
Сила, которая делает все возможное,
Чтобы война закончилась нашей Победой Днем!

Дети войны становятся взрослыми лет с пяти,
Но пятилетний ребенок живет у них в глубине,
И этот ребенок способен силой своей превзойти
Голод, и холод, и все неисчислимые беды,
Себя не считая нищим, несчастным в родной стране,—
Он знает, война закончится Праздником нашей Победы,
Его древнедетская сила — с этим Праздником наравне!

* * *

Мы не умеем жить: лежать под гитлерьем
И мыло из людей варить, храня молчанье,
Терпеть такую жуть и ждать, что не умрем —
Американцы нас спасут и англичане.
Мы не умеем жить: мы сами — за себя
Способны постоять, когда кругом рычанье,
Что мы обречены и, как Белград, бомбя,
Американцы нас спасут и англичане.
Мы не умеем жить: у нас не тот комфорт,
А без комфорта мы впадаем в одичанье.
Ирак и Ливия — комфорта высший сорт,
Умеют жить американцы, англичане!
Мы не умеем жить — оружие сложить,
Мы смеем защищаться, как поганцы,—
За это с нами не хотят дружить
Ни англичане, ни американцы.
Мы не умеем жить: мы смеем быть страной,
Где гитлеропу разгромили оборванцы.
А кто умеет жить, не лезьте к нам с войной —
Ни англичане, ни американцы.
Мы не умеем жить: сдаваться чертовне,
Когда со всех сторон военное брэнчанье.
Но тех, кто возмечтал о мировой войне,
Американцы не спасут и англичане.
Мы не умеем жить: мы смеем не дрожать,
Сражаться смеем, вот какие мы поганцы, —
И нам другой народ не смогут нарожать
Ни англичане, ни американцы!

Владимир Скобцов
(ДНР)

РУССКАЯ МЕТАФИЗИКА

В ад ворота от поворота,
Поворот и ворота в рай,
В небеса уходит пехота,
Не прощаясь, Господь, встречай!
Хрипло шепчут они: — Прорвемся,
А иначе все было зря,
Нам бы только увидеть солнце,

А тем более, если нельзя.
Принимай, Бог, твою дивизию,
Быть нам русскими повезло,
Это русская метафизика
Всем заморским чертям назло.
Себе белый билет не купили,
Не торгуем гвоздем с креста,
Перед Господом и Россией
Наша совесть как смерть чиста.
Только губы шепнут: — Прорвемся,
Отдавая телу приказ,
Нам бы только увидеть солнце,
А не то, что видим сейчас.
Не фантастика и не мистика,
Время мистики истекло,
Это русская метафизика
Всем заморским чертям назло.
В небеса уходить не страшно,
Слушай сердце, оно не врет,
Кто из нас уцелел — не важно,
Ни один уже не умрет.
Только зубы скрипят: — Прорвемся!
И пусть шансов не больше, чем ноль,
Нам бы только увидеть солнце,
А тем более через боль.
Ты прости, Господь, за стилистику —
Кроем так, как на душу легло,
Это русская метафизика
Всем заморским чертям назло.
И того, что теплится в теле,
Проступает лик на бинтах,
Все, что слышали мы о вере,
Оказалось на деле так.
Ничего, Господь, мы прорвемся,
А тем более, если невмочь,
Нам бы только увидеть солнце
И тем более, если ночь.
Подтвердит на земле статистика,
Что не важно врага число,
Это русская метафизика
Всем заморским чертям назло.

* * *

Не пишите стихи о нежности,
когда тучи нагнало с севера,
когда время прижало к вечности,
оторвите глаза от клевера.
Время в море идти матросами,
ветер пену уносит чайками,
волны рвутся с цепи барбосами
и мечты оторвало с гайками.
Этот ветер вовек не кончится,

этот век заштормил до смерти,
этот вечер в закате корчится
и в рассвет поутру не верьте.
Нам держать это небо до сини
на канатах, смолой пропахших,
нас разделит расчет по осени
на вернувшихся или павших.
Распрямилась надежда парусом
и не ждите стихов о нежности —
за Донбасс слились в схватке яростной,
за всех нас слились в схватке яростной,
русь и выресь на русской местности.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ГИТЛЕРЮГЕНД

Сад вышнэвый коло хаты,
вас кохаларидна маты,
вы так любите спиваты
и танцюете гопак.
Старины преданья древней,
белорусские деревни,
трупы русских на деревьях,
яра Бабьего овраг.
Гутен морген, гутентаг!
Вас по морде или как?
Отворяй скорей, хозяйка,
бабка, сало, млеко, яйко!
Захотел свободы зайка
и пошел на бутерброд.
Миг никто не остановит,
парус ветер тщетно ловит,
день грядущий что готовит,
что за проволокой ждет?
Доннерветтер, о, майн гот!
Фрау в гетто хер ведет.
Всем раздеться и разуться,
Ницше это не Конфуций,
при ходьбе штаны не рвутся,
эй, колонна, шире шаг!
В поле спелая пшеница,
во поле труба дымится,
в Биркенау-Аушвице
лай откормленных собак.
Шнелле, швайне, шонентаг!
Майне кляйне, шо не так?
Расскажите на ночь небыль
тем, кого не любит небо,
кто прощен и снова предал
не бывает ниже каст.
Так бывайте же богаты,
Буковина и Карпаты,
заходи, Христос, до хаты,
кто-нибудь Тебя продаст.

Гитлерюгенд, вас истдас?
Кто вас любит, вас и сдаст.
Украине сладко спится,
малышня в гробах не снится,
над Одессою зарница,
желто-синий с кровью флаг.
До седьмого до колена
жизнь ее навроде тлена,
тлен ее навроде плена,
перед Богом всякий наг.
Гутенабенд, гуте нахт,
спите нахрен, битте нах!

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

Нету пути назад,
Так загляни за край —
Умными полон ад,
Добрыми полон рай.
Прав, кто не виноват,
Осенью сосчитай —
Вашими полон ад,
Нашими полон рай.
Снова славянка, брат,
Плачет: «прости-прощай»,
Адом горит закат,
Русью зовется рай.
Так наливай, земляк,
Знаешь и сам, за что,
Видно, без нас никак
И кроме нас никто.
Русскими полон ад,
Русскими полон рай,
Выживший будет рад,
Время идти за край.

Юлия Некрасова
(г. Москва)

БОЕЦ СВО У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА В МОСКВЕ...

Он знает, как не просто та далась Победа
И потому поклон отдать пришел другим.
Осколками на нем потрепана одежда —
На костылях пришел, но сам пришел к СВОим.
И все над Площадью затихло на мгновенье...
— «Приветствую, Внучок! Я встречи этой ждал.
Тобою, милый, не проиграно сраженье —
Ты по-геройски наше дело продолжал.
А я не смог тогда... прости, иссякли силы...
Нас много безымянных вот таких лежит.

И это боль, такая боль для Матушки-России,
Но знаю, без сомненья, Правда — победит!
Вы поколение тех, кто память не предали —
Смотрю в твои глаза и искренне горжусь!
У нас с тобой, Внучок, похожие медали,
Хотя война другая, но из тех же чувств.
Спасибо, милый, за чудесные гвоздики,
Они сердца отогревают вновь и вновь.
Как хорошо, что мы в народе не забыты,
А значит мы не зря за вас пролили кровь...».
— «Ну, здравствуй, Дед!.. Как видишь — жив!.. никем не сломлен,
Клянусь, фашизм не повторится на земле.
С твоей Весны прошло уж восемьдесят весен —
Мы не оставим нашу Родину в беде!
Пришел поклон и честь отдать всем Вам, Героям,
Как никогда, я понимаю Подвиг ваш.
Горжусь!.. и будь уверен, Внук тебя достоин —
И недалек, Дедуль, Победы новой час!»...
Возможно, кто-то здесь увидит показуху,
Скривит с усмешкой взгляд солдатику во след.
А я бы... обняла!.. пожала крепко руку,
Ведь он за мой сражался на войне — рассвет!

НАС НЕ СЛОМИТЬ!

Нас не сломить! Пусть не мечтает враг!
От неудач становятся сильнее!
Поднялись, отряхнулись, крепче шаг —
К Победе. Вместе и еще дружнее!
Нас не сломить! Мы, Русские, как сталь!
Французы били и пытались немцы!..
Не по зубам и этим наш «москаль»,
Все потому, что в нас живое сердце!
Все потому, что в нас и жар, и пыл,
Течет по венам кровь Непобедимых.
И что бы кто про нас не говорил —
Всю жизнь мы Богом на Земле Хранимы!

СИЛА В ЕДИНСТВЕ

А город спит и видит сны о мире,
В который раз работа ПВО...
И окна дребезжат в моей квартире —
Война, друзья, совсем не СВО,
И дремлет дочка сладко в колыбели...
Прошу, Господь, ребятам помоги.
Не пропустить, чтоб не единой цели —
Атаку вражью, Боже, отрази.
Война, друзья, не только в приграничьи,
Она в Рязани, в Туле, под Москвой...
Возможно, где-то рядом, оглянитесь,
Задумайтесь, что будет со страной!
За что сейчас сражаются Ребята,

Зачем все это нужно на земле?
И почему всем нам сплотиться надо,
Предательство — остаться в стороне!
Поменьше слов, друзья, побольше дела,
Не можешь делом, помогай рублем.
Чтоб заходить в ваш дом война не смела —
Мы только вместе этот мир спасем!

Владимир Алешин
(г. Тула)

Руководитель Тульского клуба православных писателей «Родник», ведущий страницы «Сражающееся слово!»

Уважаемые руководители всех литературных образований г. Тулы и Тульского региона, уважаемые Тульские писатели и поэты!

Сейчас (уже три года) идет СВО — идет война с нацистскими пронаатовскими укробандерлогами. Решается вопрос — быть России или не быть.

Многие туляки оказывают помощь фронту. В Туле должен функционировать и мощный организованный литературный фронт. Пока такого нет. А если нет, то этот фронт занимает враг со своей пропагандой и своим литературным фронтом. Мы не можем такого допустить. Наш литературный фронт должен быть в постоянном единстве с воинским фронтом СВО.

Вы знаете, что с самого начала СВО по благословению духовного наставника Тульского клуба православных писателей «Родник» иерея о. Александра Диканева действует Акция — Сражающееся слово.

К сожалению, участие руководителей литературных тульских образований и самих писателей в этой акции порой почти никакое. Мало кто заходит на эту страницу, мало кто оставляет свои комментарии, мало кто присылает свой творческий материал для размещения на этой странице (VK).

Прошу и призываю всех писателей тульского региона откликнуться на Акцию — Сражающееся слово. Но не молчать, не уходить сейчас в период СВО от этой темы только в чистое искусство. Говоря о Акции — Сражающееся слово напоминаю слова Л. Н. Толстого, что:

«Человек может изобразить свою мысль только при помощи слов. Иногда случается, что душа хочет что-то сказать, но не может подобрать слова, а иногда можно произнести много, но это оказывается неуместным. Лев Толстой говорил, что мы служим друг другу словом: им можно соединить и разъединить людей, словом можно служить любви и вражде, одобрить, запретить, обидеть, убить, дать духа человеку».

Повторяю, что сейчас на литературном тульском фронте большие бреши, а порой позиции покинуты и беглецы ищут красивые оправдания (добро им за словом в карман лезть не нужно). Нужно знать и помнить одно, что все бреши, существующие сейчас на тульском литературном фронте, занимает пропаганда и литературный фронт врага. Нужно бить в набат, а не препираться друг с другом. Мы все поправим. Мы сможем сплотиться и вместе общим сражающимся словом объединить наше общество в мощный громящий врага кулак. Победа будет за нами.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Юлия Зимина-Кондакова
(г. Тула)

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Наши постоянный автор.

В январе 2025 года вышел в свет № 4 2024 журнала Союза писателей России, Академии Российской литературы «Приокские зори».

Литературным шеф-редактором является Алексей Яшин, член СПР, член Правления АРЛ, ответственным редактором-секретарем — Яков Шафран, ответственным оргредактором — Николай Жуков, председатель ТО СПР, руководителем творческого совета журнала — Геннадий Маркин.

В редколлегии — поэты и писатели из разных городов России и Ближнего Зарубежья. Из Тулы и Тульской области — Валерий Савостьянов, Валерий Ксенофонтов, Николай Макаров, Владислава Васильева, Владимир Сапожников, Сергей Сенин, Александр Хадарцев, Олег Пантюхин. Зав. редакцией — Марина Баланюк, редактор — Валерий Демидов, WEB-мастер — Оксана Митюшкина, секретарь — Елизавета Баранова, художник — Олеся Янгол из Тулы.

Журнал является всероссийским литературно-художественным и публицистическим изданием.

Разделы журнала разнообразны. Это «Колонка литературного шеф-редактора», «Крупный литературный жанр: роман, повесть», «Современный русский рассказ», «Образы и тропы поэзии», «Публицистика, литературоведение, литературная критика», «Хроника литературной жизни».

Очень необычный раздел, который не встречается в других журналах, это «Колонка литературного шеф-редактора». В этом номере опубликована статья «Утопия и антиутопия — одного поля ягоды...», написанная к 140-летию со дня рождения замечательного писателя и публициста Евгения Замятина (1884—1937).

Среди авторов журнала — творческие люди из разных городов России и Зарубежья. Встречаются и постоянные авторы, и те, кто был опубликован впервые. Из постоянных авторов Тулы и Тульской области в журнале есть произведения лауреатов Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова Олеси Янгол (главы из романа «Архитектура рая»), Николая Макарова (рассказ «Сорок лет и три года спустя»), Якова Шафрана (цикл стихотворений «Испытаний пора»), Олега Пантюхина (стихотворения), Евгения Трещева (статья о поэзии Я. П. Полонского «Мой костер в тумане

светит»), а также новеллы из цикла «Жизнь как сон» литературного шеф-редактора Алексея Яшина.

В журнале представлены юмористический рассказ автора, пишущего в жанре «мистическая фантастика», юмористических монологов и рассказов из пос. Арсеньево Тульской области Инны Важдаевой, а также стихотворение «У Казанской иконы Божией Матери» и статья «Ослепительное счастье быть любимым и любить» (о книге Валерия Савостьянова «Похожая на образа») Юлии Зиминой-Кондаковой из Тулы, которая публикуется в журнале впервые.

Размещена подборка стихотворений поэтов России «Сражающееся слово». Материал взят со страницы руководителя Тульского клуба православных писателей «Родник» Владимира Алешина. Сейчас очень важно поддержать наших воинов морально, словом. Среди тульских авторов в акции опубликованы стихотворения Натальи Роговой.

В рубрике «Хроника литературной жизни» читатели могут узнать о новостях литературной жизни.

В рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» выпускается «Приложение к журналу «Приокские зори», где издаются авторские книги. Первой такой книгой была «Жизнь как один день» поэта, писателя, ответственного редактора-секретаря журнала и главного редактора альманаха «Ковчег» (альманах журнала «Приокские зори») Якова Шафрана.

Сотрудники и активные авторы журнала «Приокские зори» удостоиваются наградами Союза писателей России по представлению руководства журнала. В 2024 году ими стали авторы из города Щекино Тульской области Евгений Трещев и Олег Пантюхин. За лучшие публикации в журнале лауреатами Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2024 год стали Олеся Янгол (г. Тула) и Александр Ковалев (г. Геленджик).

Материалы журнала очень интересны и разнообразны!

Ознакомиться с журналом «Приокские зори» можно, перейдя по ссылке:

http://www.pz.tula.ru/2024/obl_4_2024.pdf

Приятного вам чтения!

СЕКРЕТЫ УСПЕХА ЕВГЕНИЯ СКОБЛОВА, ИЛИ ОТКРЫВШИЙ МИР В ПОЧТОВЫХ МАРКАХ

Евгений Скоблов — прозаик, член Союза писателей России, автор двадцати пяти книг художественной прозы крупных и малых форм. Участник более ста российских и зарубежных периодических литературных изданий. Лауреат литературно-общественных премий, дипломант конкурсов «ЛУЧШАЯ КНИГА» МГО СП России 2010—2021 гг. Финалист ряда российских и международных литературных конкурсов. В 2021 году награжден медалью МГО Союза писателей России «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». В настоящее время — главный редактор альманаха «Московский Парнас» Академии российской литературы. Председатель правления Академии российской литературы.

Читая в журнале «МП» № 1—2 за 2023 год публикацию Евгения Скоблова «Эпоха космических романтиков» (из цикла «Филателистические истории»), открываю мир в почтовых марках. Помню это время увлечения детей почтовыми марками. Это занятие мне тогда казалось совершенно детским. Но со временем я поняла, что есть детское коллекционирование, а есть взрослое, которое в свою очередь можно условно представить как профессиональное или экспертное — все зависит от уровня культурного и интеллектуального развития личности и степени увлеченности любимым делом. Среди коллекционеров очень много известных ученых, деятелей культуры и искусства, космонавтов и астронавтов, политиков, и даже — руководителей государств. Из «Филателистических историй» Евгения Скоблова (книга издана в Москве 2023 году), я, например, узнала, что оказывается в мире филателии существуют экспонаты, стоимость которых составляет примерно стоимость квартиры в центре областного города, а то и столичного... У Евгения отец очень серьезно занимался филателией, и сын с детства просто не мог не приобщиться. Отец поощрял его, понимая, что это повышает интеллект. Здорово — вместить в один альбом целую эпоху в марках! А за каждой — целая история: чему посвящена, кто выпустил и т.д. Порой филателист тратит много времени, сил и средств на поиск одной единственной нужной марки, а когда находит — это целое событие! Для взрослого человека (если он не утратил интерес) это не просто хобби, это, если хотите, определенный образ жизни. Уже в Новом времени Евгений продолжил дело своего отца, ему удалось разыскать и приобрести для коллекции по теме «Космос» те экземпляры, которые не успел собрать Скоблов-старший. В целом же, это увлечение сыграло огромную роль в его жизни:

«Именно энергия старшего поколения, заключенная в коллекции, поддерживает интерес ко многим прекрасным и удивительным вещам современности. Они меня стимулируют на многие хорошие дела и помогают выдерживать выбранный курс в этой жизни», — объясняет Евгений Скоблов.

Как выяснилось, для человека увлеченного перемещение во времени и пространстве вполне возможно — стоит лишь открыть альбом с марками разных стран (и даже тех, которые со временем исчезли с политической карты мира) и времен.

Но сейчас мне хотелось бы остановиться на собственно художественных произ-

ведениях Евгения Скоблова, представленных в книгах «Лунные яблоки» (М., 2021 г.) и «Санаторий 28 МарСа» (М. 2022 г.), на страницах которых мы тоже наблюдаем и перемещения во времени — из настоящего в прошлое, затем в будущее; и в пространстве — как в реальном, так и виртуальном.

Очень важную и нужную тему затронул Евгений Маркович в книге «Санаторий 28 МарСа». Алкоголизм — фактор демографического и социального кризиса в России. Действительно, это в наших традициях — отмечать праздники со спиртным, чисто символически. Во времена СССР были «наркомовские сто грамм» — для снятия напряжения, а сейчас на День Победы — принимаем сто грамм по традиции. А кроме того, есть еще много праздников, что порождает проблемы зависимости от спиртного, и это беда. Раньше в нашей стране таких людей лечили. В небольшой по объему повести Евгений Маркович мастерски показывает, что испытывает такой человек.

Конечно же, он — Странник. Наш герой путешествует не только во времени, но и перемещается из реального мира — в нереальный. Наш Странник путешествует с бутылочкой в кармане, периодически прикладываясь к ней. Пьет по глоточку. Автор полон юмора, он иронизирует над своим Странником: «Уже запахло жженым порохом», «Все, чека вывернута, сейчас граната взорвется», «Взрыв. Закрой рот. С коньяком болтаться по городу всегда веселее, чем без коньяка». «Гиперзона» — какое точное слово нашел автор для выражения реальности состояния постоянного праздника и расслабления. В нее попадают многие мужчины, к ним присоединяются определенные женщины. Как же много было таких странников в девяностые годы прошлого столетия! Они бродили по городу в поисках любовных приключений и, может быть, смысла жизни. Мой сосед-Странник перемещался даже на Марс. А однажды прибежал домой с дачи в одних трусах, якобы, за ним гнался черт и срывал одежду...

Ну а вернуться в реальный мир можно только через «санаторий». «Санаторием» автор называет определенное состояние личности, когда личность «принимавшая на грудь» недельку-другую решает «завязать». Вот тогда и возникает «состояние выхода из процесса», упадка физических, моральных сил. Кстати, а почему «Санаторий» носит название «28 МарСа»? Об этом можно догадаться лишь прочитав повесть. А какие испытания проходит Странник в санатории! Не каждый это может выдержать. Наш Странник образован, он разбирается в искусстве, музыке, истории, очень творческий человек. А ведь был у нас даже Странник-президент! Начудил, чудо-юдо...

Наши женщины все выдержали. Это на их хрупких плечах была семья и работа, и кормить своего любимого надо было. А, главное, спасать. «Любимая, спасай, ведь схохну. Смерть моя будет на твоей совести», — стонет «герой» Евгения Скоблова. И любимая спасала.

В Гиперзоне Странник находит свою Клариссу, весело и интересно (!) проводит время, исполняя тайные желания, и, вполне довольный собою, уплатив «гонорар» даме сердца, возвращается через ювелирный магазин домой, где его ждет жена. В ювелирном для любимой покупает украшение, чем надеется загладить вину...

«Странник про себя отмечает, что Гиперзона сметает все барьеры нравственности,— пишет рассказчик.— В реальном мире свои любовные дела он устраивал бы по-другому».

Как же тяжело проходит санаторий наш Странник! Автор задается вопросом: «А сможет ли он вырваться, если снова попадет туда? Сможет ли рекомендовать санаторий своим друзьям? А зачем туда попадать?» Спасение автор видит в вере и любви.

Книга захватывает читателя. Наш Странник идет по грязным закоулкам с достоинством, имея успех в определенных кругах. Как тонко автор над ним подтрунивает! И все пропускает через себя — вот на чем держится секрет успеха книги.

Женщины в жизни героя занимают огромное место. В книге «Первая Рыжая» семь глав — семь историй о семи женщинах, которые встречались на дорогах его

бурной жизни. Всех этих женщин он по-своему любил. А вот была ли где-то настоящая любовь?

Не могу не сказать о рассказе «Денежное вознаграждение» из серии «Первая Рыжая». Молодой человек Александр на газоне (!) встречает женщину в возрасте за 60, пытается ей помочь встать на ноги. (Рыцарь, прям). С большим трудом им это удается (оба пьяные). Пришлось ждать, пока протрезвеют оба, а потом — знакомство, пиво и... «любовь» в доме Галины Михайловны. Мужчина «спасает» женщину, сказав строгой дочери, что принес вознаграждение три тысячи от Совета ветеранов... Договорившись с новоиспеченной пассией о встрече через месяц, женатый человек, довольный, уходит готовиться к поездке уже завтра с семьей на море...

Выводы делать читателю.

«Уроки Татьяны Александровны» — это рассказ о любви взрослой женщины и молодого студента Александра. На свадьбе у друга женщина похищает Александра и увозит домой. Она забавляется, обучая юношу всем тонкостям интима. Студенту это ну очень нравилось. А Татьяна Александровна находится в поиске серьезного обеспеченного мужчины для жизни, и, найдя его, она прощается с молодым любовником...

В рассказе «Глоток свободы в начале января» герой описывает первый неудачный брак. Человек женится, завтра свадьба, а сегодня, проводив невесту домой, с друзьями устраивает мальчишник с продолжением у старой пассии... Брак продлился семь месяцев. А ведь он серьезно искал счастье в семье. Но развод стал счастьем, глотком свежего воздуха.

Та же тема — времяпрепровождение молодых студентов с одинокими женщинами старше себя — в рассказе «Танцы на цокольном этаже». Два молодых студента ищут приключений и находят. Ничего сложного: прошелся по бульвару и вот она — Светлана. Она влюбляется в Александра, хоть и старше его на десять лет. Кажется, у них идиллия, но оба понимают, что ничего серьезного из этой встречи не получится. Светлана осторожно говорит, что хочет от Александра ребенка, но он не готов, не нагулялся. После двух лет общения отношения закончились. Чего им не хватало? Любви? Но они любили...

«Первая Рыжая» — очень трогательная первая (с первого класса) любовь. Стеснительный мальчишка говорит о первой любви, а ведь у него она уже была... в подготовительной группе детского сада! Для той девочки он взял у мамы сережки и подарил любимой. Как трогательно! Неприятности по этому поводу привели героя к мысли, что любовь может завести далеко, и лучше не влюбляться, но сердцу не прикажешь. Любовь случается в любом возрасте.

Мы, поколение, выросшее в СССР, помним все. И прием в пионеры 22 апреля — в день рождения Владимира Ильича Ленина, и 19 мая — в честь Дня пионерской организации. И Новый год в школе, и походы на лыжах, пионерские лагеря, а там — костры и художественную самодеятельность. С улыбкой читаю обо всем этом в рассказе «Первая Рыжая». В девятом классе молодые люди, почувствовав себя взрослыми, стали устраивать внеклассные вечеринки с вином и сигаретами, слушали музыку, пели, целовались. Было такое, но не все девочки такое себе позволяли. Ирена эти вечеринки не посещала. И вот выпускной вечер. Грустно всем, но впереди прекрасное будущее, учеба в институте.

Через десять лет (в рассказе это 1988 год) наш герой встречается со своей Рыжей Крулевой. Любовь вспыхивает с новой силой. Ирена прощается со своей первой любовью, убежденная в том, что очень любит своего мужа. Ей нужна была эта встреча, чтобы убедиться в правильности своих решений. Их встреча — это дань первой любви. «Любовь бывает долгою, а жизнь еще длинней», — поется в песне.

Не могу не отметить, что «Санаторий «28 МарСа» можно обозначить как приквел к сборнику «Первая Рыжая». На страницах «Санатория...», изданного в 2022 году, мы знакомимся с предысторией появления книги «Первая Рыжая», вышедшей в 2018

году. Первая Рыжая вновь возникает в жизни героя ровно через 30 лет и отношения развиваются, как часто бывает в XXI веке, посредством мессенджера в Интернете... В книге мы сначала читаем «Санаторий...» а потом уже «Первую Рыжую» — таким образом Круг (или Петля) Времени замыкается На мой взгляд, очень тонкий и неординарный творческий ход автора.

* * *

«Лунные яблоки», на первый взгляд, книга-загадка. На обложке — космический корабль на Луне. Из него высыпаются яблоки в скафандрах, а одно — красное. Может, это та единственная, ради которой мужчины ломают копья?

В рассказе «Кое-что об элитных квартирах», получив срочное задание сфотографировать элитные квартиры, Костиков берет дорогостоящий фотоаппарат и едет на выполнение задания. Вчера у него была встреча с братом, и сегодня он не вполне здоров. Прихватив бутылку пива, он находит элитный дом. Человеку бы найти прораба, но ему встречаются сомнительные люди, которые не прочь выпить. Новоиспеченные «друзья» скрываются, прихватив с собой его фотоаппарат. И что ждет Костикова?.. Долго рассматриваю иллюстрацию к рассказу... Сверху-то капает... Там, где спиртное, там безответственность.

В рассказе «Моя песня» шеф не доволен, что в его отсутствие новый зам, представляя себя на пятничном кооперативе, солировал под гитару. Организатор дала ему инструмент и сказала: «Представьтесь!» Ну, не отступать же! А это было уже после пятого тоста, и запел он, что пришло в голову: песню Трофима «Скажи мне, милая, куда ты денешься...». «Несолидно это», — подумает завтра наш зам... А что будет после... седьмого тоста, когда уже «понесло»? Какое счастье, что не всех «несет»! Как же подходит иллюстрация к рассказу — красивый клоун! Есть такая профессия — клоун.

Позабавил рассказ «Кухонный разговор». Червячок в нем ползает по полу... Что это? Может, он ищет яблочко, в которое можно влезть? Три овоща сплетничают, обсуждая деликатную проблему. А муж хозяйки (червяк) ищет порыв кабеля, чтобы включился телевизор. Сколько юмора! Друзья, да ведь это же лунные яблоки, лунные создания! У кого какая фантазия, такое и понимание момента. У художницы Виктории Просвирниной фантазия богатая, и я с интересом рассматриваю ее работы. Очень впечатляют.

Рассказ «На ужин» еще раз подтверждает пословицу: «Незванный гость хуже...». Да, хуже, потому что может получиться, как в рассказе; хозяева ссорятся и надо срочно спасаться, что и делает напуганный гость. Овощ на столе, цветочек одноглазый...

Нашла иллюстрацию к рассказу «Любовь нас выбирает»: бесконечная шахматная доска, обнаженные мужчина и женщина, много яблочек, есть по два, даже по три вместе... Все герою удавалось, встречаться одновременно с двумя или тремя «яблочками». Читатель задумывается: любовь нас выбирает? И где здесь любовь?!

«Ночной Савва» рассказывает о том, какой трудный, очень тяжелый выдался командировочный день. Только ближе к полуночи вернулся человек в гостиницу, где занимал номер на двоих с другом Саввой. Савва у телевизора. Он отдохнувший, и ему хочется выпить и поговорить. А говорить он будет долго о своих приключениях. Наш герой не пьющий, ему страшно хочется уснуть. Он уже засыпает, а Савва говорит и говорит. Выручает стук в дверь. Пришел третий — из соседнего номера. К счастью, Савва уходит в ночь, а наш герой мгновенно засыпает. На картине — бравый моряк в бескозырке с воображаемой морской русалкой среди танцующего люда. Красавец!..

Не могу не остановиться на рассказе «Культпоход». «Вечерняя Москва по-разному относится к своим подвыпившим детям. И те, кто так и не научился соизмерять желаемое с возможным, часто рискуют оказаться в нелепой ситуации», — пишет автор. И я представила веселого парня за пятьдесят (а есть такие «мальчики» и в семьдесят). Они ищут приключений и находят. В годы перестройки были женщины,

которые зарабатывали на обочинах дорог, а были и те, что работали на двух, трех работах, чтобы прокормить семью.

Нашего «мальчика» приводят «к хорошей девочке недорого». Это удовольствие на грани. Покинув «девочку», герой продолжает поиски удовольствия и находит: кошелек потерян, пропали бумаги...

«Мимозке», как назвал девушку автор, он желает всего хорошего — ей надо жить, возможно, помогать родителям. Он понимает, что мечтает девушка совсем о другой жизни, где будет муж и дети. И вот сидит она голая в этой коробке и мечтает о принце, которого ей приведут. Мечтать не вредно, а с потолка капает...

«Сомнения» — рассказ с завораживающим эпиграфом.

*«У девушки с острова Пасхи
Украли любовника тигры,
Украли любовника в форме полковника
И съели в саду под бананом».*

Александр Городницкий

Выходной день. Александр скрылся от всего мира на даче. Телефон этот он никому не дает, кроме избранным... Звонит женщина, но герой не знает ее.

«— Это Алла. Хочу сообщить вам, что у нас будет ребенок...»

— Это хорошо. Но что требуется от меня?»

— Как? Вы меня не помните? Вы подвозили меня из ресторана...»

Закрадывается червь сомнения: а вдруг? (Вот анекдот!) Скорее всего, это розыгрыш. Так и есть, но...

Сомнения-то были! «Все же сомнения — не самое лучшее состояние, в котором может пребывать человек во время короткого отдыха. Это ржавчина, которая разъедает ощущение уверенности и целостности личности. И мешает жить», — пишет автор.

Картина художницы Виктории Просвирниной написана словно для этого рассказа! Оголенная женщина с прической «Черви сомнений». Ее надо видеть! Сколько глубины и фантазии! Картина — удача!

Очень интересна картина к рассказу «Выход из положения». Начальник вызывает подчиненного в кабинет и просит написать объяснительную, почему он пил в командировке, да еще и критиковал начальство... В этот момент в кабинет входит вышестоящее лицо и объявляет благодарность тому «нерадивому» специалисту. Выход из положения клоун увидел в раскрывшемся окне (вошел начальник).

Из жизни написан рассказ «По адресам». Это девятые годы прошлого столетия. Перестройка. Безработица, приходится идти на любую работу, лишь бы прокормиться. Молодые люди ходят по адресам, поздравляют детей с Новым годом. В разные ситуации попадают, но что-то и зарабатывают.

Очень впечатляет картина Виктории Просвирниной: зимний пейзаж, на дереве ворон с мешком подарков...

Вот такой небольшой экскурс мы совершили лишь по двум книгам Евгения Марковича. А всего их у него двадцать пять — неиссякаемая энергия! Его рассказы печатаются в юмористическом журнале «Смеяться, право, не грешно». Любой из рассказов, представленных в книгах, достоин этого издания. Желая Евгению Марковичу новых свершений, новых книг.

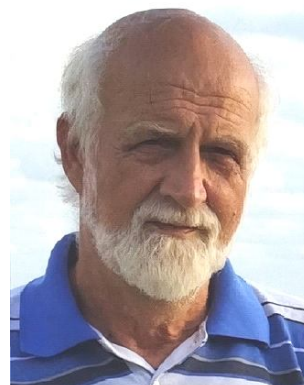
*Таисия Кучерюк,
член Академии РЛ,
Краснообск Новосибирской области*

Игорь Отчик
(г. Лыткарино Московской области)

ВЕЛИКОЕ ИСПЫТАНИЕ ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Наш постоянный автор.

Великая Отечественная война в произведениях советских писателей

Восемьдесят лет со дня Великой Победы! Даже наших сверстников, чьи отцы вернулись с той страшной войны, становится все меньше, а ее участников остались лишь единицы. Тем большее значение для новых поколений имеют свидетельства тех исторических событий, отраженные в советской и российской литературе. Никакие архивные документы не могут передать того, что видели и перенесли люди, жившие в те трагические годы, особенно непосредственно участвовавшие в боях. Более тысячи советских писателей воевали, были награждены орденами и медалями, из них двадцать один — званием Героя Советского Союза. А многие из ушедших на фронт не вернулись с войны. Вечная им память! Знаменитые мастера советской литературы Астафьев, Бондарев, Быков, Васильев, Гроссман, Гранин, Некрасов, Симонов, Шолохов, Эренбург и многие другие создали сильнейшие по правдивости и психологическому воздействию произведения о Великой Отечественной войне, в которой советский народ смог победить сильного, жестокого врага. Именно эти истории о советских людях из разных социальных слоев, имевших реальные прототипы, выживавших в сложных, нечеловеческих условиях, погибавших в боях, и все-таки побеждавших, производят неизгладимое впечатление на читателя, переносят нас в те давние, по большей части, первые годы войны, когда на кону стояло само существование нашей Родины. И мы понимаем, что именно их каждодневный тяжелейший военный труд, на пределе и даже за пределами человеческих возможностей, капля по капле вносил вклад в общую победу.

Следует заметить, что самые искренние, самые сильные произведения о войне были написаны годы и десятилетия спустя после ее окончания. Да, большое видится на расстоянии. Так было всегда. «Война и мир», «Севастопольские рассказы», «Порт-Артур», лучшие произведения о гражданской войне и афганских событиях появились намного позже описанных в них событий. И, наверное, это закономерно. В те дни, месяцы, годы, когда шли боевые действия, когда еще не свершились все события, писателям было не до их художественного воплощения. Они должны были реагировать на них незамедлительно, исполнять свой писательский и журналистский долг, отражая будни войны. Классики советской литературы М. Шолохов, Л. Леонов, А. Толстой, А. Фадеев, Вс. Иванов, И. Эренбург, Б. Горбатов, Д. Бедный, В. Вишневский, В. Василевская, К. Симонов, А. Сурков, Б. Лавренев, Л. Соболев и другие писатели и поэты были корреспондентами фронтовых и центральных газет. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» Маяковского — это о них. Они, как и вся страна, работали на победу, поднимали боевой дух бойцов короткими, афористичными, яркими

формами — стихами, очерками, рассказами. Самым важным в них были примеры героических поступков советских солдат, матросов, летчиков, танкистов, которые воодушевляли красноармейцев, вселяли веру в победу над врагом. Бойцы хранили эти вырезки из газет и перечитывали стихи Твардовского, Симонова, Суркова... В этих заметках не было и не должно было быть проблемной тематики, негатива, фактов и критики ошибок и недостатков (за паникерство в годы войны даже расстреливали). Также в них не могло быть подробностей реальной ситуации на фронтах, и даже конкретных мест, в которых происходили события, в силу секретности. Даже избыточная художественность, описательность, психологизм были излишними, неестественными в той суровой обстановке. В литературе и журналистике тех лет действовал единый великий лозунг: все для фронта, все для победы! Кроме того, следует иметь в виду особенно усилившийся в напряженных условиях войны идеологический фактор. Поэтому эти публикации имели упрощенный, агитационно-пропагандистский характер. Конечно, и среди них были произведения большой художественной силы, такие как рассказ Михаила Шолохова «Наука ненависти» и отрывки из романа «Они сражались за Родину», повесть «Сын полка» Валентина Катаева.

Настоящее литературно-художественное осмысление этих трагических страниц нашей истории пришло позже. Но и в первые послевоенные годы редакторы советских издательств требовали от писателей смягчения бытовых подробностей и жестокой правды войны, усиления идеологической составляющей — роли партии и высшего руководства в победе над врагом. Даже знаменитый роман «Молодая гвардия» Фадееву пришлось переписывать, чтобы показать, по требованию Сталина, руководящую роль партии в деятельности краснодонского подполья. Одним из немногих исключений стала повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», получившая Сталинскую премию. В последующие годы, по мере ослабления идеологических запретов, так называемая «лейтенантская» проза принесла много правдивых и эмоционально насыщенных произведений о Великой Отечественной войне. И это не удивительно. Их авторы лично участвовали в боях. Николай Грибачев, Василь Быков, Вячеслав Кондратьев воевали в пехоте; Юрий Бондарев, Евгений Носов, Григорий Бакланов были артиллеристами; Олесь Гончар и Михаил Алексеев — минометчиками; Виктор Астафьев и Юрий Гончаров — связистами; Сергей Орлов и Анатолий Ананьев — танкистами; Владимир Богомолов — десантником и разведчиком; Константин Воробьев, Дмитрий Гусаров, Алесь Адамович — партизанами...

Поражает разнообразие героев и сюжетов этих произведений. Помню какое сильное впечатление на меня произвела повесть Бориса Васильева «В списках не значился», опубликованная в журнале «Юность». Это был редкий в советской литературе, основанный на коллективизме и методе социалистического реализма, сюжет о многодневном сражении одиночки, советского солдата, чудом выжившего в подвалах Брестской крепости, против немецкого гарнизона. Особенно врезался в память эпизод, возможно, вымышленный, когда его герой, Николай Плужников, наблюдает приезд в крепость Гитлера и сожалеет о невозможности уничтожить всю эту фашистскую нечисть. А повесть Васильева «А зори здесь тихие» о подвиге юных зенитчиц в карельских лесах! Уникальный по сюжету рассказ о том, как простые советские девушки, мечтающие о любви и счастье, вступают в бой с отрядом элитных немецких диверсантов. И побеждают их! Даже ценой своей жизни. Невероятной эмоциональной силы повесть!

Столь же сильное воздействие на читателя оказывают и другие произведения так называемой «окопной» правды. В них не только описания боевых действий, но и множество деталей самой жизни солдата на войне: организации армейского быта, правил подготовки к обороне и атаке, взаимоотношений рядового и командного состава. А начинается все с прихода мобилизованного в воинскую часть и превращения рабочего, колхозника, шофера, служащего, студента в солдата. И неизбежное обезли-

чивание человека: кем и каким бы ты ни был на гражданке, в армии ты становишься боевой единицей, обязанной исполнять приказы. И чем раньше ты это осознал и принял, тем лучше для тебя и для дела. Писатели-фронтовики, сами испытавшие на себе жесткую дисциплину, муштру, скудость быта и питания, описывают превращение разнородной толпы призывников в более-менее организованные подразделения. Особенно натуралистично и жестко это показано в дилогии Виктора Астафьева «Прокляты и убиты». Измученные невыносимыми условиями быта в карантине, новобранцы мечтали поскорее получить нормальное обмундирование и оружие и попасть на фронт. И вот они на передовой. И начинается каждодневная тяжелая военная работа, под постоянными обстрелами и бомбежками: рытье окопов и траншей, оборудование блиндажей, огневых точек, доставка оружия и боеприпасов, организация связи... Длительные переходы с оружием и боеприпасами, вечный недосып и дикая усталость, когда все делается через «не могу». И еще напряженное ожидание боевых действий. Как пишет Николай Некрасов, «На войне никогда ничего не знаешь, кроме того, что у тебя под самым носом творится... самое страшное — это бездеятельность, неопределенность, отсутствие непосредственной цели». Только те, кто был на передовой, окапывался в чистом поле, налаживал хоть какие-то условия жизни, могли передать подробности воинского быта. Недоедание, холод, антисанитария, усталость, недосып были постоянным фоном существования бойцов. А когда не было возможности подвезти полевые кухни, неделями перебивались сухими пайками и подножным кормом, добываемым где только можно. И всегда, и всюду, как древних людей, выручал огонь: костерок в каком-то укрытии, печурка в землянке, печка в избе или хотя бы самокрутка, чтобы согреть носоглотку... Хоть заочневшие руки протянуть к огоньку, подогреть еду, испечь в горячей золе картошку, просушить мокрую одежду и обувь, хлебнуть кипятку...

Особенно тяжело читать о первом-втором годах войны, когда опытная, хорошо организованная и вооруженная немецкая военная машина катилась по стране на восток, преодолевая попытки сопротивления и контратак Красной Армии. Окружения, бомбежки, разрушенные станции и мосты, превосходство врага в технике, потеря в боях вооружения и боеприпасов, гибель командиров, отсутствие связи, сумятица... Как пишет Астафьев: «...лучшие бойцы погибали, не увидав врага, не побывав даже в окопах, под бомбежками в эшелонах, на марше; не дойдя до передовой, целые соединения оказывались в котле, в окружении». И, увы, попадали в плен, от чего потом выжившие, даже закончившие войну в боевых частях, не могли оправдаться всю жизнь. «Помкомвзвода видел под Вязьмой ополченцев, с палками, ломami, кирками и лопатами, брошенных на врага добывать оружие, их из пулеметов секли, гусеницами давили», — пишет Астафьев об этих самых страшных месяцах войны. И все же Москву удалось отстоять. Отброшенные от Москвы, гитлеровцы в следующем, сорок втором году перенесли всю мощь своих ударов на восточное и южное направление. И снова Красная Армия столкнулась «с врагом, хорошо обученным, воевать умеющим не только храбро, но и расчетливо», и снова пришлось отступить, как летом сорок первого года. Все это подробно описано Астафьевым, Некрасовым, Шолоховым... И прекрасно показано в фильме «Они сражались за Родину» с участием наших лучших актеров: Шукшина, Тихонова, Бондарчука, Буркова, Никулина, Губенко, Лапикова, Волкова...

В начале романа «В окопах Сталинграда» Виктор Некрасов описывает как летом сорок второго года его подразделение хорошо подготовилось к обороне в районе реки Оскол, и вдруг приходит команда отходить. И весь многодневный тяжелый труд — впустую. А когда они пытаются догнать свои отступившие части, оказывается, что те уже разбиты, а сами натываются на немецкую пехоту и танки. Что может быть страшнее окружения? Как пишет Астафьев, «роковое слово «окружение» правило несметными табунами людей, бегущих, бредущих, ползущих куда-то без всяких

приказов, правил, по одному лишь ориентиру — на восход солнца, на восток, к своим». А их постоянно бомбила и расстреливала вражеская авиация. В первом же бою подразделение Некрасова, впервые увидевшее немцев, несет серьезные потери: «У нас уже четверо раненых и шестеро убитых». А ведь это его бойцы, которых он знал по именам, характерам, судьбам... И потом, в сталинградских боях, постоянные доклады о потерях убитыми и ранеными. «Просто как-то это все здесь, на фронте. Был вчера — сегодня нет. А завтра, может, и тебя не будет. И так же глухо будет падать земля на крышку твоего гроба. А может, и гроба не будет, а занесет тебя снегом и будешь лежать, уткнувшись лицом в землю, пока война не кончится». Белобрысый парнишка-пулеметчик случайно поднимает голов над бруствером и тут же оседает, получив пулю от немецкого снайпера. Типичный диалог: «— Да, Филатова помнишь? Пулеметчика. Пожилой такой, ворчун. — Помню. — Немецким танком раздавило. Не отошел от пулемета. Так и раздавило их вместе. — Жаль старика». Вот это обесценивание человеческой жизни на войне поражает человека мирного времени: еще вчера он был рядом с тобой плечом к плечу, и вот его уже нет. Лучше всех это выразил наш гений Высоцкий: «— Друг! Оставь покурить! — А в ответ — тишина: Он вчера не вернулся из боя...».

Фронтальная дружба. Ни один рассказ о войне не обходится без нее. Это было то самое: пошел бы с ним в разведку? Как она помогала на фронте! И в бою, и в самые невыносимые моменты бытия. В любом временном коллективе в моменты отдыха рано или поздно начинаются рассказы о чем-то из своей жизни. Просто из необходимости развлечься, забыться от дневных забот. Особенно сильна была эта потребность на войне. Как хочется раскрыть скукоженную войной душу, почувствовать понимание и поддержку, услышать ответную откровенность! По большей части это были воспоминания о мирной жизни, которые грели души бойцов. Все прошлое, обыденное, с кажущимися теперь мелкими проблемами превратилось в образ утерянного счастья. Об этом и вспоминали. Кто-то веселил народ байками из своей биографии, украшая их неумной фантазией, кто-то рассказывал об интересных людях, с которыми пришлось столкнуться по жизни, кто-то скупое — о работе и семье. И эти нехитрые истории людей разных профессий, возраста, из разных социальных слоев выслушивались как самые интересные романы, под шутки или понимающее молчание. Из этих рассказов узнавали близких по духу, с которыми потом сблизались, делились сокровенным. У войны свои права на человеческую жизнь, но какой же была радость, когда оказывалось, что потерянный в сумятице отступления или тяжело раненый друг жив! Жизнь берет свое. Она сильнее смерти. Поэтому во многих рассказах о войне возникает тема любви. Даже увидев женское лицо, фигуру — связистки, машинистки, медсестры, поварихи — огрубевшие в окопах бойцы оттаивали душой. Пусть это была случайная встреча, разговор, взгляд, улыбка, но на душе становилось теплее. Чувство это было редкостью, но тем более ценилось: от мимолетной симпатии до устойчивых связей у высшего командного состава, разумеется, неофициальных.

В повестях писателей-фронтовиков встречаются и другие, мало кому известные детали управления войсками: постоянные штабные проверки боевых частей и даже бумажная отчетность (!) командиров: «— Особенно прошу вас не забывать каждого четырнадцатого и двадцать девятого присылать формы — 1, 1—6, 13 и 14. И месячный отчет — к тридцатому». Как пишет Некрасов: «Мы роемся, ставим мины, пишем длиннейшие донесения. «За ночь сделано окопов стрелковых столько-то, траншей столько-то, минометных позиций, блиндажей, минных полей столько-то, потери такие-то, за это время разрушено то-то и то-то...». А еще оказывается, что начфин добирается на передовую, чтобы выдавать деньги, «даже с полевыми, и девать их все равно некуда...». Особенно заметна огромная разница между условиями быта солдат на передовой и тыловой жизнью обеспечивающих подразделений (тем, что теперь

называют логистикой). Бойцы в окопах недолюбливали тыловиков. Очень резко об этом пишет Астафьев. Но ведь, объективно говоря, без снабжения войск ни в мирное, ни в военное время обойтись нельзя.

Виктор Некрасов описывает как немецкая авиация за несколько недель разрушила Сталинград, превратив в руины прекрасный город, а потом методично бомбила наши позиции, готовя наступление пехоты и танков: «Немцы рвутся к Волге. Пьяные, осатанелые, в пилотках набекрень, с засученными рукавами. Говорят, перед нами эсэсовцы — не то «Викинг», не то «Мертвая голова», не то что-то еще более страшное. Кричат как оглашенные, поливают нас дождем из автоматов, откатываются, опять лезут». Но наши бойцы держались. «Временами и сам не понимаю, почему еще держусь, — с каждым днем людей становится все меньше и меньше», — вспоминает комбат Некрасов оборону завода «Метиз». И даже шли в контратаки. И дает потрясающее описание ночного боя: «Самый сложный вид боя. Бой одиночек. Боец здесь все. Власть его неограниченна. Инициатива, смелость, инстинкт, чутье, находчивость — вот что решает исход. Здесь нет массового, самозабвенного азарта дневной атаки. Нет чувства локтя. Нет «ура», облегчающего, все закрывающего, возбуждающего «ура». ... Нет кругозора. И пути назад нет». А потом полтора десятка бойцов, отрезанные от своих, обороняют захваченный кусочек Мамаева кургана: «После трех немцы начинают атаки. Это длится до вечера. Переменяясь. Атака, обстрел, атака, опять обстрел. Последнюю атаку мы отражаем, совсем уже выбившись из сил. Пулеметы шипят, как чайники. Где достать воды?» Изнемогая от жажды, оставляют последние литры воды для охлаждения пулеметов. Грязь, антисанитария, раненые умирают от заражения крови. В одежде и на теле паразиты: «Вши, пожалуй, самое мучительное на фронте». Но человек привыкает ко всему: «...если кого-нибудь убило, закапывают тут же на берегу, в воронках от бомб. Раненых ведут в санчасть. И все это спокойно, с перекурами, шуточками». Не хоронят, а закапывают! Так поступали на передовой, по ночам, с телами погибших в дневных боях соратников. Тех, кто еще вчера прикрывал тебя в бою, делился табачком, показывал карточку любимой девушки и надеялся вернуться к ней...

Но что помогло выдержать это невозможное бытие, мучительный труд, эти тяготы, смерти, этот каждодневный, ставший привычным ужас войны? Великотерпение нашего человека, его святая ненависть к врагу, принесшему непомерное горе на нашу землю. Как пишет Некрасов о рядовом солдате: «за эту родину... за товарищей своих по полку, за свою покосившуюся хибарку где-то на Алтае — он будет драться до последнего патрона. А кончатся патроны — кулаками, зубами... вот это и есть русский человек». Вот так и дрались — отчаянно, со святой ненавистью. «Людей, ничего не боящихся, нет. Все боятся. Только одни теряют голову от страха, а у других, наоборот, все мобилизуется в такую минуту, и мозг работает особенно остро и точно. Это и есть храбрые люди». Конечно, дороже жизни у человека ничего нет, поэтому на войне было всякое: и трусость, и дезертирство, и самострелы, и шкурничество... В любом стаде не без паршивой овцы. Поэтому действовали приказы «Ни шагу назад!», и особые отделы, и штрафные батальоны, и публичные расстрелы дезертиров, и еще многое, что сейчас кажется непомерно жестоким. Но эта чрезвычайщина оправдывалась главной целью: защита Родины.

Подвиг. Под ним понимается геройский поступок, самопожертвование. Александр Матросов, Николай Гастелло, панфиловцы, Зоя Космодемьянская, «Молодая гвардия» ... Имена героев Великой Отечественной войны широко известны. Но ведь каждый боец, стоявший насмерть в обороне или поднимавшийся в атаку, тоже был героем, пусть так и оставшимся неизвестным, «принявшим пулю на вдохе». А когда приходилось оставлять нескольких бойцов для прикрытия отступающего подразделения? Ведь их обрекали на смерть. И все же находились такие, кто вызывался добровольно. Разве это не подвиг? Говорят, что на миру и смерть красна. Да, в атаке, под

громкое «Ура!»), среди бегущих рядом товарищей, возникало воодушевление, которое нивелировало естественный страх смерти. Но на войне бывали ситуации, когда бой приходилось принимать в одиночку, понимая, что никто этого не увидит и, возможно, об этом никогда не узнают. Такую историю поведал Василь Быков в повести «Сотников». Его герой, партизан, вспоминает подвиг обреченного на смерть в плену советского полковника, который с презрением и ненавистью отвечал немецкому офицеру, «но те несколько минут перед расстрелом были его триумфом, его последним подвигом, наверно, не менее трудным, чем на поле боя; ведь не было даже надежды, что его услышит кто-то из своих». Похожая судьба ждала и самого Сотникова. Когда он попал в плен, «гибель с оружием в руках казалась ему недостижимой роскошью, и он почти завидовал тысячам тех счастливых, которые нашли свой честный конец на фронте великой войны». Понимая неизбежность смерти, он успокаивал себя тем, что исполнил свой воинский долг, что несколько врагов все же нашли смерть и от его руки. «На первый взгляд это казалось странным, но, примирившись с собственной смертью, Сотников на несколько коротких часов приобрел какую-то особую, почти абсолютную независимость от силы своих врагов». И он решил взять всю вину на себя, пытаясь спасти других пленников. Увы, их участь уже была предопределена, но это ли не самопожертвование, равноценное подвигу?

В этой небольшой повести потрясает финал: публичная казнь старика, женщины, девочки и партизана. Серый зимний день, на площадь небольшого поселка полицаи согнали группу женщин, стариков, подростков. Все обыденно и просто, если не считать покачивающихся на ветру петель виселицы. И если советский офицер Сотников был реальным врагом фашистов и их пособников, то приютившие партизан многодетная женщина и старик, ставший не по своей воле старостой, попали в руки полицаяв случайно. Но самым чудовищным было то, что вместе с ними была повешена ни в чем не повинная еврейская девочка. Это кажется невыносимым, но Быкову не верить нельзя. Она умерла, не проронив ни звука, как и старик-староста, и поэтому особенно ужасным был отчаянный крик женщины, до последнего момента умолявшей о пощаде, не желавшей смириться со смертью. Вот он, страшный лик войны! И последние, совершенно не героические мысли Сотникова перед смертью, когда он попытался взглядом передать свою жизнь какому-то сочувствующему подростку в толпе: «...сердце его болезненно жалось в предсмертной судороге: перед концом так захотелось отпустить все тормоза и заплакать. Вместо того он вдруг улыбнулся в последний раз своей, наверно, жалкой, вымученной улыбкой». Поразительное, толстовской правдивости описание последних мгновений человеческой жизни!

Я родился еще при Сталине и помню скудные, полуголодные пятидесятые годы в нашем поселке в белорусском Полесье, по которому война прокатилась дважды. Помню и рассказы людей старшего поколения о войне. И постоянную присказку матери, теток, бабушки и знакомых женщин, переживших оккупацию, плен, угон в Германию, смерть мужей, братьев, детей: «Лишь бы не было войны!». Сами фронтовики не любили вспоминать и рассказывать о ней. Возможно потому, что их воспоминания не соответствовали победному тону средств массовой информации. Да и сам этот день, девятое мая, долгое время был обычным рабочим днем. Но фронтовики собирались, отмечали его наедине, без родственников. И долго в окошке не гас свет, и были красными отцовские глаза. Пока им, двадцать лет спустя, опять не приказали сверху: «Фронтовики, наденьте ордена!».

А ордена и медали на фронте давали не зря. Хотя воевали, конечно, не за награды. Любой красноармеец, убивший хоть одного вражеского солдата, повредивший его технику, принесший любой вред противнику, уже оправдывал свой воинский долг. Все бойцы, погибшие в обороне, в атаке, пропавшие без вести, умершие от ран в госпиталях, достойны славы и нашей памяти. Их имена и фотографии, известные только родственникам, теперь можно увидеть в руках внуков и правнуков в рядах

«Бессмертного полка». И это очень правильно. Самое большее, чего бы хотели от нас павшие в боях — памяти и благодарности. Вряд ли в азарте атаки, в последние мгновения жизни они думали об этом, но всегда она была, эта подспудная мысль: лишь бы не зря! Хуже всего было в первые месяцы сорок первого года, когда наши солдаты погибали, попадали в плен, не сделав ни единого выстрела, о чем с горечью пишет Астафьев. И совсем по-другому сражались в последние годы и месяцы войны, когда Красная Армия громила яростно сопротивлявшегося врага. Да, потери были велики. Сотни тысяч советских солдат погибали уже за границами Родины, но победную лавину наших армий остановить было невозможно. «Не озлобление, а лихорадочное нетерпение подгоняло людей отныне» — пишет Казакевич в повести «Весна на Одер». И даже медсестра «подметила у этих раненых, почти у всех, черту, не виданную ею раньше. Вместо некоторой доли удовлетворения тем, что они не убиты, а, слава богу, только ранены, они теперь испытывали горечь от того, что не удалось довоевать войну. До Берлина рукой подать...». Это были уже совсем другие воины: опытные, умелые, поддерживаемые боевой техникой, которая превосходила вооружение противника. Это видно даже по кадрам документальной съемки во время боев в немецких городах. Коренастые бойцы в невзрачной одежде — телогрейках, поношенных ушанках и сапогах — перебегают из одного здания в другое, прикрывают друг друга огнем из автоматов ППШ, забрасывают врагов гранатами, быстро подкатывают пулеметы и пушки и бьют прямой наводкой по засевшим в домах и подвалах фашистам.

Особую роль в годы войны имела идеологическая работа политруков с личным составом, поднимавших боевой дух красноармейцев. Как бы мы сейчас ни относились к ведущей роли КПСС (ВКПб) в истории СССР, но именно партия в первые же месяцы войны провела невероятную по масштабам и оперативности операцию по выводу производственных мощностей в отдаленные районы страны и перестройке всего народного хозяйства на нужды обороны. Тяжелейшая работа тыла под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» позволила Советскому Союзу нарастить производство такого количества оружия и боевой техники, которое значительно превзошло вооруженность немецких войск и внесло решающий перелом в боевые действия. А солдаты на передовой, наконец, почувствовали приток оружия — артиллерии, бронетехники, авиации, что резко подняло боевой дух красноармейцев. В ходе операции «Багратион» летом 1944 года Красная Армия имела многократное превосходство в авиации, танках, артиллерийских орудиях и минометах, что предопределило разгром группы армий «Центр», после которого фашистская Германия оправиться уже не смогла. И теперь уже наши танковые соединения разрывали оборону противника и брали его в окружение, а наша авиация практически беспрепятственно громила отступающие части врага. Сочетание боевого духа советских воинов и серьезного оружия сломало вооруженную и отлаженную немецкую военную машину.

Говоря о значении материально-технического обеспечения войск в ходе войны, нельзя не упомянуть о помощи, которую СССР получил от союзников по антигитлеровской коалиции. Невзирая на последующие сложные отношения с правительством США и других союзников, было бы черной неблагодарностью отрицать ту большую военную и материальную помощь, которую они оказывали нам в годы войны. «Студебеккеры», «форды», «доджи», «виллисы», «аэро-кобры» постоянно мелькают в документальных и художественных фильмах о Великой Отечественной войне. А знаменитая фраза «Давай откроем второй фронт!» об американской тушенке стала нарицательной. Увы, в самые трудные периоды войны, когда враг приблизился к Волге и все с нетерпением ждали открытия второго фронта, который мог отвлечь немецкие войска с восточного фронта, этого не случилось. Он был открыт долгие годы спустя, летом 1944 года, когда советские войска уже вышли за границы СССР, самостоятельно справившись с армией фашистской Германии.

Конечно, в художественных произведениях «лейтенантской» прозы нет масштабности больших романов. Таких, например, как знаменитый роман «Живые и мертвые» Константина Симонова, монументальное по изложению и глубине описание событий и человеческих судеб в эпоху испытаний. Эта книга, глубоко раскрывающая характеры героев, пропитанная эмоциями, переживаниями и болью, неподдельными чувствами и героизмом, передает всю реальность жизни в тяжелейшие годы войны. Для объективного отображения событий писатели опирались на личный опыт, документальную литературу, воспоминания очевидцев. Благодаря вниманию к фактическому материалу, жизненному опыту и художественному мастерству советских писателей появились такие романы, как «Блокада» и «Победа» Александра Чаковского, «Война» Ивана Стаднюка, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, «Момент истины» Владимира Богомолова, «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева, «Капитан дальнего плавания» Александра Крона, «Июль 41 года» Григория Бакланова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Реквием каравану PQ-17» Валентина Пикуля, «Убиты под Москвой» Константина Воробьева, «Мой лейтенант» Даниила Гранина и многие другие произведения о войне.

Но даже в крупных художественных формах нет полноты картины событий Великой Отечественной войны, отраженных в документальных материалах, в том числе в воспоминаниях крупнейших военачальников Красной Армии, самыми знаменитыми из которых являются мемуары маршала Жукова. На этом уровне огромные массы живой силы и боевой техники, в которых не только отдельный солдат, но и батальоны, полки были песчинками, выглядели как значки и стрелки на картах. От того, куда и как они будут направлены, зависели жизни десятков и даже сотен тысяч людей. Историки продолжают спорить об оправданности тех или иных решений высшего военного и политического руководства СССР и лично Сталина, особенно в первый год войны, но офицерскому и рядовому составу приходилось исполнять их, иногда ценой огромных жертв. Но в масштабе армий и фронтов отдельные жертвы превращались в статистику. Особенно в первые месяцы, когда врагу удалось, воспользовавшись внезапностью нападения и перевесом в технике, прорвать оборону Красной Армии, окружить наши части, нарушить связи между подразделениями, лишить их управляемости. Красные командиры и политруки пытались организовать сопротивление, наносили врагу урон, сдерживали его на отдельных участках, но большая часть войск была дезорганизована. Об этом пишут все авторы военной прозы. Ведь в начале войны наше командование столкнулось с новой, непривычной тактикой ведения боевых действий, которую фашисты отработали при захвате Европы, со ставкой на современную боевую технику, мощные танковые ударные армии, авиацию, поражающую воинские подразделения и инфраструктуру нашего тыла... Понадобились месяцы сражений на разных фронтах, большие потери, чтобы наш генералитет освоил эту новую реальность, накопил тактический, оперативный и стратегический опыт и стал разрабатывать успешные, ставшие легендарными фронтовые операции.

Как бы отважно ни сражались бойцы, без умелого командования они обречены на гибель. И война это доказывала неоднократно. А командиры, как и все люди, были разными. Была неоправданная жестокость и самоуправство командиров, безжалостно гнавших пехоту на вражеские пулеметы, чтобы взять какую-то высоту, не считаясь с потерями. Война все спишет! Ведь победителей не судят. Об одном из таких случаев рассказывает Некрасов, когда командира-штабиста, вмешавшегося в проведение наступательной операции, что привело к бессмысленным потерям, судили полевым судом и, разжаловав, направили в штрафбат. Но большинство командного состава Красной Армии формировалось из хорошо подготовленных, опытных людей, прошедших проверку в боях. Командир должен быть требовательным и строгим (без этого нельзя!), но справедливым. А чего еще желать от начальства? В повести Эмма-

нуила Казакевича «Весна на Одере» показан образ именно такого командира высшего ранга, члена Военного совета генерала Сизокрылова, лично присутствовавшего в передовых частях во время боев в Германии и даже рисковавшего своей жизнью во время осмотра позиций. Это был жесткий, умный человек, прекрасно знавший свое дело. Он требовал от подчиненных полную информацию о положении дел, держал в голове всю картину событий на различных участках фронта, о состоянии боевых и обслуживающих подразделений, резервов и их взаимодействия. Выяснив положение на месте, он давал краткие и точные команды, исходя из полученных от Верховного главнокомандующего поручений. Еще большее уважение к нему вызвала та выдержка, с которой он продолжал исполнять свой долг, даже когда ему сообщили о гибели его сына-танкиста в бою. Вот такие командиры внесли огромный вклад в нашу победу, именно таких командиров уважали, ценили и любили бойцы.

На войне без жертв невозможно. Иногда командованию, при организации обороны и наступления, приходилось идти на них сознательно, стараясь исполнять крупные боевые задачи малой кровью. Для обмана противника применялись разведки боем, отвлекающие удары, которые в штабах планировались для успеха стратегических операций. Эта трагическая тема также звучит в произведениях писателей-фронтовиков, донося до нас суровую правду войны. Такова была судьба героев повести Юрия Бондарева «Батальоны просят огня», форсировавших Днепр осенью 1943 года. По ходу боевых действий оперативно-тактическая обстановка изменилась, и место переправы стало для высшего командования второстепенным направлением. Но занявшие плацдарм батальоны, лишённые артиллерийской поддержки, отчаянно сражались с превосходящими силами противника. Почти все они погибли, но не сдали свои позиции. Этот отдельный эпизод показывает, насколько жестокими были бои даже в ходе наступления советских войск. Такая стойкость и самопожертвование миллионов рядовых бойцов и офицеров Красной Армии предопределили исход этой великой войны.

Невозможно в одной статье отразить весь огромный художественный материал русскоязычной литературы о Великой Отечественной войне, великой литературы о великой войне. Каждое из этих многочисленных произведений показывает нам одну из драматичных и героических страниц тех исторических событий. Советские писатели, в том числе лично участвовавшие в боевых действиях, высокохудожественно и правдиво отразили в своих произведениях и сохранили для будущих поколений трагические события Великой Отечественной войны, всю тяжесть испытаний, выпавших на долю нашего народа, а главное — его великий подвиг на фронтах и в тылу, принесший такую дорогую и великую Победу.

Евгений Асташкин

г. Омск

КОЖАНЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской премии «Левша» имени Н. С. Лескова, член Петровской академии наук и искусств.

В последнее время издательства явили новый тренд, касающийся прежде всего самых продвинутых читателей. Вообще-то я хотел сказать — самых денежных. Энтузиасты принялись издавать дорогие книги в кожаных переплетах — штучная работа. Дизайн, конечно, сногшибательный. Книга так и просится не только в руки, но и сразу на выставку редкостей.

Где же все это реализуется? В нашем миллионном Омске я таких изданий не видел ни в одном магазине. К слову, большинство книжных магазинов позакрывалось. Букинистическая лавка всего одна. Недавно там я провел больше часа, разговаривая с владельцем и рассматривая стеллажи. И за это время лавку посетила лишь одна девушка студенческого возраста, да и то ничего не купила.

Я специально обзванивал друзей, имеющих приличные библиотеки и знающих всех местных книгоманов. Ни у кого из них тоже нет современных подарочных книг в кожаном переплете.

В то же время на площадках OZON и WILDBERRIES изобилие предложений. Каталог обширный, однако дополнительной информации мало. Почему-то нигде не упоминается издатель. Лишь в одном месте промелькнуло — Московская переплетная мастерская «Сафьян». Чего только уже не выпущено из таких фолиантов, стоимостью в ползарплаты и выше. Античная философия, коллекционирование, репродукции картин, различные исследования. Переиздана первая серия «Библиотеки приключений» 1960-х годов. Художественная классика переиздается с явным уклоном в острозаметность. Фантастика отсутствует полностью — ее и так переизбыток в непритязательных изданиях для дорожного чтения. Из современных авторов присутствуют Пелевин, Аксенов, Юлиан Семенов, — не более дюжины фамилий. Конечно же — «Тайный советник вождя» в трех томах — куда же без него...

В преддверии 80-летия Великой Победы на просторах интернета вал публикаций, просто заметок или полемики в отношении наиболее значимых художественных произведений, созданных на эту тему. Наиболее тщательно анализировалась так называемая «лейтенантская» проза, где запечатлена настоящая «окопная» правда.

Активнее всех на Дзене включился в этот разговор Захар Прилепин, он едва ли не ежедневно помещает там рой беглых заметок со своей фирменной афористичностью, иронией и хлесткостью. Одно его обширное интервью было полностью посвящено вершинам отечественной военной прозы, которую просто неприлично не знать любому уважающему себя человеку. Среди перечисленного им совсем хрестоматийные «Живые и мертвые» Константина Симонова, «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, романы и повести

белорусского писателя Василя Быкова. Дополнили список «Война» Ивана Стаднюка, «Танки идут ромбом» Анатолия Ананьева, «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» Юрия Бондарева, «Блокада» Александра Чаковского, пьеса «Нашествие» Леонида Леонова, «А зори здесь тихие» Бориса Васильева.

3. Прилепин сетует на то, что у современного поколения совсем другие приоритеты в литературе, молодежь не особо стремится осваивать те книги из советского прошлого, которые прошли проверку временем. Со своей стороны, я тоже отметил из процитированного списка пару произведений, которые я, к своему стыду, не читал. Если бы меня сейчас кто-то стал корить за это, я бы в ответ спросил у него, знает ли он, какие у меня минусовые диоптрии? И еще показал бы свою библиотеку, которую начал сознательно формировать сразу после школы. В основном это собрания сочинений, более ста из них «огоньковские» подписки, почти вся БВЛ за исключением тех вещей, которые дублируются в других книгах. А еще томики из «Библиотеки поэта», современные авторы. И все это стоит на полках не для красоты.

Чтобы срочно заполнить образовавшийся пробел, я несколько поздних вечеров, заходящих за полночь, посвятил прослушиванию тех двух нечитанных мной книг в формате аудио. Так сказать, пощадил остатки своего зрения. Это оказалось очень удобным. Помнится, первый раз я прибег к этому лет десять назад. Но дикторское чтение из компьютерных колонок постоянно зависало на одной дробной ноте, слушать такое — настоящая пытка. А сейчас совсем другое. Читают настоящие профессионалы, с душой, без оговорок. Оказалось, можно даже убыстрять скорость чтеца, лишь бы не буратило. На прослушивание книги «Батальоны просят огня» ушло семь с половиной часов. Так что я не только устранил пробел в образовании, но и получил эстетическое удовольствие от самих текстов, это действительно шедевры. Единственно, что мне показалось лишним в романе Ананьева — ряд публицистических вкраплений ближе к концу, с отношением уже к послевоенному времени, когда поверженный фашизм понес заслуженное наказание. Наверное, это требовалось в те годы, потому что речь шла о нашем отступлении. Однако со временем эти вставки стали напоминать то, что называют «общим местом».

Естественно, меня не могло не заинтересовать, а что же из военной прозы заслужило честь попасть в кожаные переплеты. К сожалению, нашел очень мало авторов. В основном, тематическое — «История русской армии», «Маршалы Победы», «История русского флота», «Великая отечественная война», «Оружие русской армии» и т.д. Из художественных книг — три тома «Живые и мертвые» К. Симонова, «Они сражались за Родину» М. Шолохова. Не нашел нашумевшей книги Виктора Астафьева «Прокляты и убиты», наверное из-за того, что слишком болезненно эту книгу встретили ветераны войны, они обвиняли автора в искажении истины и даже очернительстве.

У меня самого так и не сложилось окончательного мнения об этой книге. Надо на себе испытать те ужасы военного времени, чтобы иметь об этом конкретное представление. Все-таки писатель воевал, а не пользовался чужими воспоминаниями. Не согласен с теми, кто утверждает, что многие страницы этого романа напоминают физиологические очерки. В. Астафьев очень зорек в мельчайших деталях, все эти казарменные подробности в визуальном плане наглядны и очень достоверны. Я специально дал одному отставному военному, активному такому дядечке, который даже писал протесты против «Ельцин-центра», почитать этот роман Астафьева, чтобы он высказал свое мнение. Он сначала, еще когда мы мало знали друг друга, пытался испытать меня, спросив, за что дали Черчиллю Нобелевскую премию? Думал, что я скажу: за наиболее полную историю Второй мировой войны. Но я сказал: за исторические и биографические произведения — и прошел его проверку.

Возвращая книгу, этот отставной военный мне по десяти пунктам озвучил обнаруженные неточности в астафьевском романе. В одном месте описывается, как сель-

ский богатырь сметает стог сена. За один раз подцепить вилами такое количество сена не смог бы даже Жаботинский, или сломались бы вилы. Были замечания и по поводу окраски кабеля связи, который протягивали на передовую. Всего я не запомнил, жаль, что это не было написано на бумажке. В одном мы с военной косточкой сошлись единогласно: Астафьев люто не переваривал замполитов.

И все же Астафьев — это величина! Один «Стародуб» чего стоит. А книгу о войне он написал всего одну, да и то к концу жизни. В одном интервью он объяснял это очень эмоционально. То, что он видел на фронте своими глазами, все эти ужасы, окопавшие трупы, растерзанные тела — о таком трудно, почти невозможно писать.

Астафьев изобразил невыносимые условия содержания новобранцев, но ведь он не одинок в таком пессимизме. Я от корки до корки прочитал Мамина-Сибиряка (10 томов), Помяловского (3 тома), Глеба Успенского (9 томов, кроме писем), они тоже изобразили народную жизнь на золотодобыче, лесосплаве и заводах, на пашне внаем крайне неприглядно, можно даже сказать, трагично. Все заработанные гроши тут же идут в пропой, хотя дома голодает детвора. Диву даешься, как смогла устоять Россия, если такое творилось повсеместно. Правда, из примечаний к Успенскому и Помяловскому выяснилось, что цензоры со многим в их творчестве были категорически не согласны, считали, что авторы сгущают краски. Не верится, что те цензоры были реакционными.

Когда был полностью издан Иван Шмелев, я досконально изучил и его очень теплое творчество. У него картины дореволюционной жизни совсем другие. В романе «Лето Господне» описаны вполне гармоничные отношения между купцами и наемными работниками. Платили за работу хорошо, к каждому празднику подарки дворне. Люди были набожны, соблюдали все вековые традиции. Никаких пьянок, все при деле. Может, такая идиллия из-за того, что автор пишет о своем отце? Придется положить на расхожее правило, что истина находится где-то посередине.

Лично мне из написанного на военную тему ближе всего творчество Василя Быкова. Он и писал преимущественно о войне, избегая публицистических отступлений, действие ничем не перебивается. Его проникновение в тему и сам стиль с описаниями природы и всех деталей на передовой просто завораживают. Я прочитал все произведения этого писателя. В моей библиотеке был четырехтомник, изданный в 1985 году, но туда вошло далеко не все. У меня выпрашивали это издание, и я сдался в конце концов, надеясь, что выпустят более полное собрание сочинений. Вообще-то в Белоруссии выпущено капитальное собрание Василя Быкова в двенадцати томах, но все на белорусском языке. Некоторые вещи писатель сам перевел на русский.

В 2003 году ЭКСМО выпустило три величественных тома В. Быкова, в каждом более тысячи страниц, но мне удалось достать лишь один из них. Там как раз оказались тексты, которых не было в советском четырехтомнике. Я очень пожалел, что продал то издание. Стал отправлять в Озоне запросы по поводу современных изданий этого белорусского писателя. Оказалось, что выпущено аж два в кожаном переплете: четыре тома за 83700 рублей и шесть томов за 97550 рублей. Такие суммы для меня просто неподъемны.

С горя я решил снова купить тот советский четырехтомник, который я по глупости продал всего за сотню. Нашел предложения среди книг категории б/у. Там цены колебались в зависимости от сохранности — от 800 до 1200. Ну что ж, придется покупать все это по новой цене. Когда через пару дней снова зашел на сайт, чтобы оформить заказ, к своему удивлению увидел, что цены выросли втрое. Так что согласно своему опыту могу посоветовать другим: сразу оформляйте заказ, иначе завтра его цена взлетит до потолка! Видно, и здесь задействован искусственный интеллект — отслеживаются все поиски. А если ищут, значит, все равно купят втридорога, куда денутся. Такая нехитрая логика.

На Озоне почему-то маловато информации о книгах в кожаных переплетах. Даже

непонятно, есть ли там ISBN? Скорее всего нет. Потому что тогда пришлось бы отправлять в книжную палату, или как она там сейчас называется, обязательные шестнадцать экземпляров. Только представить такое: 22 тома с/с Пикуля стоимостью в триста с лишним тысяч рублей помножить на 16 комплектов! Тогда издательство просто разорится.

Поскольку мне не довелось пока полистать хотя бы одну такую подарочную книгу, я остался в неведении, а что там за бумага? При таких ценах она должна быть велевеновой, не иначе. И каждое издание должно снабжаться первоклассными иллюстрациями. Можно использовать работы старых иллюстраторов, было немало таких искусников в прежние годы.

Меня так и тянет на отвлечения. Попутно опять вспомнился курьез из сферы книгоиздания. В одном томе ПСС Ленина (55 томов + 3 справочных), которое тоже у меня имеется, — приходилось много конспектировать его основополагающих работ при обучении в университете, — я наткнулся на одну записку вождя уже послереволюционного периода, в которой он негодует по поводу того, что в одной типографии по ошибке напечатали обычную брошюрку со статистическими выкладками на велевеновой бумаге. Не знаю, используют ли сейчас столь дорогую бумагу, лично у меня нет ни одной такой книги.

В принципе, меня устраивает, что книжные тиражи нынче стали мизерными — больше сохранится леса. Почитать можно и с экрана. А то, что книгоиздание, проделав огромный многовековой круг, почти вернулась к своим истокам, когда книги делались вручную и бережно хранились, это тоже вполне закономерно. Уж такие изысканные издания в кожаных переплетах точно будут передавать по наследству.

Дмитрий Аникин
(г. Москва)

ПЯСТ. КОШМАРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Дмитрий Владимирович Аникин по образованию математик. Публикуется во многих печатных изданиях. Лауреат конкурса «Золотое перо Руси». Шорт-лист конкурсов «МуPrize 2024», «Мыслящий тростник». Автор книг «Повести в стихах», «Сказки с другой стороны», «Нечетные сказки».

Тот, кому стать бы эпигоном модернизма, оказался по времени если не в первом, то в первых рядах. Не диво, что ему было так неуютно.

Пяст был потомком польских королей. Во всяком случае, он так думал. Ему очень шло быть нищим королевских кровей.

«Водянисто-белое, неподвижное лицо. Голова откинута назад, глаза полузакрыты», — писал о внешности Пяста Георгий Иванов.

А еще всем запомнились клетчатые, какого-то диковинного диккенсовского покроя брючки.

Во многих воспоминаниях о Пясте совершенно, как будто ее и не было, обходится вниманием поэзия. Получается персонаж Серебряного века, участник событий и скандалов, друг Блока. Поэт? Нет, не слышали.

А Пяст писал свои безупречные стихи. Слишком безупречные для того, чтобы быть живыми.

От чтения стихов Пяста возникает ноющее, тревожное ощущение: вроде и чувствуется, что была рядом поэзия, но воплотиться в слова не смогла, только бросила на них сомнительную тень.

Пяст был обследованным, «дипломированным» сумасшедшим со склонностью к самоубийству.

Душевная болезнь была не к смерти — наоборот, она спасла своего владельца от фронтов Первой Мировой. Пяст называл свой недуг «нервной инфлюэнцей».

После всех попыток самоубийства умер он от рака легких.

*Сюда нередко вхож и част
Пястецкий или просто Пяст.
В его убогую суму
Бессмертье кинем и ему.*

Так написал другой классический сумасшедший Серебряного века — Хлебников. Вот только Хлебников смог приспособить свое сумасшествие к делу.

А Пяст... Что Пяст? Действительно расщедрились, накидали ему бессмертья: не поднять убогую суму, святогорову котомку. Такая эпоха — Серебряный век: все, кто хоть краешком зацепил, нам дороги. А Пяст по центру гулял.

*Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!*

Это стихотворение Блок посвятил Пясту. Место в истории русской поэзии досталось Пясту за дружбу с Блоком. Это не совсем справедливо. Совсем уж несправедливы были разговоры о том, что Блок окружает себя ничтожествами.

Блок окружал себя не ничтожествами, он окружал себя героями Достоевского. Вся эта гоп-компания — Евгений Иванов, Зоргенфрей, Пяст — они шатались вслед за Блоком по грязным питерским кабакам, танцевали с проститутками последнего разбора, пили, пили, пили. И казалось, создается из дымного небытия этакий коллективный Фердыщенко. Вот сейчас откроет наглые, навывкате, глаза, окинет компанию насмешливым взором и начнет рассказывать по правилам рокового пети-же такие похабные истории, которые только и годятся, что для поэзии. О доблестях, о подвигах, о славе...

Пяст ввел в русскую поэзию форму нонь: итальянское девятистишие, достаточно редкое, чтобы заинтересовать одинокого оригинала, и достаточно ненужное, чтобы не заинтересовать более никого.

И уж ввел — так ввел, целую «Поэму в нонах» написал.

*Рассказ мой в трех словах изобразить легко:
Младенцем я был хил, болезненно способен;
Мечтами юности ширял я далеко,
И был как Донкихот беспечен и беззlobен.
Натура нервная, я принял глубоко
Все, чем в России год усобиц был утробен
(Год Витте, Дурново, Иванова и К°);
В чужих краях меня загрызла до психоза
Тоска по родине. — Все «умственно» и проза.*

Действительно, все умственно и проза. Неплохо и даже не без проблесков чего-то настоящего.

Кто только ни жил в доме Мурузи — была там своя квартирка и у Пяста. Жил у подножия Башни.

Было что-то связывающее, рифмующее Пяста и Мандельштама. Связь была не братьев, но двоюродных братьев, а рифма консонансная, то есть совпадало все, кроме главного, кроме ударных гласных.

Над Мандельштамом смеялись все. Над Пястом — все, кроме него самого. В смехе над Мандельштамом то тут, то там прорывались преклонение и любовь. В смехе над Пястом не было никакого второго дна, только желание потешаться. Мандельштам иногда обижался на шутки, но попробуйте по-настоящему обидеть гения... Обидеть Пяста было легко.

Много чего у Мандельштама и Пяста было общего — в том числе любовь к сладкому.

«Кошмарный человек читает "Улялюм"», — писал о Пясте Мандельштам. Пяст не был просто чтецом стихов Эдгара По. Тут можно говорить о чем-то большем. О реинкарнации? Они ведь даже внешне были похожи. А если бы Пяст больше пил, то сходство стало бы совершенным. Впрочем, современники, которые знали внешность Пяста не по фотографиям, считали, что он похож на Данте.

Георгий Иванов вспоминал, как Пяст читал свои стихи об Эдгаре По. *Начало аудитория слушала молча. Потом, при имени По, начинали посмеиваться. Когда доходило до строфы, которую запомнил и я:*

*И порчею чуть тронутые зубы —
Но порча их сладка —
И незакрывающиеся губы —
Верхняя коротка —
И сам Эдгар...*

— весь зал хохотал. Закинув голову, не обращая ни на что внимания, Пяст дочитывал стихотворение, повышая и повышая голос — до какого-то ритмического вопля.

Ежегодно 6 октября, в день гибели Эдгара По, Пяст поминутно восстанавливал смертный путь поэта, каждый раз надеясь, что уж теперь-то получится его защитить, спасти, заслонить от ножа убийцы своим эфирным — или как там у мистиков называется — телом.

*На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора смириться, сёр».*

А эти блоковские стихи с эпиграфом из Эдгара По разве не были вдохновлены Пястом? И кто, как не Пяст, заслуживал такого невозможного в русском языке слова — «сёр»!

Мистика Серебряного века была карикатурной. Пяст был идеальной карикатурой на карикатуру, так что даже жутко становилось.

Теоретизирования Пяста о природе стиха казались смешными профессиональным филологам, но это не мешало его упорной работе.

Пяст оставил воспоминания. Интересные факты об интересных людях. Читаешь и не понимаешь, почему же так скучно. Только раз позволил себе Пяст оригинальность, когда вспомнил «упойительно-умные зубы» Андрея Белого. Написав это, он тут же раскаялся и поспешил извиниться, признав фразу глупостью.

Пяст писал, что как-то, разоткровенничавшись, Ремизов сказал ему: «Сплетня очень нехорошая вещь — вообще, в жизни, в обществе; но литература только и живет что сплетнями, от сплетен и благодаря сплетням». Не послушал Пяст совета. Вон старый знакомец его, Георгий Иванов, — сплетничал как саратовская кумушка, завирался как депутат Государственной думы, а досплетничался, доврался в конце концов до самой последней правды о эпохе и ее насельниках.

Был любопытный случай на Башне у Вячеслава Иванова. Жандармы ворвались на одну из знаменитых сред, обыскали всех участников — с выворачиванием карманов и прочими прелестями защиты государственного строя; забрали мать Волошина (не за политику, а потому, что она была в брюках) и ретировались.

Когда участники собрания, вдоволь обсудив случившееся, стали расходиться, выяснилось, что у Мережковского пропала шапка. Хорошая, дорогая, недавно купленная. Дмитрий Сергеевич, лишившись головного убора, получил превосходный повод для публицистики, и на следующий день в газете появилась статья, где, обращаясь к премьер-министру Витте и делая далеко идущие политические выводы, Мережковский требовал вернуть шапку.

Ничем бы эта история не была примечательна, если бы через несколько дней не нашли завалившуюся за шкаф шапку.

Такой вот — в добром, старинном значении слова — анекдот.

Пяст был одним из многих, кто не упустил возможность описать историю с шапкой. На протяжении нескольких страниц убористым шрифтом длится обыск. Читаешь — и уже хочется понукать нерадивых жандармов, а они только вошли во вкус.

Копоятся, как сам автор очерка. Наконец-то жандармы уходят. Уфф! — насилу-то выпроводили из квартиры и из текста.

Мережковский пишет журнальную статью. А вот всю соль истории — найденную шапку — Пяст забывает.

Пяст обильно и успешно переводил. Казалось бы, при его вкусах он должен был оставить множество переводов из «безумного Эдгара», — но нет, Пяст считался специалистом прежде всего по испанской литературе. Многие пьесы Тирсо де Молино до сих пор публикуются в его переводе.

Профессиональный чтец, Пяст создал целую школу декламации. Он негодовал на современную ему артистическую манеру чтения. *С нарочито-подчеркнутой невыразительностью, с одной стороны, и с тем самым виртуозно-скороговорчатым проглатыванием рифм, стиха и строфы, которое составляло тогдашнюю гордость некоторых актеров.*

Пяст учил читать стихи как стихи, а не как испорченную прозу.

Будучи поэтом, Пяст понимал, что «музыка музыки» и «музыка поэзии» — «враги-близнецы». Он учил передавать чтением собственную музыку стиха, а не привносить музыкальную отсебятину.

В самом деле, есть ли худшее издевательство над поэзией, чем романсы Чайковского? Вся пушкинская ритмика намерено изничтожена, никакого акцента на рифмах не делается. Пушкинские слова остались, а о пушкинской поэзии и помина нет.

О декламациях Пяста сохранились противоречивые отклики. Брюсов признавался, что до пястовского прочтения сам не понимал, что заключено в его собственных стихах. А вот Георгий Иванов утверждал, что Пяст читал из рук вон плохо, постоянно и самозабвенно задыхаясь.

Во время Первой Мировой человек культуры, завзятый западник, Пяст обратился в воинствующего патриота. Надо быть Пястом, чтобы даже в этой роли остаться смешным чудачком.

Поэма «Двенадцать» прекратила дружбу Пяста с Блоком. Непонятно, что Пяста больше возмутило: то, что он посчитал оправданием большевизма или формальная расхлябанность поэмы?

*Свой досуг и каждый клочок земли
По-прежнему всякий старается заполнить семечками,
Покаявшись не оставить незапленным ни клочка своей родины...*

Так писал Пяст о блоковских героях.

Это был обычный спор правды с гениальностью, где у правды никаких шансов нет, но в конце концов оглядываешься и видишь: все заплевано так, что ступить некуда. «Сожрала меня, как чушка своего поросенка», — говорит Блок о Родине, о правде, о поэзии, а верней всего, обо всем сразу. Не до тонких разделений, когда жрут. Может, и вспоминал о Пясте перед смертью.

Пяст был человеком чести. Когда даже в эмиграции пошла диффузия ценностей и иной человек с принципами и совестью начинал поглядывать на большевиков без прежней ненависти и задумываться о смене вех, Пяст сохранял лютую непримиримость.

С другой стороны, каждодневно видя большевиков, легче не соблазниться о них.

Кем еще был Пяст? Прообразом некоторых персонажей блоковской драматургии? Придал некоторые смешные черты, помимо автобиографических, Парноку из «Египетской марки»? В общем, как-то растворился в воздухе русской литературы.

Пяст был в 1930 году арестован. По 58 статье. Остается только порадоваться, что невиновный человек отделался ссылкой. В 1932 пошли слухи, что Пяст покончил с собой. Появились некрологи в эмигрантских газетах. Но ссылку Пяст пережил, ста-

раниями друзей был в 1936 возвращен в Москву, в 1937 его не тронули, чтобы в 1940 он наконец-то умер и лег на Новодевичьем кладбище.

Михаил Леонович Гаспаров считал, что литературные направления стоит изучать на примере второстепенных писателей, первостепенные слишком много своего собственного привносят.

Эпоха тоже яснее всего видна в судьбах людей дюжинных. Пяст — прямо-таки пособие по истории Серебряного века: человек, который был рядом со всеми, но сам так и остался никем.

«В иных веках, в иной отчизне, как нежно славим был бы я», — писал Сологуб. А вот с Пястом все наоборот. Только в Серебряном веке такой человек мог оставить след, хоть как-то состояться.

Среди множества жертв эпохи оказался один бенефициар.

РОМАН ЖИВ? ВОПРОСЫ НЕПОСЛЕДНЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Рецензия на книгу Алексея Яшина «Пир в Валгалле»*

– 1 –

Что есть сие детище?

Что-то из скандинавской мифологии, судя по названию? Тогда почему «Семейная хроника 21 века» — подзаголовок — с великолепной и обнадёживающей возможностью отследить преемственность либо отсутствие таковой, причем, не «когда-то», а сейчас, сегодня. То есть можно читать и смотреть «в жизнь», соотносить с собой и сравнивать? Тогда следующее «почему». Воинственная аннотация. С гневным выдохом в адрес «нынешней эпохи расчеловечивания» и воинственной (*опять же*) попыткой оправдать «самонадеянность сочинять такие романы». И это в «мире глобализации, с ее монстрами умозамещения и цифрофрениии». И это явно для читателя рефлексирующего. И это в надежде, что при «полнейшем отсутствиии читателя» отзовутся в *его* сердце дорогие сердцу *автора* ценности. Уже настолько панорамно, многослойно и глубокомысленно, что поверхностное прочтение в авторский замысел не пустит, постичь сверхзадачу не даст, «отогреться» не позволит. А хотелось бы. Начнем с пролога, а там, глядишь, и до пира доберемся.

Итак, пролог. Этакий самодостаточный организм, с собственным названием и заявленной «презумпцией романа», классического русского, но нового. Полноценное историко-философское эссе, интеллектуальной глубиной, охватом привлеченного материала и, как принято сейчас говорить, доверием к читателю, в части его общей эрудиции заслуживающее пиететного ряда. Здесь завязываются, как выяснится далее, ценностно ориентированные мысли автора. О небесспорном назначении критика, упомянутого «с доброй ностальгией». О Великом инквизиторе как родном брате Великого глобализатора. О жизнестойкости классического романа с его «душевной успокоенностью» как «образа обобщенно понимаемой семьи», где «мигом забудутся все тяготы нелегкой нашей жизни». О мнимой победе зла, когда оно вроде бы торжествует, но лишь потому, что «добро безглаголиво обошло стороной протекшую клоаку». О тепле *своего* домашнего уюта, с собственным распорядком, ритуалами, образом жизни и мыслей. О замечательной русской литературе 19 века, тяготеющей к «гнездовому» развитию сюжета. О Зимовье как «романном символе борьбы современного человека с... обнулением когнитивных качеств». О запугивании как инструменте (самом мощном!) подавления в человеке объективного разума, что ведет к «тактическому» расчеловечиванию. Об аналогиях, не «являющихся доказательством истинности». О «базисе русскости как совокупности языческого растворения в природе, общности

* Алексей Яшин. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия: Академия российской литературы.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2024.— 404 с. (В электронном виде см. на сайтах www.pz.tula.ru и www.tro-spr.ru).

и православии, как содержания души, а не формальной стороны церковности». С восклицательным запретом «именовать спиртное казенным термином «алкоголь». О символике романа, опирающейся на русскую живопись 2-й половины позапрошлого века и скандинавскую мифологию. Об изъянах пиратской «логистики», послуживших истоком коньяка и водки. О теме академического бунта и художниках-бунтовщиках. Об обитателях Зимовья — людях, «мыслящих самодостаточно», «отвращающих себя от оцифрованного человеичника... в дружественном мирке». О генофенотипической памяти-тоске-мечтании по «родному Парижу». О полетах валькирий — и не только Рихарда Вагнера — добрых в душе, но воинственных в жизненных проявлениях хозяек Валгаллы. О «суконно-цинковом смещении примитивной эротики с административной канцелярщиной», транслируемом «ТВ-дьяволом» — с одной стороны, и «здоровой, естественной эротики» и «канцелярии домовой» — с другой. О последнем читателе романа. О сакральности «тройки», трех основных типах русского характера и ассиметрии черт «базовых» характеров в результате «внезапно обрушившейся на человечество» эпохи глобализации. И, наконец, памяти о «детских... и юношеских годах жизни в Заполярье» и трансформации реального зимовья на берегу Студеного моря — в образное.

Зачем такой синопсис? Для ориентирования в темах. Знай, волею судеб приступающий к «Пиру в Валгалле», с чем предстоит столкнуться.

И, да, не удивляйтесь, все пункты находят отражение в последующем повествовании. Они завязаны здесь в тугой — не надейтесь, что клубок, хотя сюжет прямолинеен и «держатель» сюжета один, — не клубок, скорее, импульс. Тугой, густой, энергетически заряженный. Каждый авторский посыл, каждая литературная или историческая отсылка в статусе крепчайшего корня той самой генофенотипической (вопрос, что в приоритете?) волей писательского расчета ли, интуиции ли, но оказывается ровно в том месте повествования, где встреча с ним читателя судьбоносна, ожидаема и ценна.

Ясна ли позиция писателя? Да, вполне. Роман жил. Роман жив. Роман будет? ...хочет жить. И желание это столь же велико, сколь тверда уверенность автора: «Парциальный вклад романа остался незыблемым». Не с позиций, конечно, ленивого читателя. Даже не с точки зрения строгого литературоведческого разбора — пусть этим студенты филфаков занимаются! Ну а мы, пользуясь снисходительностью автора в отношении к критике времен «безрыбья», поразмышляем. Через серию вопросов, порожденных неспешным прочтением.

В чем новизна «нового» русского романа в сравнении с классическим русским романом и оправдан ли жанр не только теоретически, но и художественно?

Добро и уют. Равнозначны ли понятия?

Какие ценности, сохраненные в Зимовье, живы, какие под сомнением, какие не приемлемы для юных?

Удалось ли обитателям зимовья изолироваться от информационной пропаганды и защититься от «расчеловечивания» и насколько успешно «воюют» они против Великого глобализатора?

Есть ли союзники у самого воинственного воина — автора, в силу жизненного опыта понимающего проблему снижения — катастрофического, скажем прямо! — снижения интереса к чтению и тем не менее не уступающего в битве за умы и души?

И вопрос от автора: «Родился ли последний обитель Зимовья? И будет ли это непременно валькирия?»

Вот, пожалуй, ключевые.

– 2 –

Итак, автор нас впустил. В тепло «старинно-гостеприимного, помещечье-поместительного дома». ДОМА! Во всех семантических и нравственно-философских значениях.

У Дома есть история, даже две. Как муниципальной единицы, которую «никаким пронырам» не удалось снести («природа ехидно посмеялась над любителем скоро-спелого домостроительства»). И как родословной, или «Саги семьи Болховитовых», начинающейся со «Страны князей» и ставшей дипломной работой Жени, младшей сестры Дениса, студентки журфака. Ах, да, это не один и тот же дом? Не один. И не два. Как минимум три значимых дома (не подтасовываю, надеюсь, факты под теорию сакральности числа?), если не игнорировать «личным авторским *nota bene*». Можем ли мы в таком случае говорить о неделимом? А помните: «...реальное трансформировалось в образное». Вот этим авторским правом мы и воспользуемся.

Итак, у нас есть дом. У дома есть прообраз. Обитатели. Философия. Религия. Традиции. Церемонии. Стилль. Библиотека. Окружение (ближайшее — огород, ближее — город). Дети. И вот они-то, дети разных родителей с разными социальными статусами и разных профессий, «связуют» прошлое и настоящее. Не возникает ли извечного спора «отцов и детей», спросит внимательный читатель? А как же! В лучших традициях классического романа. И в этом смысле «Зимовье на Павелина» — фокус мнений, принципов, оценок, поведенческих реакций и речевых норм. Живая жизнь!

Ключевое событие романа — «недолюбилей», или «грядущий полтинник» «главной валькирии» Нины Григорьевны, на который собираются близкие ДОМУ люди. Близкие, но такие разные! Глава рода Павшиных, «главная бабушка» — дочь офицера-фронтовика и медсестры, продолжающая, по желанию родных, «огорчать пенсионный фонд». Страницы, посвященные Антонине Филипповне, — летописание полувекковой истории страны (бабушке семьдесят) от Поволжских немцев до «незванных лихих девяностых» и теперешних времен. Забегая вперед, заметим, что не только здесь проявлена благоговейная степень уважения автора к корням и истокам, за что просто низкий ему поклон. Читать бы роман вместе с детьми, чтобы сама собой будто проснулась мысль собрать ветви рода, сберечь. Как это сделала Женя, сестра Егора Болховитова (Егор и есть персонаж, связывающий два ДОМА и «пасхалочку» — рассказ о дорогих детских воспоминаниях — но как «практический комментарий» теории профессора Скородумова об «ответе протестующей природы на засилье людьми планеты») в пересказе Егора.)

С неменьшей любовью выписан образ «бабуси Натальи» — главы другого рода, Болховитовых. Это ее «любимые присказки» из «фольклорного запасника» на все случаи жизни — для Егора поводырь, камертон и лакмус. Нрав другой. Ценности те же. Человеческие.

– 3 –

Через какую призму вы прочтаете роман? Я — через двуединство. Да, не «три», а «два» — сакральный знаменатель художественной образной и идейной составляющей романа. Не надуманно ли утверждение? За вами право опровергнуть. Я попытаюсь доказать. О домах, думается, уже понятно. Как эта дуальность развивается далее? От прозрачного и самого простого в интерпретации «муж и жена», через «обе ведьмы» (о Лизе и ее матери), через зеркальное дедовское в Костике («В каждом роду есть свой ходок»), через «физиков-лириков» (Егор — инженер-книголюб-философ), через «пить по-гусарски, а не по-матросски», через разделение дедом Василием «семейной и всеобщей истории на две... до революции и после нее», через «архипонятое про восторг юности и скепсис старости» — перечень всех «через» при детальном рассмотрении нетрудно продолжить — до! До кругов Солженицына и Данте! Это уровень иной. От земного к небесному и подземному. От факта к житейскому и метафизическому. От сорта употребленного спиртного к «размышлениям таинственного... подсознания» и «вовсе не дессидентским выдумкам» о «подростках в оккупированном Ленинграде».

Ну и, разумеется, в двуединстве представлен «базис русскости» — дорогое сердцу автора понятие. Доброта безграничная и хлебосольная. Распахнутость душевная. Родственная, семейная прямо-таки привязанность к почти «очеловечившимся» четвероногим (вспомним споры со Степанычем «об особенностях психики Фомки» и понимание Егором «неодобрения» кошкой Манькой запаха ветхих книжек), бережное отношение к старшим, и если даже насмешливое, все равно доброе — к молодежи. Не потому ли, что «надо стремиться быть скорее благочестивым, нежели мудрым, но более, чем благочестивым и мудрым вкупе — быть добрым», — цитирует завлит Михаил Семенович своего «знаменитого земляка». «Доброту грузом неизменяемым и памятную верность Христовой морали, возрожденной в советское время», несет в себе Зинаида Прокофьевна Варварина, «пишущая в ящик» и ни к чему (в прямом смысле) в квартире не прикасающаяся со «дня расстрела здания на Краснопресненской». Это какой-то образчик стоической самотверженности. Не мудрый. Не благостный. Толстовский.

Ну а поскольку «чем благочестивым и мудрым» — так и «пир во время чумы». Уют заявлен «не сусальный, но в в борьбе добра со злом», где «перемеживаются круги рая и почти что ада». И это вторая грань.

Страсти-страстями, а «узы», из этимологии пчелиной проросшие, нерушимы и святы. Потому святы традиции семьи. «Ведь до нынешних паскудных лихолетных времен едва ли не одни семейные узы сохраняли и поддерживали», — это в споре о «глобалистах-империалистах» говорит Егор Болховитов, резонер в этой сцене. Как и в другой, о «рыбокормящей советской власти», павшей жертвой шпионской пропаганды Запада — такова рыбная идеология глобализма, цель которого — оглушение человечества.

– 4 –

В книге живут книги. В каком смысле живут? Участвуют в сюжете (с попутного визита Егора в книжный начинается сюжет). Взаимодействуют с персонажами (от родовой библиотеки в доме Павлишиных, от «нетленности сокровища энциклопедической мысли» — словаря Брокгауза и Ефрона. Егор, выросший среди «разнородных полок для книг», приходит в восторг). Задают глубину мысли читателю (речь об отсылках уровня не аллюзий, но цитат и имен). И что за имена! Кроме упомянутых выше Данте и Солженицына, Фолкнер, Бунин, Горький, Ильф и Петров, Л. Толстой, М. Шолохов, просится и т.д., но, отдавая дань уважения ее величеству Книге, заданного автором, соблюдем приличие и мы: *Et cetera* — вплоть до брошюр «Библиотеки освободительного движения 1905—1907 гг» и исторического двухтомника «Кара» местного писателя Грекова. Наконец, книгой становится исследовательская работа студентки журфака Евгении «Страна князей», «которую дед Василий, горделивый своей родовой причастностью, нарек Семейной сагой рода Болховитовых». Да, и Урсула Ле Гуин, купленная все-таки Егором по пути на праздник.

В книге живет речь. Живая разговорная, не рефлекслируемая говорящим, но неплохо характеризующая (Сергей Станиславович, в высокопарном стиле пытающийся «подкузьмить ...сидевшую ошую от него Женю», смешон, хотя филармонический баритон смешон часто). Шаблонная, калькированная, «навязанная прессой, телерадио, главное — егешным средним образованием», огорчает мыслящего героя. Жемчужно-бисерно-фольклорная, из уст старейших хранителей очага, — чудесная ниточка, крепь.

Еще есть экспрессивная, вольная, нецензурная, временами бранная. Чем объясняется ее наличие в жанре высокой словесности? Версия нарочитого снижения лексики в угоду простоватому обывателю не срабатывает: не только речи персонажей она свойственна, но и авторской. Это во-первых. А во-вторых, не на простоватого чита-

теля рассчитаны размышления об искусстве, например, с хорошей, фундаментальной прямо-таки теоретической базой и верой в эрудицию и жизненный кругозор читателя, или о роли миллисекунд в образовании «остова нашей Вселенной» — это о теории Большого взрыва Г. Гамова. Уж не потому ли, что Валгалла? Воины. Битва. Брань. Как еще противостоять тотальному «расчеловечиванию» (это слово «любил повторять доцент Николай Андриянович, что преподавал» в университете «по ракетно-конструкторской части»). Гено — фенотипической памятью? Да. Сокрытием в искусстве? Хорошо. Разрушая ДНК зла? Видимо, и этот прием борьбы автору не чужд. То же, кстати, древний, фольклорный, можно сказать, языческий.

Ну и, разумеется, не было бы книги, ни будь речи самого автора. Метафоричность, эпитеты («рогожно-суконный мир», «суконно-цинковой жизни»), «глобальные человеконики» вы оцените в контексте повествования.

– 5 –

Не на все поставленные в начале рассуждения вопросы сформулированы очевидные ответы? Таковой не было и цели. Главное — роман оправдан. Чего недостает человеку «эпохи стремительно взлетающего глобализма с директивным расчеловечиванием»? Душевной успокоенности. Где спасение от «душевного мороза мерзопакостей неустроенности социума», «от безысходной тоскливости суконно-цинковой жизни»? В тепле домашнего очага. И если даже у вас нет такого очага, возьмите роман в руки — а он уже сделает свое доброе дело, и вы проживете с героями все, что отпущено им судьбой по воле автора. Словом, «зимы не минуешь, но в тепле отогреться».

Роману жить. И все же не спокойно. Почему пришлось его оправдывать? Не продиктовано ли это тревожным и тревожащим все больше отсутствием читателя, которого автор явно не любит? А как любить того, кого нет, да кто еще и причина отсутствия «сладостных гонорариев»? Подкупающая честность! Но все же жаль.

Герои упокоились. Не вечным, слава богу, сном воинов Валгаллы, но переместились в мир кто — грез, кто — воспоминаний. Всем в финале слышится, именно всем слышится, и только трое — презумция сакральности числа три и «воплощение трех основных типов русского характера»? — (с Фомкой — четверо) видят в ночном небе сияние, которое познавший жизнь Степаныч принимает как знак недобрый, не к месту и не ко времени. Почему? Думайте, господин НЕпоследний читатель!

*Надежда Григорьева
(г. Узловая Тульской области)*

Владислава Васильева
(г. Тула)

ТОЛЬКО ДОЖДИ И ПТИЦЫ

Наш постоянный автор.

У каждого Поэта своя Вселенная! Мы распознаем Вселенные поэтов по главным образам, характерным для Автора, по внутренним законам его художественного мира. Искать в текстах Виктории Ткач эти образы и законы — что может быть интереснее?

В Туле живет поэт Виктория Ткач. И не только поэт — переводчик, заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева, руководитель литературного объединения, бессменный член жюри многих конкурсов и премий, член Союза Российских писателей. И все это прекрасное, важное, нужное людям, являющееся символом социальных и культурных достижений поэта, мы сейчас отложим в сторону и будем говорить только о поэзии. Ибо для любого истинного поэта это и есть самое-самое главное.

Итак, в 2024 году вышел новый — тринадцатый! — сборник поэта Виктории Ткач «Искусство жить». Поэт характеризует свою новую книгу как попытку «если не понять жизнь, то воспринять ее как великий дар и великую тайну». И можно быть уверенным, что искусство жизни поэта совсем не прозаическое. Что там простое и понятное искусство жизненных достижений и приобретений? Искусство жить поэта — это искусство баланса, искусство полета, искусство быть всем и всюду. Может быть, поэты и не умеют иначе? «Мне всегда казалось, — пишет Виктория Ткач, — что я начала сочинять стихи очень естественно, — просто по другому и быть не могло. Будто просто начала слышать то, что происходило извне, или свыше, или...»

У любого поэта всегда своя собственная внутренняя Вселенная. Там свои законы, свои герои, свои символы. Читатель эти образы сразу замечает, ведь именно они создают «почерк» поэта, делают его неповторимым. Каждый, кто читал поэзию Виктории Ткач, разумеется, сразу замечал главных «жителей» ее поэтической Вселенной. Так, откликаясь в 2023 году на ее же книгу верлибров «Форма», я писала:

*...Не место
Устойчивым здесь выражениям,
Поэтическим формулам,
Традициям.
Только дождям и птицам...*

Ключом к тринадцатому сборнику (сакральное число!) мне представляется стихотворение «Поминальный день». В нем словно собраны все главные образы. Стихотворение является, на мой взгляд, центральным в сборнике — и по его значению, и по заложенным в нем смыслам. И чтобы не казалось, что вдруг мне это показалось — оно является центральным и по месту расположения. Стоит в центре. Всего в сборнике 95 стихотворений, а это 47-е. Совпадение? Не думаю. Разберем его подробно:

*Этот день, как хлеб поминальный,
Разделите со мною, птицы!*

*Колокольный, тягучий, дальний
Голос деда мне снится, снится...*

В первых же строках отсылка как к христианской, так и к более древней, языческой традиции угощать специальным — поминальным — хлебом птиц, которые являются душами умерших родных. Поминальный хлеб всегда немного недопекали, чтобы сохранять его мягким, и добавляли семян кориандра — для горечи. На сороковой день хлеб относили на могилу умершего родственника, чтобы отдать птицам. Угощая их, люди проявляли уважение к предкам и, тем самым, оберегали свою собственную жизнь. Здесь поэт предлагает птицам вместо хлеба разделить день своей жизни, то есть себя. Поэт сам и есть поминальный хлеб для оберегающих ее предков, раздавая себя — она становится ими, каждым из них:

*Колокольный, тягучий, дальний
Голос деда мне снится, снится...*

Здесь длинные, тягучие ударные гласные рожают в читателе образ колокольного звона — торжественного и печального. Разделяя себя с душами умерших предков, поэт становится с ними «в неразрывной сцепке»:

*И уже — он ведет за руку,
И опять — обнимает крепко.
Через боль временной излучки
Мы идем в неразрывной сцепке.*

Для чего же поэт совершает этот ритуал поминовения, разделения себя с птицами-душами? Что совершается в стихотворении на наших глазах?

*Души — корни, что смерти глубже,
Прорастают со дна печали,
Чтоб сады от житейской стужи
Укрывали. И пеленали...*
*И, качаясь в небесной зыбке,
Вспоминаю напев сакральный.
Голос рода — многоязыко —
Говорит во мне изначально*

Поэт соединяется с душами своего многоязычного рода. Душами, настолько древними, что они уже не прилетают птицами, а «прорастают со дна печали», превращаются в сад, в колыбель (зыбку), защищают поэта от «житейской стужи». Поэт обретает Голос Рода:

*И баюкает, и спасает,
Причащает живой водицей...
И Всевышний об этом знает.
Потому — прилетают
птицы.*

Образ причащения водой («живой водицей»), соединяет в себе глубоко фольклорное и библейское. Поэт причащается водой и соединяется с Богом, с Родом, со всем Сущим.

Образ воды во всех ее состояниях (вода, снег, облако) один из центральных в поэзии Виктории Ткач. Если сам поэт, причащаясь Богу и Роду, становится равным всему — человеку и птице, жизни и смерти, то вода становится его единственно возможной средой обитания, его Первородным Океаном. Вода равна жизни, равна возможности существования живого.

И далее мы читаем сборник, страницу за страницей, стихотворение за стихотворением, имея эти ключи — хлеб, как пища для душ умерших родных, птица, как сами эти души или образ поэта, вода, она же снег — как единственно возможная среда обитания. В этой среде живые и мертвые равны, в ней смерть означает лишь готовящееся новое рождение, сад — защиту человека, колыбель.

В стихотворении «И первый снег...» мы видим соединение жизни и смерти в снеге (воде), этом вечном Первородном Океане:

*И первый снег, и снег последний —
Метельный белый хоровод —
Все это звенья, звенья, звенья
Для жизни, что идет, идет...*

*И мы в безумной круговерти
Скользим по снежному пути
До самой смерти, смерти, смерти —
К рождению,
Чтоб идти, идти...*

В стихотворении «Скоро весна...» из Первородного Океана рождается Весна, радость жизни, и в мир является Поэт в образе женщины и птицы одновременно, и в образе Земли, растящей сады. Поэт соединился с Богом и стал сразу всем, но ведь у поэтов так всегда и бывает:

*Скоро весна,
И хочется быть святой,
Чтобы входить в небесно-зеленый храм,
Облаком плыть. Быть неизведанной — той,
Кому говорят: «Другим уже не отдам!».*

*Скоро весна.
И хочется быть землей:
Греть семена. Растить цветы и траву.
Слышать ветра и речью своей иной
Сны наполнять, дурманя потом наяву.*

*Скоро весна!
И хочется все успеть:
Женщиной быть, облаком, первой травой.
И потому Господь даровал мне петь:
Желтой синичке
На веточке
Ледяной.*

Впрочем, в Первородном Океане есть путь не только Оттуда, но и Туда. У того, кто решился на соединение со всем сущим, нет страха или протеста по этому поводу, только глубокая печаль. Со дна которой, как мы помним, прорастают души-корни:

*Сегодня потоп. Небесные воды бескрайни.
Бездомным дождем к земле совершают свой путь.
Так ходит по миру великий непонятый странник,
И смотрит в глаза, и просит чуть-чуть отдохнуть.*

*Но в душах — темно. Внутри не дома — лабиринты!
Петлять и петлять, и даже не видно дорог.*

*И капли молчат, и пахнут чуть-чуть гиацинтом,
Который Господь у самого сердца берег.*

*Сегодня потоп.
Шаги безнадежней и тише.
Он скоро уйдет к далеким святым берегам,
Где будет бежать по лужам беспечный мальчишка,
И где все пойдем,
Когда в срок
Окажемся
Там.*

«Но разве жизнь — последнее тепло?»,— спрашивает поэт. Конечно, нет! Иначе было бы слишком печально. Некоторые стихотворения, радостные и бодрые по ритму, читать физически больно. Ключи-образы вмешиваются, смещая внешне описываемые события, придавая им иной смысл:

*И стали цветы плодами,
И небо — предельно звонким.
Над синими куполами
Трель птицы, как смех ребенка.*

*Не осень — начало веры.
Листва в желтизне старений
Полетом не смерть измерит,
А будущее рождение.*

*И силы придут, и сроки,
И жизнь опять повторится.
И только, по-детски тонко,
Смеется на небе птица...*

Внешне все хорошо, все радостно, цветы, плоды, синь куполов, начало веры, смерть превращается в рождение... Но как без слез читать о птице, чья трель это детский смех? Поэт противопоставляет всю радость жизни, которая, разумеется, повторяется, голосу одной единственной души-птицы («и только, по-детски тонко...»). И сразу за этим стихотворением следует, как тайный код, как часть ключа, следующее:

*Забвенья горек мед.
И прозрачные пчелы
К цветам летят испить
Амброзию печали.
...Их голоса, как сны, мозаично-тяжелы.
Они мечтали жить. Они еще не знали,
Что пить воспрещено...*

Когда поэт соединился со всем Сущим и не-Сущим, то соединился не только с радостью... Соединяясь со всем, познаешь все, а многие знания многие печали... Океан, как и жизнь, бывает жесток. Может быть океан вовсе не Первородный, а чайки — это просто чайки и ничего больше? И память о прошлом, и вера во все хорошее оборачиваются прогорклыми крошками?

*Сколько мостов «через»! И ни одного «между».
Лишь океан серый месит песок прибрежный.*

*Глупые чайки рады
Старым прогорклым*

*Крошкам —
Таким, как «память о прошлом»,
Таким, как «весь мир хороший».*

Держись, поэт! «Бушует прилив незряче и топит, где мысли тоньше...» А где тоньше? Там, где рвется... Там, где мысли о конечности жизни. В стихотворении, посвященном ушедшему поэту В. Пинаевской, Виктория Ткач пишет:

*Пора! Пора...
Измолото зерно,
Что станет скоро жизнью и прощеньем.
Хлеба готовы. Больше не дано
Измерить жерновам круги вращения...
...И ты не принимаешь мягкий хлеб,
И каждый ломоть кажется с горчинкой.
И мнится: настоящей из побед
Стал привкус рифмы — маковой росинки.*

Мягкий хлеб с горчинкой — признаки хлеба поминального, и пусть поэт знает, что смерти нет, но что поделаешь с горюющей душой? Победа в привкусе рифмы, что равняется росинке, капле Первородного Океана, равняется бессмертию. Душа перемещается к Богу, у которого нет мертвых, кому, как не поэту, об этом знать? Поэт сам наполовину птица, сам житель Первородного океана.

*Мне радостно! В предутреннем бреду
шептать дождю — иду, иду, иду,
и капли на губах подобны меду...
...Ах, мне бы только звуки перепеть,
и за янтарь отдать ночную медь,
и не поверить, что конец случится,
и что застынут стрелки на часах,
и что дождевики...
Не успела...
Взмах!
Из сердца
Упорхнула
Чудо-птица...*

Сколь бы ни было страшно (восхитительно-страшно) свободное обращение поэта с рождением-смертью, душами-птицами, но гораздо страшней поэтические строки, в которых нет родной для поэта водной стихии. Тогда как будто выгорают краски, строки и души, мир покрывается серой паутиной, как в стихотворении «В мой дом не войти никому...» из цикла «У порога»

*В мой дом не войти никому:
Терниста основа дверей.
В нем места как раз одному —
Тому, кто бездомней зверей,
Тому, кто безмолвней толпы
И так же в душе одинок.*

*Все окна — тенисто слепы.
Мой дом — не приют, не острог —
Пустыня пришедшим извне,
Колодец глубокий, как вздох,*

*С холодной звездой на дне,
Которую льдинкой сберег
Мой дух.*

*Моя зимняя боль
Скребется мышами в углах.
Мой дом — сероватая соль,
Рассыпанная на столах
Приметой, предчувствием при
Уходе за низкий порог.*

*Над крышей — всегда снегири,
И ветры, и песни.
И Бог
Сидит, как старик, у огня.*

*Дороги свивая в пути,
Мой дом, как клубочек, меня
Дает
Тем, кто хочет
Уйти.*

Ни капли, ни росинки из такой живительной водной стихии, лишь «льдинка» на дне глубокого колодца, да и та, возможно, лишь кристаллик сероватой соли, насыпанной как оберег от незваных гостей. И поэт уже не радостная «желтая синичка на веточке ледяной», а мрачный проводник «за низкий порог»... Стихотворения поэта без «дождей и птиц» всегда немного сухи, шершавы, болезненны. Так, в стихотворении «Читаю, считаю, как пряжу мотаю...» энергичные строки приобретают ритм марша «И время равняться на дерзких и сильных!», но тревога, порожденная отсутствием привычной для поэта водной, дождевой стихии, себя оправдывает: «Но вижу, но вижу кровавые пятна...». Нет, законы Вселенной не обмануть: «И нить все быстрее сбегает сквозь пальцы, и птицы летят, и предсказано это...».

И только в цикле «Турция. Аланья» поэт словно оказывается на другой стороне, на изнанке Вселенной, ключевые образы тоже меняются:

*Лучи разбивают тяжелые тучи.
И нет больше душ, словно птиц, сиротливых,
А есть аромат благовоний пахучих,*

*И вечный покой,
И азан муэдзина,
И день эту жизнь сквозь века продолжает,
И небо становится солнечно-синим.*

*А голос все тише,
Все тише...
И тает...*

Вместо воды — сок, нектар плодов, как квинтэссенция бытия, вместо дождей солнце, вместо сада-кокона — Райский сад. Все волшебство, все противоположно привычному, все прекрасное и все чужое.

*Не море, а время теплом обнимает.
Песочно желтеет изгиб цитадели.
Свершались победы,
И женщины пели,*

*И розы рубиновой влагой атели...
Что было?
Кто знает,
Кто знает,
Кто знает...
...А море
Качает,
Качает,
Качает.
И мир перевернут в бездонные воды.
Тахинное солнце. Шафран небосвода.
Прощанье заката. Беспечность восхода.
Что будет?
Ответ, как волна, ускользает...*

К добру ли, к худу ли? «Ответ, как волна, ускользает». Просто он другой, этот мир. В последнем стихотворении сборника «Море — тысячетонный Сизиф...» возвращается от восточного волшебства к собственным истокам: «Пенится, пенится синяя кровь, тепло-соленая, вся — первозданна!» Мир все-таки един и понят, и принят Поэтом:

*Море устало...
Но сбудется миф —
В крошеве галечно-каменистом.
...Только один,
Твой нашедшийся сон,
Что все желанья исполнит отныне.
Только найди.
Вот и он!
Вот и он...
Символом счастья увиден
И принят!*

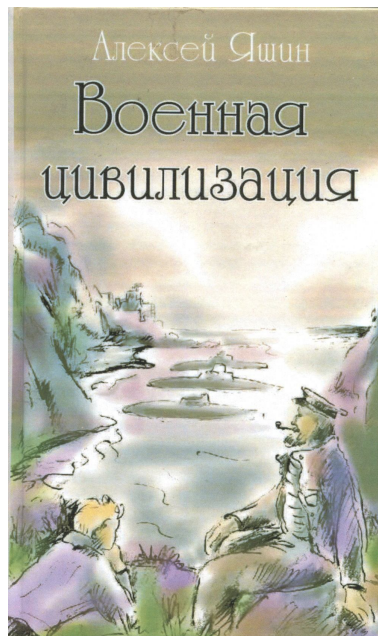
В ТЕНЕТАХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Недавно вышедшая книга тульского писателя Алексея Афанасьевича Яшина «Военная цивилизация»* стала пятой по счету в моей коллекции. Всю серию книг, где действует «второе я» автора — Николай Андреевич, я отнес бы в первую очередь к разряду познавательных. А нынешняя книга досконально прослеживает всю историю Северного флота, который базируется в Полярном. В этом городе на Кольском полуострове прошло отрочество автора, по сему он очевидец очень многих значимых событий.

Для меня данная тема была сплошным «белым пятном», и каждая новая страница книги одаривала чем-то интригующим, порой довольно забавным, и даже сенсационным. Например: в Полярном коренные жители всегда были редким явлением, потому что его наполняли военнотрудовые или те, кто контрактуются на определенный срок смотрителями маяков, учителями или разнорабочими. Вот еще один факт, уже исторического значения. Оказалось, что на сопке Энгельгардта, которую излазил автор еще мальцом, в довоенные годы побывал сам Сталин с командой приближенных, чтобы воочию тщательно осмотреть залив, в котором собирались строить пирсы и доки для размещения кораблей и подводных лодок.

Углубляться в литературоведческие дебри со специфическими терминами и приемами препарирования текстов я не мастак. К этому я никогда особо не стремился, хотя не раз приходилось писать рецензии на злобу дня, — когда работал в различных газетах и делал обзоры поступавших текстов внештатных авторов. С тех пор, когда все это в прошлом, я просто время от времени высказываюсь о заинтересовавших меня произведениях и делаю это не по каким-то установившимся канонам, ибо сие мне кажется убийственно скучным. У современного читателя, избалованного всевозможными гаджетами, может свести скулы после первого же абзаца, и он тут же отодвинет от себя мои изыски аж за горизонт, если они будут перегружены набившими оскому терминами.

Заранее оговорюсь, что у меня преимущественно утилитарный подход к чтению современной отечественной прозы. Прежде всего, мне важно знать, какие темы исчерпывающе освоены в очередных книгах коллег по цеху. Это помогает избежать шестивия «след в след». Необходимо неустанно мониторить все вышедшее из-под чьего-то пера и вовремя делать корректировки в продвижении по собственным стежкам-дорожкам, где ты можешь набрести на еще неизведанное. Хоть и утверждают, что мировая литература охватила все на свете, это звучит слишком гиперболично, ведь каждый новый день способен преподнести нечто такое, о чем и помыслить было зорно. Попутно я вникаю в свежие стилистические изыски, вылавливаю в чужих текстах редкие, интересные словечки, годами заносю их в специальную тетрадь. Они

* Алексей Яшин. Военная цивилизация: Повесть (очередная книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— СПб: «Астерион», 2023.— 269 с. (В электронном виде см. на сайтах www.pz.tula.ru и www.tro-spr.ru).

могут пригодиться, ведь порой ищешь синоним слишком затертому слову, а заглянешь в свою тетрадь — и вот оно, родимое, что будет в самый раз...

При чтении «Военной цивилизации» я обнаруживал массу параллелей как со своим творчеством, так и с моими дальними задумками. В молодости я тоже обитал в глухом месте, где базировалась самая мощная на планете ракетная дивизия — шахтные установки, прозванные американцами «Сатаной». Это в диких Тургайских степях. Тоже на моих глазах с нуля был построен рядом с нашим сугубо гражданским селом поселок для военных, получивший характерное название Степной-1. В перестройку отпочковавшийся Казахстан объявил на своей территории безъядерную зону — и вся ракетная инфраструктура в одночасье была порушена самым бесславным образом; от военного городка остались одни остовы пятиэтажек с пустыми проемами вместо окон. Та же самая участь постигла и огромное поселение на самом северном острове Кильдин, о чем с горестью поведал А. А. Яшин. Там просто не осталось людей. Даже смотрителей на маяки не смогли найти, и осветительное оборудование пришлось переводить на изотопные батареи.

Отмечу и другие параллели, которые оказались сородственными для меня. Я тоже в свое время плотно занимался восстановлением собственной родословной. Тщательно и целеустремленно расспрашивал самых возрастных из родни, докопался аж до своего прапрадеда, который оказался бурлаком. Хорошо, что я все эти факты и фамилии заносил в отдельную записную книжку, пока еще были живы свидетели тех далеких эпох. Если бы я этого не сделал, то многое было бы безвозвратно потеряно. Попутно я, начиная с семидесятых годов, снимал своих сородичей на узкоплечную кинокамеру, еще без звука. Потом, уже в нынешнем тысячелетии, оцифровал эту кинохронику и разослал диски своим близким по разным городам. Так что сохранился и визуальный ряд, относящийся к нашему родовому древу. А Алексею Афанасьевичу было гораздо трудней восстанавливать прошлое из-за частых переездов семьи. Поэтому за отсутствием бумажных документов был рад чудом сохранившимся, еще царским наградам своих предков — хоть такие свидетельства.

В книге «Военная цивилизация» значительное место занимают рассказы о знаменитостях, которых посчастливилось увидеть автору в Полярном. В этом городе он несколько лет провел в интернате, чтобы получить аттестат. Однажды в гости к воспитанникам нагрянула целая свита во главе с маршалом и председателем Совета министров СССР Н. А. Булганиным. На стеснительного отрока внезапно нашла оторопь, и он запрятался под своей кроватью. Но маршал оказался глазастым, он обнаружил пацана, добродушно повопрошал его и вручил целую горсть дорогих конфет.

Немного повзрослев, паренек стал подрабатывать в местном клубе — дежурил в электрической будке, ведая освещением зала и сцены. Случались и забавные курьезы. Однажды менял перегоревшую лампочку в зале, и она как назло упала прямо на голову известной певицы Нины Дорда. Та из-за модного пышного шиньона несколько не пострадала и тут же все обратила в шутку.

В следующий раз в его будку заглянул собственной персоной поэт Евгений Евтушенко — с шарфиком на шее и в модном чесучовом пиджаке. Ему было необходимо для раскрепощенности перед выступлением глотнуть заморского градусного напитка из маленькой фирменной бутылочки, и он без лишних эквивокв попросил у паренька стаканчик. А этот паренек в ту пору и сам не подозревал, что станет не только известным ученым, но и крупным писателем со множеством литературных премий и дипломов, числом не меньшим, чем у этого поэта. Сам Евтушенко, наверное, тоже изрядно удивился бы такому превращению некогда безвестного школяра.

В том же клубе автору посчастливилось увидеться и с самим Юрием Гагариным, которого вовремя не встретили запоздавшие райкомовцы, и он отыскивал хоть какое-то начальство. А в наших тургайских степях космонавты приземляются в капсулах на парашюте. Потом их высвобождают, отвинчивая люки. Местные всегда уже заранее

знали, что скоро будет посадка,— из-за того, что начинали стрекотать в небе вертолеты, а гостиница в военном городке наполнилась столичными встречающими. У меня даже сохранился снимок с автографами двух космонавтов парного полета.

Давно теплится в моей душе намерение поведать и о своих счастливых встречах с именитыми людьми. Тоже найдется что вспомнить.

Поведаю и о вещах, о которых я глубоко задумывался, и идентичное мнение о том же обнаруживал в книгах Алексея Афанасьевича. Это уже из разряда почти подсознательного. Мне всегда казалось, что мужики с бобриком на макушке совершенно определенного склада — их чаще всего видишь во властных структурах, они беззастенчивы в своей пробивной способности, а к женскому полу относятся откровенно потребительски. Каково же было мое удивление, когда именно такой психологический портрет я обнаружил в предыдущей книге А. Яшина «Женщина в эпоху НТР». Написана она без ложной политкорректности и в ней тоже упоминается именно такой «бобрик», ведущий себя соответственно с работницами рынка, полностью зависящими от него и его проверок бизнеса «купи-продай». Конечно, все это очень субъективно, но, согласитесь, какая-то закономерность все же имеет место быть, хотя поведенческая взаимосвязь с наружностью вряд ли поддается анализу. Вспомним Квазимодо из романа Виктора Гюго «Человек, который смеется». Вспомним небезызвестного Ломброзо, который в тюрьмах делал обмеры черепов уголовников, стараясь обнаружить характерные особенности, что предрасполагают к преступлениям.

Почему я заостряю и на такой мелочи внимание. Я сам намеревался эту деталь обыграть в каком-нибудь своем художественном произведении. Так же я раздумывал и о новом веянии — букроссинге. В Омске тоже стали в супермаркетах и библиотеках появляться подобные полки с книгами, чтобы каждый мог взять что-то себе и принести сюда же давно прочитанное. И я тоже заметил, что в конце концов все взяли в свои руки безработные тунеядствующие личности и стали методично скидывать в свои бездонные мешки весь ассортимент без разбора, чтобы все это, пусть там будет хоть Шекспир, просто сдать на вес в пункте приема макулатуры. Поэтому зародившееся явление книгообмена очень скоро, по крайней мере у нас, «приказало долго жить». И вот оказалось, что обо всем этом уже подробно написал вездесущий А. А. Яшин.

Задумывался я и над тем, сколько разных войн испытало человечество на протяжении всей своей истории. Собирался было пошерстить соответствующие рефераты в интернете, но вдруг исчерпывающие сведения об этом обнаружил в той же книге «Военная цивилизация». Оказалось, что за всю историю земли на ней без войн было всего два десятилетия, не больше. Это подсчитал какой-то немецкий исследователь. По данному поводу тульский автор в шутку посетовал опять же с помощью чьей-то цитаты: «Не стоит заниматься тем, что все равно сделают немцы».

В свою очередь мне при очередном приступе вдохновения было бы не грех призадуматься и в меру самоиронично напомнить самому себе в назидание: не стоит братья за стило, раз все равно об этом напишет Яшин. Уже написал...

*Евгений Асташкин
(г. Омск)*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

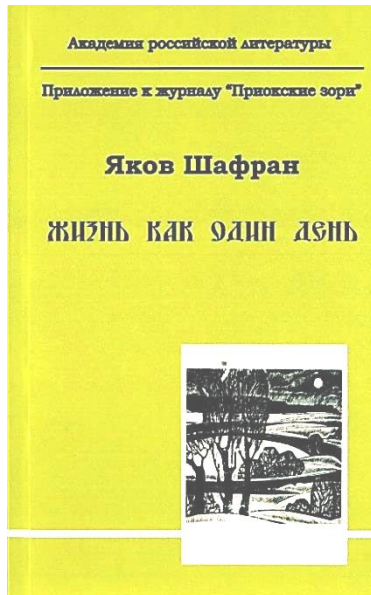
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2025.— № 1, 2.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2025.— № 1 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2025.— №№ 1, 2. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *АлександрЪ*. Литературно-исторический журнал.— 2024.— № 6. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Иртышъ-Омь*: Литературно-художественный журнал.— 2024.— № 1—2 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
6. *Север*.— 2024.— № 5. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
7. *Дым Отечества. В поисках утраченного*: Альманах. Вып. 14.— Тула: ТППО, 2025. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
8. *Лирика физиков*: Коллективный сборник.— Омск: ИЦ КАН, 2024.— 508 с.
9. *Валерий Виноградов*. Погружение.— Тула: ТППО, 2024.— 168 с.
10. *Борис Роганков*. Былое и судьбы. Страницы летописи.— Тула: Папирус, 2024.— 207 с.
11. *Олег Пантюхин*. Притяжение: поэтический сборник.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2024.— 69 с.
12. *Макаров Н. А.* Опаленные войной улицы Тулы. 2-е изд.— Аквариус, 2024.— 200 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина (вып. 2).— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 225 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин*. «А роза упала на лапу Азора»: Триолеты в прозе (новая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

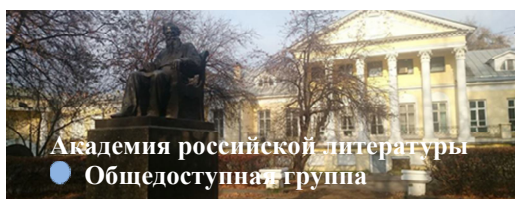
Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место (и страна) проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2025-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

11 марта с. г. в Доме культуры «ГАЙ-ДАРОВЕЦ» состоялась творческая встреча (общее собрание членов Академии) литераторов Москвы и Подмосковья.

В ходе мероприятия был презентован №1/2025 года Международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС», в авторском исполнении прозвучали поэтические работы и музыкальные произведения членов Академии.

Правление Академии РЛ

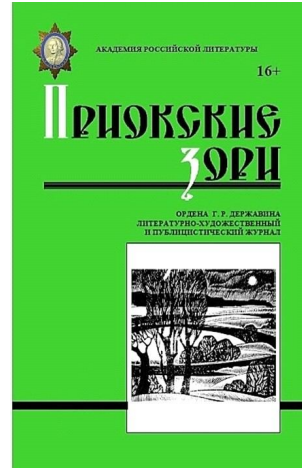
* * *

Информационное письмо «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»
№ 1 от 18 марта 2025 г.

Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!
Вышел в свет № 1, 2025 нашего журнала. Высылаем Вам его оглавление и обложку. На сайте он появится в ближайшее время.

№ 1, 2025 журнала посвящен 20-летию издания «Приокских зорь». № 2, 2025 будет посвящен 80-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. № 3, 2025 журнала будет «белорусским», т. е. до 50 % объема будут отданы под публикации авторов из Белоруссии — членов Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Шлем также интервью нашего главного редактора, данное им Г. Н. Маркину «Двадцать лет спустя», посвященное 20-летию журнала, и файл книги Алексея Яшина «А роза упала на лапу Азора».

С уважением, редакция «Приокских зорь»

* * *

Интервью с главным редактором. К 20-летию журнала «Приокские зорь»
«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ» в 4-х частях

К Юбилею Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зорь»

Часть 1 — https://vk.com/id169734544?w=wall169734544_8597

Часть 2 — https://vk.com/id169734544?w=wall169734544_8606

Часть 3 — https://vk.com/id169734544?w=wall169734544_8638

Часть 4 — https://vk.com/id169734544?w=wall169734544_8704

В начавшийся, юбилейный для журнала, 2025-й год руководитель творческого совета журнала Геннадий Маркин взял интервью у литературного шеф-редактора (главного редактора) «Приокских зорь» Алексея Яшина.

Информ. группа Академии РЛ

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Избраны 27.02.2025 года на XVII Внеочередном съезде Союза писателей России.
Председателем — Первым секретарем Союза писателей России избран Владимир Ростиславович Мединский.

Состав Правления: Артемов Владислав Владимирович, Баймухаметов Айгиз Гиззатович, Бак Дмитрий Петрович, Басинский Павел Валерьевич, Богомолов Константин Юрьевич, Варламов Алексей Николаевич, Василенко Светлана Владимировна, Вигилянский Владимир Николаевич, Волгин Игорь Леонидович, Дмитриев Сергей Николаевич, Дуда Вадим Валерьевич, Ельсаев Аламахат Абдул-хамитович, Замшев Максим Адольфович, Звягинцев Александр Григорьевич, Иванов Николай Федорович, Ивлиев Григорий Петрович, Каралис Дмитрий Николаевич, Козлов Юрий Вильямович, Коновалов Вячеслав Сергеевич, Костин Юрий Алексеевич, Кривошлыкова Светлана Алексеевна, Крупин Владимир Николаевич, Кублановский Юрий Михайлович, Лузан Николай Николаевич, Лукьяненко Сергей Васильевич, Малягин Владимир Юрьевич, Мединский Владимир Ростиславович, Мелихов Александр Мотельевич, Минаев Сергей Сергеевич, Михалков Никита Сергеевич, Некрасовский Марк Викторович, Орлов Борис Александрович, Палько Леонид Леонидович, Попов Валерий Георгиевич, Поляков Юрий Михайлович, Проханов Александр Андреевич, Прилепин (Захар) Евгений Николаевич, Рейн Евгений Борисович, Рой (Резепкин) Олег Юрьевич, Рожников Леонид Владимирович, Рыбас Святослав Юрьевич, Семенов Владимир Олегович, Симонян Маргарита Симоновна, Смышляев Александр Александрович, Харис (Харисов) Ренат Магсумович, Харлампьева Наталья Ивановна, Хинштейн Александр Евсеевич, Шахназаров Карен Георгиевич, Шевкунов Георгий Александрович (Митрополит Тихон), Щипков Александр Владимирович

Секретариат Правления Союза писателей России: Дуда Вадим Валерьевич, Иванов Николай Федорович, Мединский Владимир Ростиславович, Михалков Никита Сергеевич, Шевкунов Георгий Александрович (Митрополит Тихон).

Ответственным секретарем Секретариата Правления избран Николай Федорович Иванов.

Председателем Высшего творческого совета избран Владимир Николаевич Крупин.

Ревизионная комиссия СП России: Аристархов Владимир Владимирович — председатель, Куличкин Сергей Павлович, Николаева Олеся (Ольга) Александровна, Пуликовский Константин Борисович.

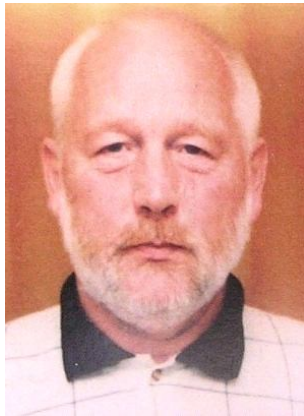
* * *

Поэтесса Юнна Мориц победила в национальной литературной премии «Слово» и направила часть средств на покупку беспилотного летательного аппарата (БПЛА) для российских бойцов.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

РЕДКОЛЛЕГИЯ И РЕДАКЦИЯ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» ПОЗДРАВЛЯЮТ

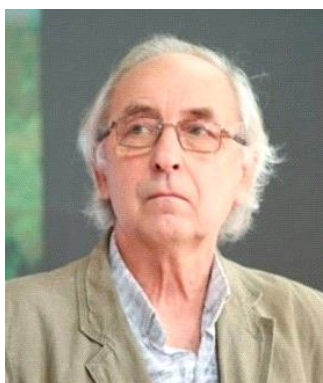

6 мая 1948 г. родился известный писатель и ученый **АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ ЯШИН**.

Алексей Афанасьевич Яшин родился в г. Полярный в Кольском Заполярье. С 1966 года по настоящее время проживает в Туле. Учился в Тульском политехническом институте, на матмехе Ленинградского госуниверситета, в Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Является активно работающим, известным современным русским писателем, автором 38 книг прозы, изданных преимущественно в московских издательствах, и свыше 500 публикаций в советской, российской, белорусской литературной периодике, в русскоязычных изданиях дальнего Зарубежья. Главный редактор (с 2005-го года) всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», выходящего под патронажем Союза писателей России и Академии российской литературы. Член редколлегии ряда московских, белорусских и региональных российских литературных журналов. А. А. Яшин является членом Союза писателей СССР, СПР и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член правления Академии российской литературы. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого (дважды), А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса»; белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного, премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского.

Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «Г. Р. Державин», «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Творчеству Алексея Яшина посвящены многие отдельно изданные книги.

2 марта 1948 года — день рождения писателя **ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА ТРЕЩЕВА** (г. Щекино), члена СПР (2002), почетного гражданина Чернского р-на Тульской обл. (2004), действительного члена Петровской академии наук и искусств (2007), почетного работника общего образования РФ (2001), почетного учителя РФ (1999), почетного работника газовой промышленности РФ (2005), ветерана труда, главного редактора литературных альманахов «Приупские просторы», «Солова», члена редакционной коллегии литературного альманаха «У засечной полось».

ГЕННАДИЮ ИВАНОВУ — 75 ЛЕТ!

14 марта 2025 года отмечает Юбилей Геннадий Викторович Иванов — известный российский поэт, многолетний Первый секретарь Правления Союза писателей России (2004—2025).

КОНСТАНТИНУ ШЕСТАКОВУ, члену редколлегии газеты «Тульская молва», одному из старейших журналистов Тулы вручили Почетный знак «Ветеран журналистики» России за № 28. Акцию вручения осуществляли Председатель регионального отделения Союза журналистов России в Тульской области, председатель ВГТРК «Тула» Сергей Белов и один из старейших и самых уважаемых журналистов Тулы Борис Играев.

19 апреля — 75 лет тульскому радиожурналисту, члену редколлегии газеты «Тульская молва», автору журнала «Приокские зори» **ВИКТОРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЩЕГЛОВУ**. Поздравляем!

6 марта 2025 года член Союза писателей России **НИКОЛАЙ МАКАРОВ** награжден за большой вклад в русскую литературу Золотой пушкинской медалью.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В преддверии 80-летия Победы тульский писатель, член СП России **Николай Алексеевич Макаров** выпустил книгу «Писатели-туляки — участники Великой Отечественной войны (1942—1945)». В книге собраны биографии писателей-фронтовиков (42 биографии): рожденных, живших и трудившихся на Земле Тульской, а также писавших в своих произведениях о Туле.

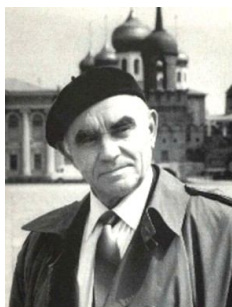

1 марта в Доме-музее В. В. Вересаева в рамках цикла «Поэтические вернисажи» состоялся творческий вечер тульского поэта, редактора, журналиста **Анатолия Филиппова**. Мероприятие порадовало всех ценителей настоящей поэзии! Открыли творческое общение председатель ТО СПР Николай Жуков и заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева Виктория Ткач.

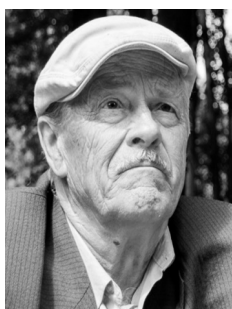
Вышел в свет поэтический сборник тульской поэтессы, заместителя главного редактора проекта — администратора группы «Тула литературная» **Юлии Зиминья-Кондаковой** «Вальс «Ожидание». В него вошли стихотворения, написанные в разные годы, философской, любовной, пейзажной и религиозной тематики. Один раздел посвящен СВО.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУЛЫ

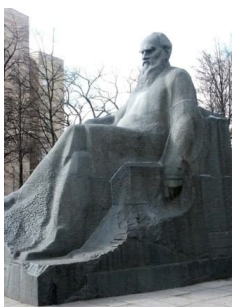
29 февраля 1936 года — день рождения тульского писателя и журналиста **Александра Харчикова** (1936 — 2010).

2 марта 1947 года — день рождения поэта **Владимира Суворова** (1947— 2002).

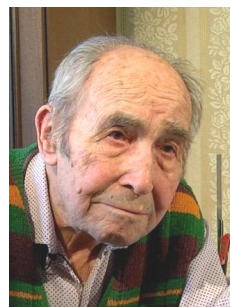
9 марта 1942 года родился ясногорский краевед, автор мемуарных очерков, исторический романист **Игорь Аношин**.

6 марта — день рождения тульского инженера и детского писателя **Ольги Скворцовой (Ассесоровой)**.

5 марта 1901 года в «Церковных ведомостях» объявляется об «отпадении» **Льва Толстого** от Русской православной церкви. Решение об этом было принято Святейшим Синодом 15 февраля и вызвало бурную полемику в обществе, не утихающую до сих пор.

4 марта 2020 года (пять лет назад) скончался старейший тульский журналист, писатель, общественный деятель, организатор и первый руководитель Тульского областного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» **Сергей Щеглов** (1921 — 2020).

23 марта 1936 года родился **Владислав Анисеев** — тульский журналист, писатель, общественный деятель (1936 — 2022).

24 марта — день рождения дубенской журналистки **Галины Назаровой**.

25 марта — день рождения тульского журналиста, сотрудницы областных газет «Молодой коммунар», «Коммунар», «Тульские известия» **Людмилы Носковой**.

27 марта — день рождения тульского писателя и журналиста **Сергея Гусева**.

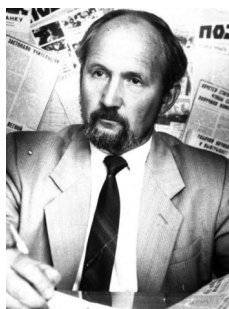
27 марта — день рождения известной тульской журналистки **Натальи Мельниковой (Александры Полтановой)**.

31 марта — день рождения тульской журналистки, кандидата филологических наук **Светланы Фоминой**.

31 марта 2017 года (8 лет назад) умер тульский журналист **Валерий Возбранный** (1939 — 2017).

4 апреля — 85 лет со дня рождения новомосковского писателя **Александра Пешкова** (1940 — 2015).

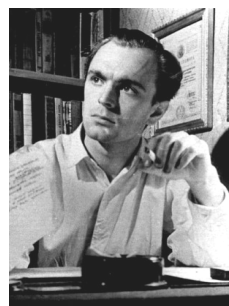
6 апреля — день рождения краеведа, педагога, журналиста, писателя из села Опочни Дубенского района Тульской области **Валентины Киденко**.

8 апреля — день памяти тульского журналиста **Вячеслава Варфоломеева** (1938 — 2007).

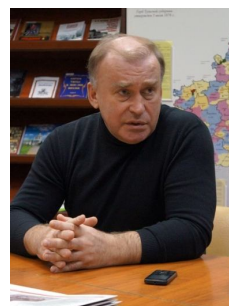
8 апреля — день рождения тульского писателя **Олега Пономарева**.

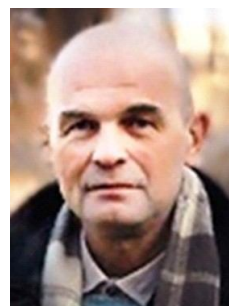
10 апреля 1961 года — день рождения тульского журналиста и краеведа **Юрия Апарина**.

10 апреля 1939 года — день рождения тульской журналистки и писателя **Надежды Тюленевой**.

11 апреля — родился тульский поэт **Алексей Гусаков**.

12 апреля — день рождения тульской журналистки **Ольги Мухлаевой**.

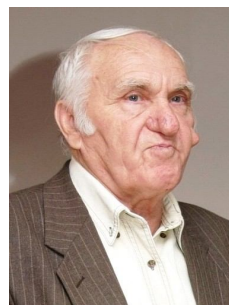
13 апреля — день рождения тульского краеведа и преподавателя **Татьяны Майоровой**.

13 апреля 1946 года — день рождения тульского журналиста **Александра Пырьева**.

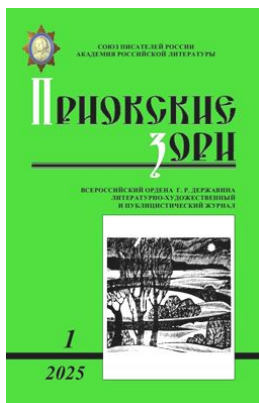

15 апреля 1978 года — день рождения тульского журналиста **Сергея Митрофанова**.

16 марта — день рождения тульского поэта **Виктора Пахомова** (1932 — 2017).

«ТУЛА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

/Приокские зори//Всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал, издаваемый в Туле/

Вышел в свет 1 номер за 2025 год журнала Тульского отделения Союза писателей России «Приокские зори». В номере опубликовано большое интервью литературного шеф-редактора (главного редактора) «Приокских зорь» Алексея Яшина, приуроченное к 20-летию журнала, которое взял руководитель творческого совета Геннадий Маркин. В рубрике «Новости литературной жизни Тулы» можно прочесть статью о проекте «Тула литературная». В журнале вы найдете прозу, стихи и много других интересных материалов тульских и российских авторов. В рубрике «Сражающееся

слово», которую ведет ВКонтакте Владимир Алешин, опубликованы стихи Ольги Ноздриной, Юлии Широкой, Ирины Собиной, Светланы Князевой. Опубликованы стихи редакторов проекта «Тула литературная» Якова Шафрана, Юлии Кондаковой и Ната Весенина.

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

* * *

Дорогие друзья, предлагаем вам интервью главного редактора «Приокских зорь», профессора, лауреата многих литературных и научных премий Алексея Афанасьевича Яшина, прозвучавшее на радио России-Тула в январе этого года. Интервью взял известный журналист, заслуженный радиоведущий и Почетный радист России Виктор Васильевич Щеглов.

* * *

/Проза в понедельник/

Дорогие читатели проекта «Тула литературная», сегодня мы начинаем публиковать книгу писателя Алексея Яшина «А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»: ТРИОЛЕТЫ В ПРОЗЕ».

Главный редактор проекта «ТЛ» Нат Весенин

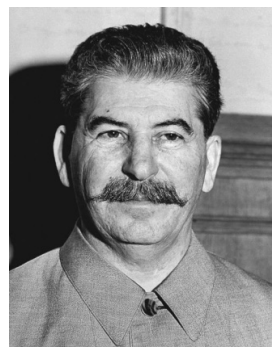
Зам. главного редактора «ТЛ» Юлия Кондакова

НОВОСТИ ИЗ ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ

5 марта — День памяти **ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА**, великого создателя и защитника Советского Союза, благодаря которому до сих пор существует и защищена ядерным потенциалом наша Россия!

К годовщине смерти Сталина. **СЛОВО ПОЭТОВ** (мы отобрали фрагменты из десяти стихотворений)...

О. БЕРГГОЛЬЦ: «Обливается сердце кровью. Наш родимый, наш дорогой! Обхватив твое изголовье, плачет Родина над тобой. Наш родимый, ты с нами, с нами. В каждом сердце живешь, дыша. Светоносное наше знамя, наша слава, наша душа».

А. ТВАРДОВСКИЙ: «В этот час величайшей печали я тех слов не найду, чтоб они до конца выражали всенародную нашу беду. Всенародную нашу потерю, о которой мы плачем сейчас. Но я в мудрую партию верю — в ней опора для нас!»

М. ИСАКОВСКИЙ: «Мы знаем — к человеку непреложно приходит смерть, когда настанет час. И все ж представить было невозможно, что Сталина не будет среди нас».

С. СМИРНОВ: «Скорбный марш звучит в Колонном зале. Всюду ваше имя на устах. С навсегда закрытыми глазами Вы лежите, весь в живых цветах... Мы глядим, но видим вас живого, ощущаем пламя ваших глаз. Ваша жизнь, любое ваше слово — руководство к действию для нас».

С. МИХАЛКОВ: «Нет! Мы еще не поняли всего, всем существом всего не осознали. Жизнь отдавал за нас товарищ Сталин, и вот сегодня с нами нет его... Когда бы мы отдать ему могли свое биенье сердца и дыханье, мы как один к нему бы в Кремль пришли, преодолев любые расстоянья!»

К. СИМОНОВ: «Скорбит народ, что Вы ушли от нас, скорбит сама земля, от горя вся седая, и все ж мы встретим этот тяжкий час, как Вы учили, — рук не покладая. И наш железный Сталинский Цека, которому народ Вы поручили, к победе коммунизма на века нас поведет вперед — как Вы учили!»

В. ЛУГОВСКОЙ: «Кто может нашу скорбь измерить, унять немую сердца дрожь?! Способно ль, сердце, ты поверить, что умер наш Отец и Вождь?! Он — над страной взвитое знамя, наш труд, наш праздник, слава, честь, он — жизнь сама. Он вместе с нами, во всем его дыханье есть!».

Л. ОШАНИН: «Когда мы возле гроба проходили, в последний раз прощаясь молча с ним, мы вспоминали о великой силе того, кто тих сейчас и недвижим. О том, как жил он, лучший на планете, кто побеждал всегда, в любой борьбе. О том, кто думал обо всех на свете и слишком мало думал о себе...».

С. МАРШАК: «Когда Вождя соратники внесли в гранитный Мавзолей для погребенья, народ во всех краях родной земли на пять минут остановил движение. И эта переключка всей страны — реки и моря, города и поля — нам говорит без слов, как мы сильны единством чувства, помыслов и воли!»

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ: «Впервые плачет девочка моя, совсем не детскими, тяжелыми слезами, и не могу ее утешить я, подняв ее над головой в Колонном зале...»

«Любители истории»

* * *

Редакция журнала «Приокские зори» выражает свою искреннюю благодарность авторам журнала О. Ноздриной, М. Ершову, И. Отчику, Ю. Жекотову, А. Васильевой, Ю. Широкой, Ю. Кондаковой, О. Пантюхину, Н. Макарову за заказ экземпляров «Приокских зорь» № 1, 2025 для нужд редакции журнала — рассылки в ведущие литературные инстанции.

Редакция «Приокских зорь»

10 мая на 77-м году жизни скончался известный тульский издатель, писатель, общественный деятель, член редколлегии всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» Валерий Ксенофонтов.

Валерий Иванович Ксенофонтов родился 25 мая 1948 года в Амурской области.

Большая часть его жизни связана с Ефремовом и Тулой. Окончил Тульский политехнический институт, был кандидатом экономических наук.

Работал в комсомольских и партийных органах. Был руководителем сектора зарубежных связей Тульского обкома КПСС, Тульский областной комитет по международным связям и туризму.

С 1994 года на протяжении многих лет был заместителем гендиректора и главным редактором издательско-полиграфического объединения «Лев Толстой». Под руководством В. И. Ксенофонтова в ИПО реализовали многие крупные издательские проекты.

Был автором, составителем и редактором энциклопедических, биографических, краеведческих и художественных книг. Среди них — посвящённые династии Шеиных «Пять веков на службе Отечеству», «Одна семья и вся Россия», «Триумф и трагедия воеводы Шеина»; биографические справочники «Золотая книга Ефремова», «Красивомечье: века и люди. Город Ефремов и округа», «Туляки в Москве», «Жизнь замечательных туляков»; краеведческие издания «Тайны Тульского кремля», «Старотульские тайны», «Разгром немецких войск под Москвой и Тулой».

Валерий Иванович писал стихи и переводил со словацкого, чешского, польского и болгарского языков.

Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2002), словацкой золотой медалью Кирилла и Мефодия (2003), немецкой медалью Александра фон Гумбольдта (2012), серебряной медалью «За особый вклад в развитие Тульской области». Почётный гражданин Ефремова (2011).

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» скорбят и выражают искренние соболезнования родным и близким Валерия Ивановича Ксенофонтова.

10 мая на 89-м году жизни скончался член Союза писателей России, заслуженный врач России, лауреат литературных премий имени А. П. Чехова, всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, основатель и бессменный главный редактор международного литературно-художественного альманаха «На крыльях «Пегаса» («Библиотека журнала «Приокские зори») тульского областного литературного объединения «Пегас», член-корреспондент Международной академии российской словесности (МАРС-Австралия), наш коллега Эдуард Павлович Георгиевский.

Эдуард Павлович родился 4 мая 1937 года в Туле в семье служащих. В течение трех лет служил в Советской армии в отдельном полку связи. После демобилизации работал на тульской телефонно-телеграфной станции. В 1966 году окончил 1-й Московский медицинский институт. С 1966 по 1969 год работал врачом-терапевтом в Углегорской районной больнице Сахалинской области и до 2002 года врачом-терапевтом в Тульской областной больнице. Врач высшей категории, «Заслуженный врач Российской Федерации».

Имел многочисленные публикации в городской и областной прессе. Автор нескольких сборников стихов и прозы. Выходили в свет музыкальный диск и печатный альбом с песнями на его стихи. Многократно печатался во всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», в альманахах и коллективных сборниках: «Иван-озеро», «Ковчег», «Тула», «День тульской поэзии», соавтор ряда коллективных сборников, в том числе «Три века Тульской поэзии».

Награжден многими почетными грамотами тульской писательской организации, благодарственным письмом Тульской областной думы, департамента культуры Администрации города Тулы «...за большой вклад в дело сохранения и развития тульской культуры и литературы».

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» скорбят и выражают искренние соболезнования родным и близким Эдуарда Павловича Георгиевского.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3..4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.06.2025
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

